ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Annotation

Захолустный Бьорнстад – Медвежий город – затерян в северной шведской глуши: дальше только непроходимые леса. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь царят безработица и безысходность. Последняя надежда жителей – местный юниорский хоккейный клуб, когда-то занявший второе место в чемпионате страны. Хоккей в Бьорнстаде – не просто спорт: вокруг него кипят нешуточные страсти, на нем завязаны все интересы, от него зависит, как сложатся судьбы. День победы в матче четвертьфинала стал самым счастливым и для города, и для руководства клуба, и для команды, и для ее семнадцатилетнего капитана Кевина Эрдаля. Но для пятнадцатилетней Маи Эриксон и ее родителей это был страшный день, перевернувший всю их жизнь…

Перед каждым жителем города встала необходимость сделать моральный выбор, ответить на вопрос: какую цену ты готов заплатить за победу?

Фредрик Бакман
Медвежий угол

*** * ***

Бьорнстад – выдуманный город. Все персонажи и события вымышлены, а совпадения случайны.

Моей бабушке Саге Бакман, которая привила мне любовь к спорту. Жизнь без него была бы ужасно скучной. Надеюсь, в баре на небесах подают хороший сухой мартини, а Уимблдон всегда показывают на большом экране.

Мне тебя не хватает

Неде Шафти-Бакман, моему самому веселому и умному другу. За то, что помогаешь мне воспарить, когда я в этом нуждаюсь, и удерживаешь на земле, когда я этого заслуживаю. Ашегетам

1

Как-то раз вечером в конце марта один подросток взял двустволку, пошел в лес, приставил дуло ко лбу человека и спустил курок.

Перед вами история о том, как мы до этого дошли.

2

Банк-банк-банк-банк-банк.

Сейчас начало марта, ничего еще не случилось. Наступила пятница, все в предвкушении. Завтра в Бьорнстаде команда юниоров играет в решающем матче – молодежном полуфинале страны. Вы скажете, ну и что? Кому ну и что, а кому ничего важнее на свете нет. Если вы, конечно, живете в Бьорнстаде.

Банк. Банк. Банк-банк-банк.

Город, как всегда, просыпается рано. Что поделаешь, маленьким городкам приходится давать себе фору, надо как-то выживать в этом мире. Ровные ряды автомобилей на фабричной парковке уже успели покрыться снегом, а вереницы людей клюют носом и молча ждут своей очереди к электронному контролеру, чтобы зафиксировать факт своего присутствия при полном его отсутствии. На автопилоте они отряхивают с ботинок налипшую грязь и переговариваются голосами автоответчиков в ожидании, пока кофеин, никотин или сахар доберутся до цели и обеспечат их сонным телам нормальную жизнедеятельность до первого перерыва на кофе.

Электрички отправляются с вокзала к большим населенным пунктам по ту сторону леса, заиндевелые варежки стучат по обогревателю, а ругательства звучат такие, которые обычно позволяют себе лишь в доску пьяные, умирающие либо сидящие ранним утром за рулем насквозь промерзшего «пежо».

Если замолчать и прислушаться, можно услышать: «*Банк-банк-банк. Банк. Банк*».

Проснувшись, Мая обвела взглядом свою комнату: на стенах вперемежку висят карандашные рисунки и билеты с концертов в больших городах, на которых она когда-то побывала: их не так много, как ей бы хотелось, но гораздо больше, чем позволяли родители. Мая еще лежала в кровати в пижаме, перебирая струны гитары. Она обожает свою гитару! Ей нравится чувствовать, как инструмент давит на тело, как отзывается дерево, когда она постукивает по корпусу, как струны впиваются в отекшие

после сна подушечки пальцев. Простые аккорды, нежные переходы – чистое наслаждение. Мае пятнадцать лет, она часто влюблялась, но первой ее любовью была гитара. Она помогла ей, дочери спортивного директора хоккейного клуба, выжить в этом городе, окруженном лесной чащей.

Мая ненавидит хоккей, но понимает отца. Спорт – это такой же инструмент, как гитара. Мама любит шептать ей на ухо: «Никогда не доверяй человеку, в чьей жизни нет того, что он любит без оглядки». Мама любит мужчину, сердце которого отдано городку, где все помешаны на спорте. Главное для этого города – хоккей, и, что бы там ни говорили, Бьорнстад – место надежное. Всегда знаешь, чего от него ждать. День за днем одно и то же.

Банк.

Бьорнстад расположен ни с чем не рядом и даже на карте выглядит неестественно. Как будто пьяный великан вышел пописать на снег и вывел на нем свое имя, скажут одни. Как будто природа и люди занимались перетягиванием жизненного пространства, скажут другие, более уравновешенные. Как бы то ни было, город пока проигрывает, выигрывать хоть в чем-то ему вообще давненько не приходилось. Работы все меньше, людей тоже, и каждый год лес съедает один-другой брошенный дом. В те времена, когда городу еще было чем похвастаться, местные власти повесили на въезде баннер со слоганом в популярной тогда манере: «Добро пожаловать в Бьорнстад! Нас ждут новые победы!» Однако за несколько лет трепки ветром и снегом баннер лишилась слога «по». Иногда Бьорнстад казался результатом философского эксперимента: что будет, если в лесу рухнет целый город, но никто этого не заметит?

Чтобы ответить на этот вопрос, пройдем сотню метров по направлению к озеру. Перед нами не бог весть что, но тем не менее это местный ледовый дворец, построенный фабричными рабочими, чьи потомки в четвертом поколении бродят сегодня по Бьорнстаду. Да-да, речь о тех самых фабричных рабочих, которые работали шесть дней в неделю, но хотели, чтобы было чего предвкушать в день седьмой. Оно сидело в генах; всю любовь, которую потихоньку размораживал город, он по-прежнему вкладывал в игру: лед и борт, красные и синие линии, клюшки, шайба – и каждая унция воли и силы в юношеском теле, устремленная на полной скорости за ней в погоню. Год за годом одно и то же: каждые выходные трибуны полны народа, хотя спортивные достижения падают пропорционально падению городской экономики. Возможно, именно

поэтому все надеются, что, когда дела местного клуба снова пойдут на лад, остальное подтянется само собой.

Вот почему небольшие городки вроде Бьорнстада всегда возлагают надежды на детей и подростков – ведь те не помнят, что раньше жизнь была лучше. Иногда это дает преимущество. Команда юниоров собиралась по тому же принципу, по какому старшее поколение строило свой городок: работай как вол; терпи пинки и зуботычины; не ной; заткнись и покажи этим столичным чертям, кто мы такие.

Смотреть в Бьорнстаде особо не на что, но все, кто здесь побывал, знают, что это оплот шведского хоккея.

Банк.

Амату скоро исполнится шестнадцать. Его комнатка настолько мала, что в районе побогаче, где квартиры побольше, ее бы и для сортира сочли слишком тесной. Стены сплошь обклеены постерами с игроками НХЛ, так что не видно обоев; правда, имеются два исключения. Одно – фотография Амата в возрасте семи лет в сползающем на лоб шлеме и крагах, которые явно ему велики. Из всей команды он самый маленький. Второе – лист бумаги, на котором мама написала обрывки молитвы. Когда Амат появился на свет, мама лежала с ним на узкой кровати в маленькой больнице на другом конце земного шара, и не было у нее больше никого на всем белом свете. Медсестра прошептала эту молитву ей на ухо. Говорят, мать Тереза написала ее на стене у себя над кроватью, и медсестра надеялась, что эта молитва даст одинокой женщине надежду и силу. Скоро уже шестнадцать лет, как этот листок с молитвой висит на стене в комнате ее сына – слова немного перепутались, ведь она записала по памяти, что смогла:

> *«Честного могут предать. И все равно будь честным. Доброго могут оговорить. И все равно будь добрым. Все хорошее, что ты сделал сегодня, завтра могут забыть. И все же делай добро».*

Каждую ночь Амат ставит коньки возле кровати. «Бедная твоя мать, ты небось в коньках и родился», – частенько повторяет с усмешкой старенький вахтер в ледовом дворце. Он предлагал Амату оставлять коньки в шкафчике на складе, но мальчик предпочитал носить их с собой. Не хотел с ними расставаться.

Во всех командах Амат всегда оказывался ниже всех ростом, ему не

хватало ни крепости мышц, ни силы броска. Зато никто не мог его поймать: в скорости равных ему не было. Амат не умел объяснить этого словами, тут как с музыкой, думал он: одни, глядя на скрипку, видят деревяшки и винтики, а другие слышат мелодию. Коньки он ощущал как часть себя и, переобувшись в обычные ботинки, чувствовал себя, будто моряк, ступивший на сушу.

Листок на стене заканчивался такими строчками:

«Все, что ты построишь, другие могут разрушить. И все же построй. Потому что в конечном счете отвечать перед Богом будут не другие, а ты».

А чуть ниже решительная рука второклассника вывела красным мелком:

«НУ И ПУСТЬ ГОВАРЯТ, ШТО ДЛЯ ИГРЫ Я НЕ ВЫШЫЛ РОСТОМ. ВСЕРАВНО СТАНУ КРУТЫМ ИГРАКОМ!»

Банк.

Когда-то хоккейная команда Бьорнстада занимала второе место в высшей лиге. С тех пор прошло лет двадцать, а состав высшей лиги успел трижды поменяться, зато завтра Бьорнстаду предстоит вновь помериться силами с лучшими. Так уж ли важен матч юниоров? Какое дело городу до каких-то полуфиналов в молодежной серии? Разумеется, никакого. Если только речь не идет о вышеназванном корявом пятне на карте.

В паре сотен метров к югу от дорожных указателей начинается район под названием Холм. Там расположен кластер эксклюзивных коттеджей с видом на озеро. Здесь живут владельцы супермаркетов, руководство фабрики или те, кто мотается в большие города за лучшей работой, где их коллеги на корпоративах, округлив глаза, спрашивают: «Бьорнстад? Как можно жить в такой глухомани?» В ответ им, разумеется, бормочут нечто невразумительное об охоте, рыбной ловле и близости к природе, думая про себя, что жить там и правда можно вряд ли. По крайней мере, в последнее время. Кроме недвижимости, цена на которую падает пропорционально температуре воздуха, там уже ничего не осталось.

Они просыпаются от звонкого «БАНК!». И улыбаются, лежа в постели.

3

За десять лет соседи уже привыкли к звукам, которые доносились из сада семейства Эрдаль: банк-банк-банк-банк-банк. Далее короткая пауза, пока Кевин собирает шайбы. Потом опять: банк-банк-банк-банк-банк. Впервые он встал на коньки, когда ему было два с половиной года; в три он получил в подарок свою первую клюшку; в четыре мог обыграть пятилетку, а в пять превзошел семилетних соперников. В ту зиму, когда ему исполнилось семь, он так обморозил лицо, что на скулах, если присмотреться, до сих пор можно различить маленькие белые шрамы. Тем вечером он впервые участвовал в настоящем матче, и в последние секунды игры не забил гол в пустые ворота. Детская команда Бьорнстада победила со счетом 12:0, все голы забил Кевин, и все же он был безутешен. Поздно вечером родители обнаружили, что ребенка в постели нет, и в полночь весь город цепочками прочесывал лес. Бьорнстад – неподходящее место для игры в прятки: стоит ребенку отойти на пару шагов, как его поглощает темнота, а при температуре минус тридцать маленькое тельце замерзает мгновенно. Кевина обнаружили лишь на рассвете – причем не в лесу, а на льду озера. Он притащил туда ворота, пять шайб и все карманные фонарики, которые удалось найти дома. Всю ночь напролет он забивал шайбу в ворота с того угла, под каким не смог забить в последние секунды матча. Когда его вели домой, он отчаянно рыдал. Белые отметины на лице остались на всю жизнь. Ему было всего семь, но все уже знали, что внутри у него живет настоящий медведь, сдержать которого невозможно.

Родители Кевина оплатили постройку небольшого катка у себя в саду, за которым он ухаживал каждое утро, а летом соседи откапывали у себя на грядках целые кладбища шайб. Потомки веками будут находить в здешних садах частицы вулканизированной резины.

Год за годом соседи слышали, как мальчик растет, а тело крепчает: удары становились чаще и жестче. Теперь ему семнадцать, и не было в городе лучшего игрока с тех времен, как команда Бьорнстада попала в высшую лигу еще до его рождения. Все у него было на месте: мускулы, руки, сердце и голова. Но самое главное – он видел ситуацию на площадке так, как никто другой. В хоккее многому можно научиться, но умение видеть площадку – это врожденное. «Кевин? Золотой парень!» – говорил спортивный директор клуба Петер Андерсон, и он знал, что если в Бьорнстаде когда-то и был талант такого масштаба, то этим талантом был

он сам: Петер прошел весь путь до Канады и НХЛ и играл против сильнейших игроков мира.

Кевин знает, что нужно в этом деле, этому его научили, когда он впервые ступил на лед. Нужен ты весь. Хоккей возьмет тебя без остатка. Каждое утро на рассвете, пока твои школьные товарищи видят десятый сон под теплыми одеялами, Кевин бежит в лес, и начинается *банк-банк-банк-банк-банк*. Затем он собирает шайбы. И повторяется *банк-банк-банк-банк-банк*. И снова он собирает шайбы. И каждый вечер непременная тренировка с лучшей командой, а затем упражнения и новый раунд в лесу, а потом заключительная тренировка во дворе при свете прожекторов, специально установленных на крыше виллы.

Банк-банк-банк-банк-банк. Вот и все, что нужно хоккею. Всего лишь ты весь, без остатка.

Кевину делали предложения крупные хоккейные клубы, его приглашала спортивная гимназия в большом городе, но он последовательно говорил «нет». Он простой парень из Бьорнстада, как и его отец. Возможно, в других местах это пустой звук, – но не в Бьорнстаде.

Так вот, насколько вообще важен какой-то полуфинал юниоров? Ровно настолько, чтобы лучшая команда юниоров напомнила стране о существовании городка, откуда они родом. Ровно настолько, чтобы региональные политики выделили деньги на постройку собственной спортивной гимназии здесь, а не в каком-нибудь Хеде, а самые талантливые ребята из окрестностей захотели переехать в Бьорнстад, а не в крупные города. Лучшая местная команда не подкачает и снова прорвется в высшую лигу и привлечет крутых спонсоров, коммуна построит новый ледовый дворец, проложит к нему широкие трассы, а может быть, даже возведет конференц- и торговый центры, о которых толкуют уже не первый год, откроются новые предприятия, появится больше рабочих мест, жители захотят отремонтировать свои дома, вместо того чтобы их продавать. Все это важно для экономики. Для чувства собственного достоинства. Для выживания.

Настолько важно, что семнадцатилетний парень так и стоит у себя во дворе, – с тех пор, как обморозил лицо ночью десять лет тому назад, – и забивает шайбы одну за другой, и держит на своих плечах весь городок.

Вот что это значит. И точка.

На север от указателей лежит так называемая Низина. Если центр Бьорнстада занимают коттеджи и небольшие виллы, расположенные по нисходящей линии пропорционально расслоению среднего класса, то Низина застроена доходными домами, находящимися так далеко от Холма, как это только возможно. Безыскусные названия Холм и Низина изначально сложились как топографические обозначения: Низина в самом деле лежит ниже, чем основная часть города, она начинается там, где местность спускается к гравийному карьеру, а Холм возвышается над озером. Но когда со временем местные жители стали селиться в Низине или на Холме в зависимости от уровня благосостояния, названия превратились из обычных топонимов в классовые маркеры. Даже в мелких городках дети мгновенно усваивают, что такое социальный статус: чем дальше ты живешь от Низины, тем лучше для тебя.

Двушка Фатимы находится на самой окраине Низины. Мягким силовым приемом она вытаскивает из кровати своего сына, и тот хватается за коньки. Кроме них в автобусе никого, они молча сидят на своих местах – Амат научился транспортировать свое тело на автопилоте, не включая сознание. В такие минуты Фатима ласково зовет его мумией. Они приходят в ледовый дворец, и Фатима надевает форму уборщицы, а Амат отправляется искать вахтера. Но первым делом он помогает матери убрать мусор с трибун, пока та не прогоняет его. Парень беспокоится за ее спину, а мать переживает, что мальчика увидят с ней вместе и будут дразнить. Сколько Амат себя помнил, они с матерью были одни-одинешеньки в целом мире. Еще малышом он собирал на этих самых трибунах пустые банки из-под газировки в конце месяца; иногда он по-прежнему это делает.

Каждое утро он помогает вахтеру – отпирает двери, проверяет лампы дневного света, собирает шайбы, запускает ледовый комбайн – словом, готовит площадку к началу рабочего дня. Сначала, в самое неудобное время, приходят конькобежцы. Затем все хоккеисты, один за другим, в порядке убывания ранга: самое удобное время предназначено юниорам и основной, взрослой команде. Юниоры стали такими крутыми, что занимают в иерархии почти верхнее место.

Амат пока туда не попал, ему только пятнадцать, но может, попадет в следующем сезоне. Если сделает все, как надо. Настанет день, когда он заберет отсюда мать, он это точно знает; он перестанет постоянно складывать и вычитать в уме доходы и расходы. Есть четкая разница между детьми, живущими в семьях, где деньги могут закончиться и где деньги не кончаются никогда. Кроме того, немаловажно, в каком возрасте ты это понимаешь.

Амат знает, что выбор у него ограничен, поэтому план его простой: попасть в команду юниоров, оттуда в молодежку, а потом в команду профи. Как только на его счете окажется первая в жизни зарплата, он отберет у матери тележку с уборочным инвентарем, и больше она ее не увидит. Ее натруженные руки будут отдыхать, а больная спина – нежиться по утрам в кровати. Ему не нужно новое барахло. Он всего лишь хочет однажды вечером лечь в постель, не думая про гроши.

Когда все дела были закончены, вахтер похлопал Амата по плечу и протянул ему коньки. Амат зашнуровал их, взял клюшку и выехал на пустую площадку. В его обязанности входит помогать вахтеру, если надо поднять что-то тяжелое, а также открывать тугие дверцы бортика, которые не по силам старику из-за ревматизма. После этого Амат полирует лед и получает площадку в свое распоряжение на целый час, пока не придут конькобежцы. И это лучшие шестьдесят минут каждого его дня.

Он надел наушники, поставил звук на полную громкость и полетел со всех ног в другой конец площадки – так что шлем ударился о борт. Затем на полной скорости помчался обратно. И так снова и снова.

Фатима на мгновение оторвалась от уборки и посмотрела на сына. Вахтер, встретившись с ней взглядом, угадал по губам беззвучное «спасибо». И кивнул, пряча улыбку. Фатима вспомнила свое замешательство, когда тренеры хоккейного клуба первый раз сказали ей, что Амат исключительно одаренный ребенок. Она тогда еще не особо понимала по-шведски, и для нее было чудом то, что Амат стал кататься на коньках почти сразу, как научился ходить. Годы шли, она так и не привыкла к вечному холоду, но научилась любить город таким, каков он есть. И все же никогда в жизни не видела она ничего более странного, чем мальчик, рожденный играть на льду, которого она произвела на свет в краю, где никогда не видели снега.

На одной из небольших вилл в центре поселка из душа вышел запыхавшийся и с покрасневшими глазами спортивный директор хоккейного клуба Бьорнстада Петер Андерсон. Этой ночью он глаз не сомкнул, и потоки воды не смогли смыть нервного напряжения. Его дважды вырвало. Петер слышал, как Мира хлопочет в коридоре возле ванной, как идет будить детей, и он в точности знал, что она скажет: «Господи, Петер, тебе уже за сорок! Если тренер нервничает за предстоящий юниорский матч больше, чем сами юниоры, значит, ему пора принять сабрил, запить его хорошим коктейлем и вообще немного расслабиться». Вот уже десять

лет, как семья Андерсон вернулась из Канады домой, в Бьорнстад, но Петер так и не смог объяснить жене, что значит хоккей для этого города. «Ты серьезно? Взрослые мужики, чего вы так близко к сердцу это принимаете! – так повторяла Мира на протяжении всего сезона. – Этим юниорам семнадцать лет! Они еще дети!»

Сначала он ничего не отвечал. Но однажды вечером все-таки высказался: «Да знаю я, Мира, что это всего лишь игра. Все я понимаю. Но мы живем в лесу. У нас ни туризма, ни шахты, ни высоких технологий. Один мрак, холод да безработица. Если в этом городе хоть что-то начнут принимать близко к сердцу, значит, дело пошло на лад. Я понимаю, милая, что это не твой город, но ты посмотри вокруг: рабочих мест все меньше, коммуна затягивает пояс все туже. Мы народ суровый, настоящие медведи, но нам надавали столько пощечин. Этому городу необходимо в чем-нибудь победить. Нам надо один раз почувствовать, что мы хоть в чем-то лучшие. Я понимаю, это только игра. Но только не только… И не всегда».

Мира крепко поцеловала его в лоб, прижалась и, улыбнувшись, нежно прошептала ему на ухо: «Идиот!» Так и есть, он и без нее это знает.

Он вышел из ванной и постучал в дверь своей пятнадцатилетней дочери, пока оттуда не раздались звуки гитары. Дочь любит свой инструмент, а не спорт. Бывали дни, когда он из-за этого очень расстраивался, но случались и другие дни, когда он только радовался за нее.

Мая лежала в кровати. Когда раздался стук в дверь, она заиграла еще громче и услышала, как в коридоре хлопочут родители. Мама с двумя высшими образованиями, которая знает наизусть весь свод законов, но даже на скамье подсудимых не сможет вспомнить, что такое проброс и офсайд. Папа, знающий в тончайших нюансах все хоккейные стратегии, но не способный смотреть сериал, в котором больше трех героев, – каждые пять минут он будет спрашивать: «Что они делают? А это кто? Почему я должен молчать?! Ну вот, теперь я прослушал, что они сказали… можете отмотать назад?»

У Маи это вызывало то смех, то вздохи. Лишь в пятнадцать лет человеку может так нестерпимо хотеться сбежать из дома. Как говорит ее мама, когда холод и мрак вконец истощают терпение и она выпивает три-четыре бокала вина: «В этом городе, Мая, жить нельзя, здесь можно только выживать».

Оба даже не подозревали, насколько верны их слова.

4

Весь путь от раздевалки до кабинета правления для мальчика и мужчины из Бьорнстадского хоккейного клуба проходил под девизом: «Внутри – простор, а дверь на запор». Грубое слово, как и грубый силовой прием, – часть игры, но все, что происходит в клубе, не должно выходить за его пределы. Правило действует как на площадке, так и за ее пределами, потому что благо клуба – это главное.

Еще довольно рано, и ледовый дворец пуст, не считая вахтера, уборщицы и одинокого хоккеиста из детской команды, который раскатывает по площадке туда-сюда. Однако из кабинета на верхнем этаже рокочут решительные голоса мужчин в пиджаках. На стене висит фотография почти двадцатилетней давности – ее сделали в тот год, когда команда хоккеистов Бьорнстада заняла второе место по стране. Кто-то из мужчин в пиджаках запечатлен на снимке, кто-то нет, но после победы все они решили вернуться в Бьорнстад. Ведь теперь город перестанет прозябать в низших дивизионах, они снова станут хоккейной элитой и потягаются силами с лучшими из лучших.

Генеральный директор клуба сидел за столом. Он был самым потливым человеком во всем городе, потому что жил в постоянном страхе, словно ребенок, который стянул чужое. А в то утро он был напуган как никогда. Директорскую рубашку усыпали крошки, он так неистово жевал бутерброд, что напрашивался вопрос, понимает ли он, в чем вообще смысл приема пищи. Так бывало всегда, когда гендиректор нервничал. Это его кабинет, и тем не менее власти у него здесь меньше, чем у любого из присутствующих.

Для человека со стороны иерархия клуба могла показаться очень простой: правление назначает генерального директора клуба, который, в свою очередь, нанимает спортивного директора, а тот набирает игроков в основную команду и их тренеров. Тренеры формируют команды и не лезут в чужие дела. Но за закрытыми дверями все обстоит иначе, и у генерального всегда есть причины хорошенько вспотеть, вот как сейчас. Генерального директора окружали члены правления и спонсоры, один из них – местный политик, а все вместе – главные инвесторы и крупнейшие работодатели. Здесь они находились, понятное дело, «неофициально». Так они сами выражаются в тех случаях, когда совершенно случайно со всем своим влиянием и деньгами оказываются в одном и том же месте, чтобы

выпить по чашечке кофе, причем в такой ранний час, когда местные журналисты еще не проснулись.

Кофеварка хоккейного клуба Бьорнстада нуждалась в чистке больше, чем его гендиректор, так что вряд ли кто-то пришел сюда ради чашечки кофе. У каждого из собравшихся в кабинете были свои амбиции, свои планы на клуб в случае достижения успеха, но в одном сходились все: в кандидатуре на вылет.

Петер родился и вырос в Бьорнстаде, за свою жизнь он перебывал во многих ипостасях: шкетом из школы конькобежцев, многообещающим юниором, самым младшим игроком в основной команде, капитаном команды, сумевшим сделать Бьорнстадский клуб одним из лучших в стране, звездой хоккея, профи НХЛ и, наконец, героем, вернувшимся на родину, чтобы стать спортивным директором.

Но в данный момент Петер был простым смертным, который сонно бродил туда-сюда по прихожей своей маленькой виллы, третий раз натыкаясь лбом на шляпную полку, и бормотал:

– Ради всего святого… кто-нибудь видел ключи от моего «вольво»?

Он в четвертый раз перерыл карманы своих курток. Его двенадцатилетний сын, приближавшийся с другого конца прихожей, едва поравнявшись с ним, привычно отпрыгнул в сторону, не отрывая взгляда от телефона.

– Лео, ты не видел ключей от машины?

– Спроси у мамы.

– А где она?

– Спроси у Маи.

И Лео удалился в ванную комнату. Набрав побольше воздуха, Петер гаркнул:

– ДОРОГАЯ!!!

Никто не ответил. Петер заглянул в свой телефон: четыре неотвеченных сообщения от директора клуба с требованием явиться в офис. Обычно Петер проводит в ледовом дворце около семидесяти-восьмидесяти часов в неделю и при этом едва успевает посмотреть тренировки собственного сына. В багажнике у него постоянно лежат клюшки для гольфа, которые он использует раза два за все лето – если повезет. Спортивный менеджмент съедает все время без остатка: подписание контрактов с игроками, телефонные разговоры с агентами, просмотр видео с записью игры новых хоккеистов клуба. Клуб у них маленький, поэтому, когда с основной работой покончено, он помогает

вахтеру сменить перегоревшие лампы дневного света, наточить коньки, забронировать автобусные поездки, заказать футболки для матча, далее он выполняет работу транспортного агентства и завхоза, словом, тратит на обеспечение жизнедеятельности ледового дворца столько же времени, сколько на тренировки команды. И это сжирает все свободное время. В этом смысле с хоккеем все просто: он не может быть частью жизни. Он и есть вся жизнь.

Когда Петер согласился на должность спортивного директора, он всю ночь проговорил по телефону с Суне, который был тренером основной команды Бьорнстада с тех пор, как Петер себя помнит. Суне научил Петера стоять на коньках, он сделал ледовый дворец его вторым домом, пока в первом не было ничего, кроме побоев и пьянства. Он был его наставником и отцом в большей степени, нежели тренером. В определенные моменты жизни этот старик был единственным, на кого Петер мог положиться. «Ты должен стать узлом, – объяснял ему Суне, когда Петер приступил к работе. – Здесь сейчас у каждого своя веревка, и он тянет ее в свою сторону: спонсоры, правление, политики, болельщики, тренеры, игроки и их родители – у каждого своя веревка, за которую они тянут клуб в свою сторону. А ты должен стать узлом».

На следующее утро после этого разговора Петер объяснил Мире суть своей новой работы еще проще: «В Бьорнстаде все горят любовью к хоккею. Моя задача – следить за тем, чтобы никто не сгорел дотла». Мира поцеловала его в лоб и сказала, что он идиот.

– Дорогая!! Ты не видела ключей от моей машины?!! – заорал Петер на весь дом.

Никто не ответил.

Мужчины в пиджаках обсуждали повестку встречи, сухо и деловито, как будто речь шла о перестановке мебели. На старой фотографии, висевшей на стене, Петер Андерсон стоял в центре, он тогда был капитаном команды, а теперь стал спортивным директором клуба. Сказочная история успеха, мужчины в пиджаках прекрасно знали, как важно поддерживать мифы для журналистов и болельщиков. Рядом с Петером на снимке стоит Суне, тренер основной команды, который уговорил его со всей семьей переехать в Канаду, чтобы сделать карьеру. Они вдвоем занимались тренировками молодежи в Бьорнстаде, надеясь когда-нибудь воспитать лучшую команду юниоров в стране. Тогда все над ними смеялись. Теперь все иначе. Завтра команда юниоров играет в полуфинале, а в следующем году Кевин Эрдаль и другие перейдут в

основную команду, спонсоры отвалят клубу миллион, и воспитание элиты начнется всерьез. Без Петера этого не случилось бы, он всегда был лучшим учеником Суне.

Один из спонсоров раздраженно посмотрел на часы. – Куда он запропастился?

Телефон выскользнул из потной ладони гендиректора.

– Он уже едет. Наверное, отвозил детей в школу.

Спонсор пренебрежительно ухмыльнулся:

– Небось у его адвокатши опять важная встреча. У него здесь вообще работа или хобби?

Член правления покашлял и отчасти в шутку, отчасти всерьез сказал:

– Спортивный директор должен быть сапогом, а не тапком.

Спонсор с ухмылкой подхватил:

– А может, лучше наймем его жену? Туфля на шпильке в роли спортивного директора – неплохой вариант!

Мужчины засмеялись. Эхо разнеслось по кабинету.

В поисках жены Петер зашел на кухню, но вместо нее наткнулся на лучшую подругу дочери Ану. Та готовила смузи. Во всяком случае, ему так показалось, потому что столешница возле раковины была покрыта розовой жижей, которая неумолимо растекалась во всех направлениях, приготовившись завоевать поверхность паркетного пола. Ана сняла наушники.

– Доброе утро! Это не блендер, а черт-те что!

Петер сделал глубокий вдох.

– Привет, Ана. Рано ты сегодня…

– Так я у вас ночевала! – беспечно ответила Ана.

– Опять? Это уже… четвертый день подряд, да?

– Я не считаю.

– Да, я понял. Спасибо. Но, может быть, тебе пора как-нибудь вечером заглянуть домой? Например, сменить одежду или еще что?

– Да ладно, это не проблема. У меня и так вся одежда с собой.

Петер помассировал затылок, пытаясь взглянуть на мир так же радостно, как Ана.

– Это прекрасно… А что твой папа, он по тебе не соскучился?

– Да нет, мы с ним часто болтаем по телефону.

– Да-да, все понятно. Послушай, но у тебя все-таки есть свой дом, может быть, стоит как-нибудь переночевать там?

Запихнув в блендер побольше замороженных фруктов и ягод, Ана

удивленно посмотрела на Петера:

– Ну ладно. Хотя это дико неудобно, потому что вещи у меня в основном все равно здесь.

Петер смерил ее долгим взглядом. Ана включила блендер, забыв накрыть его крышкой. Развернувшись, Петер вышел из кухни и с нарастающим отчаянием заорал:

– Дорогая!!!

Мая лежала в кровати, медленно перебирая струны гитары. Звуки мягко ударялись о стены и потолок и одиноко таяли в воздухе, исчезая в небытии. Словно ждали, пока кто-то откликнется. Мая слышала, как на кухне свирепствует Ана, как родители мечутся по коридору – папа, заспанный и удивленный, как будто каждое утро просыпался в новом незнакомом месте; мама, сосредоточенная и целеустремленная, как радиоуправляемая газонокосилка с перегоревшим фотоэлементом, распознающим препятствия.

Ее зовут Мира, но в Бьорнстаде упорно отказываются выговаривать это имя. В конце концов она сдалась и стала откликаться на Мию. Народ здесь немногословный – похоже, им даже неохота тратить силы на лишние согласные. Поначалу Мира развлекалась тем, что, когда речь заходила о ее муже, переспрашивала: «Пит?» Но те очень серьезно смотрели на нее и в ответ говорили: «Нет, Петер!» Ирония в этих краях, как и все остальное, превращается в лед. Мире оставалось только радоваться, что ее детей зовут самыми оптимальными именами с точки зрения экономии согласных: Лео и Мая, – по крайней мере, у работников загсов мозг не взорвется.

Мира бороздила дом, передвигаясь привычными тропами: одевалась, пила кофе, одновременно совершая поступательные движения в ванную, прихожую и кухню. Она подняла с пола футболку в комнате дочери, одним ловким движением сложила ее и, не прерываясь на вздох, сообщила, что пора отложить гитару и встать.

– Прими душ! Запах такой, как будто здесь был пожар, который тушили «Ред буллом». Через двадцать минут папа подбросит вас в школу.

Мая привычным манером неохотно выкатилась из-под одеяла. Мама у нее не из тех, с кем стоит спорить, потому что мама у нее адвокат, и это по жизни.

– А папа сказал, ты нас отвезешь.

– Папа ошибся. И будь добра, попроси Ану убрать за собой на кухне, когда она закончит готовить свои смузи. Я понимаю, что она твоя лучшая

подруга, и я ее очень люблю и не возражаю против того, что она ночует у нас чаще, чем у себя дома, но если она хочет делать смузи у нас на кухне, то ей придется запомнить, что крышку блендера надо закрывать. И кроме того, ты должна научить ее основным правилам работы с половой тряпкой, о’кей?

Прислонив гитару к стене, Мая отправилась в ванную. Повернувшись к матери спиной, она так закатила глаза, что на рентгеновском снимке зрачки можно было бы принять за почечные камни.

– Хватит тут мне глаза закатывать. Я тебя насквозь вижу, даже из другой комнаты, – прошипела мама.

– Сплошные домыслы и спекуляции, – пробормотала в ответ Мая.

– Я тебе уже говорила, так выражаются только персонажи американских сериалов, – возразила мама.

В ответ дверь в ванную хлопнула чуть сильнее обычного. Издалека послышался вопль Петера: «Дорогая!!!» Тем временем Мира мимоходом сложила еще одну брошенную футболку и услышала, как Ана на кухне выругалась: «Фак!» – и брызги от смузи украсили потолок.

– Господи, на что я трачу свою жизнь? – тихо сказала Мира, обращаясь к невидимому слушателю, и положила в карман ключи от «вольво».

Мужчины в пиджаках продолжали смеяться шутке про шпильку, когда в дверях раздалось неуверенное покашливание. Директор клуба ответил уборщице одобрительным жестом, даже не глядя в ее сторону. Та извинилась перед всеми, но большинство ее не заметило, впрочем, один из мужчин любезно приподнял ноги, когда она потянулась за корзиной для мусора. Уборщица поблагодарила, но никто не обратил на это внимания, а она, в свою очередь, совсем не обиделась, – величайший талант Фатимы состоял в том, чтобы никому не мешать. И только оказавшись в коридоре, она позволила себе схватиться за спину и тихонько застонала от боли. Главное, чтобы никто ее не увидел и не рассказал Амату. Сынок и так слишком о ней беспокоится.

Амат замедлил скольжение возле борта, пот щипал глаза, клюшка лежала на льду, ладони вспотели, и пальцы от влажности скользили в перчатках; воздух со свистом вырывался из легких, мышцы дрожали от напряжения. Трибуна была пуста, но Амат все же поглядывал туда время от времени. Мама всегда говорит, что они должны быть благодарны, и он ее понимает. Она безмерно благодарна всем на свете: стране, городу, людям, коммуне, соседям и работодателю. Надо всегда говорить спасибо – мамы,

они такие. А у детей другие задачи. Детям надо мечтать. И ее сын мечтает о том, чтобы однажды мама могла войти в комнату и ни перед кем не извиняться.

Он сморгнул пот, поправил шлем и устремился вперед, врезаясь коньками в лед. Еще раз. Еще раз. И еще раз.

У Петера в телефоне было четыре пропущенных звонка от генерального директора, он нервно посмотрел на часы и повернулся к Мире, промаршировавшей на кухню. Та с улыбкой пробежалась взглядом по столешнице и полу, перепачканным липкой жижей, – Мира знала, что Петер мысленно вопит на весь дом. У них разные подходы к чистоте: Мира ненавидит, когда вещи разбросаны по полу, а Петер не выносит липких поверхностей. Когда они познакомились, его квартира выглядела так, будто на нее только что совершили налет, оставив нетронутыми только кухню и ванную, – здесь было стерильно, как в операционной. У Миры дома все было в точности до наоборот. Не самое удачное сочетание для людей, собравшихся создать семью.

– Ну наконец-то! Я опаздываю на важную встречу. Ты не видела ключей от «вольво»? – пропыхтел Петер.

Он попытался облачиться в пиджак и галстук, вышло так себе. На Мире все всегда сидело безукоризненно, словно одежда перед нею заискивала. Одним плавным движением она отхлебнула кофе и надела пальто.

– Видела.

Петер так и стоял перед ней – красный, запыхавшийся, с всклокоченными волосами и остатками смузи на носках. Он спросил:

– И где же?

– У меня в кармане.

– Что? Это еще почему?

Поцеловав его в лоб, Мира ответила:

– Хороший вопрос, пупсик. Понимаешь, если человек собирается ехать на работу, то ему могут пригодиться ключи от «вольво». Согласись, будет странно, если адвокат начнет заводить машину воровским способом.

Петер в замешательстве вцепился руками в волосы. – Но… какого… ты ведь собиралась ехать на маленькой машине?

– Вовсе нет, ты собирался отогнать ее в сервис – после того, как подбросишь в школу детей. Мы об этом говорили.

– Мы об этом не говорили!

Петер схватил салфетку и без спроса протер снизу Мирину кофейную

чашку. Та улыбнулась.

– Пупсик мой любимый, об этом написано в календаре, который висит на холодильнике.

– Как ты можешь что-то записать в календаре, даже не поговорив со мной?!

Стараясь не терять самообладания, Мира потерла брови.

– Мы говорили. И сейчас говорим. Мы только и делаем, что говорим. А вот слушать никто не…

– Мира, дорогая, но у меня важная встреча! Если я опоздаю…

Мира слишком энергично закивала:

– Конечно-конечно, дорогой. А если я опоздаю на работу, невинный человек может оказаться в тюрьме. Извини, что перебиваю, так что же случится, если ты опоздаешь на свою важную встречу?

Петер старался дышать через нос и держать себя в руках:

– Дорогая, завтра самый крупный матч года.

– Я знаю, любимый. Завтра я тоже сделаю вид, что это очень важно. А сегодня тебе придется довольствоваться тем, что так считает весь город.

На Миру сложно произвести впечатление. Это одновременно привлекало его и выводило из себя. Он попытался найти другие аргументы, но тщетно. Вздохнув на манер актрисы драматического театра, Мира достала из кармана ключи от «вольво» и, положив их на стол, сжала руку в кулак у него перед носом:

– Ладно, давай сыграем в «камень-ножницы-бумага».

Петер покачал головой, стараясь удержаться от смеха.

– Ну что ты как ребенок, тебе сколько лет?

Мира удивленно подняла глаза:

– Ты что, слабак?

Петер мгновенно стал серьезным и, вперив в нее взгляд, сжал кулак. Мира досчитала до трех – Петер сделал бумагу, а она, явно задержавшись на полсекунды, сложила пальцы ножницами. Петер возмущенно вскрикнул, но было поздно: Мира уже схватила ключи и двинулась в прихожую.

– Ты сжульничала!

– Милый, умей проигрывать. Дети, пока! Слушайтесь папу! Хотя бы немного.

Петер заорал ей вслед:

– Только попробуй уйти! Мошенница!

Он посмотрел на календарь, висевший на холодильнике:

– Да здесь же ни слова про…

Входная дверь хлопнула. Слышно было, как во дворе заводится

«вольво». Ана со следами смузи вокруг рта стояла посреди кухни.

– Петер, вы хоть раз у нее в чем-нибудь выиграли? Он помассировал виски.

– Будь добра, скажи моему сыну и дочери, чтобы поскорей одевались и садились в машину.

Ана усердно кивнула:

– Конечно! Вот только пол вытру!

Петер умоляюще покачал головой и достал новую упаковку тряпок.

– Нет, Ана, не надо… пожалуйста! Думаю, будет только хуже.

Когда все отсмеялись, один из спонсоров недовольно посмотрел на директора клуба и, постучав по столу, спросил:

– Ну так что? С Петером могут быть проблемы?

Вытерев со лба пот, директор покачал головой.

– Петер всегда делает так, как лучше для клуба. Всегда. Вы же знаете.

Спонсор встал и, застегнув пиджак, допил кофе.

– Вот и хорошо. Мне пора на другую встречу, но я надеюсь, ты объяснишь ему, что стоит на кону. И напомни, откуда берутся деньги ему на зарплату. Мы все знаем, как он привязан к Суне, но нельзя допустить, чтобы в прессу просочилась информация о конфликте.

Ответа директора реплика не предусматривала. Кто, как не Петер, знал правило дверей на запоре? Для него клуб всегда будет на первом месте. Даже сегодня, когда ему предстояло сообщить Суне, что подписан приказ о его увольнении.

5

Почему людям так важен спорт?

Смотря каким людям. И смотря откуда они родом.

Никто в точности не знал возраста Суне – казалось, в последние двадцать лет ему стабильно было около семидесяти, а сам он вряд ли помнил, с каких пор работает тренером основной команды. Годы сделали его ниже ростом, стресс и неправильное питание – толще: фигурой он напоминал теперь снеговика. Сегодня он пришел на работу раньше обычного и стоял на опушке, скрывшись за деревьями, пока группа мужчин в пиджаках не вышла из дверей ледового дворца, не расселась по машинам и не укатила прочь. Не потому, что ему было стыдно, – наоборот, он не хотел, чтобы стыдно было им. Большинство из них он знал на протяжении всей их жизни, многих тренировал еще мальчишками. То, что они собирались поставить на его место тренера команды юниоров, ни для кого не секрет. И просить Суне, чтобы не выносил сор из избы, тоже было незачем: он никогда не пойдет против клуба, он знает, что сейчас на кону нечто большее, чем хоккей.

Бьорнстад – всего лишь малая и бедная часть огромного леса, но несколько богачей там еще есть. Они спасли клуб от банкротства и теперь хотят получить долг обратно: юниоры должны оказаться в элите. Завтра они выиграют полуфинал молодежного чемпионата, а еще через неделю – финал. И когда в следующий раз коммуна будет решать, где открыть новую хоккейную гимназию, они не смогут проигнорировать город, в котором тренируется лучшая юниорская команда страны. С хоккейным клубом были связаны все планы на будущее – вслед за появлением новой гимназии построят новый ледовый дворец, а потом конференц- и торговый центры. Хоккей станет не просто хоккеем, он будет способствовать развитию туризма, появлению новых брендов и притоку капитала. Город сможет выжить.

Поэтому клуб был не просто клубом, а королевством, за власть в котором сражались сильнейшие мужчины в лесу, и Суне там больше места не осталось. Он окинул взглядом ледовый дворец, которому отдал свою жизнь. У Суне не было ни семьи, ни хобби, ни даже собаки. Скоро он останется без работы, на что и ради чего он будет жить – неизвестно. И все

же ему не хочется никого винить – ни гендиректора клуба, ни тренера юниоров, ни тем более Петера. Тот, вероятно, еще ничего не знает, но они потребуют, чтобы он сообщил ему об увольнении: Петер будет держать топор, а потом объясняться с прессой. Потому что все должны быть уверены: в клубе двери на запоре и нет разногласий.

Рано или поздно все спортивные объединения должны для себя решить, какова их цель, и Бьорнстад больше не хочет просто играть в хоккей. Они намерены поставить вместо Суне тренера юниоров по одной простой причине: когда Суне тренирует свою команду накануне матча, он долго рассказывает о том, что играть надо от всего сердца. А когда свою команду готовит к матчу тренер юниоров, он заходит в раздевалку и говорит всего лишь три слова: «Вы должны победить!» И юниоры побеждают. Так было все десять лет.

Только Суне больше не уверен в том, что хоккейный клуб должен состоять только из таких. Из парней, которые никогда не проигрывают.

Небольшой автомобильчик выехал на только что расчищенную от снега дорогу. Мая прижала лоб к стеклу с таким отчаянием, на которое способна лишь пятнадцатилетняя девочка. Где-то немного южнее сейчас весна, а в Бьорнстаде, похоже, есть только два времени года – зима тут настолько в порядке вещей, что, когда наступает лето, все удивляются. За два-три месяца никто не успевает толком привыкнуть к солнечному свету, а в остальное время года с таким же успехом можно жить где-нибудь под землей.

Ана щелкнула пальцами у Маи возле самого уха.

– Совсем сдурела! – вскрикнула Мая и потерла лицо.

– Мне скучно! Давай играть?! – нетерпеливо сказала Ана.

Мая вздохнула, но согласилась. Что поделаешь, любит она эту придурочную, вечно чавкающую своим смузи. К тому же им обеим пятнадцать, а мама все время повторяет: «Таких друзей, как теперь, у тебя больше не будет. Даже если ты продолжишь с ними дружить потом. Все равно будет не то».

– О’кей, тогда скажем так: что ты выбираешь – быть слепой, но уметь бесподобно драться, или быть глухой, но потрясающе…

– Слепой, – перебила ее Мая без колебаний.

Это любимая игра Аны, они играют в нее с самого детства. Так уютнее: есть вещи, из которых не вырастают.

– Ты не дослушала! – возмущается Ана.

– Да плевать мне, что там дальше. Без музыки я жить не смогу, а вот без твоей глупой рожи – вполне.

– Дебилка, – вздохнула Ана.

– Тупая, – ухмыльнулась Мая.

– Ладно, тогда так: что лучше – у тебя в носу всегда будут козявки или у тебя будет парень, у которого вечно козявки?

– У меня.

– Знаешь, это о тебе многое говорит.

– Знаешь, это скорее многое говорит о тебе – надо же придумать такие вопросы.

Ана попыталась пнуть Маю по ноге, но та ловко увернулась и хорошенько двинула подругу в плечо. Ана взвизгнула, и обе захохотали друг над другом. И над самими собой.

Когда тебе пятнадцать, у тебя есть настоящие друзья. Больше таких не будет.

На переднем месте сидел Лео, который за годы своей жизни в совершенстве отточил технику игнора звуковых волн, исходящих от старшей сестры и ее лучшей подруги. Он повернулся к отцу и спросил:

– Ты сегодня придешь ко мне на тренировку?

– Я… постараюсь… зато мама точно придет! – ответил Петер.

– Мама и так всегда приходит, – сказал Лео.

Это ни в коем случае не было обвинением, обычная реплика двенадцатилетнего мальчика. Но Петер все-таки почувствовал себя виноватым. Он так часто посматривал на часы на приборной доске, что в конце концов как следует треснул их, чтобы убедиться: они не остановились.

– Волнуетесь? – спросила Ана таким тоном, от которого хочется запустить в человека чем-то тяжелым, если ты в этот момент действительно волнуешься.

– Спасибо, что беспокоишься за меня. У меня скоро встреча.

– С кем?

– С генеральным директором клуба. Будем обсуждать завтрашний матч.

– Господи, как все достали с этим чертовым матчем! Вы что, не понимаете, это просто дурацкая игра, всем по фигу!

Ана пошутила, она обожает хоккей, но Мая тотчас прошипела:

– Не смей так ему говорить, тем более сегодня!

– Это сводит его с ума, – подтвердил Лео.

– Что? Кого сводит с ума? – всполошился Петер. Мая подалась вперед:

– Знаешь, пап, вовсе не обязательно везти нас до самой школы. Можешь остановиться прямо здесь!

– Да ладно, мне несложно, – ответил Петер.

– Тебе – не сложно, а мне… – простонала Мая.

– Ты о чем? Шутишь, что ли?

Ана пришла на помощь подруге:

– Да!

Лео тоже решил вклиниться в разговор:

– Пап, просто она не хочет, чтобы вас видели вместе, – иначе весь класс будет к ней подходить и спрашивать про хоккей.

– И что здесь такого? Мы живем в городе, где хоккей – это главное! – недоумевал Петер.

– Но это не значит, что на хоккее свет клином сошелся, пап! – рявкнула Мая, тем временем прикидывая в уме, что будет, если она откроет дверцу машины и выскочит на полном ходу. Снег еще достаточно глубокий, вряд ли она что-то себе сломает, кажется, риски оправданы.

– Да что ты такое несешь?! Лео, что она несет?! – возмутился Петер.

– Пап, ты можешь остановиться? Или хотя бы сбавить скорость? Этого будет достаточно, – попросила Мая.

Ана треснула Лео по плечу.

– Слышь, Лео, а если так: что лучше – никогда больше не играть в хоккей или никогда больше не играть в компьютерные игры?

Лео покосился на отца. Смущенно кашлянул. Он принялся отстегивать ремень и взялся за ручку двери. Петер сокрушенно покачал головой:

– Только попробуй ответить, Лео. Лучше тебе помолчать.

Мира удалялась от Бьорнстада, сидя за рулем «вольво». Утром она слышала, как Петера рвет в ванной. Вот что в этом городе делает спорт со взрослыми людьми. А что тогда говорить о семнадцатилетних юниорах, которые завтра участвуют в матче? У бьорнстадских кумушек была в ходу присказка: «Хотелось бы мне, чтобы муж смотрел на меня так, как он смотрит хоккей». Мира никогда над ней не смеялась, потому что слишком хорошо знала, что за этим стоит.

Она знала, что говорят бьорнстадские мужики у нее за спиной. Да, ей далеко до идеальной жены спортивного директора, которую они видели на ее месте, когда брали Петера на работу. Для них клуб – это не просто работодатель, а армия, и солдаты этой армии в любой момент готовы к призыву, а их семьи должны гордо стоять в дверях и махать платочком им

вслед. Впервые Мира встретила директора клуба на состязании в гольф, устроенном спонсорами. На приеме перед ужином директор допил шампанское и отдал ей пустой бокал. В мире хоккея так мало женщин, что он просто принял ее за официантку.

Поняв, что ошибся, директор расхохотался, ожидая, что Мира тоже сочтет эту ситуацию забавной. Когда Мира его не поддержала, он вздохнул и поинтересовался: «У вас что, совсем нет чувства юмора?» А узнав, что Мира собирается продолжить свою карьеру одновременно с Петером, он удивленно воскликнул: «А кто же будет заниматься детьми? Они ведь еще грудные?» Мира изо всех сил старалась промолчать. Ну, может, не изо всех, но все же старалась. Но в конце концов она повернулась к директору клуба, многозначительно кивнула на его пальцы, похожие на сардельки и сжимавшие сэндвич с креветками, а потом на его огромный живот, на котором рубашка вот-вот готова была треснуть по швам, и сказала: «Может, у вас получится? У вас и грудь побольше, чем у меня…»

Когда в следующий раз в клубе устроили состязание по гольфу, из приглашений убрали слова «на два лица». Мир мужчин и хоккей стал чуточку больше, а мир женщин немного меньше, и самым красноречивым доказательством Мириной любви к Петеру стало то, что она не поехала тем вечером в ледовый дворец и не дала никому в рожу. Мира навсегда усвоила, что, если живешь в Бьорнстаде, нужно иметь толстую кожу, – это спасает и от холода, и от унижений.

А теперь, по прошествии десяти лет, она обнаружила, что хорошая автомагнитола со стереозвуком тоже здорово облегчает существование. Она прибавила звук. В динамиках звучал любимый плейлист Маи и Лео – не потому, что Мире нравились эти песни, просто так она чувствовала себя ближе к детям. Пока дети маленькие, ты думаешь, что это пройдет – сердце больше не будет сжиматься от чувства вины каждое утро, когда ты уезжаешь из дома. Но на самом деле это не проходит, становится только хуже. Поэтому в телефоне у Миры хранятся любимые плейлисты Лео и Маи – хиты, которым подпевают ее дети и просят сделать погромче, когда они звучат по радио. Мира выкручивает звук на полную мощность, так что обшивка машины вибрирует от децибел, потому что лесная тишина сводит с ума. В середине дня небо постепенно сгущается и темнеет – и так почти весь год; человеку, выросшему в большом городе, к этому трудно привыкнуть: природа для него – главным образом картинка на заставке компьютера или обои в телефоне.

В Бьорнстаде все, понятное дело, ненавидят большие города, они видят колоссальную несправедливость в том, что все природные ресурсы

находятся в лесу, а все деньги утекают оттуда куда-то еще. Иногда кажется, будто местным нравится здешний суровый климат, ведь кто попало тут жить не сможет, и это напоминает им об их выносливости и силе. Первая местная поговорка, которой Петер научил Миру, была такой: «Медведи срут в лесу, остальные срут на Бьорнстад, а Бьорнстад срал на всех!»

К чему-то за годы жизни в Бьорнстаде Мира привыкла, но есть вещи, которые она до сих пор не могла понять. Например, почему в городке, где все ловят рыбу, нет ни одного суши-бара? Или почему люди, живущие в таком суровом климате, который не каждый дикий зверь выдержит, никогда не могут напрямую сказать то, что думают? Молчание в Бьорнстаде всегда идет рука об руку со стыдом. Мира никогда не забудет, как Петер ответил ей на вопрос о том, почему все местные так ненавидят жителей больших городов: «Да там совсем стыд потеряли». Петер всегда думал о том, что скажут люди. Он просто из себя выходил, когда их приглашали в гости и Мира покупала слишком дорогое вино. Поэтому он отказался переезжать в дорогую виллу на Холме, хотя зарплата Миры вполне это позволяла. Они жили в своем маленьком домике в центре города только из скромности, сколько бы Мира ни соблазняла Петера тем, что в новом особняке будет больше места для его виниловых пластинок.

Прошло десять лет, а Мира так и не научилась жить в согласии с городком, – разве что сосуществовать. Здесь было так тихо, что ей хотелось купить ударную установку и устраивать на улицах карнавальное шествие. Она снова прибавила звук в магнитоле. Забарабанила по рулю. Стала подпевать так яростно, что чуть не съехала в кювет, когда волосы застряли в зеркале заднего вида.

Есть ли ей дело до спорта? Вовсе нет. Ее интересует не спорт, а человек, который им занимается. Она мечтает о том, что однажды наступит лето, когда ее муж сможет посмотреть своему городу прямо в глаза, не опуская взгляда.

Грудь Суне вздымалась и опускалась под тяжестью мощных плеч, когда он направлялся к ледовому дворцу. Впервые в жизни он чувствовал себя на свой возраст: тело стало каким-то бесформенным и дряблым, будто кто-то натянул тренировочный костюм на мешок с монетами. И все же, когда он открыл дверь, на него, как обычно, снизошло умиротворение. Ледовый дворец был единственным местом на земле, которое он по-настоящему понимал и знал. Он попытался вспомнить все, что получил здесь, и не думать о том, что придется отдать. Жизнь, посвященная

спорту, – не многие могут этим похвастаться. Было на его веку несколько фантастических моментов, к тому же на его глазах родились два гениальных хоккеиста.

Горлопанам из больших городов никогда не понять, как можно в крошечном хоккейном клубе воспитать настоящий талант. Это все равно что увидеть цветущую вишню в зимнем саду. Можно прождать годы, целую жизнь, и даже не одну, и лишь однажды увидеть такое чудо. Дважды такого случиться не может нигде. Только здесь, в Бьорнстаде.

Первым таким случаем был Петер Андерсон. С тех пор прошло больше сорока лет. Суне, тогда еще работавший тренером основной команды, заметил его среди учеников конькобежной школы. Маленький тощий пацан в перчатках отца-пьянчуги и с синяками по всему телу, которые все замечали, но вопросов никто не задавал. Хоккей был его единственным прибежищем. И невероятным образом изменил его жизнь. В один прекрасный день пацан стал взрослым мужчиной: он поднял до второго места в стране почти разорившийся клуб, который все уже скинули со счетов, и, продравшись через лес к звездам, ушел в НХЛ. А потом судьба трагическим образом отняла у него всё.

Именно тогда, после похорон, Суне позвонил им с Мирой в Канаду и сказал, что клубу Бьорнстада нужен спортивный директор. Что город и клуб никуда не делись и их надо спасать. А Петеру было необходимо кого-то спасти. Вот так семья Андерсон вернулась домой.

В другой раз это случилось без малого десять лет назад. Суне и Петер откололись от поисковиков, которые цепочкой прочесывали лес, потому что Суне понял, что искать надо хоккеиста, а не просто семилетнего мальчишку, как думали все остальные. Они нашли Кевина на рассвете – с отмороженными щеками и взглядом дикого медвежонка. Петер нес его домой. Суне молча шел рядом, жадно вдыхая воздух: среди зимы послышался аромат цветущей вишни.

Когда в тот же год один молчаливый игрок основной команды решил, что проиграл борьбу с постоянными травмами и собственной бесталанностью, Суне поймал его на парковке. Он различил в нем гениального тренера, тогда как все видели лишь игрока-неудачника. Игрока звали Давид, он прошептал, что тренер из него никудышный, но Суне вручил ему свисток и ответил: «Тот, кто считает себя отличным тренером, никогда им не станет». Первой командой Давида оказались те самые семилетки, среди которых был Кевин. Давид сказал им: «Вы должны победить». Они победили. И так было всегда.

Теперь Кевину исполнилось семнадцать, Давид был тренером команды

юниоров, а в следующем сезоне станет и тренером основной команды. Вместе с Петером они как преуспевающая святая Троица: руки на льду, голова на штрафной скамье, мозги в кабинете. И эти замечательные находки приведут Суне к полному краху. Петер вышвырнет его на улицу, Давид займет его место, а Кевин докажет всем, что решение было правильным.

Этот пожилой человек видел будущее. Теперь оно осталось в прошлом. Он открыл дверь в ледовый дворец, и его окружили знакомые звуки.

Почему ему так важен спорт? Потому что без него настанет тишина.

Почему? Амату никогда не задавали этот вопрос. Хоккей делал больно, требовал нечеловеческих жертв – физических, психических, душевных. Хоккей ломал ноги, рвал связки и заставлял подниматься до рассвета. Он съедал все время и высасывал все силы. Так почему же? Потому что однажды в детстве он услышал, что бывших хоккеистов не бывает, и сразу понял, о чем речь. Это случилось, когда Амату было пять лет и он ходил в секцию конькобежцев. К ним пришел тренер основной команды, чтобы поговорить с детьми. Суне уже тогда был грузным пожилым мужчиной, он посмотрел Амату в глаза и сказал: «Кто-то из вас родился с талантом, кто-то без. Кому-то все достается бесплатно, кому-то не достается ничего. Но знай, что на льду все равны. И запомни: воля всегда побеждает удачу».

Ребенка ничего не стоит обольстить, сказав, что если ты достаточно сильно чего-нибудь хочешь и делаешь ради этого все возможное, то ты в своем деле станешь лучшим. А кто, как не Амат, хотел этого больше всего на свете. Для них с мамой хоккей был дорогой в общество. И даже больше, для него он был дорогой в большой мир.

Тело болело, каждая клеточка умоляла его прекратить. Но он разворачивался, смаргивал пот, крепче сжимал клюшку, впивался коньками в лед. Быстрее, сильнее, снова, снова, снова.

Со временем все явления и предметы переживают себя и перестают удивлять. Так бывает и с людьми, но в первую очередь – с хоккеем. Над ним бились лучшие умы человечества, учебники один другого толще сокрушали до молекул теорию за теорией. Большую часть дней всем кажется, будто уникальных идей больше не осталось, все, что можно, уже придумано, сказано и записано более или менее уверенными в себе тренерами. Но бывают и другие дни, когда на льду происходит откровение,

которого словами не передать. Неожиданное. Меняющее все на корню. Подготовиться к такому нельзя: если хочешь посвятить себя хоккею, просто раскройся и поверь себе в тот миг, когда ты это видишь.

Вахтер подошел к трибунам, чтобы закрутить новые гайки на старых перилах. Увидев в дверях Суне, он удивился – никогда тот не приходил так рано.

– Ты сегодня с первыми петухами, – прокудахтал вахтер.

– Перед отбоем самый работун нападает, – устало улыбнувшись, ответил Суне.

Вахтер печально кивнул. Как уже сказано выше, увольнение Суне для всего Бьорнстада было секретом Полишинеля. На полпути к трибуне Суне вдруг остановился. Вахтер удивленно взглянул на него, а Суне кивнул на мальчика, катавшегося на льду. Прищурился – зрение уже теряло остроту.

– Кто это?

– Амат. Из детской команды.

– Что он здесь делает в такую рань?

– Да вот, приходит каждое утро.

Парень тем временем разложил на льду между линиями в качестве разметки свои перчатки, шапку и куртку, на бешеной скорости понесся вперед и, достигнув отметки, резко сменил направление, а потом, не снижая темпа, остановился как вкопанный и словно взорвался. Шайба не отрывалась от клюшки ни на мгновенье. Туда и обратно. И так пять раз. Десять. С тем же азартом. Удары по шайбе. И всякий раз она попадала в одно и то же место на сетке. Снова. Снова.

– Каждое утро? Его кто-нибудь наказал? – удивленно пробормотал Суне.

– Просто он обожает хоккей. Ты что, старик, забыл, как это бывает? – прокудахтал в ответ вахтер.

Суне ничего не ответил, лишь буркнул что-то своим часам и продолжил карабкаться по трибуне наверх. Ближе к последнему ряду он снова остановился. Попытался забраться выше, но сердце не позволяло.

Суне заметил Амата еще в конькобежной секции, он помнил всех мальчиков, но этого тогда как следует не разглядел. Хоккей вознаграждает тех, кто не ленится повторять одно и то же снова и снова. То же упражнение, те же движения – до тех пор, пока реакция не отпечатается раскаленным клеймом у тебя в спинном мозге. Шайба не только скользит, она рикошетит, поэтому ускорение гораздо важнее, чем постоянная максимальная скорость, а сонастроенность глаз и рук важнее, чем сила. Лед оценивает тебя по способности менять траекторию и соображать быстрее

других, – это и отличает великих от большинства.

В наши дни хоккей удивляет редко, хотя и такое случается. Причем случается в те моменты, когда мы совсем не готовы и надо просто довериться происходящему. Когда эхо вспарывающих лед коньков донеслось до верхнего ряда трибуны, где стоял Суне, тот недоверчиво вздохнул и бросил через плечо последний взгляд. Он увидел на площадке пятнадцатилетнего мальчика, который развернулся, мягко держа клюшку в руках, затем взял разбег, снова набрал предельную скорость. Это мгновение стало для Суне благословенным, его он запомнит на всю жизнь: в третий раз в Бьорнстаде случилось невероятное.

Вахтер оторвался от своих гаек и увидел, что старик опустился на кресло в верхнем ряду. Поначалу ему показалось, что Суне нехорошо. Но вскоре он понял, что просто никогда не видел, как тот смеется.

Суне жадно втягивал ноздрями воздух, на глазах выступили слезы, аромат цветущей вишни плыл по ледовому дворцу.

Почему людям так важен спорт?

Потому что он рассказывает истории.

6

Амат вышел с площадки, мокрый от пота до последней нитки. Сидевший наверху Суне проводил его взглядом. Парню повезло – он не заметил на трибуне тренера основной команды, иначе от волнения вписался бы головой в лед.

Амат ушел, а Суне так и остался сидеть. Молодость давно миновала, но только сегодня он прочувствовал это как следует. Две вещи с неизменным успехом напоминают нам о возрасте: дети и спорт. В хоккее ты становишься опытным игроком в двадцать пять лет; в тридцать ты уже ветеран, а в тридцать пять выходишь на пенсию. Суне было в два раза больше. Возраст сделал свою работу: он стал ниже и толще, голову надо было мыть чаще, а причесываться реже, он все больше раздражался на узкие кресла и заедающие молнии на куртках.

Но когда дверь за Аматом закрылась, старик еще раз вдохнул аромат вишни. Пятнадцать лет. Боже мой, какое будущее… Суне было стыдно, что он не заметил этого мальчика раньше. Его талант явно развился так бурно только в последнее время, пока внимание клуба было приковано к команде юниоров, но еще несколько лет назад Суне бы его не просмотрел. Его подвели не только старые глаза. Но и старость сердца.

Суне знал: тренировать парня самому ему уже не приведется, но надеялся, что этот талант не раздавят прежде времени. Не будут его торопить. Он понимал, что, к сожалению, надежды эти пусты: как только мальчика заметят, из него сразу начнут выжимать максимальные результаты. Ради клуба, ради города. Из-за этого Суне годами ругался с правлением, но все впустую.

На развернутую формулировку причины, по которой Суне выгнали из хоккейного клуба Бьорнстада, потребуется не один день. Но вообще-то ее можно высказать в двух словах: «Кевин Эрдаль». Спонсоры, правление и генеральный директор клуба настаивали на том, чтобы Суне позволил семнадцатилетнему вундеркинду играть в основной команде, но тот отказался. В его представлении мальчика делают мужчиной не только гормоны, взрослый хоккей требует не только одаренности, но и зрелости, и слишком ранний шанс сокрушил на его глазах больше талантов, нежели слишком поздний. Но его больше никто не слушал.

Народ в Бьорнстаде не умеет проигрывать и тем гордится. Суне знал, что сам в этом виноват. Кто, как не он, внедрял в голову каждому игроку и

тренеру в первый же день их появления в ледовом дворце, что клуб всегда на первом месте. Интересы клуба важнее частных интересов. И теперь это обратилось против него. Он мог бы позволить Кевину играть в основной команде и сохранить за собой место, но ему хотелось уверенности, что он поступил правильно. Впрочем, теперь он уже ни в чем не уверен. Возможно, правление и спонсоры правы, возможно, он просто старый упрямец, который потерял хватку.

Давид лежал на кухонном полу. Ему было тридцать два года, рыжая шевелюра так буйно кудрявилась на его голове, будто рвалась в небо. В детстве его за это дразнили, одноклассники делали вид, что обожглись о его волосы: так он научился драться. Друзей у него не было, поэтому времени на хоккей оставалось много. Ничто другое его не интересовало: так он стал лучшим.

Давид исступленно отжимался под кухонным столом, пот капал на пол. На столе стоял компьютер, в котором всю ночь крутились записи старых матчей и тренировок. Если ты тренер команды юниоров Бьорнстада, то человек ты простой, как табуретка, но жить с тобой невозможно. «Ты из тех, кто обижается на пустом месте», – говорила девушка Давида, когда злилась на него. Может, это и правда. У него и лицо такое, будто он все время идет против ветра. Давид часто слышал от других, что он слишком серьезный, поэтому хоккей ему в самый раз. В клубе никто не считает, что хоккей можно воспринимать *слишком* серьезно.

Завтрашний матч был важнейшим не только для юниоров, но и для самого Давида. Будь на его месте тренер с философским взглядом на жизнь, он бы сказал своим подопечным, что впереди последние шестьдесят минут их детства – в этом году большинству из них исполнится восемнадцать, они станут взрослыми хоккеистами. Но Давид совсем не философ, поэтому он, как обычно, скажет им всего лишь три слова: «Вы должны победить».

Его юниоры далеко не лучшие в Швеции, отнюдь. Зато самые дисциплинированные и мастера по части тактики игры. Они играют вместе всю жизнь, и к тому же у них есть Кевин.

Красивой их игру не назовешь, во главу угла Давид ставит усердие и крепкую защиту, но главное для него – результат. Даже правление и родители уговаривают его ослабить хватку и позволить мальчикам «играть веселей». Давид не понимал, что они имеют в виду, ему был знаком только грустный хоккей – такой, когда противник забил больше голов, чем твоя команда. Он никогда ни перед кем не выслуживался, никогда не давал

место в команде сыну директора по маркетингу, хотя спонсоры его об этом просили. Давид был абсолютно бескомпромиссным, он знал, что друзей себе этим не прибавить, но ему было наплевать. Хочешь, чтобы тебя все любили? Просто займи первое место на пьедестале. И Давид делал все, чтобы туда попасть. И поэтому смотрел на свою команду не так, как все остальные: даже если Кевин лучший игрок, ему не обязательно всегда быть главным.

Компьютер на обеденном столе крутил один из предыдущих матчей сезона, игрок команды противника преследует Кевина с явным намерением напасть сзади, но в следующую секунду уже лежит на льду. Над ним стоит игрок команды Бьорнстада под номером шестнадцать, уже без перчаток и шлема. Дальше на лежащего сыплется град ударов.

Кевин, может быть, и звезда, но сердце этой команды – Беньямин Ович. Беньи, он как Давид, – делает все, что от него нужно. С тех пор как он был еще совсем мальчишкой, Давид все время повторял ему: «Не слушай, что о тебе говорят, Беньи. Они полюбят нас, когда мы выиграем».

Ему семнадцать, и мама будит его рано утром, произнося его имя вслух. Так его называет только она. Беньямин. Остальные зовут Беньи. Беньи лежал в кровати в самой маленькой комнате домика типовой застройки на окраине Низины до тех пор, пока мама не заглянула к нему в третий или четвертый раз. Он поднялся лишь в тот момент, когда услышал в словах матери, которые она произносит на своем родном языке, назидательные нотки – значит, дело приняло серьезный оборот. Мама и три старших сестры Беньи переходят на родной язык лишь в тех случаях, когда их переполняет злость или неизбывная любовь. Что с них возьмешь, с этих шведов, – их язык просто-напросто недостаточно гибкий, чтобы растолковать Беньи, чему конкретно на заднице ленивейшего в мире осла он подобен или что глубина их любви к нему соизмерима разве что с глубиной десяти тысяч золотых колодцев.

Мать караулила его до тех пор, пока он не выехал из дома на велосипеде. Она ненавидит вытаскивать его по утрам из кровати еще до восхода солнца, но знает, что если уедет на работу, не сделав этого, то он так и останется дома. Она мать-одиночка, на ней три дочери, но больше всего на свете ее беспокоит этот семнадцатилетний мальчишка. Он совершенно не думает о будущем и слишком сильно мучается прошлым, – какая мать из-за такого не переживает? Ее сынок Беньямин, в которого влюбляются все девушки городка. Мальчик с самым красивым лицом, самыми грустными глазами и диким сердцем – такого они еще не

встречали. Уж мать-то их понимает, от этого одни проблемы, – сама когда-то влюбилась в такого же.

Давид варил кофе у себя на кухне. Каждое утро он кипятил еще один кофейник, чтобы наполнить термос – кофе в ледовом дворце был отвратительный, и угощать им кого-либо было немыслимо. В компьютере крутился прошлогодний матч, разъяренный защитник преследовал Кевина до тех пор, пока откуда ни возьмись на полной скорости не появился Беньи и не дал защитнику по затылку клюшкой, так что тот влетел головой в скамейку запасных игроков. Добрая половина команды противника устремилась вперед, чтобы отомстить Беньи, а тот уже снял шлем и ждал их с кулаками наготове. Десять минут судьи не могли прекратить драку. А Кевин тем временем преспокойно сидел на скамье запасных своей команды, невозмутимый и невредимый.

Некоторые прощают Беньи его буйный темперамент: у парня было тяжелое детство, отец умер, когда он был еще маленьким. Но только не Давид. Давид его темперамент обожает. Все остальные считают Беньи «сложным ребенком», подразумевая те самые качества, которые делали его сложным за пределами площадки и совершенно неповторимым на льду. Если послать его на другой конец площадки, то пусть даже змеи, тролли и все исчадия ада вместе взятые вознамерятся ему помешать, у них ничего не выйдет: Беньи вернется с шайбой. А если кто-то приблизится к Кевину, то Беньи пройдет сквозь бетонную стену, чтобы встать между ними, – таким вещам не научишь. Все знают, как хорош Кевин, тренеры молодежных команд всех элитных клубов страны пытались его переманить, и это значит, что в каждой команде противника есть как минимум один психопат, который хочет причинить ему вред. Поэтому Давид категорически не приемлет формулировки, что Беньи «на каждом матче дерется». Он не дерется. Он защищает важнейшую инвестицию этого города.

Давид как раз перестал использовать слово «инвестиция» применительно к Кевину в разговоре со своей девушкой, потому что та всякий раз спрашивала: «Ты действительно можешь так называть семнадцатилетнего парня?» Давид давно уяснил, что такие вещи объяснять бесполезно. Человек либо понимает этот аспект хоккея, либо не понимает.

На середине дороги, которая связывает район типовых застроек с остальной частью города, удалившись из поля зрения матери, Беньи остановился и закурил косяк. Дым наполнил легкие, сладкое спокойствие поднималось и опускалось где-то внутри. Его густые длинные волосы

заледенели на ветру, но тело всегда оставалось горячим. Беньи всюду ездил на велосипеде, невзирая на время года. Давид часто хвалил его перед другими игроками за крепкие мускулы ног и умение держать баланс. В ответ Беньи молчал, потому что тренер вряд ли хотел услышать в ответ, что так бывает, если каждый день ездить на велике по глубокому снегу.

Беньи ехал к другу через весь город. Вот фабрика – самый крупный работодатель в Бьорнстаде, где три года подряд идет «оптимизация кадрового состава» – красивый синоним для сокращения штатов. Вот большой супермаркет, который вытеснил из города своих маленьких конкурентов. Улица с магазинчиками в той или иной степени упадка и индустриальный район, где с каждым годом становится все тише. Спортивный магазин, в котором, кроме отделов «Охота» и «Рыбалка», есть еще «Все для хоккея», а больше, считай, ничего и нет. Чуть поодаль расположен бар «Шкура», его завсегдатаи делают это заведение особенно привлекательным для любопытных туристов, которые хотят получить крепкую фирменную взбучку от местных.

На западе, по дороге к лесу, располагается автосервис, а чуть дальше старшая сестра Беньи держит питомник. Она разводит собак для охоты и охраны жилья. Собаки-компаньоны в Бьорнстаде давно никому не нужны.

Кроме хоккея в этом городке любить особенно нечего, но, с другой стороны, Беньи ничего другого в своей жизни и не любил. Он затянулся поглубже. Парни постоянно предупреждали, что Давид выгонит его из команды, если узнает про траву, но Беньи в ответ лишь смеялся, пребывая в твердой уверенности, что этого не произойдет никогда. Нет-нет, вовсе не потому, что Беньи непревзойденный игрок, отнюдь. А потому, что непревзойденный игрок – Кевин. Он драгоценный камень, а Беньи – его страховая компания.

Суне бросил последний взгляд на своды ледового дворца. На висящие там флаги и майки – в память о мужчинах, о которых скоро некому будет помнить. Рядом болтается потрепанная растяжка со словами, некогда бывшими девизом клуба: «Культура. Равноправие. Солидарность». Суне был среди тех, кто подвешивал эту растяжку, но теперь он уже сомневался, что эти слова имеют какое-то значение. Да и в том, что когда-либо понимал их смысл.

«Культура» – странное слово применительно к спорту. Все о ней говорят, но никто не может объяснить, что имеет в виду. Все клубы обожают рассуждать о том, как они выстраивают культуру, но в конечном итоге пекутся только о культуре определенного рода – культуре победителя.

Суне знает, что так происходит во всем мире, но в маленьком городке это чувствуется особенно остро. Мы всегда любим победителей, хотя полюбить их непросто. Как правило, это люди одержимые, эгоистичные и жестокие. Но это неважно. Мы им это прощаем. Мы любим их, когда они побеждают.

Старик поднялся, держась за поясницу, и с тяжелым сердцем двинулся в свой кабинет. Захлопнул за собой дверь. Его личные вещи были собраны в маленькую коробку, задвинутую под стол. Он не собирается устраивать сцен, когда ему сообщат об увольнении, не будет давать интервью журналистам, он просто тихо исчезнет. Так он воспитан, и так он воспитал своих мальчиков. Клуб превыше всего. Интересы клуба на первом месте.

Как эти двое ухитрились стать лучшими друзьями, не знал никто, но разлучить их давно уже не пытались. Беньи позвонил в дверь виллы, размерами превосходившей половину квартала, в котором жил он сам.

Ему открыла мать Кевина. Она вежливо, но устало улыбнулась, не отрывая от уха телефона. Где-то в глубине дома нарезал круги отец Кевина, занятый громогласной дискуссией с собственным телефоном. Стена в прихожей была увешана семейными фотографиями, только на них Беньи видел всех троих членов семейства Эрдаль вместе. В реальной жизни обычно один всегда был на кухне, другой на работе, а третий во дворе. Банк-банк-банк-банк-банк. Дверь закрывается, вежливый голос бормочет в телефон извинения: «Да-да, прошу прощения, это мой сын. Совершенно верно, он у нас хоккеист».

В этом доме никто никогда не повышал голоса, но никогда и не понижал. Казалось, всякие чувства из этих отношений вырезаны раз и навсегда. Кевин одновременно был самым избалованным и неизбалованным ребенком, которого Беньи встречал когда-либо в жизни. Холодильник у них в доме всегда был забит контейнерами с едой, наполненными в соответствии с рекомендованной клубом схемой питания. Раз в три дня эти контейнеры наполнялись на заказ и доставлялись на виллу Эрдалей кейтеринговой компанией. Кухня в этом доме стоила раза в три больше, чем весь дом типовой застройки, в котором жил Беньи, но еду на ней никто не готовил. В комнате Кевина было все, о чем может мечтать парень в семнадцать лет, хотя с тех пор, как Кевину исполнилось три года, туда не заглядывал никто, кроме уборщицы. Ни одна семья в Бьорнстаде не тратила столько денег на спортивное увлечение своего сына, никто не жертвовал клубу большие суммы, чем предприятие его отца, но вместе с тем, чтобы сосчитать, сколько раз Беньи видел родителей Кевина на

трибуне ледового дворца, хватило бы пальцев одной руки, при условии, что два из них остались в токарном станке. Однажды Беньи напрямую спросил об этом у друга. На это Кевин ответил, что его родителям хоккей не интересен. А что же им тогда интересно, спросил Беньи. Кевин ответил: «Успех». Мальчикам тогда было десять лет.

Когда Кевин лучше всех в классе написал контрольную по истории и, придя домой, рассказал отцу, что набрал сорок девять баллов из пятидесяти, тот с отсутствующим видом спросил его, в чем он допустил ошибку. В семействе Эрдаль успех не был целью, он был нормой жизни.

Дома у них все было белым с идеально ровными углами, как в рекламном каталоге ватерпасов. Пока никто не видел, Беньи бесшумно передвинул обувную полку чуть в сторону, на миллиметр перекосил две рамочки с фотографиями на стене, а проходя по гостиной, незаметно провел большим пальцем ноги по ковру против ворса. Возле двери на террасу Беньи увидел, что в окне отражается мама Кевина, как она идет по дому, машинально поправляя обувную полку и рамочки, разглаживая ворс на ковре, но при этом не упускает ни слова из телефонной беседы.

Беньи вышел во двор, взяв с собой кресло, уселся, закрыл глаза, и слушал, как шайба бьется о борт. Кевин сделал небольшой перерыв, ворот футболки стал темным от пота.

– Волнуешься?

Беньи сидел с закрытыми глазами.

– Кев, помнишь, как ты первый раз со мной в лес пошел? Ты тогда еще никогда на охоте не был, ружье держал так, будто оно тебя сейчас укусит.

Кевин вздохнул так глубоко, что половина воздуха, вполне возможно, могла просочиться сквозь другие отверстия.

– Ты можешь вообще хоть к чему-то в этой жизни относиться всерьез, урод?

Широкая ухмылка обнажила ряд зубов, едва заметно отличающихся оттенком цвета. Если послать Беньи в другой конец площадки, он непременно вернется с шайбой, даже если это и будет стоить зуба – его собственного или чьего-то еще.

– Куда серьезнее, ты мне чуть яйца не прострелил!

– Ты что, правда совсем не волнуешься?

– Слушай, Кев, я волнуюсь, когда ты находишься поблизости от моих яиц с заряженным ружьем. А за хоккей я не волнуюсь.

Разговор прервали родители Кевина, прокричав «до свидания!». Папа – таким тоном, будто прощался с официантом, и мама – неуверенным голосом, добавив «мой мальчик». Как будто она действительно пыталась,

хотя и безуспешно, сказать эти слова немного иначе, нежели заученную театральную реплику. Входная дверь закрылась, было слышно, как на улицу выехали две машины. Беньи достал из внутреннего кармана новый косяк и прикурил.

– Слушай, Кев, а ты сам-то волнуешься?

– Нет. Нет, нет…

Беньи захохотал – друг никогда не умел ему врать.

– Точно?

– Ладно, Беньи, какого черта! Сейчас обосрусь от страха! Ты это хотел услышать?

Глядя на Беньи, можно было подумать, что он уснул.

– Ты сколько сегодня выкурил? – фыркнул Кевин.

– До нормы мне еще далеко, – пробормотал Беньи и свернулся в кресле калачиком, словно устраивался в Бьорнстаде на зимнюю спячку.

– Ты в курсе, что нам через час надо быть в школе?

– Мог бы придумать повод поинтереснее.

– Если Давид узнает, тебя вышвырнут из команды…

– Не-а. Не вышвырнут.

Кевин молча смотрел на него, опершись на клюшку. Есть много причин завидовать лучшему другу, но больше всего Кевину хотелось бы обладать способностью Беньи плевать абсолютно на все и при этом выходить сухим из воды. Кевин покачал головой и засмеялся, махнув рукой:

– Да уж, это точно.

Беньи заснул. Кевин повернулся к воротам, взгляд у него потемнел. Банк, банк, банк, банк, банк.

Снова. Снова. Снова.

На кухне у себя дома Давид, считая вслух, заканчивал отжимания. Затем принял душ, оделся, собрал сумку, взял ключи от машины и отправился в ледовый дворец, чтобы приступить к трудовым обязанностям. Прежде чем выйти из дома, тридцатидвухлетний тренер команды юниоров сделал последнее: поставив чашку с кофе на столик у входной двери, он помчался в ванную комнату, заперся там и включил воду в раковине и ванной на полную мощность, чтобы его девушка не слышала, как его рвет.

7

«Это всего лишь игра» – такую фразу время от времени слышит любой игрок. И многие принимают ее всерьез. Но достаточно понять единственную вещь, чтобы перестать верить подобной чепухе: без этой игры никто в Бьорнстаде не стал бы тем, кто он есть.

Перед тем как вместе с Беньи отправиться в школу, Кевин всегда идет в туалет. Ходить в школьные он не любит, не потому что брезгует, просто ему там не по себе. На него они наводят какой-то странный, необъяснимый страх. Только дома он может расслабиться по-настоящему – среди стен, выложенных запредельно дорогой плиткой, и с сантехникой, в равных долях соединившей в себе эксклюзивность и непрактичность. Их тщательно выбирал дизайнер по интерьерам, у которого на выставление счетов времени уходило больше, чем непосредственно на работу. Этот дом был единственным местом в мире, где Кевин мог побыть в одиночестве.

Везде – в ледовом дворце, в школе, по дороге туда и оттуда его окружала стайка друзей и знакомых. Он всегда был в центре, а вокруг силой гравитации удерживались остальные в порядке их умения держаться на льду.

Ближе всего – лучшие игроки, остальные располагались в соответствии с иерархией. С детства Кевин привык оставаться дома один, это считалось само собой разумеющимся, но теперь одиночества за пределами дома он не выносил.

Беньи ждал его на улице. Как всегда. Если б Кевин чуть меньше владел собой, он бы обнял его. Но Кевин не таков. Он лишь коротко кивнул и буркнул себе под нос:

– Пошли.

Мая с такой скоростью удалялась от отцовской машины, что Ане пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать. Она достала пластиковый шейкер и, переводя дыхание, сказала:

– Хочешь? Я теперь на диете, только смузи!

Мая замедлила шаг и покачала головой.

– На фиг тебе все время эти диеты? За что ты так ненавидишь свои вкусовые рецепторы? Что они тебе сделали?

– Да ладно тебе, это дико вкусно! Попробуй!

Мая со скептическим видом пригубила из шейкера и тотчас выплюнула.

– Там же *комки*!

Ана с довольным видом кивнула:

– Это арахисовая паста.

Мая с отвращением ковырнула язык, как будто снимая невидимый волос.

– Знаешь, Ана, тебе пора к врачу. Я серьезно.

Вообще-то школ в Бьорнстаде раньше было больше, ведь и детей тоже было больше. Сейчас осталось только два здания – в одном началка и средняя, в другом старшая школа и гимназия. А обедают все в одной столовой. Теперь Бьорнстад стал гораздо меньше.

Амат бежал по парковке наперегонки с Лифой и Закариасом. Они давно учатся вместе и дружат с начальной школы – не потому, что очень похожи: их объединяет то, что они не похожи на всех остальных. В таких местах, как Бьорнстад, популярные дети рано становятся капитанами, которые набирают свою команду еще на детской площадке. Амат, Лифа и Закариас были из тех, кого не принимали в игру. С тех пор они держатся вместе. Лифа говорит не больше, чем дерево, Закариас – не меньше, чем радио, а Амат просто наслаждается их компанией. Славная команда подобралась.

– …просто нереально крутой выстрел в голову! Он испугался и пытался скрыться… фак! Амат, ты вообще слышишь, что я говорю?

Закариас, одетый в те же черные джинсы, черную толстовку с капюшоном и черную бейсболку, которые он, казалось, носит с тех пор, как ему исполнилось десять лет, прервал свое выступление, посвященное, судя по всему, его виртуальному сражению в качестве до зубов вооруженного снайпера минувшей ночью, и пихнул Амата в плечо.

– Что?

– Ты вообще меня слышишь?

Амат зевнул.

– Да-да, конечно. Выстрел в голову. Ты крутой. Просто я есть хочу.

– Опять утром тренировался?

– Ага.

– Ты все-таки больной на всю голову.

Амат ухмыльнулся.

– Ты сам-то во сколько лег?

Закариас, пожав плечами, потер виски.

– Часа в четыре. Ну, может, в пять…

Амат кивнул:

– Ты играешь в игры столько же, сколько я тренируюсь, Зак. Посмотрим, кто из нас раньше станет профи.

Закариас собирался что-то возразить, но не успел. Его голова дернулась вперед от удара раскрытой ладонью сзади. Еще до того, как обернуться, Закариас, Лифа и Амат уже знали, что это Бубу. Черная бейсболка полетела на землю под хохот юниоров, которые внезапно их окружили. Закариасу, Лифе и Амату пятнадцать лет, юниоры всего на два года их старше, но физически уже превосходят настолько, как если бы их разделяло лет десять. Бубу из них самый крупный, широченный, как дверь в хлеву, и до того некрасивый, что крысы пугаются. Проходя мимо, он задел Закариаса плечом, тот споткнулся и упал на колени. Бубу запричитал с наигранным удивлением, юниоры, столпившиеся вокруг, всячески выказывали ему поддержку.

– Классная у тебя борода, Зак. Как прогноз погоды на праздник солнцестояния: местами ливневые дожди! – ухмыляется Бубу. И пока смех не утих, продолжает: – У тебя хоть вокруг пиписьки волосы выросли? Или ты по-прежнему плачешь в душе, когда видишь, что это опять катышки от трусов? Черт побери, Зак! У меня к тебе серьезный вопрос. Я все думаю, как вы решали, кому из вас первому лишиться невинности – тебе, Амату или Лифе, – когда вы впервые переспали втроем?

Юниоры как ни в чем не бывало двинулись дальше и через полминуты забыли об этом маленьком эпизоде, но их недобрый смех еще долго стоял в ушах пятнадцатилетних мальчишек. Помогая Закариусу встать, Амат увидел его полные молчаливой ненависти глаза. Каждое утро она росла. Амат боялся, что в один прекрасный день произойдет взрыв.

Человек хочет быть частью команды, этому способствуют разные вещи, и серьезные, и мелочи. Когда Кевин учился в начальной школе, они с отцом поехали на рождественскую ярмарку в Хед. У отца там была встреча, и Кевин бродил по ярмарке, разглядывая гномов и продавцов. В конце концов он заблудился и вернулся к машине на пять минут позже. К этому времени отец уже уехал. Кевину пришлось идти всю дорогу до Бьорнстада одному в темноте. Сугробы на обочине были выше колена, дорога домой заняла у него полночи. Еле держась на ногах, он вошел в дом. Родители спали. Так отец хотел научить его пунктуальности.

Полгода спустя их команда ездила на кубок по хоккею в другой город. Ледовый дворец там был таким огромным, какого мальчики еще не видали, и по дороге к автобусу Кевин заблудился. Его нашли старшие братья

игроков из команды противника, униженных Кевином пару часов назад, затащили в туалет и избили. Кевин никогда не забудет, какое недоумение отразилось в их глазах, когда откуда ни возьмись возник такой же небольшой паренек и набросился на них, раздавая пинки и удары направо и налево. Беньи и Кевин, в кровоподтеках и в синяках, пришли к автобусу, опоздав на сорок пять минут. Давид стоял и ждал их. Он сказал команде, чтобы ехали без него, он вернется на поезде вместе с Кевином и Беньи, когда те найдутся. Но остальные игроки отказались садиться в автобус. Они пока еще не выучили таблицу умножения, но знали, что команда не стоит ни гроша, если ее игроки не будут друг с другом считаться. Это вещь серьезная, хотя и мелочь. Важно знать, что есть те, кто тебя не оставит.

Кевин и Беньи переступили порог школы вдвоем, и их появление подействовало магнетическим образом: вокруг них мгновенно собрались Бубу и другие юниоры, через десять шагов это уже была группа из двенадцати человек. Кевин и Беньи к такому равнодушны, так бывает, если это происходит на протяжении всей жизни. Трудно сказать, что привлекло внимание Кевина, – за день до матча это мало чему удается, – но когда он проходил мимо шкафчиков, то встретился с ней взглядом. И споткнулся о Беньи. Тот выругался, но Кевин его не услышал.

Мая положила в шкафчик сумку, а когда собиралась закрыть его, обернулась, встретилась взглядом с Кевином и хлопнула дверцей себе по руке. Все длилось не дольше секунды, коридор заполнился людьми, Кевин исчез в толпе. Но от друзей, которые бывают только в пятнадцать лет, ничего не скроешь.

– О-о-о… с каких это пор тебя интересует хоккей? Мая смущенно терла ушибленную руку.

– Заткнись. Чего пристала…

Немного погодя она не выдержала и улыбнулась:

– Если человек не любит арахисовую пасту, это вовсе не значит, что он не любит… арахис.

Ана взорвалась хохотом, разбрызгивая изо рта смузи по всему шкафчику.

– О’кей, зачет! Только пообещай, что, если будешь говорить с Кевином, познакомишь меня с Беньи! Он такой… ммм… понимаешь, я бы его всего просто слизнула. Как кусочек масла!

Мая болезненно поморщилась и, заперев шкафчик, двинулась прочь. Ана бросилась за ней.

– А что такого? Тебе можно, а мне нельзя?

– Вы в курсе, что он эти шутки не сам придумывает? Не такой он остряк. Он просто ворует их из сети, – процедил Закариас, сконфуженно отряхивая с одежды снег.

Лифа поднял с земли его бейсболку и почистил ее. Амат похлопал по плечу.

– Знаю, что ты ненавидишь Бубу, но на следующий год мы станем юниорами… будет получше.

Закариас не ответил. Лифа посмотрел на него взглядом, полным отчаяния и злобы. Он бросил хоккей, еще когда они были совсем маленькими, потому что старшие игроки постоянно твердили, что он должен научиться сносить шутки в раздевалке. Этим все сказано, Лифа бросил хоккей из-за тех самых шуток. Если бы родители Закариаса не любили так этот вид спорта, то он и сам бы давно бросил, да и Амат держался до сих пор только потому, что был превосходным игроком.

– Вот станем юниорами, и все наладится! – повторил Амат.

Закариас промолчал. Он прекрасно знал, что ему не место в команде юниоров, для него хоккей закончится в этом году. Один только Амат еще не понял, что скоро оставит лучшего друга позади.

Не обращая внимания на молчание друга, Амат открыл школьную дверь, завернул за угол, и внезапно кровь застучала в ушах. Когда он видел ее, у него включалось туннельное зрение.

– Привет, Мая! – крикнул он – чуть громче, чем требовалось.

Она на мгновение обернулась и бросила на него беглый взгляд. Когда тебе пятнадцать, то взглядом можно ранить в самое сердце.

– Привет, Амат, – равнодушно ответила она и скрылась, едва договорив его имя.

А Амат так и остался стоять, не обращая внимания на глумливые взгляды Закариаса и Лифы, он знал, что они не будут особо напрягаться, чтобы сдержать смех.

– Привеееeет, Маяaaaaa… – передразнил его Закариас, а Лифа захохотал так, что из ноздри на майку брызнула сопля.

– Фак оф, Зак, – пробормотал Амат.

– Сори, сори, просто ты с первого класса за ней таскаешься, и первые восемь лет я был очень деликатным, поэтому сейчас имею право немного поржать, – сказал Зак.

Амат подошел к своему шкафчику, сердце в груди было тяжелое, как свинец. Он любил эту девушку больше, чем свои коньки.

8

Это только игра. От нее зависят лишь мелкие, незначительные, незаметные вещи. Например, что тебя признают. Заметят. Незаметные вещи, сущие пустяки, смех, да и только. Просто одного она делает звездой, а остальных оставляет в наблюдателях. Просто наделяет властью и проводит границы.

Просто.

Давид вошел в ледовый дворец и направился прямиком к себе в кабинет – самое крошечное помещение в конце коридора. Закрыв за собой дверь, он включил компьютер и стал изучать видео со вчерашнего матча противника. Потрясающая команда, безупречно отлаженный механизм, если перебрать всех игроков, то только Кевин может с ними сравниться. Чтобы у команды Бьорнстада появился хоть маленький шанс, им понадобится исключительное вливание, но Давид знает, что шанс этот у них есть: каждый из его игроков жизнь на площадке отдаст, если потребуется. Но Давида мутит не поэтому. Кое-чего им все-таки не хватает. Скорости.

Долгие годы игроками первого звена были Кевин, Беньи и парень по имени Вильям Лит. Кевин – гений, Беньи – воин. Но Вильям Лит очень медленный. Крупный и сильный игрок, который неплохо пасует. В игре с более слабой командой Давид нашел для него несколько тактических решений, чтобы прикрыть его недостатки, но команда, с которой они будут играть завтра, достаточно сильная, чтобы запереть Кевина, если только не найдется кто-то настолько шустрый, чтобы расчистить ему пространство.

Давид потер виски. Посмотрел на свое отражение в мониторе – кудрявая рыжая шевелюра и усталый взгляд. Он встал и пошел в туалет. Его снова вырвало.

В кабинете побольше, через два от Давида, за своим компьютером сидел Суне. Он снова и снова прокручивал то же видео, что и Давид. Было время, когда эти двое видели ситуацию на льду одинаково и во всем были единодушны. Но прошли годы, Давид повзрослел, и у него появились свои амбиции, а Суне постарел и стал упрямым. Теперь они спорят по любому поводу. Давид – за то, чтобы разрешить драки на льду, «потому что травм

будет меньше, если игроки будут знать, что потом их ждет взбучка за грязную игру», а Суне на это возражает: «Это все равно что думать, будто аварий на дороге будет меньше, если запретить страхование, потому что тогда люди будут больше беречь свои автомобили». Когда Давид говорит, что надо увеличить нагрузки, Суне вспоминает про то, что качество важнее количества. Когда Давид говорит: «Вверх», Суне в ответ кричит: «Вниз!» Когда другие спортивные объединения выдвигают предложение не вести счет голам и очкам, а также не делать таблицы успеваемости в детских хоккейных командах до двенадцати лет, Суне находит это «разумным», а Давид называет коммунизмом. Давид хочет, чтобы Суне просто позволил ему делать его работу, а Суне считает, что Давид не понимает, в чем суть его работы. Они превратились в двух солдат, которые окопались так глубоко, что давно уже не видят друг друга.

Суне откинулся на спинку кресла и потер глаза. Он вздохнул, и кресло скрипнуло под его тяжестью. Объяснить бы Давиду, до чего одинок тренер основной команды и какой безмерно тяжелый груз ответственности лежит у него на плечах. Что надо постоянно быть готовым поднять взгляд, соответствовать, меняться. Но Давид еще слишком молодой и задиристый, он не готов слушать и не хочет ничего понимать.

Суне зажмурился и выругался на самого себя. Кто он такой? Чем он лучше Давида? Одна из самых трудных штук, когда стареешь, – признать ошибки, которые уже слишком поздно исправить. Ведь когда ты обладаешь властью над людскими судьбами, самое страшное – ошибиться.

Суне всегда был противником перевода младших игроков в более взрослые команды. Старик непреложно следовал принципу, что ребенок лучше развивается среди сверстников, и если дать ему шанс раньше, чем полагается, то талант можно загубить. Но сейчас, сидя в одиночестве перед компьютером у себя в кабинете, он смотрел то же самое видео и видел то, что никто, кроме Давида, не понимал: если юниорам не добавить скорости, завтра они пропали.

Теперь даже Суне спрашивал самого себя: чего стоят принципы, если ты не победил?

Бьорнстад – городок достаточно маленький, чтобы почти все его жители друг друга знали, но довольно большой, чтобы среди этих жителей были и такие, кого никто не замечает. Роббану Хольтсу было за сорок; он почесал бороду, в которой уже появились седые волосы, и плотнее запахнул ворот армейской куртки. Когда в это время года с озера дует ветер, кажется, будто лицо тебе царапают призраки. Роббан шел по другой стороне улицы, делая вид, что спешит куда-то по важному делу. И твердил самому себе:

никто из прохожих не понимает, что он просто-напросто ждет, когда откроется «Шкура».

Вдалеке виднелась крыша ледового дворца. С тех пор как команда юниоров выиграла четвертьфинал, Роббан, как и все остальные, только и говорил что о завтрашнем матче. Правда, после того как фабрика вышвырнула его и еще девятерых человек, говорить ему стало особо не с кем. Возможно, его истории и раньше мало кого интересовали, но понял он это только сейчас.

Роббан посмотрел на часы. До открытия «Шкуры» еще порядочно. Он сделал вид, что ему нет до этого дела. Перед тем как войти в супермаркет, сунул руки в карманы, чтобы никто не увидел, как они дрожат. Наполнил корзину продуктами, которые были ему не нужны и на которые не было денег, а потом вдруг прихватил банку слабоалкогольного пива[1], будто это был сиюминутный порыв. «А, вы про это? Ну да, пусть будет в холодильнике на всякий случай». Роббан заглянул в скобяную лавку и попросил разрешения сходить в туалет. Там он осушил банку. Выйдя из туалета, как ни в чем не бывало поболтал с продавцом и купил несколько очень необычных шурупов, совершенно необходимых для его несуществующей мебели. Затем двинулся обратно по улице, глядя на крышу ледового дворца. Когда-то он, Роббан Хольтс, был его королем. Когда-то его талант ценили выше, чем сейчас ценят Кевина Эрдаля. Когда-то он был покруче Петера Андерсона.

Петер развернулся на парковке, выехал на дорогу, забарабанил пальцами по рулю. Оставив детей, он снова ощутил собственный пульс. Это просто матч команды юниоров. Всего-навсего матч. Не больше. Он повторял это, как мантру, но волнение только росло. Легкие точно втягивали кислород через глазницы. Хоккей – спорт простой: если воля к победе сильнее, чем страх проиграть, значит, у тебя есть шанс. Тот, кто боится, не выиграет никогда.

Юниоры, думал Петер, еще слишком молоды, чтобы бояться, слишком наивны, чтобы понимать, что стоит на кону. В хоккее нет полутонов: или небеса, или преисподняя. Те, кто сидит на трибуне, видят на льду либо гения, либо бездарность, третьего не дано. Офсайд не вызывает сомнений, либо он есть, либо нет, как и силовой прием – либо сработан чисто, либо заслуживает пожизненной дисквалификации. Когда Петеру было двадцать лет и он, на тот момент капитан команды, вернулся в Бьорнстад, почти выиграв финал высшей лиги страны, отец крикнул ему с кухни: «Почти? Нельзя, черт побери, почти ступить в лодку. Ты или в лодке, или в воде. А

когда все остальные барахтаются в воде, то ни одна сволочь не заметит, что ты оказался там в последнюю очередь».

Когда Петер подписал контракт с НХЛ и собирался уехать в Канаду, отец сказал ему, чтобы «не думал, будто он что-то из себя представляет». Возможно, старик не хотел выражаться так резко, просто имел в виду, что для достижения цели нужны смирение и упорный труд. А может быть, алкоголь заточил слова острее, чем было надо. Да и Петер, наверное, не собирался хлопать дверью так громко. Теперь это не имело значения. Молодой хоккеист молча покинул родной город, а когда вернулся, для слов было уже слишком поздно. Могильному камню в глаза не заглянешь и прощения у него не попросишь.

Петер помнил, как он одиноко бродил по улочкам своего детства, а люди, которых он знал с рождения, смотрели на него как чужие. Как они внезапно замолкали, стоило ему войти. Поначалу он в ужасе смотрел на часы, потому что думал, будто опоздал на встречу. И какое это было облегчение, когда они стали видеть в нем не звезду, а спортивного директора. Клуб продолжал терять рейтинг, и, когда люди стали говорить Петеру прямым текстом, что они о нем думают, он познакомился с той частью себя, которой хотелось, чтобы его все-таки воспринимали как звезду. В хоккее полутонов нет.

Так почему же он тогда не бросил хоккей? Да потому, что никогда не видел другого пути. Многие с трудом вспоминают, за что полюбили эту игру, но для Петера все просто. С самого первого мгновения, когда он оказался на льду, он без памяти полюбил тишину. Вся остальная жизнь за пределами ледового дворца, холод и мрак, больная мать и вечно пьяный отец – все это исчезало и замолкало, когда Петер выходил на лед. В тот первый раз ему было всего четыре года, но хоккей сразу дал понять, что потребует от него полной сосредоточенности. За это Петер его и любил. И любит по сей день.

Ровесник Петера, который, впрочем, выглядит лет на пятнадцать старше, смотрел, как мимо едет его автомобиль. Он плотнее запахнул ворот армейской куртки и почесал бороду. Когда им было семнадцать, лишь один человек во всем городе считал Петера более одаренным, чем Роббан. «Талант – дело тонкое: если выпустить в воздух два шарика, то дороже будет не тот, который быстрее летит, а тот, у которого веревочка длиннее», – говаривал старикан Суне. И он, ясное дело, оказался прав. Спонсоры и правление заставили его перевести Роббана в основную команду, хотя Суне настаивал на том, что мальчишка для этого еще не созрел. В итоге Роббан

пострадал от силового приема, получил травму и заработал страх на весь оставшийся сезон. Он старался поскорее отбить шайбу, лишь бы избежать прямых столкновений. Когда болельщики впервые освистали его, Роббан пришел домой и заплакал. Во второй раз он пришел домой и выпил.

В восемнадцать лет он был хуже, чем в семнадцать, а Петер тем временем стал таким игроком, какого Бьорнстад на своем веку не видал. И когда у него появился шанс попасть в основную команду, он уже был готов. Роббан чувствовал себя на льду все так же неуверенно, а Петера было ничем не испугать. Он перешел в НХЛ в тот же год, когда Роббан начал работать на фабрике. В хоккее не бывает «почти». Мечты одного сбылись, а другому приходится топтать снег в ожидании, пока откроется бар.

Всего лишь один пролет, пять ступенек вниз. Оттуда не видно крыши ледового дворца.

Суне услышал, как Давид выходит из своего кабинета. Дождавшись, пока хлопнет дверь в туалет, старик написал на желтом клочке бумаги четыре слова. Войдя в кабинет Давида, он приклеил клочок на монитор. Суне не верил в Бога, но в тот момент он обратился ко всем высшим силам, какие знал, моля, чтобы это не стало ошибкой. Чтобы эти четыре слова не разрушили мальчику жизнь.

На секунду ему захотелось дождаться Давида, посмотреть ему в глаза и сказать правду: «Надеюсь, ты никогда не перестанешь ругаться, Давид. Никогда не прекратишь посылать нас к черту. Только так ты сможешь стать лучшим». Но он вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Спорт делает мужчину непростым человеком: слишком гордым, чтобы признать свои ошибки, но достаточно покорным, чтобы ставить клуб на первое место.

Вернувшись из туалета, Давид прочитал четыре слова на желтом клочке бумаги: «Амат. Детская команда. Быстро!!!»

Это просто игра. Она просто меняет жизнь.

9

Бывают дни, когда мы, взрослые, чувствуем, что колодец наш пересох. Мы перестаем понимать, за что всю жизнь так яростно сражались. Оказавшись заживо погребенными под заботами повседневности, думаем, сколько еще протянем. Удивительно, что протянуть так можно гораздо дольше, чем нам кажется. Ужасно, что мы не знаем, сколько именно.

Пока вся семья спит, Мира ходит по дому и всех пересчитывает. Так делала ее мама, она пересчитывала детей – Миру и ее пятерых братьев и сестер. Мама не понимала, как можно иметь детей и все время их не пересчитывать, как можно не бояться каждую секунду их потерять. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть», – Мира слышала, как она ходит по дому и шепчет, а дети лежали с закрытыми глазами, и каждый из них чувствовал себя под надежной защитой, окруженный вниманием и заботой. Это одно из самых прекрасных детских воспоминаний Миры.

Она выехала за пределы крошечного Бьорнстада и, оставив за спиной лес, приблизилась к большому городу. Для нормальной ежедневной поездки на работу это несусветная даль, но Мира ощущает дорогу как одно мгновение, поскольку фактически успевает пересечь всю Вселенную. Этот большой город в океаны раз меньше столицы, в которой она родилась, и все же тут совсем иной мир, чем тот, что остался за лесом. Он больше. В нем есть коллеги – для стимула и споров о литературе, искусстве и политике, есть достойные противники, с которыми интересно сражаться.

Люди часто удивляются, что Мира, которая не понимает хоккея, вышла за хоккеиста, но это не совсем так: не понимает она тренировок. А как раз в матчах видит логику. Адреналин, жажда на грани ужаса ринуться в пропасть, чтобы взлететь или рухнуть в тартарары, – это Мире понятно. Нечто подобное она испытывает в зале суда и комнате для допросов, юриспруденция – та же игра, правила, правда, другие, но все точно так же зависит от того, есть в тебе азарт или нет. Как говорят в Бьорнстаде, сидит ли в тебе медведь.

Возможно, поэтому Мира, которая до девятнадцати лет никогда не жила в городе с населением меньше миллиона, несмотря ни на что смогла построить свою жизнь среди лесного народца. Она понимает их страсть к борьбе и разделяет ее. Она знает, что самое веселое в битве за успех – то, что она не кончается никогда. Одному богу известно, какими силами Мира

одолела учебу на юридическом факультете среди детей богатых родителей, которым никогда не приходилось по вечерам мыть посуду в семейном ресторанчике. Ты всегда будешь бояться упасть с вершины, потому что, зажмурившись, по-прежнему чувствуешь напряжение в мышцах и боль от каждого шага по дороге наверх.

Живот у Петера заболел еще до того, как он вошел в кабинет генерального директора. Там царил беспорядок, повсюду старые фотографии и кубки, на столе в углу несколько дорогих бутылок, клюшки для гольфа и приоткрытый шкаф, в котором виднелись запасные костюмы и чистые рубашки. Они явно были нелишними: директор сидел за письменным столом и поедал бутерброд, производя примерно такие же последствия, как если бы овчарка попыталась сожрать воздушный шарик, наполненный майонезом. Петер с трудом удержался, чтобы не вытереть салфеткой стол и самого директора – по крайней мере, последнего он точно не тронул.

– Будь другом, закрой дверь, – чавкая, попросил директор.

Петер глубоко вздохнул, чувствуя, как кишки завязываются узлом. В городе его считают наивным дурачком, не понимающим, к чему все идет. Но он всегда надеялся на лучшее. А теперь перестал. И закрыл дверь.

– Тренером основной команды будет Давид, – сообщил директор голосом ведущего из видеоролика о том, как нарушить все правила дипломатии.

Петер грустно кивнул. Директор стряхнул крошки с галстука.

– Все знают, что вы с Суне очень близки… – сказал он извиняющимся тоном.

Петер промолчал. Директор вытер руки о брюки.

– Ну что с тобой такое, черт побери, можно подумать, я продал твоего щенка китайскому ресторану. Интересы клуба на первом месте!

Петер смотрел в пол. Он один из игроков большой команды, так он себя всегда воспринимал. Основа всего – понимать свою роль и ее границы. Сегодня ему придется повторить это самому себе еще много раз, чтобы разум совладал с сердцем. Именно Суне уговорил его стать спортивным директором, дверь его кабинета всегда была открыта для Петера.

– При всем уважении: вы знаете, что я это решение не одобряю. Думаю, Давид пока не готов, – тихо сказал Петер.

Он не смотрел в глаза шефу, взгляд его блуждал по стенам, как будто что-то искал, хотя на самом деле Петер всегда избегал смотреть в глаза в сомнительных ситуациях. Мира говорит, что в любом мало-мальском конфликте он стреляет по невидимым глиняным голубям. Сообщая

продавцу в магазине, что тот недодал ему сдачи, Петер чувствует холодный пот и отчаянное желание забиться в угол и не дышать. За спиной у директора на стене висели дипломы и вымпелы, на одном из них, выцветшем и потрепанном, было написано: «Культура. Равноправие. Солидарность». Петеру хотелось спросить шефа, какова цена этим словам, раз они собираются вышвырнуть из клуба человека, который его построил. Но он промолчал. Директор всплеснул руками.

– Мы знаем, что у Давида жесткий подход, но он дает результаты. Спонсоры сделали крупные инвестиции… Черт побери, Петер, они спасли нас от банкротства! В кои-то веки у нас есть шанс построить что-то новое, используя собственные продукты – а именно юниоров.

Петер поднял взгляд и раздраженно процедил сквозь зубы:

– Мы не производим продукты. Не штампуем гвозди. Мы воспитываем людей. Парни сделаны из плоти и крови, речь идет о не бизнес-плане и прибыли. Работа с детьми – это не фабрика, как бы этого ни хотелось некоторым спонсорам…

На последних словах он прикусил губу. Директор почесал в бороде. Они оба измотаны, и тот и другой. Петер снова уставился в пол.

– Суне считает, что Давид слишком жмет на юниоров. Боюсь даже подумать, что будет, если он окажется прав, – пробормотал Петер.

Директор, улыбнувшись, пожал плечами:

– Знаешь, что бывает с углем, когда на него сильно давят? Он превращается в алмаз.

В семье Андерсон никогда не играют в «монополию» – не потому, что родители не разрешают, а потому что дети отказываются. Когда они играли в последний раз, кончилось тем, что Мира сунула игровое поле в камин, угрожая, что сожжет его, если Петер сейчас же не признается в жульничестве. Родители были такими азартными игроками, что Мая и Лео просто не хотели с ними тягаться. Лео любил хоккей потому, что ему нравилось быть в команде, но с таким же успехом мог отвечать за снаряжение, а Мая выбрала гитару. В игре на гитаре соревноваться нельзя, даже если очень-очень-очень хочется, – это мама Маи уже выясняла. Последнее воспоминание Маи о спорте относилось ко временам, когда она в шестилетнем возрасте проиграла в соревнованиях по настольному теннису, потому что ее толкнула другая девочка и Мая упала. Тренеру, который должен был раздавать медали, пришлось запереться в санитарном шкафу, чтобы Мира его не нашла. Мая утешала маму всю дорогу до дома. А потом попросила купить ей гитару.

Никогда в жизни Мира никому не завидовала так сильно, как в тот раз, когда впервые услышала, как Мая в гараже играет Дэвида Боуи, а Петер подыгрывает ей на ударных. В тот момент она обожала и ненавидела Петера за то, что ему хватило любви и чуткости разучить свою партию. Что ему удалось так сблизиться с Маей в ее неспортивном увлечении.

Петер ощущал в груди такую чугунную тяжесть, что не мог подняться со стула. Директор пытался говорить искренне и доверительно:

– Правление хочет, чтобы ты сообщил Суне о нашем решении и дал интервью прессе. Важно, чтобы люди видели: это наше общее решение, которое все разделяют.

Петер потер брови костяшками пальцев.

– Когда?

– Сразу после финала юниоров.

Петер удивленно посмотрел на шефа:

– Ты имеешь в виду завтрашний полуфинал?

Тот невозмутимо покачал головой.

– Если они проиграют полуфинал, Давид не получит эту работу. Правление выберет кого-то еще. Тогда нам, наверное, понадобится еще пара недель.

Мир пошатнулся.

– Ты шутишь? Вы что, хотите вышвырнуть Суне и взять кого-то *со стороны*?

Голова директора снова качнулась из стороны в сторону. Он открыл пакетик с чипсами и запустил в рот целую пригоршню, а потом стряхнул с пиджака соль.

– Петер, дорогой, не будь таким наивным! Если юниоры выиграют финал, мы привлечем столько внимания, сколько нам и не снилось. Спонсоры, муниципальные власти – все захотят участвовать. Только никаких «почти» правление не признает… посмотри на нас, посмотри на клуб…

Директор снова поспешно всплеснул руками и продолжил говорить, невзирая на потоки сыпавшихся изо рта крошек:

– Давай начистоту, Петер! Ты ведь работаешь сутки напролет не ради «почти», и в спортивные директора тебя взяли не за «почти». Никого не волнует, что парни выложились на все сто, все запомнят только конечный результат. Для основной команды у Давида опыта недостаточно, но если победа будет за нами, то мы на это посмотрим сквозь пальцы. Но если мы не победим… господи… ты знаешь правило жизни: или ты победитель, или

ты все остальное.

Генеральный и спортивный директора долго смотрели друг другу в глаза. Больше они ничего не сказали, потому что все и так было ясно. Если Петер не разделяет взгляды правления и спонсоров, то ему тоже найдут замену. На первом месте клуб. Так было всегда.

Каждый из четверых в их семье не был похож на остальных, и хотя Мира больше не напоминала им, что вообще-то Петер сознался в жульничестве, но все же, вспоминая историю с игровым полем для «монополии», она испытывала некоторую… неловкость. С рождения первого ребенка Мира ежесекундно и по любому поводу угрызалась, какая она плохая мать. Ей не хватает понимания, терпения, эрудиции, она дает детям с собой не такие уж вкусные бутерброды, она хочет от жизни чего-то большего, чем быть только матерью. Мира слышала, как другие женщины вздыхают у нее за спиной: «Господи, ты можешь себе представить, она работает на полную ставку!» И сколько она ни пыталась стряхнуть с себя эти слова, ничего не получалось – они приклеились намертво.

Мире стыдно было в этом себе признаться, но работа стала для нее освобождением, там она чувствовала себя на высоте, чего ей никогда не удавалось в роли матери. Даже в самые лучшие дни, в те прекрасные мгновения отпуска, когда Петер и дети играли на берегу, все хохотали и радовались, Мира чувствовала какую-то фальшь. Как будто она этого не заслужила, как будто показывает остальным искусно отретушированное семейное фото.

Работа выматывала и требовала полной отдачи, но все в ней было понятно и логично. Чего не скажешь о родительских обязанностях. Если на работе все делать правильно, то все пойдет по плану, но если ты все на свете делаешь правильно как мать, то вовсе не факт, что не случится ужасного.

Став спортивным директором, Петер очень быстро усвоил одну неприятную истину: им постоянно недовольны. Человеку, который хочет со всеми ладить, принять это крайне тяжело. Именно Суне тогда сказал ему, что не надо бояться: с его способностью к компромиссу он далеко пойдет, к тому же он умеет слушать и принимает сложные решения головой, а не сердцем.

Возможно, в тот момент Суне не мог предвидеть своего увольнения. Возможно, с годами его взгляды изменились. А может, изменился сам Петер, кто знает. Он вышел из кабинета начальника, закрыл за собой дверь

и остался стоять, прижавшись лбом к стене. Он знал правило, правило знали все: либо ты часть клуба, либо все остальное.

Только легче от этого не было. Петер знал, что недовольны окажутся все. Как всегда.

В углу на столе в рабочем кабинете Миры тесным рядком стояли семейные фотографии. На одной из них они с Петером в тот день, когда они только переехали в Канаду по приглашению НХЛ. Только сейчас, поставив на стул портфель, Мира заметила свое усталое отражение в стекле поверх фотографии, и засмеялась. Господи, какими они были молодыми. Она только что сдала экзамены на юриста и ждала ребенка, а ему предстояло стать суперзвездой. Все было просто, здесь и сейчас, несколько волшебных недель. Отражение в стекле перестало смеяться – она вспомнила, как быстро поблекли улыбки на фото.

Петер сломал ногу на предсезонных тренировках, а когда оправился от травмы, еще долго пытался выбраться из фарм-клуба. Когда у него наконец получилось, он снова сломал ногу. После четырех матчей в НХЛ. Он вернулся в строй лишь два года спустя. На шестой минуте своего пятого матча он упал и остался лежать. Мира закричала. Всю свою жизнь она клялась, что никогда не задвинет свои интересы ради мужчины, и все-таки бросила все и прошла с ним через девять операций, черт знает сколько часов реабилитации, лечебной гимнастики и прочих специалистов. Талант, пот и труд, а в итоге одни только слезы и горечь – сердце Петера хотело гораздо большего, чем то, на что было способно тело. Мира помнит, как врач рассказал ей, что Петер уже никогда не сможет вернуться в элитный хоккей, потому что сказать это Петеру никто не решался.

У них тогда уже родился сын, а на подходе была дочка. Мира уже решила, что назовет ее Мая. Их папа несколько месяцев подряд сидел с ними дома, но словно отсутствовал. Бывших хоккеистов не бывает, их температура никогда уже не снизится до нашей. Это все равно что пытаться адаптировать к мирной жизни солдата, вернувшегося с войны – если не с кем сражаться, он так и будет слоняться без дела. Прежде все дни Петера были расписаны по часам и минутам, вплоть до автобусов и раздевалок. Еда, тренировки и даже сон. Одно из самых страшных слов для таких людей – «повседневность».

Бывали моменты, когда Мира хотела сдаться и думала о разводе. Тогда она вспоминала одну из бумажек с дурацкими девизами, висевшими на стене в детской комнате Петера: «Я отступаю лишь для того, чтобы взять разбег».

Петер остался в коридоре один. Дверь в кабинет Суне оказалась заперта. Впервые за двадцать лет. Никогда Петер не испытывал такой благодарности, как сейчас, – за то, что не надо смотреть в глаза. Он вспоминал о слогане на растяжке в кабинете директора: «Культура. Равноправие. Солидарность». В голове вертелись слова Суне, сказанные целую жизнь тому назад на предсезонной тренировке: «Культура – это не только то, что мы поощряем, но и то, что позволяем». Для Суне-тренера это значило бегать наравне с юниорами, когда он гонял их до рвоты на пробежках по лесу. Для Суне-человека это правило действовало и за пределами спорта.

Петер налил себе кофе, выпил его, хотя на вкус он был – точно на дне чашки лежала дохлая мышь, остановился у стены в коридоре. Там висела фотография всей команды серебряного сезона, самое яркое воспоминание в истории клуба. Такие фотографии висели повсюду. В среднем ряду рядом с Петером стоял Роббан Хольтс. С тех пор как Петер вернулся в Бьорнстад, они ни разу не разговаривали, но и дня не прошло, чтобы Петер не думал о том, какой была бы его жизнь, поменяйся они когда-то местами. Что, если бы Роббан оказался талантливее его, если бы он поехал в Канаду, а Петер остался в Бьорнстаде работать на фабрике? Тогда бы все сложилось совсем по-другому.

Однажды утром Мира разбудила Петера прежде, чем проснулись дети. Она повела его смотреть, как они спят. «Теперь твоя команда – они», – шептала Мира, снова и снова повторяя одно и то же, пока его слезы не потекли по ее щекам.

В тот год они построили что-то новое. Они остались в Канаде и боролись в каждом углу площадки, куда забрасывала их жизнь. Мира получила место в адвокатском бюро, Петер работал на полставки в страховой компании. Все шло своим чередом, они надежно приземлились, но, когда Мира уже начала планировать будущее, наступили те самые ночи, когда они поняли, что что-то пошло не так.

Все детство мальчикам говорят, что они должны показать, на что способны. Этого будет достаточно, просто выкладывайся по полной. Петер смотрел в глаза своему изображению на снимке – неужели он когда-то был таким молодым? Он встретил Миру в тот вечер, когда они проиграли свой последний матч в столице. То, что они продвинулись так далеко, уже казалось чудом, но Петеру было мало. Он видел в этом матче не просто

игру, а шанс провинциалов показать парням из большого города, что не все можно купить за деньги. Столичные газеты тогда пренебрежительно окрестили эту встречу «Рев из тайги», и Петер, впиваясь взглядом по очереди в каждого игрока, кричал: «Пусть у них есть деньги, зато у нас есть хоккей!» Они выложились по полной. Но этого оказалось недостаточно. Вечером вся команда отправилась праздновать серебро. Петер всю ночь просидел в маленьком семейном ресторанчике возле гостиницы. Мира стояла за барной стойкой. Петер сидел и плакал – не о себе, а потому, что не знал, как смотреть в глаза людям, когда он вернется домой. Он предал их. Это было престранное первое свидание, вспоминая его, он смеялся. Как она тогда сказала? «Ты никогда не пробовал перестать постоянно себя жалеть?» Петер засмеялся и не мог остановиться несколько дней. С тех пор он боготворил ее каждую минуту.

Однажды, долгое время спустя, Мира крепко напилась и стала, как обычно, совершенно неуправляемой, она схватила Петера за уши и потянула так сильно, что они в буквальном смысле слова чуть не оторвались. Он умоляюще склонил голову, коснувшись ее волос, и Мира прошептала: «Идиот мой любимый, ты понимаешь, что именно тогда я в тебя влюбилась? Ты был такой потерянный паренек из глубинки, и я поняла, что человек, который пару часов назад занял второе место по стране и при этом сидит и плачет, потому что боится разочаровать тех, кого любит, будет хорошим мужем. Такой человек будет хорошим отцом. Он сможет защитить своих детей. И никогда не допустит, чтобы с его семьей случилось что-то плохое».

Мира помнит каждую секунду их падения во мрак. Самый страшный кошмар всех родителей – проснуться среди ночи, прислушиваясь к детскому дыханию. Каждую ночь чувствуешь себя полным кретином, когда слышишь, что все, как обычно, – ложная тревога. «Ну что я за человек?!» – думаешь ты. И обещаешь себе расслабиться, ведь ничего плохого никогда не случится. Но уже на следующую ночь лежишь, вытаращив глаза в потолок и поражаешься себе. А потом думаешь: «Ну ладно, в последний раз». Ты крадешься в темноте и ощупываешь ладонями маленький холмик в детской кроватке, чтобы убедиться: он поднимается и опускается, ребенок дышит. Но вот однажды ночью он опускается вниз и больше не поднимается.

И ты падаешь в пропасть. Долгие часы в комнате ожидания при больнице, ночи на полу возле постели сына, утро, когда врач сообщил Петеру то, что никто не решался сказать Мире. Все это время они падали в

пропасть. Как бы они смогли жить дальше, если бы у них не было Маи? Как вообще дальше жить?

Мира так радовалась, когда они переехали из Бьорнстада, она и представить не могла, что будет так счастлива вернуться обратно. Но здесь они могли начать все сначала. Петер, Мая и она. Потом появился Лео. Они были счастливы. Счастливы так, как вообще может быть счастлива семья, чье горе не лечится временем.

Мира по-прежнему не знала, как дальше жить.

Петер дотронулся до стеклянной рамы. От Миры у него всегда дыхание перехватывало, он до сих пор любил ее так, как любят подростки, так что сердце выпрыгивало из груди, как будто воздуха не хватает. Мира ошиблась. Он не сумел защитить свою семью. Каждый день он думал о том, что он должен был сделать и не сделал. Заключить сделку с Богом? Отдать ему свой талант? Пожертвовать успехом? Отдать свою жизнь? Что Бог дал бы ему взамен? Разрешил бы поменяться местами с новорожденным сыном, лежащим в гробу?

Мира по-прежнему ходит ночами по дому и считает детей. Один, два, три.

Двое в кроватях. Третий на небесах.

10

Что бы там ни говорили о Бьорнстаде, но все-таки дух там захватывает. Когда солнце встает над озером, а по утрам так холодно, что кислород хрустит в горле, когда деревья почтительно склоняются ко льду, чтобы детям, которые играют рядом, досталось как можно больше света, удивляешься, как люди живут в городах, где повсюду дома и асфальт. Четырехлетки в Бьорнстаде играют на улице одни, здесь по-прежнему есть люди, которые не запирают входную дверь. После Канады родители Маи устроили над ней такую гиперопеку, какая даже в большом городе была бы излишней, а уж в Бьорнстаде и вовсе казалась почти психозом. Странное это дело – расти в тени умершего старшего брата: начинаешь либо бояться всего на свете, либо вообще ничего не бояться. Мая выбрала второе.

После их фирменного тайного рукопожатия в школьном коридоре они с Аной расстались. Ана придумала его, когда они были в первом классе, а Мая сказала, что единственный способ сохранить его в тайне – это делать все так быстро, чтобы никто не смог ничего разглядеть: кулак вверх – кулак вниз – ладонь – ладонь – бабочка – палец крючком – пистолеты – джаз – мини-ракета – взрыв – попа к попе и суперклево. Все названия придумала Ана. Мая до сих пор смеется в конце, когда доходит до поп, Ана поворачивается к ней спиной, поднимает руки, кричит: «Ана суперклевая!» – и убегает.

Но теперь уже не так громко, как раньше, во всяком случае, в школе, когда другие могут увидеть. Она опускает руки, понижает голос, старается не привлекать внимания. В детстве Мая обожала свою подругу, та была не похожа на других девочек, но подростковые годы шлифовали ее, как наждачная бумага. Ана делалась глаже и глаже, меньше и меньше.

Иногда Мае было ее жалко.

Мира посмотрела на часы, выхватила из портфеля бумаги, заторопилась на встречу, потом на другую. Она, как обычно опаздывая, забежала обратно в кабинет, уже отставая от расписания. Было одно слово, которое Мира любила, но ненавидела, когда его произносили с бьорнстадским акцентом: «карьеристка». Так ее называли кумушки в Бьорнстаде – кто с восхищением, кто с отвращением, – а вот Петера карьеристом никто не называл. У Миры внутри все сжималось, потому что

она знала, что они в это вкладывают. Работа нужна человеку, чтобы содержать семью, а карьера – удел эгоистов. Карьера – это только ради себя. Поэтому Миру одинаково мучила совесть и дома, и на работе.

Везде сплошные компромиссы. В юности Мира мечтала об уголовных делах и громких судебных процессах в больших городах, теперь ее уделом стали договоры, контракты, мировые соглашения, встречи и имейлы, имейлы, имейлы. «У вас для этого слишком высокая квалификация», – сказал шеф, когда она устраивалась на работу. Как будто у нее был выбор. С таким образованием и опытом во многих местах мира она бы зарабатывала шестизначные суммы каждый месяц, но в пределах досягаемости от Бьорнстада эта контора являлась единственным вариантом. Ее услугами пользовались лесопилки и муниципальные власти, работа зачастую казалась монотонной, интересного было мало, никаких стрессов. Мира вспоминала их жизнь в Канаде, где хоккейные тренеры вечно обсуждали, что им нужен «правильный парень». Чтобы не просто умел играть, но и знал, как вести себя в раздевалке, не создавал проблем, делал свою работу. Играл молча.

Эти мысли прервала коллега, лучшая подруга Миры, ее антибиотик против глобальной скуки.

– Похмелье адское. Во рту вкус такой, как у таксы в заднице. Не помнишь, я вчера ничего не лизала?

– Я с тобой вчера не была, – улыбнулась Мира.

– Правда? Ты уверена? Это было после работы. Точно? Тебя разве не было? Мы вроде выпивали после работы, – пробормотала коллега, плюхаясь в кресло.

Рост у нее почти метр девяносто, и каждый сантиметр она носит с необычайным достоинством. Вместо того чтобы сутулиться перед пугливыми конторскими мужичками, она надевает огненно-красные туфли на высоченных каблуках, острых, словно армейский нож, и тонких, как кубинские сигары. Находка для комикса, она сразу оказывается в центре кабинета. Или тусовки.

– Что делаешь? – поинтересовалась она.

– Работаю. А ты? – с улыбкой спросила Мира.

Коллега помахала одной рукой, а другую приложила ко лбу на манер компресса из холодного полотенца.

– Собираюсь поработать.

– Мне надо разделаться с этим до обеда, – вздохнула Мира над своими бумагами.

Коллега склонилась над ее столом, изучая документы.

– У нормального человека на такое бы месяц ушел. Ты слишком крутая для нашей компании, понимаешь?

Она всегда говорила, что завидует Мириному интеллекту. А Мира завидовала умению коллеги использовать средний палец по назначению. Она кисло улыбнулась.

– Как ты там говоришь?

– Кончай ныть, заткнись и выстави счет, – ухмыльнулась коллега.

– Заткнись и выстави счет! – повторила Мира.

Склонившись над столом, женщины молча ударили друг дружку по ладони.

Учительница стояла у доски, пытаясь утихомирить семнадцатилетних мальчишек. В такие дни она спрашивала себя, зачем ей все это, – вопрос касался не только профессии учителя, но и жизни в Бьорнстаде вообще. Она повысила голос, но парни на задних партах не обратили внимания. Не нарочно, учительница не сомневалась, что они совершенно искренне ее не замечают. Наверняка были в классе и ученики, хотевшие большего, но их теперь не видно и не слышно, они склонились над партами и, прикрыв глаза, мечтали, чтобы хоккейный сезон поскорее закончился.

Одна из простых истин о городах и людях гласит: и те и другие становятся не тем, чем им велят стать, а тем, что о них говорят. Об учительнице всегда говорили, что она для школы слишком молодая. Слишком симпатичная. Дети не будут ее уважать. А мальчики из класса всегда слышали о себе другое. Что они медведи, победители и бессмертные.

Этого требует хоккей. Они нужны ему только такими. Этому учил их тренер, они должны были идти до конца в рукопашной на льду. Никто не думал о том, как эта установка будет работать за пределами раздевалки. Легко переложить вину на учительницу – слишком молодая, слишком красивая, слишком чувствительная, слишком обидчивая. Им слишком трудно ее уважать.

В последней попытке взять ситуацию под контроль учительница обратилась к суперзвезде и капитану команды, который сидел в углу, уткнувшись в свой телефон. Она произнесла его имя. Тот не откликнулся.

– Кевин! – повторила она.

Он поднял бровь:

– Да-да? Чем я могу быть полезен, моя прелесть?

Юниоры как по команде захохотали.

– Ты следишь за тем, что я говорю? Это будет на экзамене, – сказала

учительница.

– Я это и так знаю, – ответил Кевин.

Ее доводил до белого каления его тон – никакой провокации и агрессии. Голос равнодушный, как метеосводка.

– Ах, знаешь?

– Я читал учебник. Вы ведь пересказываете то, что там написано. Вашу работу мог бы выполнить мой телефон.

Юниоры заржали так, что стекла в рамах задребезжали, и тогда Бубу, самый крупный и предсказуемый парень во всей школе, всегда готовый пнуть лежачего, решил не упустить свой шанс.

– Спокойно, цыпочка! – хихикнул он.

– Как ты меня назвал? – взревела она, понимая, что именно этого он и добивался.

– Это комплимент. Я люблю цыпленка.

Хохот сотрясал всю школу.

– Садись!

– Я сказал, успокойтесь, цыпочка. Вам надо гордиться.

– Чем?

– Через пару недель будете рассказывать всем встречным, что когда-то учили легендарную команду юниоров, которая взяла золото!

Класс ликовал, кто-то стучал по батарее и топал ногами. Учительница понимала, что повышать голос поздно, она проиграла. Бубу вскочил на стул и стал скандировать, как заправский чирлидер: «Мы медведи! Мы медведи! Мы медведи, медведи из Бьорнстада!» Остальные юниоры повскакивали за ним следом и хором заорали. Когда учительница выходила из класса, они уже разделись по пояс и кричали во всю глотку: «Мы медведи из Бьорнстада!!!» Все, кроме Кевина, который по-прежнему сидел, невозмутимо уткнувшись в телефон, как будто был один в темной комнате.

В кабинете у Миры коллега с отвращением ворочала языком во рту.

– Нет, правда, такое впечатление, что я парик съела. Ты ведь не думаешь, что я флиртовала с тем типом во время отчета? Мне понравился совсем другой. Чем он там занимается? Тот, лохматый, с джинсовой задницей.

Мира засмеялась. Коллега – убежденная холостячка на грани экстремизма. Мира – фанатичная сторонница моногамии. Одинокий волк и мать-наседка, они обречены друг другу завидовать. Коллега пробормотала:

– Ладно. Кого ты выбрала бы из наших? Ну если бы вдруг понадобилось.

– Ты опять за свое?

– Да знаю я, знаю, ты замужем. Но представь, что твой муж умер.

– Ты спятила?

– Господи, да ладно тебе. Он что, заболеть не может? Или, допустим, впасть в кому. С кем бы ты хотела тогда переспать?

– Ни с кем! – гаркнула Мира.

– А если бы от этого зависела судьба человечества? Тот лохматый в тесных джинсах, да? Ну не барсук же, в самом деле!

– Барсук – это кто?

И тут коллега, нельзя не признать, весьма искусно изобразила мужчину, недавно занявшего один из руководящих постов на предприятии и имевшего поразительное сходство с барсуком. Мира захохотала так, что чуть не перевернула чашку с кофе.

– Не издевайся над ним, он милый.

– Коровы тоже милые, но в доме их не держат.

Коллега ненавидела Барсука – ничего личного, чистые факты. Ему дали место начальника, хотя все знали, что оно должно было достаться Мире. Мира старательно избегала эту тему, потому что не могла заставить себя рассказать коллеге правду. Предприятие предлагало Мире эту должность, но она отказалась. Согласись она, это обернулось бы долгими вечерами на службе и постоянными командировками. Она не могла поступить так со своей семьей. И теперь молча сидела, не в силах рассказать об этом коллеге, потому что боялась увидеть ее разочарованный взгляд: упустить такой шанс!

Коллега отгрызла сломанный ноготь и выплюнула в корзину для мусора.

– Ты видела, как он на женщин пялится, барсук этот? Глазенки маленькие, прищуренные, ставлю тысячу крон, что он из тех, кто любит, когда ему засовывают маркер потолще в задни…

– Если что, я РАБОТАЮ! – Мира не дала ей договорить.

– Что? Послушай, это объективное наблюдение. По части маркеров я большой спец, но я, конечно, понимаю, ты у нас вся такая в белом пальто, оплот морали, тебе можно, у тебя муж в коме!

– Да ты еще не протрезвела! – засмеялась Мира.

– А он что, любит такое? Петер в смысле. Как он насчет маркеров?

– НЕТ!

Коллега тотчас виновато затараторила:

– Прости, это больная тема, да? Вы из-за этого поругались?

Мира выставила ее из кабинета. Времени на смех не осталось. День у нее расписан, или, по крайней мере, так утром казалось. Но сначала

заглянул шеф и спросил, есть ли у нее минутка «пробежаться по договорчику», – это заняло час. Затем позвонил клиент по срочному делу, это заняло еще час. Потом позвонил Лео и сообщил, что тренировку перенесли на полчаса раньше, потому что юниорам понадобилось больше времени, так что Мира должна будет приехать домой сразу после обеда. Позвонила Мая и попросила купить ей по дороге новые струны для гитары. Петер прислал эсэмэс, что придет поздно. После этого снова заглянул шеф и спросил, есть ли у нее минутка для встречи. Минутки не было. Но она согласилась.

Мире хотелось быть правильным парнем. Хотя быть одновременно им и правильной мамой невозможно.

Мая хорошо помнит, как впервые встретила Ану. Они взялись за руки прежде, чем увидели лица друг друга. Мае было шесть лет, она одна каталась на коньках по заледенелому озеру. Родители бы ей никогда этого не позволили, но они были на работе, а няня заснула, сидя на стуле, поэтому Мая взяла коньки и выскользнула за дверь. Возможно, ей хотелось рискнуть, возможно, она не сомневалась, что взрослые всегда рядом и успеют помочь, прежде чем случится что-то плохое, возможно, она, как и все дети, была рождена для приключений. Неожиданно стало смеркаться, Мая не заметила, что лед потемнел. Внезапно он треснул, и Мая провалилась в ледяную воду так быстро, что даже не успела испугаться. У нее не осталось шансов – шестилетний ребенок, ни палок, ни шипов, пальцы окоченели и не могли держаться за край льда: она была уже одной ногой на том свете. Что ни говорите о Бьорнстаде, этот городок может вышибить из вас дух за секунду.

Сначала Мая увидела руку и лишь немного погодя саму Ану. Как шестилетняя девочка могла вытащить из проруби свою ровесницу, которая весила столько же, сколько она сама, да еще и была в мокром комбинезоне, – этого Мае не понять никогда. Но Ана есть Ана. С тех пор они были неразлучны. Ана – дитя природы, охотница и рыбачка, совершенно не понимавшая людей, и Мая – полная ее противоположность.

Когда Мая впервые побывала в гостях у Аны и услышала, как ругаются ее родители, она поняла, что Ана хорошо знает озеро, потому что дома ходит по тонкому льду. С тех пор Ана чаще ночевала у Маи, чем у себя дома. Они придумали свой ритуал прощания, чтобы всегда помнить: подруга, подруга всегда важнее друга! Ана повторяла это как мантру еще до того, как поняла истинный смысл этих слов. При любом удобном случае она уговаривала Маю порыбачить, пойти на охоту или залезть на дерево.

Маю, любившую сидеть дома у батареи и перебирать струны гитары, это выводило из себя. Но она безумно любила подругу.

Ана была настоящим вихрем. Шариком о ста гранях в обществе, где все лунки – только круглые. Им было по десять лет, когда Ана научила Маю стрелять из охотничьего ружья. Отец Аны всегда прятал запасной ключ от оружейного сейфа в коробке, которая стояла высоко на другом шкафу в подвале, пропахшем плесенью. Помимо ключа и пары бутылок водки в коробке хранилась куча порножурналов. Мая в ужасе посмотрела на Ану, но та лишь пожала плечами: «Папа не умеет пользоваться интернетом». Они стреляли в лесу, пока не кончились патроны. Тогда Ана, всегда носившая с собой нож, вырезала им мечи, и подруги сражались среди деревьев, пока не стемнело.

И вот Мая смотрела на свою подругу, которая смущенно опустила руки, не осмелившись прокричать «Суперклево!», потому что теперь она больше всего на свете мечтала быть такой же, как все. Мая ненавидела подростковый возраст, наждачную бумагу и круглые лунки. Ей так не хватало ее – девочки, которая играла в рыцарей в лесу.

Люди становятся тем, что о них говорят. Ана всегда слышала, что она одно сплошное недоразумение.

Беньи сидел в кабинете директора. Он сполз со стула настолько, что большая его часть располагалась над полом. Разыгрывался очередной спектакль: сейчас его отругают за то, что он в этом полугодии столько раз опаздывал, хотя на самом деле директору больше хочется поговорить о хоккее. Как и всем остальным. Речь не идет об исключении из школы или дисциплинарных мерах.

Время от времени Беньи вспоминал свою старшую сестру Адри, державшую собачий питомник. Чем ближе юниоры были к чемпионату, тем сильнее Беньи чувствовал свое сходство с собаками: будешь приносить пользу, поводок станет длиннее.

Учительницу стало слышно задолго до того, как она ворвалась в кабинет.

– Эти макаки… эти… я больше не могу!!! – орала она, переступая порог.

– Спокойно, цыпочка, – улыбнулся Беньи, уверенный, что сейчас схлопочет затрещину.

– ПОВТОРИ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?!! КЛЯНУСЬ, ЕСЛИ Я ЕЩЕ РАЗ ЭТО УСЛЫШУ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИГРАТЬ В ЭТОМ МАТЧЕ!!! – кричала она, подняв руку.

Директор, громко вскрикнув, вскочил из-за стола, схватил ее за руку и с возмущенным видом вывел из кабинета. Наверное, это правильная реакция – взять человека за руку, но и учительница, и Беньи знали, что взять за руку нужно было не ее.

В одном из кабинетов дальше по коридору голый по пояс Бубу соскользнул со стула и рухнул на пол, не докричав свое очередное «медведи из Бьор…». Окружившие его парни принадлежали к двум категориям: к тем, кто обожает хоккей, и к тем, кто его ненавидит. Первые перепугались, что Бубу получил травму; вторые на это надеялись.

11

Одна простая истина, которую повторяют так же часто, как игнорируют, заключается в том, что если вы говорите ребенку, что у него все получится или, наоборот, говорите, что у него не получится ничего, то все именно так и будет.

По натуре Бенгт не был лидером. Он только и делал, что кричал. Он тренировал Амата все те годы, пока тот играл в детской команде, и больше всего на свете Амат боялся, что если в следующем сезоне Давид станет тренером основной команды, то Бенгт получит место тренера юниоров в тот момент, когда туда переведут самого Амата. Еще два года с Бенгтом он просто не выдержит, даже ради хоккея. Бенгт не владел ни тактикой, ни техникой, для него хоккей – одна сплошная война. Чтобы приободрить их, Бенгт всегда орал: «Вы должны взять эту крепость! А не то они трахнут вас в задницу!» Если бы у этих пятнадцатилетних подростков в руках были топоры, а не клюшки, педагогика Бенгта все равно сводилась бы к тем же принципам.

Остальным в команде приходилось еще хуже, ведь если ты лучший, то тебе меньше попадает, а в этом сезоне Амат стал лучшим. Закариас только успевал уворачиваться от фонтана слюней, когда Бенгт орал: «Зак, хватит шрам между ног чесать, чертов транс!» или: «У тебя скорость как у беременной!» – но тут вылетал Амат. Когда он думает, как близок был год назад к тому, чтобы навсегда бросить хоккей, он и сам не знает, радоваться ли тому, что не бросил, или расстраиваться, что так решительно отказался от этой идеи.

Он тогда дико устал, это он помнит хорошо. Устал от борьбы, от постоянного крика, от взбучек и драк, от того, что во время тренировок в раздевалку проникали юниоры, резали его ботинки и выбрасывали одежду в душ. Устал доказывать, что он не тот, кем они его называют: «Из Низины. Сын уборщицы. Слишком мелкий. Слишком слабый».

Однажды вечером, придя домой, он лег в постель и пролежал в ней четыре дня. Мама его не трогала. Только на пятый день она открыла дверь и заглянула к нему перед тем, как уйти на работу:

– Я понимаю, что ты играешь с медведями. Но все же не забывай, что ты лев.

Поцеловав его в лоб, она положила руку ему на сердце, и он

прошептал:

– Мама, это так трудно.

– Если бы твой папа увидел, как ты играешь, он бы тобой очень гордился, – ответила мама.

– Папа, наверное, даже не знал, что такое хоккей… – пробормотал Амат.

– Именно поэтому и гордился бы! – повысила голос мама. А она гордилась тем, что никогда не повышает голос.

В то утро она уже успела вымыть трибуны, коридор, кабинеты и спустилась в раздевалку, когда вахтер зашел к ней, постучав о дверной косяк. Когда она подняла взгляд, вахтер кивнул на площадку и улыбнулся. Амат разложил между линиями свои варежки, шапку и куртку. В то утро мальчик понял, что единственный способ превзойти медведей в хоккее – это не играть в медвежьей манере.

Давид сел в верхнем ряду трибуны. За свои тридцать два года он больше времени провел в ледовом дворце, чем за его пределами. Он любил хоккей по многим причинам, но больше всего за то, что хоккей – самая сложная и самая простая штука на свете. Научиться хоккею можно за одну секунду, но на остальное уйдет целая жизнь.

Когда он стал тренером, Суне на протяжении всего сезона заставлял его смотреть все матчи основной команды отсюда, с верхотуры, где сосуды в носу лопаются, и теперь это стало привычкой, от которой трудно было отделаться. Отсюда хоккей выглядел по-другому, и правда состояла в том, что вопросы у Суне и Давида всегда были одинаковые, вот только ответы разные. Суне хотел до последнего держать всех игроков в их возрастной группе, чтобы у них было время поработать над слабыми местами, созреть, построить неуязвимую команду. Для Давида это означало создать команду, где не будет исключительных игроков. Суне считал, что, если мальчику приходится играть со старшими, он будет делать это на пределе возможностей. Давиду тоже так казалось, только он не видел в этом проблемы. Ему не нужна была команда, где все игроки одинаково хороши в чем-то одном, ему нужны были таланты разных калибров.

Суне был как Бьорнстад: он исповедовал древнюю веру в то, что дерево не должно быть выше леса, и наивно полагал, что много работать – это главное. Поэтому клуб достигал все больших успехов, а вместе с этим в городе стремительно росла безработица. Одной рабочей силы оказалось недостаточно, нужны были идеи. Коллектив работает только тогда, когда он собирается вокруг звезды.

В клубе хватало тех, кто полагал, что в хоккее «все должно идти как идет». От этих слов Давиду хотелось завернуться в ковер и заорать так, чтобы лопнули голосовые связки. Как будто хоккей хоть когда-то стоял на месте! Да когда его изобрели, еще даже пасов вперед не было, а два поколения назад вообще играли без шлемов. Хоккей, он как все живые организмы: должен развиваться и приспосабливаться к новым условиям, иначе он погибнет.

Давид уже не помнил, в какой момент они с Суне начали этот спор, но когда он по вечерам приходил домой не в духе, его девушка подкалывала его: «Опять с папочкой поругался?» Доля правды тут имелась: когда Давид стал тренером, Суне был для него больше чем просто куратор. Конец карьеры для хоккеиста – это череда захлопывающихся перед тобой дверей, а Давид жить не мог без команды, ему непременно надо было чувствовать себя частью чего-то большого. Когда в двадцать два года ему пришлось из-за травм навсегда покинуть площадку, Суне был единственным, кто его понял.

Суне обучал Давида работе тренера, одновременно объясняя Петеру азы профессии спортивного директора. Давид и Петер во многом были противоположностями, первый мог затеять конфликт с дверью, а второй так избегал малейших столкновений, что даже время убить не решался. Суне надеялся, что они друг друга дополнят, но вместо этого между ними выросла взаимная неприязнь.

Долгие годы Давид ужасно стыдился, что не может справиться с завистью, когда Суне и Петер запирались у Петера в кабинете, а его не приглашали. В основе любви Давида к команде лежал страх оказаться за бортом. В итоге он сделал то же, что и все амбициозные ученики: взбунтовался против учителя.

Ему было двадцать два года, когда он начал тренировать группу семилетних мальчиков, среди которых были Кевин, Беньи и Бубу. Вот уже десять лет, как он был их тренером, за это время он сделал их одной из лучших команд юниоров в стране, и теперь понял, что больше не может быть верным учеником Суне. Игроки для него были на первом месте, клуб требовал большего. «Команда важнее, чем ты» – этот принцип лежит в основе хоккея. Давид был принципиально убежден в том, что теоретикам спорта, не ступавшим ногой в раздевалку, никогда не понять их культуру. Пусть пеняют на «элитарность» в своих газетах сколько угодно. Им, эгоистам и трусам, не понять: сначала команда, потом уже ты.

Давид знал, что скажут люди, когда он займет место Суне. Он знал, что многие это не одобрят. Зато им понравятся результаты на табло.

Бенгт дунул в свисток у самого уха Зака, так что мальчик споткнулся о свою клюшку. Бенгт злорадно расхохотался.

– Худшим игроком на сегодняшней тренировке была, как обычно, малышка Зак. Ей выпала честь собирать шайбы и конусы!

Бенгт покинул площадку, за ним устремились остальные игроки. Некоторые смеялись над Заком, он попытался показать им средний палец, но в хоккейных перчатках сделать это непросто. Амат уже ездил по льду и собирал шайбы. Дружба есть дружба – пока Закариас оставался на площадке, Амат был рядом.

Когда Бенгт исчез из поля зрения, Зак с недовольным видом поднялся и проехался по льду, передразнивая манеру тренера – кататься, сильно подавшись вперед и злобно почесывая задницу:

– СОБЕРИ ШАЙБЫ! ЗАЩИТИ КРЕПОСТЬ! НЕ СТОЙ РАКОМ! У МЕНЯ НА ПЛОЩАДКЕ НЕ ТРАХАЮТ В ОЧКО… ОЙ… ПОГОДИТЕ… ЧТО ЭТО? У МЕНЯ В ОЧКЕ? ЧТО ЭТО – НЕУЖЕЛИ ТРАХ? АМАТ, У МЕНЯ ТРАХ ЗАСТРЯЛ В ОЧКЕ! А НУ ДОСТАНЬ ЕГО ЖИВО, КОМУ СКАЗАЛ!

И Зак стал пятиться на Амата, который с хохотом скользил от него по льду, а потом увернулся, и Зак, въехав прямо в открытый отсек для штрафников, плюхнулся на скамью.

– Может, останемся и посмотрим, как играют юниоры? – спросил Амат, хотя знал, что Закариас ни за что в жизни не согласится.

– Так и скажи – «посмотрим на Кевина», зачем приплетать юниоров. Знаю я, что он твой кумир, Амат, но у меня есть своя жизнь! Carpe diem! Смейся и люби!

Амат вздохнул.

– Ладно, забудь, проехали…

– У ТЕБЯ ЧТО, КЕВИН ЭРДАЛЬ В ОЧКЕ, АМАТ? – закричал Зак.

Амат стукнул клюшкой по льду.

– Может, придумаем чего-нибудь в выходные?

Амат попытался придать голосу непринужденность. Как будто он вовсе и не думал об этом весь день. Зак встал со скамейки штрафников с грацией слоненка, подстреленного усыпляющим шприцем.

– У меня есть две новых игры! Только приноси свою приставку, мою ты доломал в прошлый раз!

После такого обвинения Амат немного обиделся – приставка была сломана о его лоб, когда Зак швырнул ее в ярости после проигрыша. Он откашлялся и собрал оставшиеся шайбы.

– Я подумал, мы могли бы… пойти погулять.

Закариас посмотрел на Амата так, будто тот предложил налить яду друг другу в уши.

– Пойти куда?

– Ну… погулять. Люди иногда это делают.

– Ты имеешь в виду, что это делает Мая?

– Я сказал «люди»!

Закариас пританцовывая закружился на коньках и запел:

– Маю и Амата ветром кача-а-а-ает, Амат на Маю долго конча-а-ает…

Амат с грохотом наподдал шайбой об борт рядом с Заком, но не удержался и захохотал.

Давид и Бенгт стояли в коридоре у раздевалки.

– Это ошибка! – настаивал Бенгт.

– Как бы странно это ни прозвучало, но первые двенадцать раз я слышал это собственными ушами. А теперь помоги юниорам подготовиться к тренировке, – холодно сказал Давид.

Бенгт потопал вперед, а Давид потер виски. Не сказать чтобы Бенгт был незаменимым ассистентом, Давид спокойно относился к крику и мату, это часть хоккейной культуры, к тому же, по правде говоря, некоторым парням в команде был просто необходим такой тиран, хотя бы для того, чтобы они нацепили защиту на нужную часть тела. Но иногда Давид задавался вопросом, что будет, если Бенгту достанется команда юниоров, он ведь в хоккее разбирается не лучше, чем среднестатистический горлопан с трибуны. Если выйти на улицу и бросить камень, то любое живое существо, в которое ты попадешь, будет обладать примерно такой же компетенцией.

Амат и Зак шли по коридору и смеялись во весь голос, но, увидев Давида, тотчас замолкли. Мальчики прижались к стене, чтобы его пропустить. Амат подскочил от неожиданности, когда Давид поднял руку:

– Ты Амат?

Амат кивнул.

– Мы… нам поручили собрать шайбы… мы просто пошутили… Зак решил подурачиться, это шутка…

Давид непонимающе посмотрел на него. Амат нервно сглотнул.

– Ну а если вы ничего не заметили, так… ничего такого мы и не делали.

Давид улыбнулся:

– Я видел тебя на тренировках юниоров, ты сидел на трибуне. Ты там бываешь чаще, чем сами юниоры.

Амат кивнул с остолбеневшим видом:

– Я… извините… просто хочу научиться.

– Отлично. Я знаю, что ты изучаешь манеру Кевина, это хороший образец для подражания. Обрати внимание, как он всегда наблюдает за коньками защитника в команде противника, когда они оказываются один на один: как только коньки меняют угол и центр тяжести смещается, Кевин бросает по воротам в трафике.

Амат снова кивнул, полностью онемев. Давид смотрел ему прямо в глаза – мальчик не привык к тому, чтобы взрослые мужчины так с ним себя вели.

– Все знают, что скорость у тебя превосходная, но бросок еще надо оттачивать. Жди, когда вратарь переместится в сторону и бей по свободной траектории. Как думаешь, ты сможешь этому научиться?

Амат кивнул. Давид крепко похлопал его по плечу:

– Отлично. Поторопись с этим, потому что через пятнадцать минут у тебя тренировка с юниорами. Иди в раздевалку, там получишь футболку.

Амат машинально потянулся к ушам, чтобы убедиться – они на месте, он все правильно услышал. А Давида уже след простыл.

Дождавшись, пока тренер завернет за угол, Закариас бросился другу на шею. У Амата перехватило дыхание. Закариас прокашлялся:

– Слушай, Амат, а если серьезно, что бы ты выбрал – переспать с Маей или переспать с Кевином?

– Заткнись! – засмеялся Амат.

– Да ладно, уже спросить нельзя! – ухмыльнулся Закариас и, хлопнув его по шлему, прорычал: – Прикончи их, бро!

Амат сделал вдох, глубокий, как озеро у ледового дворца, и, миновав детскую раздевалку, вошел в раздевалку юниоров. Его встретили дружным взрывом возмущения, посыпался мат и проклятия: «Пошел вон, гребаный масочник!» Но тут вернулся из туалета Давид, и стало так тихо, что было слышно, как упала на пол чья-то ракушка. Давид кивнул Бенгту, и тот неохотно кинул Амату футболку, от которой воняло потом. Никогда еще Амат не был так счастлив.

В коридоре остался его лучший друг. За закрытой дверью.

В хоккее не бывает «почти».

12

Многолетний брак – дело нелегкое. Настолько нелегкое, что большинство из тех, кто с этим знаком, иногда задаются вопросом: «Мы все еще вместе потому, что это любовь, или мне просто не под силу заново открываться новому человеку?»

Мира знает, что выводит Петера из себя своим постоянным зудением. Ему надоела вечная критика. Иногда она звонит ему по пять раз на дню, чтобы проконтролировать, выполнил ли он свои обещания.

Все дело в метели. Она никогда ему не рассказывала.

В кабинете у Петера идеальный порядок. Письменный стол такой чистый, что с него можно есть, если, конечно, кто-то осмелится есть поблизости от кабинета Петера, не опасаясь, что у него может случиться паническая атака от крошек.

На полках стоят виниловые пластинки, которые он не берет домой, потому что боится Миру: она либо выкинет их, либо заставит его переехать в дом побольше. Петер заказывает пластинки в интернете с доставкой в канцелярию клуба, секретарь состоит с ним в заговоре. Кто-то курит тайком от жены, а кто-то тайно покупает пластинки.

Это его успокаивает – пластинки напоминают ему об Исаке. Петер никогда не рассказывал об этом Мире.

Мира не помнит, сколько лет было детям, когда случилась метель – наверное, они прожили в Бьорнстаде не так уж и долго, иначе бы она успела привыкнуть к тамошней зиме. Дело было незадолго до Рождества, уже начались каникулы, но на работе у Миры была экстренная ситуация, и ей пришлось ехать на важную встречу. Петер с Маей и Лео поехали кататься на санках. Мира стояла возле машины, наблюдая, как они удаляются в снежном вихре, – это выглядело красиво, но в то же время опасно. Когда они исчезли из виду, Миру охватило такое отчаяние, что всю дорогу на работу она проплакала.

Когда они жили в Канаде и Петер получил травму, Мира пошла работать, а Петер сидел с Исаком. Однажды у ребенка разболелся живот, и он кричал без остановки. Петер, охваченный паникой, перепробовал все способы: укачивал его, выходил с коляской на улицу, использовал все

известные ему народные средства, но ничего не помогало. В конце концов он поставил пластинку. Наверное, все дело было в старом проигрывателе – раздалось шипение, комнату заполнили голоса… Как бы то ни было, Исак тут же замолчал. Затем улыбнулся. И уснул у Петера на руках. В это мгновение Петер в последний раз в жизни почувствовал себя хорошим отцом. В этот момент он мог сказать себе, что справился с задачей. Петер никогда не рассказывал об этом ни Мире, ни кому-то еще. Но теперь втайне покупал пластинки, потому что хотел вернуть это мгновение хотя бы один-единственный раз.

После встречи в то утро накануне Рождества Мира позвонила Петеру. Тот не ответил. Притом что всегда брал трубку. Затем она услышала по радио предупреждение о том, что в лесу сильная метель и метеорологи рекомендуют остаться дома. Мира перезванивала Петеру тысячу раз, орала в автоответчик, но напрасно. Она бросилась в машину и всю дорогу по полной жала на газ, хотя обзор впереди был не больше метра. Она бегала среди деревьев в том месте, где они расстались утром, и кричала как сумасшедшая, падала на землю и рылась в снегу, как будто могла откопать там детей. Она отморозила уши и кончики пальцев, впоследствии она не могла объяснить, что на нее нашло. И только много лет спустя она поняла, что это был нервный срыв.

Через десять минут зазвонил телефон. На другом конце были Петер и дети, веселые и беспечные, они спросили, куда она подевалась. «ВЫ ГДЕ?» – крикнула Мира. «Дома», – ответили они, жуя мороженое и булочки с корицей. Когда Мира спросила почему, Петер с недоумением ответил: «Началась метель, и мы вернулись домой». Он забыл зарядить телефон, оставил его в тумбочке у кровати.

Мира никогда не рассказывала ни Петеру, ни кому-то еще, но после той метели она так до конца и не оправилась. У нее навсегда осталось чувство, что она их потеряла. Поэтому Мира звонила мужу и детям по пять раз на дню – иногда их отчитать. И убедиться, что они есть.

Петер поставил пластинку, но сегодня это не помогало. Он все думал о Суне. Часами пережевывал одну и ту же мысль, глядя на черный экран компьютера, и остервенело бросал об стенку резиновый мячик.

Когда зазвонил телефон, он так обрадовался, что даже не вспомнил, как его бесит, когда Мира уверена, что он опять забыл свои обещания.

– Ты машину в сервис отогнал? – спросила она, заранее зная ответ.

– Да! Конечно, отогнал! – ответил Петер таким убедительным голосом, который бывал у него, только когда он врал.

– А как же ты на работу добрался?

– Откуда ты знаешь, что я на работе?

– Слышу, как ты бросаешь об стенку свой идиотский мячик.

Петер вздохнул:

– Тебе когда-нибудь говорили, что тебе надо работать адвокатом или кем-то в этом роде?

Адвокат на другом конце засмеялся:

– Если бы я не была профессиональным победителем в «камень-ножницы-бумага», то подумала бы над твоим предложением.

– Да ты просто мошенница.

– А ты врун.

Вдруг Петер сказал с дрожью в голосе:

– Я так тебя люблю.

Мира захохотала, чтобы он не услышал, как она плачет, и сказала:

– И я тебя.

Они попрощались. Четыре часа спустя Мира обедала перед монитором, чтобы закончить пораньше и успеть купить гитарные струны для Маи – перед тем как заехать домой, чтобы отвезти Лео на тренировку. Петер и вовсе не обедал, чтобы не давать организму повода для новых рвотных позывов.

Многолетний брак – дело нелегкое.

В раздевалке юниоров непривычная тишина. Парни кожей чувствовали приближение завтрашнего матча. Вильям Лит, с бородой густой, как мех выдры, и весом примерно с небольшой автомобиль, хотя ему только что исполнилось восемнадцать, наклонился к Кевину и шепнул голосом, каким в фильмах про тюрьму просят нож, выточенный из зубной щетки:

– У тебя снюс есть?

В прошлом сезоне Давид в разговоре с Бенгтом упомянул, что одна подушечка снюса приносит больше вреда, чем ящик пива, и с тех пор Бенгт и родители готовы с юниоров скальп снять, если увидят на кармане джинсов потертость круглой формы от коробочки снюса.

– Нет, – ответил Кевин.

Лит благодарно кивнул и отправился на промысел дальше по раздевалке. Они играли вместе на первой линии, но, несмотря на то что Лит был крупнее и старше, Кевин всегда оставался безоговорочным авторитетом. Беньи, который пользовался чуть большим авторитетом, нежели Лит, дремал, лежа на полу, но, потянувшись за клюшкой, наподдал

Кевину в живот.

– Какого хрена?! – рявкнул Кевин.

– Дай снюс, – попросил Беньи.

– Слышь, гондон, ты чё, оглох? Бросил я.

Беньи так и лежал на полу, не спуская глаз с Кевина, и продолжал тыкать его клюшкой в живот, пока тот не достал из кармана куртки почти полную упаковку со снюсом.

– Когда ты уже поймешь, что мне бесполезно врать? – улыбнулся Беньи.

– Когда ты уже начнешь сам покупать себе снюс? – ответил Кевин.

– Возможно, это случится одновременно.

Лит вернулся несолоно хлебавши и радостно кивнул Кевину:

– Твои предки завтра будут на матче? Мать моя всей родне билеты купила!

Кевин молча обматывал клюшку изолентой. Боковым зрением Беньи оценил ситуацию и, повернувшись к Литу, с ухмылкой сказал:

– Не хочу тебя огорчать, Лит, но твоя родня ходит на наши матчи, чтобы полюбоваться на Кевина.

Раздевалка взорвалась дружным хохотом. А Кевин был избавлен от ответа на вопрос о том, придут ли его родители. Беньи был идеальным товарищем, если не считать, что у него вечно не было снюса.

Амат сидел в углу, прикинувшись ветошью. Самый юный игрок в раздевалке, масочник, он имел все основания не привлекать к себе лишнего внимания. Он старался смотреть поверх голов, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, но все же успеть вовремя среагировать, если в него запустят чем-то тяжелым. Стены над вешалками были увешаны плакатами с лозунгами: «Тяжело в тренировке, легко в игре», «Команда важнее тебя», «Играй за медведя на груди, а не за имя на спине». Особенно крупными буквами был написан лозунг, красовавшийся в центре: «Мы не умеем проигрывать, потому что редко этим занимаемся!»

Амат на секунду утратил бдительность и слишком поздно заметил надвигавшегося Бубу. Когда защитник нагнулся к нему, Амат целиком оказался в тени его исполинского торса. Он ждал, что Бубу ударит его, но тот улыбнулся. Ничего хорошего это не предвещало.

– Будь снисходителен к этим невежам, сам знаешь, какие они невоспитанные.

Амат заморгал, не зная, что на это ответить. Некоторое время Бубу откровенно наслаждался его растерянностью, затем с торжественным

видом повернулся к остальным игрокам, которые замерли в предвкушении. Он ткнул пальцев в ошметки изоленты, валявшиеся тут и там на полу.

– Смотрите, сколько мусора, парни! Разве это дело? А убирать кто будет, ваши мамочки?

Юниоры ухмыльнулись. Бубу демонстративно прошелся по раздевалке, подбирая обрывки изоленты, пока они не перестали помещаться у него в руках. Затем он поднял их к потолку и подбросил, бережно, как новорожденного младенца. Посмотрев Амату прямо в глаза, он улыбнулся и пояснил:

– А убирать будет мамочка Амата!

Помедлив в воздухе, ошметки обрушились на мальчика в углу, словно маленькие острые снаряды. Теплое дыхание Бубу коснулось его уха, когда защитник отдал распоряжение:

– Будь любезен, позови мамочку, масочник! А то грязь такая, что ступить негде.

«ВПЕРЕД!» – заорал Бенгт, и раздевалка опустела за десять секунд. Кевин вышел последним. Проходя мимо прикусившего губу Амата, который стоял на коленях и собирал изоленту, он бросил без всякого намека на сочувствие:

– Он просто пошутил.

– Да-да, конечно. Просто пошутил, – тихо повторил Амат.

– Ты… знаешь Маю? – добавил Кевин, уже стоя в дверях, как будто это случайно пришло ему в голову.

Амат поднял взгляд. В этом сезоне он не пропустил ни одной тренировки юниоров. Он знал, что у Кевина случайностей не бывает. Все, что он делает, спланировано и продумано до мелочей.

– Да, – пробормотал Амат.

– У нее парень есть?

Амат помедлил с ответом. Кевин нетерпеливо стукнул клюшкой об пол. Амат долго смотрел на свои руки, а потом неохотно помотал головой. Удовлетворенно кивнув, Кевин направился на коробку. Амат так и остался стоять, прикусив губу и раздувая ноздри. Наконец он швырнул изоленту в корзину и поправил защиту.

Последним, что он увидел, выходя из раздевалки, были слова, накорябанные затупившимся карандашом на пожелтевшей помятой бумажке: «Кому много дано, от того многого ждут».

Юниоры собрались на льду в центре площадки, где был изображен символ клуба – разъяренный медведь: громадный, гневный, грозный. Амат

был самым маленьким, всегда. С восьми лет он только и слышал, что не пройдет на следующий уровень, что он недостаточно крепкий, сильный и рослый. Он оглянулся по сторонам: завтра они играют в полуфинале, эта команда юниоров в четверке лучших по стране. И вот он здесь. Амат посмотрел на Лита, Бубу, Бенгта и Давида, на Беньи и Кевина и решил показать им, что он умеет играть. Даже если ради этого придется пожертвовать жизнью.

Ничто не свете не может расстроить Петера так, как хоккей. Самое странное, что почти ничего не может сделать его настолько счастливым. Он прокручивал в голове ситуацию до тех пор, пока в кабинете не кончился кислород. Когда тоска и тошнота стали невыносимы, он пошел на площадку и поднялся на трибуну. Там ему думалось лучше, он провожал взглядом мячик, равномерно бившийся об бетонный пол, и даже не заметил, как на льду началась тренировка команды юниоров.

Суне вышел из кабинета, чтобы налить себе кофе, а по дороге обратно увидел Петера, одиноко сидевшего на трибуне. Суне понимал, что Петер уже взрослый мужчина, но старый тренер так и не смог к этому привыкнуть.

Суне никогда не говорил Петеру, что любит его. Подобные вещи тяжело произносить и отцам, и тем, кто взялся их замещать. Суне знал, как боится Петер разочаровать остальных. У всех мужчин свои страхи, главный страх Петера – что он недостаточно хорош. Недостаточно хороший отец, муж, спортивный менеджер. Он потерял родителей и первого ребенка, каждое утро боялся потерять Миру, Маю и Лео. Он просто не вынесет, если к этому всему добавится еще и страх потерять клуб.

Суне наблюдал за тем, как Петер поднимает взгляд и наконец видит на льду юниоров. Как смотрит на них поначалу рассеянно: за долгие годы он так привык наблюдать за тренировками, что машинально пересчитывает игроков. Суне стоял в тени и следил за выражением его лица в ожидании момента, когда жетон упадет в отверстие.

В течение десяти лет Петер формировал эту команду и жил ее делами, он знал имена всех мальчиков и даже имена их родителей. Мысленно отмечал одного за другим, проверяя, все ли на месте, не получил ли кто травму, но, похоже, все было в порядке. Впрочем, он насчитал на одного игрока больше. Петер пересчитал еще раз. Что-то не сходится. И тут он увидел Амата. Самый маленький и легкий как пушинка, снаряжение по-прежнему было ему велико, как и во времена конькобежной школы. Петер

пристально посмотрел на него и бешено захохотал.

Сколько раз он слышал о том, что этому пареньку пора бросать, у него нет ни единого шанса, и вот он на льду. Никто не боролся за свой шанс так отчаянно, как он, и сегодня он наконец его получил. Ни дать ни взять исполнение мечты, а мечта в этот день была Петеру просто необходима.

Увидев на льду Амата, Суне почувствовал одновременно грусть и удовлетворение. Он вернулся в свой кабинет и запер дверь. Сегодня вечером ему предстояла последняя тренировка с основной командой – когда сезон будет окончен, он пойдет домой, в глубине души желая того, чего желают все, кто покидает свое дело: пусть все рухнет. Без нас жизнь остановится. Мы незаменимы. Но ничего не случится, ледовый дворец останется стоять на своем месте, клуб будет жить дальше.

Затянув ремешок на шлеме, Амат ринулся в самую толкотню, и его жестко сбили с ног силовым приемом, но, упав на лед, он тут же подскочил, словно мячик. Его еще раз сбили с ног, но он снова вскочил как ни в чем не бывало. Откинувшись в кресле, Петер улыбнулся во весь рот – по словам Миры, такая улыбка бывает у него лишь в сонном блаженстве после двух горячих бутербродов с сыром и полубокала красного вина. Петер дал себе еще четверть часа, а потом вернулся в кабинет. На сердце стало легче.

Фатима стояла в туалете и распрямляла спину, медленно и осторожно, чтобы никто не услышал, как она стонет от боли. Иногда по утрам ей приходилось буквально скатываться с постели на пол, потому что мышцы отказывали. Она скрывала это, как могла, всегда делала так, чтобы ее мальчик сидел в автобусе ближе к выходу, смотрел в другую сторону и не видел ее лица, когда она встает. Незаметно поддергивала вверх края мусорных пакетов в корзинах, чтобы потом меньше наклоняться. Каждый день Фатима придумывала все новые ухищрения, чтобы облегчить боль.

Заглянув к Петеру в кабинет, она извинилась, но, если бы она промолчала, Петер и вовсе бы ее не заметил. Он поднял взгляд от бумаг и удивленно посмотрел на часы:

– Дорогая Фатима, что вы здесь делаете?

Она в ужасе отступила назад:

– Извините, что помешала! Я только хотела забрать мусор и полить цветы, я могу прийти позже, когда вы уйдете домой!

Петер почесал голову. Засмеялся.

– Вам еще никто не сказал?

– Что?

– Про Амата.

Петер слишком поздно понял, что матери такое говорить нельзя. Она тотчас подумает, что либо ее сын попал в страшную катастрофу, либо его забрали в полицию, – когда говорят «а вы знаете, что с вашим сыном?», для родителей среднего не бывает.

Петер мягко обнял Фатиму за плечи и повел на трибуну. Ей понадобилось полминуты, чтобы все осознать. Закрыв лицо руками, Фатима зарыдала. Ее мальчик, на голову ниже всех остальных, – на тренировке юниорской команды. Ее родной сын.

Никогда еще она не держала спину так прямо. Она могла бы пробежать сейчас тысячу миль.

13

Юниоры играли вполсилы, им сказали выкладываться на семьдесят пять процентов, никому не нужны были травмы за неделю до матча. Амат себе такую роскошь позволить не мог и бросался во все горячие точки, взрезая лед каждой бороздкой коньков так, будто хотел вскрыть бетонный пол. Но тщетно. Юниоры цеплялись к нему и ставили подножки, прижимали к борту, били клюшками по запястьям и нарочно задевали все слабые места в защите, чтобы ударить побольнее. Он получил локтем по затылку, лихо упал на четвереньки и, увидев, как перед ним вспарывают лед коньки Лита, не успел зажмуриться и получил ледяной душ в лицо. Давид не проронил ни звука. Три четверти часа спустя мальчишка был таким усталым и потным, что понадобилось поистине эпическое самообладание, чтоб не заорать: «Что я здесь делаю?! Зачем вы меня позвали, раз все равно не даете играть?» Он слышал, как они смеются у него за спиной. И знал, что потом засмеются еще громче.

– Я же говорил, он слишком слабый, – фыркнул Бенгт, когда Амат в тысячный раз с трудом поднимался на ноги.

Давид посмотрел на часы.

– Один на один, поехали. Амат и Бубу, – скомандовал он.

– Ты шутишь? У Амата вторая тренировка подряд, он труп!

– Приготовь их, – ответил Давид.

Пожав плечами, Бенгт дунул в свисток. Давид остался стоять у борта. Он знал, что его подход очень спорный, и, чтобы клуб разрешил провести этот подход в жизнь, ему нужна очередная победа. Это единственное, что его беспокоило. Без проигравших нет победителей, чтобы на свет родилась звезда, кем-то из коллектива нужно пожертвовать.

Фирменное упражнение Давида «один на один» заключалось в следующем: вдоль борта площадки друг за другом ставятся конусы – так, что получается коридор. Защитник и нападающий едут друг другу навстречу. Нападающий должен суметь проскочить мимо в узком пространстве: если шайба вылетает за пределы коридора, выигрывает защитник.

Бенгт поставил конусы на расстоянии семи-восьми метров от борта, но Давид попросил его сузить коридор. Бенгт удивился, но просьбу выполнил.

Давид попросил сделать еще уже. Пара юниоров поежилась, но промолчала. В конце концов коридор стал не шире метра – настолько узким, что у Амата не осталось шансов, используя свою скорость, проскочить мимо Бубу сбоку, – они должны были столкнуться лоб в лоб. Амат, весивший почти на сорок килограммов меньше Бубу, тоже это видел. Мышцы на ногах дрожали от напряжения, когда он гнал шайбу, упражнение предусматривало некое честное расстояние между нападающим и защитником, но Бубу его не дал. Он помчался прямо на Амата и встретил его всей тяжестью своего веса. Тельце Амата отскочило на лед, как мешок с мукой. Со скамьи запасных раздался гогот. Давид жестом показал, что упражнение надо повторить.

– Будь мужчиной! – выкрикнул Бенгт.

Амат поправил шлем. Попытался успокоить дыхание. На этот раз Бубу двигался еще быстрее, у Амата в глазах потемнело, и когда он наконец раскрыл их в углу площадки, то даже не понял, как туда попал.

Он не услышал смеха со скамейки запасных: в ушах бултыхалось эхо от удара. Амат поднялся, взял шайбу. Бубу ткнул его клюшкой в грудь – это примерно как на полной скорости врезаться в торчащий сук.

– Вставай! – заорал Бенгт.

Амат с трудом поднялся со льда. Изо рта текла кровь, он понял, что прокусил губу или язык, а может, и то и другое. Бубу склонился над ним, но смотрел он уже не злорадно. На этот раз его взгляд был почти тревожным. В нем даже мелькнуло сострадание. Или, по крайней мере, некое его подобие.

– Какого черта, Амат? Лежи. Ты что, не понимаешь, Давиду только этого и надо. За этим он тебя и позвал.

Амат покосился на скамью запасных. Давид стоял и ждал с невозмутимым видом, скрестив на груди руки. Даже Бенгт и тот был немного обеспокоен. И только тогда Амат понял, что хотел сказать Бубу. Победа – единственное, что имело значение для Давида, а победить в большом матче может только команда, которая верит в себя. А что надо сделать за день накануне крупнейшего матча в истории клуба? Правильно, дать им прикончить слабого. Амат здесь не на правах игрока, он здесь в качестве жертвы.

– Лежи, – попросил Бубу.

Амат не слушал его.

– Еще, – прошептал он. Ноги дрожали.

Бубу ничего не ответил, тогда Амат постучал клюшкой по льду и

крикнул:

– ЕЩЕ!

Этого делать не стоило. Его слышали все, кто сидел на скамье запасных. У Бубу не было выбора. Глаза его потемнели.

– Хорош рыпаться. Слишком много о себе возомнил.

Амат разогнался, Бубу ждал его в середине коридора, принуждая свернуть в сторону борта, и, когда они поравнялись, просто принял Амата на корпус, проигнорировав шайбу. Амат ударился головой о борт, упал на лед и лишь спустя десять секунд смог встать на колени.

– Еще? – прорычал Бубу сквозь зубы.

Амат не ответил. Оставив за собой тонкую дорожку с каплями крови, он подъехал к синей линии, взял шайбу и приготовился. Он видел, как Бубу с напряженным торсом угрожающе прокатился вокруг медвежьей головы в круге и въехал в коридор, чтобы разделаться с Аматом раз и навсегда. «Будь мужчиной, – подумалось Амату. – Будь мужчиной».

Откуда только взялись силы на такой разгон? Как он решился помчаться прямо на Бубу после только что полученного удара? Но бывают в жизни такие моменты, когда ты – или пан, или пропал, а остальное значения не имеет. Хуже уже не будет. Гори в аду, сука. Бубу встретил его во всеоружии, но в самый последний момент Амат увидел, как поворачиваются коньки Бубу, и, вместо того чтобы «быть мужчиной», сделал двойную дугу и запустил шайбу аккурат между ними, а затем, ловко крутанувшись, ушел от силового приема.

Раз – и он проскользнул мимо Бубу, два – догнал шайбу, три – и он в зоне нападения. Было слышно, как Бубу с грохотом врезался в борт, но Амат видел перед собой только ворота. Он увел шайбу поглубже вправо, затем влево и снова правее в ожидании, пока вратарь сдвинется в сторону. Он ждал, ждал, ждал, пока коньки вратаря слегка, буквально на пару миллиметров, не повернулись, и только тут запустил шайбу в промежуток в другом конце ворот. Буквально поймал вратаря на противоходе. Шайба влетела в ворота, сетка качнулась.

Лев среди медведей.

Бубу в слепой ярости разгонялся всю дорогу в другой конец площадки. В команде он держался на коньках хуже всех, но, когда он догнал Амата и занес над ним клюшку, скорость у него все же была приличная, да и перевес достаточный, чтобы уложить парня в больницу. Он не услышал, как за спиной проворно разрезали лед чьи-то коньки, поэтому удар плечом

в челюсть оказался неприятной неожиданностью.

Амат в изнеможении сполз на лед и замер. Бубу распластался на арене, моргая от бьющего в глаза света, когда его вдруг заслонило лицо Беньи.

– Хватит, Бубу, – сказал он.

Бубу судорожно кивнул. Беньи помог ему подняться и нервно потер плечо.

Звук от удара шайбы о сетку может быть самым приятным звуком на свете, если тебе пятнадцать лет. Да и если тебе тридцать два.

– Запиши его на завтра, – сказал Давид и покинул скамью запасных.

Когда юниоры прошествовали в раздевалку, Амат все еще лежал на льду. Голос Бенгта донесся до него как сквозь плотную простоквашу:

– Собери шайбы и конусы. Обычно я парням говорю, чтобы за день до матча не трахались, но ты небось еще и не можешь, так что хотя бы не дрочи, завтра будешь играть со всеми.

Час ушел у мальчика на то, чтобы доползти-доковылять до пустой раздевалки. Обогреватели были выключены. Его изрезанные в клочья башмаки валялись на полу, насквозь мокрая одежда – на кафеле в душе. Это был лучший день его жизни.

14

Сегодня суббота, в этот день должно случиться самое главное. Самое хорошее и самое плохое.

Было утро, часы показывали без четверти шесть. Мая искала в кухонном шкафчике обезболивающие таблетки. С температурой и в соплях она вернулась в кровать и свернулась под одеялом рядом с Аной. И уже почти уснула, когда Ана пнула ее и сонно пробормотала:

– Сыграй мне.

– Тихо.

– Сыграй мне, говорю!

– Слушай, у меня к тебе вопрос. Что лучше: чтобы я играла на гитаре каждый раз, когда ты меня об этом попросишь, или ЧТОБЫ Я ТЕБЯ НЕ ПРИКОНЧИЛА ЭТОЙ ГИТАРОЙ?

Некоторое время Ана сидела и дулась. В конце концов она осторожно потрогала ногу Маи своими вечно ледяными ногами:

– Ну пожалуйста.

Мая сдалась и сыграла. Потому что Ана обожает засыпать под звуки ее гитары, а Мая любит Ану. Последним, о чем подумала измученная кашлем и головной болью Мая перед тем, как уснуть, было: сегодня лучше вообще не вставать.

Она еще пожалеет, что поступила по-другому.

Петер въехал в плотную темноту двора и остановил маленькую машину возле мастерской, располагавшейся в последнем здании на западной окраине города рядом с лесом. Он проспал три тревожных часа и проснулся совершенно разбитым.

Его друг детства по кличке Хряк стоял в слабоосвещенном гараже, склонившись над капотом «форда», настолько дряхлого, что оживить его, казалось, впору было только волшебством, а не простым гаечным ключом. Они всегда звали его Хряком, потому что на льду он держался с грацией лесного кабана. Ростом он был как Петер, только раза в два шире. Со времен их общей хоккейной юности живот у него обрюзг, но мускулы на руках и плечах были по-прежнему тверже стали. Хряк был одет в футболку, несмотря на открытую дверь. Он основательно пожал руку Петера,

совершенно не заботясь о том, чем тот будет потом оттирать с ладони липкое машинное масло и грязь. Хотя прекрасно знал, что у друга идиосинкразия ко всему липкому.

– Мия небось думала, что ты пригнал тачку еще вчера, – хмыкнул Хряк, кивнув на машину Петера.

– Ага, – признался Петер, усилием воли подавив панику от грязи на пальцах.

Хряк хрипло хохотнул, кинул ему тряпку и почесал бороду, настолько косматую и густую, что она начинала напоминать балаклаву.

– Ругалась?

– По головке не погладила, это факт, – сказал Петер.

– Кофе будешь?

– Ты, что ли, свежего сварил?

Хряк хрюкнул:

– Сварил? С каких это пор мы стали такими нежными? Вон в углу чайник и растворимый кофе.

– Спасибо, я себе сделаю.

Проходя мимо, Хряк нарочно коснулся его руки, Петер вытерся тряпкой и нервно улыбнулся. Сорок лет прошло, а шутки все те же. Хряк взял фонарик и вышел во двор, Петер стоял рядом поеживаясь, исполненный тем чувством собственной никчемности, что ведомо только мужчинам определенного поколения, когда другой мужчина того же поколения чинит машину твоей жены. Оторвавшись от капота, Хряк не стал утомлять Петера техническими подробностями:

– Фигня вопрос. Бубу починит, когда проснется. В девять можешь ее забрать.

Хряк вернулся в гараж и рассеянно поднял колесо «форда», словно кусок гофрокартона. К сожалению, Бубу унаследовал не только недюжинную отцовскую силу, но и неуклюжесть. В свое время Хряк был грозой всех нападающих, но, как говаривал Суне: «Этот парень может споткнуться о синюю линию».

– Может, пусть сегодня выспится? После обеда матч, – сказал Петер.

Не отрывая взгляда от колеса, Хряк приподнял бровь и стер с лица пот, оставив на бороде блестящие масляные полоски.

– На машину уйдет не больше двух часов. Если ты хочешь забрать ее в девять, ему раньше семи и вставать незачем. Выспится.

Петер открыл рот, но ничего не сказал. Матч есть матч, но завтра семье Хряка жить дальше, а хоккеем сыт не будешь. Бубу классный защитник, но до профи ему далеко. У него есть две младших сестры, а

особых поступлений в семейный бюджет не предвидится. «Медведи срут в лесу, остальные срут на Бьорнстад, а Бьорнстад срал на всех!»

Хряк предложил подбросить его до дома, но Петер решил прогуляться. Хотел немного прийти в себя. Он прошел мимо фабрики, где работников становилось все меньше. Затем мимо супермаркета, который вытеснил из города своих маленьких конкурентов. И, выйдя на дорогу, ведущую в центр, свернул на торговую улочку. Каждый сезон она становилась все короче и короче.

Рамона уже перешагнула пенсионный возраст, но прелесть собственного бизнеса состоит в том, что ты можешь работать и дальше. «Шкура» принадлежала ей с тех пор, как перешла к ней от матери, а та унаследовала ее от деда Рамоны. Там все было, как прежде, разве что дед курил в баре, а Рамона выходила на улицу. Три сигареты до завтрака, одна прикуривалась от угасающего огонька другой. Мальчики, приходившие в «Шкуру», играли в бильярд и пили пиво в кредит, называя Рамону мамашей Мальборо. Своих детей у нее не было, Хольгер не мог иметь детей и, возможно, никогда в них не нуждался. Он любил говорить, что вся его семья – это Рамона и спорт. Однажды его спросили, есть ли такой вид спорта, который ему не нравится, и он ответил: «Политика. Пора прекратить показывать по телику эту дрянь». Если бы случился пожар, Хольгер в первую очередь вынес бы Рамону, а у той в руках был бы сезонный абонемент на «Бьорнстад-Хоккей». Этот нелепый спорт был их общей страстью. Заразительный смех и ее рука в его теплой ладони – все это так и осталось на трибуне ледового дворца. Курила Рамона, а от рака умер Хольгер. «Не болезнь, а сплошная ирония», – беззаботно говорил Хольгер. Рамона никому не позволяла говорить, что он умер, – предпочитала формулировку «он от меня ушел», потому что видела это так. Как измену. Теперь, когда его больше не было, она стояла в снегу голая и беззащитная, словно дерево без коры.

Она научилась жить дальше. Куда деваться. Когда на фабрике заканчивалась вечерняя смена, в «Шкуру» приходили молодые работяги, которых Рамона именовала мальчиками, хотя у полиции для них имелись названия похуже. «Мальчики» были способны на многое, но они любили Рамону так, как любил ее только Хольгер, и она защищала их подчас слишком рьяно, и сама это знала. Бьорнстадцы – народ жесткий с рождения, но и жизнь не делала ее «мальчиков» более мягкими, а ведь они – это все, что осталось от Хольгера, все, что она помнила о той жизни.

Смерть творит с любящими сердцами странные и непонятные вещи.

Рамона жила в квартире этажом выше, прямо над баром, и несколько «мальчиков», водивших автопогрузчик с товарами на складе супермаркета, покупали ей продукты, потому что маленький магазинчик в конце улицы разорился, и старуха выходила за пределы своего дома разве что покурить. С тех пор как Хольгер ее покинул, прошло одиннадцать лет, но на каждом матче основной команды, даже если все билеты были распроданы, на трибуне оставалось два свободных места.

Петер увидел ее издалека. Рамона ждала его.

– Что угодно? – спросила она.

С годами Рамона постарела, но, как и ее бар, совершенно не изменилась. Те, кому не нравилось, что по вечерам «Шкура» превращается в притон для местной шпаны, считали Рамону неприятной особой, социофобкой на грани патологии. В последнее время Петер видел ее довольно редко, но всякий раз, приходя в «Шкуру», словно возвращался домой после долгого путешествия.

– Пока не знаю, – улыбнулся он.

– Волнуешься перед матчем?

На этот вопрос можно было не отвечать. Рамона затушила третью сигарету о подошву ботинка, положила окурки в карман и предложила:

– Виски?

Петер посмотрел на небо. Город скоро проснется, и даже солнце, похоже, планировало сегодня взойти пораньше. Люди просыпаются с мечтой о том, что матч юниоров изменит их жизни. Возможно, местные власти вновь обратят свой взгляд сюда, в лесную чащу? Построят спортивную гимназию, а может, даже торговый центр. Изменят формулировку в описании маршрута на «продолжайте движение мимо Хеда, вам дальше» вместо нынешней: «Если вы оказались в Бьорнстаде, значит, заехали слишком далеко». Петер столько времени убеждал людей в том, во что сам уже едва верил.

– Я бы выпил кофе, – ответил он.

Рамона хрипло хохотнула и двинулась вниз по лестнице.

– Да, так и бывает с сыновьями, чьи отцы слишком ударяли по виски: либо глушат не просыхая, либо вообще не пьют. Среднего не дано.

До восемнадцати лет Петер бывал в «Шкуре» чаще, чем за всю свою оставшуюся жизнь. Он забирал оттуда отца, а иногда приходилось заодно помогать ему в разборках с кредиторами из Хеда. С тех пор в баре ничего не изменилось. Разве что меньше пахло табачным дымом, но ведь это еще не худшее, чем может пахнуть в таком подвале. Утром там, понятное дело,

было пусто, Петер никогда не приходил сюда по вечерам – не самое подходящее место для спортивного директора клуба, где играет преуспевающая команда. Пожилые посетители «Шкуры» всегда имели что сказать, а молодежь способна была не только на крепкие словечки. У некоторых жителей этого городка насилие словно разлито в крови. В молодости Петер этого не замечал, но тем острее почувствовал, когда вернулся из Канады. Молчаливую ярость парней, у которых не сложились отношения с хоккеем, школой и экономикой. В городе их прозвали Группировкой, хотя никто никогда не слышал, чтобы они так себя называли сами.

Официально клуб хоккейных болельщиков в Бьорнстаде назывался «Ursus Arctos» – «Бурый медведь» по-латыни – и состоял как из мужиков, которые зависали в «Шкуре», так и из пенсионеров, детсадовских воспитательниц и молодых родителей на трибунах. В Группировке не было членских взносов и футболок с логотипами клуба. Бьорнстад – слишком маленький город для больших тайн, но Петер знает, что даже в свои лучшие дни группировка насчитывала не больше тридцати-сорока человек, но этого хватало с лихвой, чтобы на матчи основной команды ради них вызывали дополнительное полицейское подкрепление. Приглашенные хоккеисты, чья игра могла показаться не соответствующей зарплате, внезапно возникали в кабинете Петера и изъявляли желание разорвать контракт и уехать. Журналисты из местной газеты задавали острые вопросы, а на следующее утро делались подозрительно равнодушными. Из-за группировки в Бьорнстад боялись приезжать соперники, да и спонсоры тоже. Двадцатилетние парни из «Шкуры» были наиболее консервативными в городе: им не нужен был современный Бьорнстад, потому что они знали, что сами не будут ему нужны.

Рамона протянула Петеру через барную стойку чашечку кофе и постучала по деревянной столешнице:

– Есть о чем поговорить?

Петер почесал макушку. Мамаша Мальборо всегда была самым крутым психологом в городе, хотя ее стандартные предписания чаще всего звучали примерно так: «Соберись! Бывает и похуже».

– Скорее подумать.

Петер посмотрел на стены, увешанные футболками хоккеистов, фотографиями игроков, вымпелами и шарфами болельщиков.

– Когда ты в последний раз была на матче, Рамона?

– Ни разу с тех пор, как Хольгер меня покинул. Ты же знаешь, мой мальчик.

Петер повертел в руках чашку. Потянулся за кошельком. Рамона замахала руками, но он положил деньги на стойку.

– Если не хочешь брать плату за кофе, положи это в фонд.

Рамона одобрительно кивнула и убрала деньги. Фондом называлась заначка, которая хранилась у нее в спальне и извлекалась, когда очередного «мальчика» увольняли с фабрики и он не мог расплатиться по счетам.

– Один из твоих бывших товарищей по звену сейчас очень в этом нуждается. Роберта Хольтса сократили. Он теперь сюда зачастил.

– Ну и ну, – пробормотал Петер, не зная, что на это сказать.

Он ведь хотел позвонить Роббану еще из Канады, и когда вернулся, тоже хотел. Вот только «хотел» не считается. Двадцать лет – слишком много, и Петер не знал, с чего начать разговор. Извиниться? За что? И как? Петер снова обвел взглядом стены.

– Ох уж этот хоккей. Ты никогда не задумывалась, какой это странный вид спорта? Правила, арена… кто это только придумал?

– Может, кто-то хотел занять подвыпивших вооруженных людей чем-то менее опасным? – выдвинула свою версию Рамона.

– Понимаешь… этот страх… может, это звучит глупо, но ты никогда не задумывалась о том, что мы принимаем хоккей слишком близко к сердцу? Мы слишком давим на юниоров. Они ведь еще… совсем дети.

Рамона плеснула себе виски. Завтрак должен быть плотным.

– Смотря чего мы хотим от этих детей. И чего они сами хотят от хоккея.

Петер сжал чашку в ладони.

– А мы-то чего хотим? Что нам дает спорт? Мы тратим на него всю свою жизнь, и на что мы можем надеяться в лучшем случае? Пара мгновений… пара побед, пара секунд, когда мы почувствуем себя чуть больше, чем мы есть, пара эпизодов, когда мы воображаем, что мы… бессмертны. Ведь это ложь. Ведь это совершенно неважно.

Между ними повисла неподвижная тишина. И только когда Петер отодвинул от себя пустую чашку и встал, старая вдова опрокинула стаканчик и крякнула.

– Спорт дает нам только мгновение. А что такое, по-твоему, жизнь?

Лучший психолог в городе, что и говорить.

Мира собрала снаряжение Лео, сложила его выстиранные вещи, упаковала все в сумку и поставила в прихожей. Ему уже двенадцать, мог бы и сам собраться, она знает. А еще она знает, что ей придется отвезти его на

тренировку, а потом вернуться домой, потому что если он будет собираться сам, то половину забудет. Управившись со сборами, Мира просидела полчаса за компьютером. Когда Лео ходил в начальную школу, учительница рассказывала на индивидуальной беседе с родителями, что на вопрос о том, кем они работают, Лео ответил так: «Папа работает хоккеистом, а мама пишет имейлы».

Она поставила кофе, отметила галочкой пункты в ежедневнике и календаре, глубоко вздохнула – на сердце лежал камень. «Панические атаки», – сказал психолог полгода назад, больше Мира к нему не ходила. Ей было стыдно. Разве она недостаточно счастлива, разве не довольна своей жизнью? Что она скажет дома? Да что вообще они такое, эти панические атаки? Адвокат, жена спортивного директора, мать хоккеиста – видит бог, она обожает эти три свои ипостаси, только иногда останавливает машину посреди леса по дороге на работу или обратно и горько плачет в темноте. Она вспомнила, как мама в детстве вытирала им слезы и шептала: «А кто сказал, что жизнь – это просто?» Участь родителей – быть слишком маленьким одеялом: как ни пытаешься всех укрыть, все равно кто-то мерзнет.

Она разбудила Лео часов в восемь, завтрак уже стоял на столе, через полчаса она повезет сына на тренировку. Затем вернется домой, чтобы забрать Ану и Маю – они втроем волонтерят в кафетерии во время матча. Потом Лео надо забросить к приятелю, а Маю, понятное дело, к подруге. Мира надеялась, что потом, когда Петер придет домой, они успеют выпить по бокалу вина, а может, даже съесть размороженную лазанью, прежде чем Петер вырубится от усталости, а она будет до полуночи отвечать на письма из папки «Входящие», которая никогда не кончается. Завтра воскресенье, а значит, стирка хоккейной формы, сбор сумки для тренировки, ранняя побудка. В понедельник опять на работу, а работа в последнее время, если честно, не клеится. С тех пор как Мира отказалась от руководящей должности, требования к ней, как это ни странно ужесточились. Она знала, что ей позволяют приходить последней и уходить раньше всех только потому, что она лучшая в своем деле. Но Мира знала, что уже давно не выкладывается по полной. Нет времени. И сил.

Пока дети были маленькими, Мира смотрела с недоумением, как другие родители теряют рассудок на трибунах ледового дворца, а теперь сама стала такой же. Детское увлечение перестает быть только детским, с каждым годом родители тратят на него все больше времени, жертвуют собственными интересами и платят такие деньги, что увлечение намертво вгрызается и в их взрослый мозг. Начинает символизировать нечто иное, то

компенсируя, то усугубляя их взрослые провалы и неудачи. Мира знала, что это звучит глупо, это всего лишь дурацкий матч в дурацком виде спорта, но в глубине души она тоже нервничала до дурноты – за Петера, за юниоров, за клуб и город. В глубине души она тоже нуждалась хоть в какой-то победе.

Проходя мимо комнаты Маи, она подобрала с пола вещи. Дочь застонала во сне, и Мира потрогала ее лоб: горячий. Через пару часов, к ее удивлению, Мая по собственному почину и даже с некоторым рвением поедет в ледовый дворец. Обычно она устраивает настоящий спектакль, ссылаясь не любые недомогания вплоть до секущихся волос, только чтобы не идти на хоккей.

Впоследствии Мира тысячу раз пожалеет о том, что не оставила ее дома.

15

Многое в этой жизни причиняет нам боль – почему, мы и сами не знаем. Возможно, страх – наша внутренняя сила тяжести: под его действием душа сжимается. Беньи всегда легко засыпал, но спал плохо. Утром в день матча он проснулся рано не потому, что волновался, места для тревоги внутри уже не оставалось. Он вышел из дома еще до того, как проснулась мать, и, оставив велосипед на опушке леса, последние километры до питомника Адри прошел пешком. Беньи сидел во дворе и гладил собак, пока не пришли две других его сестры, Катя и Габи. Они поцеловали брата в макушку, а вслед за ними появилась и старшая сестра, которая, отвесив ему хороший подзатыльник, спросила, правда ли он назвал учительницу цыпочкой. Беньи никогда не врет Адри. Она снова хорошенько треснула его по затылку, потом также крепко поцеловала, прошептав, что любит его и что все будет хорошо, но если она еще раз услышит, что он назвал так учительницу, то пришьет его на месте.

Сестры с братом молча завтракали вчетвером в окружении собак. Они собираются ради этих молчаливых поминок раз в год, и всегда рано утром, чтобы мать не узнала. Она так и не смогла простить мужа. Беньи был еще слишком мал, чтобы ненавидеть, а сестры застряли где-то посередине. У каждой была собственная борьба. Беньи встал из-за стола и вышел, ничего не сказав, а сестры не спросили, куда он пошел. Одна за другой они поцеловали его в макушку, сказав напоследок, что обожают его, хоть он и редкий засранец.

По снежной тропинке Беньи вернулся к велосипеду и отправился на кладбище. Там, сгорбившись, он уселся спиной к надгробию Алана Овича и стал курить косячок, покуда не обмяк и уже не мог сдерживать слезы, водя кончиками пальцев по истертой надписи на камне.

Пятнадцать лет назад в этот день, ранним мартовским утром, пока все спали, Алан достал свое охотничье ружье и, прихватив заодно все, что причиняло боль, ушел в лес. Ты можешь объяснять это ребенку хоть тысячу раз. Когда ты таким образом теряешь отца, невозможно поверить, что взрослые не врут, когда говорят: «Ты в этом не виноват».

Человеку больно. И душа сжимается.

Время на цыпочках кралось к обеду. У себя во дворе Кевин мягкими

уверенными движениями вел шайбу по затейливой траектории между сорока бутылками, расставленными на льду. Со стороны можно было только подивиться такой бешеной скорости, но для него каждое движение казалось неспешным и выверенным. Он сам не знал, почему время течет для него медленнее, чем для всех остальных. В детстве старшие ребята частенько устраивали ему взбучку за то, что он слишком хорошо играет, пока однажды откуда ни возьмись на тренировке не появился Беньи. Много месяцев подряд они ночевали друг у друга дома, читали под одеялом с фонариками старые комиксы про супергероев, оставшиеся от сестер Беньи, и жизнь обоих мальчишек обретала смысл. Их объединяли суперспособности.

– Эй, парень! – на веранде показалась мама Кевина и кивнула на часы.

Когда Кевин подошел к ней, она осторожно протянула руку и стряхнула снег с его плеча. Ее рука задержалась на плече сына дольше обычного, непривычно мягкая и нежная.

– Волнуешься? – Мать прикусила губу.

Кевин помотал головой. Она гордо кивнула.

– Нам пора. У нас с папой ранний рейс в Мадрид. Высадим тебя возле ледового дворца.

– Может, успеете посмотреть первый период?

Кевин по глазам видел, что мать разрывается. Но она бы никогда не призналась.

– Мы спешим, дорогой, у папы важная встреча по работе.

– Ага, турнир по гольфу, – прошипел Кевин. С его стороны это был предел дерзости.

Мать не ответила. Кевин знал, что продолжать бесполезно, в этом доме ценится не хоккей, а искусство избегать разговоров о своих чувствах. Повысил голос – проиграл, услышишь в ответ: «Я не буду вести разговор на повышенных тонах», и где-то в доме закроется дверь. Кевин вошел в прихожую.

Мать немного поколебалась. Она снова протянула руку, чтобы положить ее сыну на плечо, но передумала и ласково погладила его шею. Она работала начальником на большом предприятии, и подчиненные любили ее за отзывчивость и готовность идти навстречу – это нетрудно, если соблюдать субординацию. Долгие годы она засыпала с мечтой о том, что будет делать в старости, когда у нее появится больше свободного времени, а теперь просыпается среди ночи и не может вспомнить ничего из того, о чем мечтала. Она хотела дать Кевину все то, чего в детстве так не хватало ей самой, и надеялась, что времени хватит и на другое. На то,

чтобы разговаривать и слушать. Но годы пронеслись незаметно, между ее работой и хоккейными тренировками сына. Он вырос, а она так и не научилась общаться с ребенком, запрокинув голову и глядя ему в глаза снизу вверх.

– Мы обязательно придем на финал! – пообещала она так, как может пообещать только мать, живущая в мире, где участие сына в финале представляется единственным возможным вариантом развития событий.

В кафетерии было по-прежнему пусто, хотя ледовый дворец потихоньку заполнялся народом. Мира сварила кофе и достала из морозилки булочки для хот-догов. Мая напряженно смотрела в окно.

– Кого ты там высматриваешь? – ехидно спросила Ана.

Мая окинула ее свирепым взглядом, после чего Ана сложила рупором руки и голосом стюардессы произнесла:

– Дамы и господа, просим вас не вскрывать упаковки с закусками во время полета. На борту присутствуют пассажиры с аллергией на арахис.

Мая треснула ее по ноге, но Ана увернулась и продолжила как ни в чем не бывало:

– Мы можем предложить вам осторожно слизывать соль с арахи…

Мира прекрасно все видела, слышала и понимала, но ничего не говорила. Ни одна мать по доброй воле не позволила бы ребенку так быстро расти. Проблема только в том, что выбора нет. Мире когда-то тоже было пятнадцать, и, к сожалению, она слишком хорошо помнила, какие мысли тогда проносились в ее голове.

– Пойду принесу молоко из машины, – поспешно сказала она, когда почувствовала, что Ана сейчас скажет нечто не предназначенное для ее ушей, особенно в присутствии Маи.

Отец уже сидел в машине, он попросил Кевина сесть спереди и начал экзаменовать его перед предстоящим в понедельник экзаменом по английскому. Жизнь отца была одним сплошным перфекционизмом, она напоминала шахматную доску, где он на пару ходов должен опережать остальных, иначе все пропало. «Успех не бывает случайным. Удача приносит шальные деньги, но не успех», – любил повторять отец. Его жесткость в бизнесе многих пугала, но Кевин ни разу не видел, чтобы отец поднял на кого-либо руку или повысил голос. Когда хотел, он умел быть обаятельным, при этом умудряясь ни словом не обмолвиться о себе. Он никогда не терял самообладания и никого из себя не строил – так бывает, если ты все время живешь будущим. Сегодня полуфинал, но экзамен по

английскому в понедельник никто не отменял. Ты всегда на пару ходов впереди.

«Моя задача – быть твоим отцом, а не приятелем», – сказал отец, когда Кевин впервые за много лет упомянул, что мать Беньи приходит почти на все матчи. Не было никакой необходимости доказывать это с пеной у рта, Кевин и так все понимал: мать Беньи не отстегивает ежегодно миллион крон на нужды клуба и не следит за тем, чтобы в ледовом дворце исправно работали все лампы. Поэтому у нее есть время ходить на матчи.

Беньи выбрал дорожку, ведущую к озеру, чтобы спокойно покурить и никому не попасться на глаза, а то мать Лита опять устроит сбор подписей, как в тот раз, когда в детском саду Лит засек, что Беньи ест сладости, хотя была не суббота[2]. Мать Лита ратовала за справедливость и равноправие – разумеется, в ее собственном понимании. Почти все родители такие. Беньи всегда считал, что для взрослых Бьорнстад – не самое лучшее место. Он вдавил в снег окурок и, закрыв глаза, встал под деревом, размышляя, не пойти ли ему в другую сторону. Прочь отсюда. Угнать автомобиль и оставить Бьорнстад в зеркале заднего вида. Интересно, станет ли ему после этого легче?

На парковке у ледового дворца собрался народ. Отец Кевина запарковался чуть поодаль.

– Сегодня поговорить не успеем. – Он кивнул другим спонсорам и родителям, очарованным деньгами Эрдалей не меньше, чем их дети – игрой Кевина.

Если ты вырос в семье, где не принято говорить о чувствах, то различаешь малейшие нюансы в словах. Он мог бы не извиняться перед Кевином за то, что не подбросил его до самых дверей, и все же извинился. Они похлопали друг друга по плечам, и Кевин вышел из машины.

– Созвонимся, – сказал отец.

Кевин всегда звонил ему сразу после матчей. Есть папы, которые спрашивают: «Вы победили?» – но папа Кевина спрашивает: «С каким счетом победили?» Кевин всегда слышал, как он отмечает это в блокноте. Целый отсек у них в подвале заполнен аккуратно сложенными коробками с толстыми блокнотами на пружинках, где ровным почерком записан счет после каждого матча, в котором Кевин участвовал с тех пор, как был совсем крохой. Наверняка найдутся люди, которые считают, что нельзя спрашивать у ребенка: «Сколько голов ты забил?» – но и отец Кевина, и он сам ответили бы им на это одинаково: «А сколько голов забили ваши сыновья?»

Кевин не спросил отца, останется ли тот посмотреть первый период, он просто захлопнул дверь и закинул на плечо сумку с амуницией, как будто сегодня самый обычный день. Но когда машина обогнула парковку, он повернулся и долго смотрел ей вслед. Родителей на парковке было больше, чем игроков. Для них сегодняшний день – вовсе не самый обычный.

Мать Кевина почему-то обернулась и посмотрела в заднее стекло. Вообще-то это совершенно не в ее духе, она, как и ее муж, считает, что сентиментальность – лишнее и Кевин должен учиться самостоятельности. Перед глазами у них стоял пример соседских избалованных детей с Холма, из которых выросли самоуверенные посредственности, хилые, немощные нытики, которых всю жизнь надо держать за ручку, – нет, они не допустят, чтобы Кевин стал таким, как эти дети. Даже если ему больно, даже если приходится идти пешком из Хеда по темной дороге, как в детстве, когда отец решил показать ему, что бывает с теми, кто опаздывает, а когда Кевин пришел домой, мама притворилась, что спит. И молча плакала в подушку. То, что удобно родителям, для ребенка может оказаться губительным, в этом она была уверена, и Кевин вырос сильным именно потому, что они ему это позволяли.

Но мать навсегда запомнила то, что увидела через заднее стекло в ту субботу: как ее сын стоял на парковке. В главный день своей жизни он был самым одиноким мальчиком на земле.

Амат притворился, что проходил мимо и случайно заглянул в кафетерий – с таким же успехом можно было сделать вид, что ты случайно съел мороженое своего лучшего друга. Мира шла в другую сторону, но весело помахала и слишком громко спросила:

– Привет, Амат! Ищешь Маю?

В этот момент Амат чувствовал себя далеко не Джеймсом Бондом. Мира приветливо кивнула на кафетерий и убежала по лестнице, но на полпути обернулась и крикнула:

– Удачи тебе сегодня!

Затем сделала стойку и прорычала с чувством, как делают подростки в Бьорнстаде, когда хотят пожелать друг другу удачи:

– Сделай их!

Амат смущенно улыбнулся. Из кафетерия доносился оживленный спор Аны и Маи, и Мира поспешила вниз по лестнице, пока кто-то из девочек не ляпнул о мальчиках чего-то такого, от чего материнский мозг придется

отмывать водой с мылом и приличным количеством рислинга.

Беньи бесшумно приблизился к Кевину и встал рядом. Его рука легла на плечо друга, и он не спросил Кевина, почему у того блестят глаза. В ответ тот не упомянул ни поминок, ни кладбища. Слова были им не нужны. Посмотрев друг другу в глаза, они сказали то, что говорили накануне каждого матча:

– Кев, какое удовольствие у нас на втором месте в мире?

Кевин ответил не сразу, и Беньи заехал ему локтем в живот.

– Что у нас на втором месте, а ну говори, суперзвезда!

– Трахаться… – улыбнулся Кевин.

– Правильно! Но сначала мы с тобой выйдем на площадку и сделаем то, что у нас на первом месте! – крикнул Беньи и так энергично взмахнул сумкой, что Кевин едва успел отпрыгнуть.

По дороге в раздевалку Кевин, приподняв бровь, спросил:

– Беньямин, мальчик мой, ты сходил в туалет?

Однажды в детстве, во время одного из их первых матчей Беньи описался прямо на скамье запасных. Не потому, что не успел добежать до туалета, – просто его соперник на протяжении всего матча пытался применить к Кевину силовой прием и Беньи не хотел уходить, чтобы не пропустить момент, когда надо будет прийти на смену.

Беньи заржал. Кевин тоже. Отсмеявшись, они взяли клюшки и отправились за удовольствием номер один.

– Ты послушала новые треки? Это снос крыши! Я реально в шоке! – гаркнула Ана.

– Сколько можно повторять? Я не люблю техно! – огрызнулась Мая.

– Это не техно! Это хаус! – оскорбленно выкрикнула Ана.

– Да наплевать. Мне нравится музыка, где хоть один инструмент звучит не фальшиво и в текстах есть больше пяти слов.

– Господи, ты когда-нибудь будешь слушать что-то, кроме этих суицидальных напевов? – Ана набросила волосы на лицо, сделала вид, что берет бесконечные аккорды на воображаемой гитаре, и застонала: – «Мне так хреново, пора удавиться, моя музыка никуда не годится…»

Мая захохотала и в ответ стала молотить кулаком воздух, а другой рукой тренькать по невидимому планшету:

– А вот что слушаешь ты: «Унц-унц-унц… Кайф! Йе! Унц-унц-унц-унц!»

Наблюдавший за этим Амат смущенно кашлянул. Девчонки бешено

скакали по коридору и кафетерию, а Ана даже опрокинула штабель коробок с мармеладными мишками. Мая остановилась, продолжая смеяться.

– Все в порядке?.. – спросил Амат.

– Ага, просто премся от музыки, – хмыкнула Мая.

– Понятно… я… знаешь, я тут мимо проходил и… Возможно, я буду сегодня играть, – сказал Амат.

Мая кивнула:

– Я в курсе. Поздравляю.

– Наверняка все время просижу в запасных. Но все же я теперь… в команде… Я… Послушай, если ты после матча не занята, то… Ну, в смысле вечером. Сегодня вечером. А если занята, то… просто хотел спросить… может, хочешь со мной…

Ана притащила две упаковки с мармеладными мишками и едва не перевернула холодильник с газировкой. Мая захохотала так, что ее чуть не вырвало.

– Прости, Амат, что ты сказал?

Амат раскрыл рот, чтобы ответить, но не успел. Рядом нарисовался Кевин, который даже не думал делать вид, будто случайно проходил мимо. Он пришел сюда ради Маи. Увидев его, она перестала смеяться.

– Привет, – сказал Кевин.

– Привет, – ответила Мая.

– Тебя ведь Мая зовут, да?

Она кивнула, вопросительно глядя на Кевина. Смерила его взглядом:

– Да. А тебя как зовут?

Кевин не сразу понял, что это шутка. Все в Бьорнстаде знают, как его зовут. Он засмеялся:

– Эфраим фон Говноштык, к вашим услугам.

И театрально поклонился, хотя шутки никогда не были его коньком. Она засмеялась. Амат стоял рядом и ненавидел этот чудесный любимый смех за то, что он адресован не ему. А Кевин влюбленными глазами смотрел на Маю.

– У меня дома сегодня вечером будет вечеринка для нашей команды. В честь победы. Родители в отъезде.

Мая скептически подняла бровь:

– Ты уверен, что вы победите?

Кевин смотрел на нее так, будто не понял вопроса.

– Я побеждаю всегда.

– Вот как, Эфраим дер Говноштык? – засмеялась Мая.

– Не «дер», а «фон», с вашего позволения, – улыбнулся Кевин.

Мая захлебнулась от хохота. Ана поднялась с пола, смущенно поправляя прическу.

– А Беньи будет?..

Мая пнула ее по ноге. Кевин кивнул Мае с довольным видом:

– Увидишь. Бери с собой подружку, будет круто.

Затем он повернулся к Амату, как будто только сейчас заметил его, и сказал:

– Ты ведь тоже придешь? Теперь ты в команде!

Амат собрал остатки уверенности в себе. Кевин был на два года старше его, и, когда они стояли рядом, разница бросалась в глаза.

– Можно я тоже приду с другом? – тихо спросил он.

– Прости, Ахмед! Но это вечеринка для нашей команды, понял, да? – сказал Кевин, шутливо пихнув его в спину.

– Я Амат, а не Ахмед, – ответил он.

Но Кевина уже след простыл.

Мая и Ана с хохотом скрылись в кафетерии. Амат так и остался стоять в коридоре.

Если бы только он мог решить исход матча сегодня вечером, он отдал бы ради этого все.

16

Гордиться командой можно за разные вещи. За место, за сплоченность, а можно и за одного-единственного человека. Спорт увлекает еще и потому, что напоминает нам, какие мы маленькие, и делает нас больше.

Вежливо посмеявшись, Мира оставила девочек в кафетерии. Услышь Петер, какие перлы она выдавала в свои пятнадцать лет, ему бы понадобился дефибриллятор. В самом начале они так удивлялись, узнавая друг друга. Она называла его «самым целомудренным хоккеистом», а он зажимал уши, когда она шутила с барменами. У себя на работе Мира всегда была одинокой девочкой, что в баре, что в адвокатском бюро, хотя недостатка в тестостероне не испытывала. И когда один из не обремененных передними зубами игроков основной команды на корпоративном ужине, куда на тот момент еще приглашались жены, хамским тоном сообщил Мире, что он «макал тут залупу во все гребаные бокалы», надеясь шокировать жену спортивного директора, дурно стало не ей, а Петеру. В ответ Мира так подробно высказалась на тему соответствующей женской анатомии, что беззубый не осмеливался смотреть в ее сторону весь оставшийся вечер. Петеру было ужасно стыдно. Он вечно чего-то стыдился. Последний застенчивый неандерталец. Все эти годы они продолжали друг друга удивлять. Таким мало кто может похвастаться.

Мира направлялась к выходу из ледового дворца, но остановилась возле арены, не в силах отвести глаз. Сколько ни старайся, в Бьорнстаде она всегда будет довеском к Петеру. Мира догадывалась, что все взрослые люди время от времени задумываются о том, что за пределами Бьорнстада есть другая жизнь, и жизнь эта могла бы быть их. Насколько часто они об этом задумывались, зависело от степени их благополучия. Мать считала Миру неисправимым романтиком и в то же время человеком безмерного честолюбия. Мира полагала, что так оно и есть, принимая во внимание тот факт, что они с Петером трижды играли в боулинг и до сих пор не развелись. На третий раз в половине второго ночи они гуглили «психологическую неотложку для семейных пар». Он доводил ее до белого каления, она любила его без памяти. Ее любовь не напоминала нежный цветок, она была громом среди ясного неба. Остановкой дыхания. Единственное, чего ей хотелось, – чтобы в сутках было сорок восемь часов.

Впрочем, она не жадная. Пусть будет хотя бы тридцать шесть. Господи, ей всего-навсего хотелось выпить вместе по бокалу вина и посмотреть сериал, разве это так много? Ей всего лишь хотелось сшить одеяло, которого хватит на всех.

Мира слишком часто думала о той, другой жизни. О жизни, которая была не ее. Она так радовалась за Петера, когда тот получил предложение от НХЛ, но была рада не меньше, когда он ушел от дел. И появилось место для нее. Сможет ли она когда-нибудь ему в этом признаться? То недолгое время, когда он не был ни игроком, ни спортивным директором, а торговал страховками и довольствовался тем, что есть, для нее было лучшим в их жизни. Как сказать такое человеку, которого любишь?

Когда умер Исак, каждый помогал им, как мог. Делал для них все возможное. Их легкие загибались в коллапсе, а для искусственного дыхания им необходима была любовь в промышленных масштабах. И Мира приняла самое тяжкое решение в ее жизни: она решила вернуть Петеру хоккей.

Между жизнью и выживанием очень тонкая грань, но если ты одновременно романтик и честолюбец, то у этого есть хороший побочный эффект: ты никогда не сдаешься. Достав из машины пакеты с молоком, Мира остановилась, чтобы немножечко посмеяться – в последнее время это случалось все чаще. Она обмотала вокруг шеи шарф с надписью «Бьорнстад-Хоккей». Возвращаясь в ледовый дворец, Мира здоровалась и обнималась с другими бьорнстадцами в таких же шарфах, и на мгновение ей показалось, что все остальное неважно. Вовсе не обязательно понимать все, что происходит на льду, чтобы его любить. Вовсе не обязательно любить этот город, чтобы им гордиться.

Петер бродил по ледовому дворцу, точно мятежный дух. Весь день состоял из череды моментов, когда он то и дело заходил к себе в кабинет, тут же забывая, зачем пришел. В коридоре неподалеку от кабинета он с рассеянным видом наткнулся на Фрака – чтобы не заметить Фрака, надо как следует постараться, потому что он огромен. Ростом метра два, а в ширину гораздо больше, чем в те времена, когда они вместе играли в полуфинале. Фрак был из тех парней, что компенсируют низкую самооценку, привлекая к себе как можно больше внимания. Говорил он громко, как ребенок в наушниках, а в юности приходил на вечеринки в костюмах – тогда как все были в джинсах, – потому что прочитал в какой-то газете, что женщины любят мужчин в костюмах. Когда они учились в старшем классе гимназии, умер один из спонсоров, и на похороны всех

попросили прийти в костюмах. Узнав об этом, он пришел во фраке. С тех пор его так и прозвали – Фрак.

Фрак был владельцем больших супермаркетов – в Бьорнстаде, Хеде и где-то еще – где именно, Петер так и не смог запомнить, сколько бы Фрак ни рассказывал. Несмотря на состоятельность, его выгнали из всех охотничьих бригад, потому что даже в лесу он не мог молчать ни минуты. Пока они были в одной команде, Фрак жестикулировал своими длинными лапами, и в ответ на каждое замечание судьи смех на его лице сменялся слезами, отчаянием и яростью – с такой скоростью, что Суне говорил: «Мне кажется, я тренирую мима, только рот у него не закрывается». Игроком Фрак был заурядным, но обожал соревноваться. Когда он бросил хоккей, это сподвигло его стать незаурядным торговцем. Каждый год он менял автомобиль, а «Ролекс» у него на руке был размером с манометр. Теперь он добывал трофеи в другом виде спорта.

– Какая фотка, а? – хмыкнул торговец товарами повседневного спроса, глядя на Петера сверху вниз.

Они смотрели на старую фотографию команды, где стояли рядом.

– Теперь ты спортивный директор, а я главный спонсор, – ухмыльнулся Фрак с таким видом, что Петер не стал его разуверять: Фрак был спонсором, но не главным.

– Да… неплохой снимок, – согласился Петер.

– Мы друг за друга горой, правда? Медведи из Бьорнстада! – проревел Фрак и, не дожидаясь, пока Петер ответит, продолжил: – Вчера встретил Кевина Эрдаля. «Волнуешься?» – спрашиваю. И знаешь, что он мне ответил? «Нет!» Тогда я спросил, какая тактика у него припасена для завтрашнего матча, и знаешь, что он сказал? «Тактика одна: победить». А потом глядь мне прямо в глаза и говорит: «Разве не ради этого вы спонсируете клуб? Чтобы получить прибыль со своих инвестиций». Парню семнадцать лет! Помнишь, какими мы были в их возрасте?

Петер ничего не сказал. Он вообще с трудом припоминал, что когда-то ему было семнадцать. Кофеварка снова едва работала и, погремев-поскрипев, неохотно выплюнула нечто, напоминавшее по цвету пережеванный табак, а по консистенции – клей. Петер выпил. Фрак почесал шею под двойным подбородком и, понизив голос, сообщил:

– Мы тут встречались с местными политиками – кое-кто из спонсоров и правления – и… ну… сам понимаешь, неформально.

Петер принялся озабоченно искать сливки, всем своим видом давая понять, что не хочет этого слышать, но Фрак упорно ничего не замечал.

– Когда юниоры выиграют финал, в Бьорнстаде откроют хоккейную

гимназию. Ну а как иначе, пиар, сам понимаешь. А потом мы обсуждали реновацию ледового дворца…

– Я так понимаю, тоже неформально, – буркнул Петер, знавший, что на языке местных политиков это означает: пока одна рука чешет спину, другая кладет деньги в карман.

Хлопнув его по спине, Фрак кивнул в сторону кабинета:

– Кто знает, Петер, может, даже останется тебе на новую кофемашину!

– Благодарю, – пробормотал Петер.

– У тебя, конечно же, выпить нечего? – осведомился Фрак, снова кивнув на кабинет.

– Волнуешься перед матчем? – улыбнулся Петер.

– Как думаешь, у да Винчи была скидка на коричневую краску, когда он писал Мону Лизу?

Петер расхохотался и кивнул на соседний кабинет:

– Зайди к генеральному, у него всегда в заначке бутылка.

Фрак просиял. Петер крикнул ему вдогонку:

– Ты ведь сегодня не собираешься оголяться, как в четвертьфинале? Родители тебя не поймут, Фрак!

– Обещаю! – соврал тот и, не оборачиваясь, добавил таким тоном, будто бы не вынашивал этот план с самого утра: – Дернем по стаканчику перед матчем, договорились? Если не хочешь, можешь выпить минералки, березового сока или что там ты любишь. Я пригласил еще нескольких спонсоров, мы хотели немного перекусить… в узком кругу.

Фрак вернулся с бутылкой и гендиректором, у которого лоб блестел, как отполированный лед, а под мышками уже выступили темные пятна. И тут Петер понял, что это засада в чистом виде.

Фатима никогда не появлялась в ледовом дворце, когда там было полно народу. Она ходила на матчи Амата, пока тот играл в детской команде, но тогда на трибунах сидели только родители и младшие братья и сестры, которых не с кем было оставить. Сегодня у парковки стояли взрослые люди и клянчили билеты по цене в четыре раза больше обычной. Амат сильно загодя купил два билета, и Фатима спросила, не сходить ли ему, как обычно, вместе с Закариасом, но Амат сказал, что хочет показать ей тех, с кем однажды будет играть в одной команде. Дело было всего неделю назад, и тогда казалось совершенно неправдоподобным, что этот день наступит так быстро. Фатима крепко держала билеты в руке, стараясь никому не мешать в толчее, но все же у нее не получилось стать невидимкой: внезапно кто-то дотронулся до нее и сказал:

– Эй, ты не хочешь нам помочь?

Фатима обернулась. Магган Лит делала ей отчаянные жесты, показывая на осколки стеклянной бутылки из-под воды, которую кто-то уронил на пол.

– Может, сходишь за шваброй? Ведь кто-то может сюда наступить! А вдруг ребенок?

Фатима знала женщину, уронившую бутылку, она была матерью игрока из команды Амата и явно не собиралась подбирать осколки. Она уже направлялась к своему месту на трибуне.

– Ты меня вообще слышишь? – рявкнула Магган Лит, взяв Фатиму за руку.

Кивнув, Фатима убрала билеты в карман. Склонилась над полом. Но тут снова почувствовала у себя на плече чью-то руку.

– Фатима! – приветливо окликнула Мира, после чего существенно менее приветливо обратилась к Магган Лит: – В чем проблема?

– У меня никаких проблем, я здесь не работаю! – прошипела Магган.

– Она сегодня тоже не работает, – сказала Мира.

– Что значит «не работает»? А что ей тогда здесь делать?

И тогда Фатима выпрямилась и сделала небольшой шаг вперед, который, впрочем, кроме нее никто не заметил. Посмотрев в глаза Магган, она ответила:

– Я здесь, и я вас прекрасно слышу. Я пришла сюда по той же причине, что и вы. Чтобы посмотреть, как мой сын играет в полуфинале.

Никогда Мира не видела человека с таким чувством собственного достоинства. И никогда не видела, чтобы Магган потеряла дар речи. Когда мама Лита исчезла в толчее, Мира подобрала с пола осколки. Фатима тихо спросила:

– Извини, Мира, но… не знаю, как тут у вас положено… но можно я сегодня сяду рядом с тобой?

Мира прикусила губу и крепко взяла Фатиму за руку:

– Фатима, милая, это я должна спрашивать у тебя разрешения.

Суне сидел в самом верхнем ряду. Поднимавшиеся по лестнице спонсоры делали вид, что не замечают его, а Суне знал, о чем они собираются поговорить в кабинете. Удивительно, но он больше не чувствовал злости. И грусти. Осталась только усталость. От политиков, денег и всего остального в клубе, что не имеет отношения к спорту. Одна лишь усталость. Может, они и правы. Он отстал от жизни.

Оглядывая площадку, Суне глубоко втягивал носом воздух. Несколько игроков из команды противника давно уже переоделись, как свойственно

тем, кто до смерти напуган, и теперь разогревались на льду. Времена меняются, а нервы всегда шалят одинаково. Эта мысль успокоила Суне, спорт есть спорт, что бы там эти люди ни придумывали в своих кабинетах. Одна шайба, две пары ворот, пламенные сердца. Некоторые говорят, что хоккей – это религия, но они ошибаются. Хоккей – это вера. Религия – это нечто существующее между тобой и другими людьми, это множество трактовок, теорий и мнений. А вера… она между тобой и Богом. Она в том, что ты чувствуешь, когда судья заезжает в круг между двумя центрфорвардами, а ты слышишь, как клюшки стучат друг о друга, и видишь, как в пространство между ними медленно опускается черный диск. И в этот момент все происходит только между тобой и хоккеем. Цветущая вишня всегда пахнет цветущей вишней, а деньги не пахнут ничем.

Давид стоял в дверях для игроков, наблюдая, как спонсоры поднимаются по лестнице в кабинет. Он знал, что они о нем думают, как превозносят его успех, но знал он и то, как изменится их мнение в следующем году, если основная команда не достигнет тех же вершин. Господи, понимает ли хоть кто-нибудь в этом городе, что нынешние юниоры – это что-то невероятное? В современном хоккее давно нет места сказкам про Золушку, большие клубы вербовали игроков из маленьких, не дожидаясь, пока ребята достигали подросткового возраста. Даже в Бьорнстаде, откуда чудом не разъехались все хоккеисты, на элитный уровень тянул один-единственный игрок: а остальные проиграли бы в ста матчах из ста. И все же они остались здесь. Не команда, а пчелиный рой.

У Давида любили спрашивать, в чем секрет его тактики. Объяснить он не мог: все равно никто не поймет. Его секрет – это любовь. Он начал тренировать Кевина, когда тот был еще испуганным семилетним мальчишкой, которого затравили бы на площадке старшие парни, не появись в их команде Беньи. Беньи уже тогда был самым отважным чертенком из всех, кого встречал Давид, а Кевин просто был лучшим. Давид научил их кататься на коньках – и вперед, и задом. Он объяснил им, что принимать шайбу так же важно, как делать бросок, он заставлял Кевина неделями играть кривой клюшкой, а Беньи позволял всю тренировку играть без клюшки вообще. Благодаря Давиду они поняли, что они есть друг у друга, что единственный, на кого действительно можно положиться в этом мире, – это парень, который играет бок о бок с тобой на площадке; что те, кто не сядет в автобус, пока ты не придешь, и есть твоя команда.

Именно Давид научил мальчишек обматывать клюшки изолентой и

точить коньки, а в придачу – завязывать галстук и пользоваться бритвой. Ну, по крайней мере, брить бороду. Остальному они научились сами. Давид смеялся как сумасшедший всякий раз, когда вспоминал, как Бубу, маленький, запутавшийся гиперактивный толстяк, лет в тринадцать повернулся в раздевалке к Беньи и спросил, надо ли заодно с яйцами брить жопу. «Думаешь, девчонкам важно, чтобы все было гладкое?» Во времена юниорства самого Давида это было частью инициации молодых игроков: им насильно сбривали лобковые волосы, что считалось унижением. Как это происходит сейчас, он не знал, но догадывался, что современных подростков скорее напугает перспектива, что их привяжут к стулу и не отпустят, пока пресловутые волосы снова не вырастут.

Хоккей постоянно меняется, меняются люди. Когда Давид был юниором, тренер требовал, чтобы в раздевалке стояла полная тишина, а сейчас там почти всегда звучит смех. Давид знал, что юмор объединяет, и, когда мальчишки нервничали перед матчем, он заходил в раздевалку и отмачивал всякие шуточки. Любимой у них была такая: «Знаете, как потопить подводную лодку из Хеда? Надо нырнуть и постучать в дверь. А знаете, как потопить ее еще раз? Снова нырнуть и постучать в дверь – тогда они откроют, чтобы сказать: „Нетушки, второй раз нас не проведешь!“» Когда парни немного повзрослели, любимой шуткой стала другая: «Знаете, как понять, что вы находитесь на свадьбе в Хеде? Все сидят в церкви с одной стороны!»[3] Потом они повзрослели и у них появились свои шутки, и Давид все чаще стал оставлять их в раздевалке одних. Потому что иногда отсутствие тренера тоже сплачивает.

Давид посмотрел на часы, прикинул, сколько осталось до начала матча. Сидящим на трибуне спонсорам никогда не понять его тактики, потому что им не понять, чем готовы пожертвовать парни в команде ради друга. Пока спонсоры орали, что парням надо «дать волю своей агрессии», Давид терпеливо расписывал четкие роли для каждого игрока, вдалбливал им азы баллистики шайбы и дислокации на льду, обучал их ведению игры и стратегии в углах, оценке ситуации на площадке и искусству сокращать риски. Он объяснял им, что если они лишат противника превосходства в технике и скорости и опустят до своего уровня, обломают его и заставят злиться, тогда победа за ними, потому что у них есть то, чего нет у других: Кевин. Если дать ему шанс, он забьет два гола, а пока рядом Беньи, шанс у него есть всегда.

«Плевать на трибуны, плевать, что про вас скажут», – повторял Давид. Его тактика требовала подчинения, смирения и доверия, десяти лет тренировок и притирания друг к другу. Даже если Бьорнстад испортит

статистику по всем статьям, кроме забитых голов, Давид все равно скажет каждому из своих игроков, что тот молодец. И парни ему верили. Они любили его. Когда им было семь лет, Давид сказал, что приведет их к настоящей победе. Все кругом только смеялись, но он сдержал свое обещание.

По дороге в раздевалку Давид заметил Суне, одиноко сидящего на трибуне. Они на мгновение встретились взглядами. Кивнули друг другу. Сколько бы они ни ругались, Давид знал, что этот упрямый старик – единственный во всем клубе, кто знает, что такое любовь.

17

Некоторые считают, что в хоккее есть только черное и белое. Полная чушь. Фатима и Мира заняли свои места, но вдруг Мира, извинившись, вскочила и, протолкнувшись по лестнице к мужчине средних лет, остановила его. Мужчину Фатима знала, это был начальник среднего звена на фабрике. Мира сердито вцепилась в его красный галстук.

– Кристер, умоляю, ты бы голову включал, хоть изредка! А ну снимай!

Мужик, явно непривычный к выволочкам, особенно от женщин, опешил:

– Ты серьезно?

– А ты? – рявкнула Мира так, что народ на лестнице стал оборачиваться.

Мужик вспыхнул и неуверенно оглянулся по сторонам. Все уставились на него. Кто-то у него за спиной проговорил: «Черт, Кристер, а ведь она права!» Вокруг одобрительно загудели. Кристер медленно стащил с себя галстук и засунул в карман. Его жена виновато склонилась к Мире и прошептала:

– Я ему говорила. Но ты же знаешь этих мужчин. Им хоккей не понять.

Расхохотавшись, Мира вернулась на свое место рядом с Фатимой.

– Красный галстук. Совсем мужик спятил. Извини, так о чем мы говорили?

Так что в Бьорнстаде все отнюдь не черно-белое. А красно-зеленое. Поскольку красный – цвет Хеда.

Пальцы Амата нежно поглаживали швы на форменной футболке. Темно-зеленой с серебряными цифрами и бурым медведем на груди. Цвета Бьорнстада: лес, лед, земля. Его номер – восемьдесят один. В старой команде он был номером девять, но здесь под этим номером – Кевин. В раздевалке творился полный хаос. Беньи, шестнадцатый номер, как обычно, валялся на полу в углу и спал, остальные юниоры съежившись сидели на банкетках, покуда разгорячившиеся родители все громче наставляли их по мере приближения выхода на площадку. Подобное явление наблюдается во всех видах спорта: родители думают, будто их компетентность растет автоматически вместе с успехами ребенка. Хотя на самом деле наоборот.

Галдеж стоял невыносимый, громче всех орала Магган Лит, – если

твой сын играет в первом звене, ты можешь себе такое позволить. Мать Беньи в раздевалке не появлялась никогда, а мать Кевина едва ли бывала даже в ледовом дворце, так что Магган безраздельно царила здесь годами. После каждого матча она развязывала шнурки на коньках малютке Вильяму, пока ему не исполнилось тринадцать, год за годом они с мужем жертвовали новым автомобилем и отпуском за границей, лишь бы накопить денег на виллу рядом с семейством Эрдаль, чтобы сыновья могли подружиться навеки. С годами недовольство Магган тем, что Вильям так и не смог вклиниться между Кевином и Беньи, переросло в настоящую агрессию.

Когда в раздевалку вошел Давид, на него градом посыпались родительские обвинения, вопросы и требования. Он шел через помещение, никого не замечая, за ним следовал Бенгт, подгоняя родителей к дверям. Магган Лит возмущенно отпихнула его руку:

– Мы здесь, чтобы поддержать команду!

– Для этого есть места на трибунах, – ответил Давид, не глядя на нее.

Магган рассвирепела:

– А ты-то, Давид! А ты-то! Хорош тренер – накануне важнейшего матча делать перестановки в команде!

Давид удивленно поднял брови. Вильяму Литу хотелось провалиться сквозь землю.

– Что он здесь делает?! – возмутилась Магган, ткнув пальцем в Амата.

Амату явно захотелось того же, что и Вильяму. Давид ответил нарочито тихо, чтобы заставить всех умолкнуть:

– Состав команды не подлежит обсуждению.

Жила на лбу у Магган забилась, как медный колокол.

– А со мной ты его обсудишь, понял?! Эти парни играют у тебя десять лет, и накануне важнейшего матча ты вдруг приводишь к ним игрока из детской команды!

Она широким жестом обвела всех присутствующих, и те согласно закивали и одобрительно захмыкали. Затем Магган снова вонзила свой взгляд в Давида и продолжила:

– Ты хоть понимаешь, как важен этот матч? Для всех нас? Понимаешь, чем мы жертвуем ради хоккея?

Амат сморщился, готовый выбежать в коридор и больше не возвращаться в ледовый дворец. Не стало ему легче и когда лицо Давида налилось кровью, зато Магган внезапно попятилась к стене.

– Это ты мне будешь рассказывать о жертвах? – прошипел Давид, двигаясь прямо на нее и явно не рассчитывая на ответ. – Посмотри на

него! – потребовал он и, прежде чем Магган успела что-либо сказать, взял ее за руку и провел через всю раздевалку к Амату. – Посмотри на него! Ты думаешь, твой сын заслужил этого больше, чем он? Ты хоть представляешь, какой они проделали путь? Да твоей семье такая борьба и не снилась! ПОСМОТРИ НА НЕГО!!!

Давид отпустил ее дрожащую руку. Он мимоходом похлопал Амата по плечу, дотронувшись до его шеи большим пальцем, и посмотрел ему прямо в глаза. Молча. Этим все было сказано.

Затем двинулся в другой конец раздевалки к Вильяму Литу, погладил его по щеке и прошептал:

– Мы играем только ради себя, Вильям. И больше ни для кого. Ты и я, только ради нас. Мы пришли сюда по собственной воле. Остальные здесь ни при чем.

Вильям кивнул и вытер глаза.

Бубу непрерывно барабанил ногой по полу. Он не мог сидеть тихо. Когда Бенгт вышвырнул за дверь всех родителей, включая Магган, тишина стала нестерпимой. И тут уж Бубу не выдержал – в отличие от Кевина и Беньи молчать он никогда не умел; ему необходимо было встать посреди раздевалки и оказаться в центре внимания. Сколько себя помнил, он боялся остаться в углу, забытым и непризнанным. Бубу видел, что лучшие друзья понурили головы, и ему так хотелось выйти вперед и произнести пламенную речь – как в кино, – но слов у него не было. Да и голоса. Просто хотелось разрушить тишину. Он поднялся, прокашлялся и сказал:

– Эй, парни, знаете, что говорит на прощание одна лесбиянка-вампир другой?

Юниоры удивленно подняли глаза. Бубу ухмыльнулся:

– Увидимся через месяц!

Послышались смешки, Бубу этого хватило, чтобы продолжить:

– А знаете, какая у лесбиянок самая частая причина смерти?

Несколько парней опять засмеялись.

– Волосяные шары в желудке! – прогрохотал Бубу и тотчас перешел к финальному аккорду: – А знаете, почему лесбиянки не едят заливного? У них нет хрена!

Раздевалка взорвалась от хохота. Парни смеялись то ли над шуткой, то ли над ним самим, – ему было без разницы. Главное, что смеялись. На гребне успеха Бубу повернулся к Давиду, стоявшему с каменным лицом, и спросил:

– А ты что нам расскажешь, коуч?

В раздевалке снова воцарилась тишина. Давид не шелохнулся. Бубу сначала покраснел, потом побелел. Но тут на помощь, а может, на беду Бубу пришел Бенгт, который, прокашлявшись, встал с банкетки и сказал:

– А знаете, отчего у Бубу после секса глаза слезятся и уши болят?

Бубу беспокойно заерзал. Кое-кто из парней захихикал в ожидании шутки. Бенгт подозрительно широко улыбнулся:

– От перцового баллончика и полицейской сирены!

Хохот сотряс комнату. В конце концов даже Давид улыбнулся. Впоследствии он не раз мысленно вернется к этой сцене: всегда ли шутка – только шутка, не слишком ли грубой была именно эта, что допустимо в раздевалке, а что – вне ее? Можно ли перейти некие границы, чтобы снять напряжение и нервозность перед матчем, или ему следовало остановить Бенгта, встать между ним и парнями и что-то сказать? Но он ничего не сделал. Стоял и слушал, как они смеются. Он вспомнит об этом, когда вернется домой и посмотрит в глаза своей девушке. Он никогда этого не забудет.

Сидевший в своем углу Амат и сам не заметил, как расхохотался. Потому что это колоссальное облегчение. Он почувствовал себя частью команды. До чего же приятно встроиться в общий хор! Он будет стыдиться этого всю свою жизнь.

Беньи проснулся, только когда Кевин потряс его за плечо. Один из его величайших талантов заключался в способности проспать и прения о тактике Магган и Давида, и шутки Бенгта. Плюс у него имелось исключительное право реализовать этот свой талант. Всегда находились родители, недовольные поведением Беньи на площадке и за ее пределами, но Давид твердил одно: «Если другие игроки добьются хоть малой толики результатов Беньи на льду, пусть спят хоть на скамье запасных».

Бубу опустился на банкетку совершенно уничтоженный – каким только может ощущать себя подросток, которого только что унизил взрослый на глазах лучших товарищей. Но к нему подсел другой взрослый, положил руку на плечо и провел большим пальцем по шее. Бубу поднял глаза. Давид улыбнулся ему.

– Ты знаешь, что ты самый самоотверженный игрок в команде?

Бубу сжал губы. Давид наклонился к нему:

– Сегодня вечером будешь играть в третьем звене, и я знаю, что ты

страшно расстроен.

Бубу собрал все силы, чтобы не разреветься. Все эти годы он был лучшим защитником команды, его всегда выручали габариты и сила, но в последнее время неумение держаться на коньках давало о себе знать. Сначала его разжаловали до защитника второго звена. А теперь и вовсе перевели в третье. Давид ласково обхватил ладонью его затылок и, посмотрев в глаза, сказал:

– Но ты мне нужен. Ты нужен команде. Ты так же важен. И я хочу, чтобы сегодня ты выложился на все сто, в каждой смене. Мне нужна вся твоя кровь до последней капли. Если сделаешь это, если поверишь мне, то обещаю – я никогда тебя не предам.

Когда Давид поднялся, ноги Бубу снова забарабанили об пол. Попроси его Давид в эту минуту выйти из раздевалки и убить человека, Бубу сделал бы это, не колеблясь ни секунды. Парни провели с тренером десять лет, и, когда он встал посреди комнаты, все они испытали одно и то же чувство. Он посмотрел в глаза каждому.

– Не буду много болтать. Противника вы и так знаете. И знаете, что мы сильнее. Поэтому жду одного. К другому я не готов. И без этого возвращаться не смейте.

Он поймал взгляд Кевина и не отпускал:

– Победа.

– Победа! – ответил Кевин с почерневшими глазами.

– ПОБЕДА! – повторил Давид, потрясая в воздухе кулаками.

– ПОБЕДА! – грянула в голос вся раздевалка.

Топающая, громыхающая, фыркающая орава повскакивала с банкеток в ожидании, пока капитан поведет ее за собой. Давид прошелся по раздевалке и хорошенько хлопнул каждого по шлему, а когда приблизился к выходу и дотронулся до дверной ручки, тихо прошептал – так, что его мог услышать только игрок под номером девять:

– Я горжусь тобой, Кевин. Я люблю тебя. Неважно, что случится сегодня вечером – будет ли это лучший или худший матч в твоей жизни, – в мире нет игрока, которого я бы поставил выше тебя.

Дверь открылась. Кевин не просто вышел на лед.

Он ворвался на площадку как ураган.

18

Одиночество – болезнь невидимая. С тех пор как Хольгер покинул ее, Рамона стала походить на зверя из документальных фильмов, которые она смотрела на канале о природе, когда не действовало снотворное. Этих зверей так долго держали в неволе, что, когда засовы в клетках отодвигали, они не пытались сбежать. Все живые существа, проведя долгое время в заточении, начинают бояться неизвестности больше, чем своей тюрьмы. Поначалу она не выходила из дома, потому что все еще отчетливо слышала там его смех, его голос и ругательства, когда он в очередной раз спотыкался о порог возле барной стойки. В баре они провели целую жизнь, и все равно он неизменно забывал про этот чертов порог. Самоизоляция начинается гораздо быстрее, чем думаешь, и, если ты проводишь больше времени внутри, чем снаружи, все дни сливаются в один. На той стороне улицы проходили годы, а в баре и в квартире этажом выше Рамона отчаянно пыталась сохранить все таким, как при Хольгере. Она боялась, что забудет его, если выйдет за дверь, что отправится в магазин за продуктами, а вернувшись, уже не услышит его смеха. В одно прекрасное утро Рамона обнаружила, что с ухода Хольгера миновало одиннадцать лет, и все, за исключением ее мальчиков, считают, что она выжила из ума. Ее машина времени превратилась в тюрьму.

Иногда говорят, что горе – это чувство, а утрата – физическое ощущение. Первое – скорее рана, второе – как ампутированная часть тела: это как сравнить засохший лепесток с расколотым пополам стволом. Когда существуешь рядом с тем, кого любишь, в конце концов срастаешься с ним корнями. Можно сколько угодно говорить о переживании потери, о том, что время лечит, но от законов биологии никуда не денешься: если рассечь растение пополам, рана не заживет и оно погибнет.

Она стояла на снегу перед дверью и курила. Три сигареты подряд. Отсюда было видно крышу ледового дворца и слышно оглушительный вопль, когда юниоры Бьорнстада сделали счет 1:0. Казалось, от этого звука дома на торговой улице вот-вот треснут по швам, а деревья в лесу прямо с корнями взлетят на воздух и плюхнутся в воду. Рамона попыталась сделать шаг в сторону улицы, крошечный шажок поближе к тротуару. Тело била дрожь, она нащупала стену за спиной, чувствуя, что взмокла от пота, хотя на улице была минусовая температура. Вернувшись в тепло, Рамона захлопнула дверь, погасила свет и легла прямо на пол бара с фотографией

Хольгера в руках. Рядом с порогом у барной стойки.

Люди считают ее сумасшедшей – просто они не понимают, что такое одиночество.

Амата охватил ужас – а ведь игра даже не началась. Когда он вместе с остальными игроками проехал по льду вслед за Кевином, когда зрители на трибунах вскочили и ликующий вопль ударил в барабанные перепонки, Амат покатился к скамье запасных в полной уверенности, что его сейчас вырвет. Однажды в такой же момент он оглянется назад и поймет, что это случается с ним всякий раз. Независимо от успехов и славы.

В первую же минуту матча Кевин открыл счет, и это не было случайностью – в начале каждого матча у Кевина было небольшое окно, пока защитники команды противника еще не успели оценить его скорость и неожиданность бросков. Раз оставив ему по оплошности сантиметр, больше они этой ошибки не допускали и в остальное время так плотно брали его в кольцо, что при желании могли бы делить с ним одни и те же коньки. Вскоре команда противника вела со счетом 2:1. Преимущество было заслуженным, они оказались чертовски круты, мощно и методично шли они к своей цели, и Амат даже удивился, когда поднял глаза на табло и увидел, что хедцы опережают всего на один гол. Он никогда не видел такой сильной и техничной команды и был почти уверен, что они разбили бы даже бьорнстадскую основную команду. Это понимали все. После каждой замены игроки мрачнее тучи опускались на скамью запасных рядом с Аматом, клюшки уже не стучали так бойко о борт, и даже Бенгт изрыгал проклятья все тише и тише. По дороге в раздевалку в перерыве между вторым и третьим периодом Амат слышал, как какие-то взрослые на трибуне мрачно шутили: «Да уж, но в полуфинале и осрамиться не грех. Может, в следующем сезоне соберется команда получше». Амат сам себе удивлялся, в какую ярость его привела эта фраза: что-то проснулось в глубине его души. Он вошел в раздевалку, готовый разорвать всех на части. Единственным, кто это заметил, был Давид.

Роббан Хольтс стоял посреди улицы злой как черт. По доброй воле он бы и носа из дома не высунул, да делать было нечего – кончилась водка. Он смотрел на крышу ледового дворца, мысленно прикидывая, сколько осталось до конца матча. Роббана мучил кошмар особого рода: он знал, что все свои лучшие моменты пережил в семнадцать лет. Пока он был подростком, все прочили ему великое будущее, и он им искренне верил, поэтому, когда великого будущего не случилось, Роббану показалось, что

это его все предали, а его вины здесь нет. По утрам он просыпался с чувством, будто у него украли некую лучшую жизнь, его мучила фантомная боль от мысли, кем он должен был стать и кем стал. Постоянная горечь разъедает тебя изнутри, убивает воспоминания, точно расчищая место убийства, и наконец в памяти остается только то, что эту горечь оправдывает.

Роббан начал спускаться по лестнице в «Шкуру», но вдруг встал как вкопанный. Внутри было темно. Рамона опрокинула последний стаканчик виски и набросила куртку.

– Ты очень вовремя, – шепнула она.

– Почему? Куда это ты собралась? – растерянно проговорил Роббан. Весь город, включая Роббана, знал, что чокнутая старуха уже лет десять как не выходит из дома дальше чем на пару шагов.

– Пойду на матч, – объяснила она.

Роббан захохотал – что ему еще оставалось?

– Хочешь, чтобы я посторожил бар, пока тебя нет?

– Ты пойдешь со мной.

Он перестал смеяться. Рамоне пришлось пообещать, что она простит ему накопившийся за четыре месяца долг, чтобы Роббан шагнул за порог.

Фрак стоял, хотя у него было сидячее место. Сзади уже перестали ругаться, что он загораживает обзор.

– Чертов Вильям Лит, ты куда пропадаешь? Проще найти на площадке свидетеля под госзащитой, чем этого придурка! – прошипел он, повернувшись к остальным спонсорам.

– Что ты сказал? – заорала Магган Лит, сидевшая двумя рядами ниже.

– Я сказал «СВИДЕТЕЛЯ ПОД ГОСЗАЩИТОЙ», Магган! – повторил Фрак.

И все сидевшие рядом сразу захотели попасть под защиту. Хоккей в Бьорнстаде – не самая важная вещь. Он здесь – всё.

Бубу молча сидел на скамейке, пока не начался третий период. Оставшиеся минуты он мог сосчитать по пальцам одной руки. Как можно ощущать себя частью команды, если ты вообще не участвуешь в матче? Он старался держать себя в руках, насколько это возможно, если ты любишь свою команду, любишь футболку с логотипом и свой номер. И когда он увидел то, чего, по его разумению, не видели другие, он вцепился в Вильяма Лита на скамье запасных и заорал:

– *Их защита хочет, чтобы ты пошел через них, ты что, не видишь?*

Они хотят, чтобы в центре площадки началась свалка и у Кевина не осталось пространства для маневра. Сделай вид, что идешь в самую гущу, а потом рвани в сторону, и я тебе обещаю…

Вильям зажал перчаткой рот Бубу:

– Заткнись! Много о себе понимаешь! Ты в третьем звене, и нечего давать указания первому. Сбегай-ка принеси мне попить!

Взгляд у него был таким холодным и высокомерным, что Бубу даже не услышал презрительного смеха остальных игроков. Больнее всего падать с иерархической лестницы. Бубу знал Лита всю свою жизнь, и взгляд, которым тот его одарил, оставил след, поселил в душе ту злобу, которая у многих мужчин остается навсегда и долгие годы спустя заставляет просыпаться среди ночи с чувством, будто кто-то украл твою настоящую жизнь. Бубу сходил за бутылкой с водой, Лит взял ее, не проронив ни слова. Бубу, самый крупный игрок в команде, внезапно стал самым маленьким.

Рамона остановилась возле ледового дворца. Сказала, отряхнув снег:

– Я… ты меня извини, Роббан, дальше я… не пойду.

Роббан взял ее за руку. Она не заслужила такой участи, Хольгер должен был сидеть на трибуне, ведь настал их звездный час. Роббан обнял ее так, как может обнимать лишь тот, у которого тоже украли жизнь.

– Ничего страшного, Рамона. Идем домой.

Она покачала головой и вперила в него взгляд.

– Я простила тебе долг в обмен на то, что ты сходишь на матч, Роббан. А потом расскажешь мне, как все прошло. Я буду ждать тебя здесь.

У Роббана было много разных качеств. Но дерзости, чтобы спорить с Рамоной, среди них не числилось.

В жизни каждого игрока наступает такой момент, когда он понимает, чего стоит, а чего нет. Для Вильяма Лита она настала в середине третьего периода. Для этого ему не хватало скорости, но теперь стало ясно, что и выносливости у него маловато. Он отставал, силы кончались, и противник легко управлял им, даже на расстоянии. Все это время Кевин играл за двоих, действовал четырьмя руками. Беньи метался по площадке, как торнадо, но места на ней «Бьорнстаду» нужно было больше. Лит отдал все, но этого оказалось мало.

Главная идея Давида, которую он пытался донести до парней на протяжении всего сезона, заключалась в том, что нельзя полагаться на случай. Нельзя надеяться на удачу. Нельзя лупить по как попало – нужен план, стратегия, каждое движение и маневр должны быть продуманы. Как

любил повторять хитрый старик Суне: «Шайба не только скользит, она рикошетит».

По дороге к скамье запасных Лита подсекли, он упал и, увидев, как шайба отскочила от клюшки противника, машинально ее оттолкнул. Шайба была трижды отбита, за ней ринулся Кевин, но был уложен на лед жестким силовым приемом. Шансы объехать попа́давших бьорнстадцев выглядели нулевыми, но, к счастью, Беньямин Ович был не из тех, кто объезжает. Он был из тех, кто проходит насквозь. В тот момент, когда шайба оказалась в воротах, Беньи мчался за ней на всех парах и вписался шеей в перекладину. Будь на месте штанги двуручный меч, Беньи все равно сказал бы, что это дело житейское.

2:2. Магган Лит уже стучалась в комнатку, где велась статистика матча, чтобы на личный счет Вильяма записали голевую передачу.

Давид молча кивнул и хлопнул Амата по шлему. У Бенгта глаза выпучились от ужаса, когда он понял, к чему идет дело.

– Какого черта, Давид, ты серьезно?

Давид был серьезнее случайного выстрела.

– Еще одна смена, и Литу понадобится кислородный баллон, еще две – и придется звать пастора. Нам нужна скорость.

– Лит только что сделал классную передачу!

– Ему просто повезло. Мы не полагаемся на везение. АМАТ!

Амат смотрел на тренера во все глаза. Давид обхватил обеими руками его шлем.

– Будь готов к следующему вбрасыванию в нашей зоне: лети пулей. Мне плевать, возьмешь ты шайбу или нет, я хочу, чтобы они увидели твою скорость.

Давид показал на скамью запасных команды противника. Амат неуверенно кивнул. Давид впился в него взглядом.

– Ты ведь многого хочешь добиться, Амат? Хочешь доказать всему городу, что ты чего-то стоишь? Так докажи!

При следующем вбрасывании по обе стороны от Кевина стояли Беньи и Амат. Магган Лит тем временем прилипла к стеклянной перегородке, отделявшей скамью запасных, и орала, что никому не позволит безнаказанно сменить ее сына в полуфинале. Бенгт посмотрел на Давида:

– Если мы проиграем, она тебе яйца отрежет.

Давид расслабленно облокотился о борт:

– Победителям в этом городе все прощают.

Беньи делал на льду то, что ему велели: завладел шайбой и выбросил ее из зоны, шайба заскользила по борту за ворота противника. Амат тоже делал то, что ему велели: летел как пуля. Его тотчас зацепил защитник противника, а когда удалось вырваться, смысла гнаться за шайбой уже не было. И все-таки он погнался. На трибунах вздохнули те, кто понимал в игре. Кто не понимал, вздохнули еще громче. Вратарь противника спокойно выехал на площадку, дал пас защитнику, и шайба едва не долетела до ворот «Бьорнстада». Когда раздался свисток для нового вбрасывания, Амат уже стоял в шестидесяти метрах оттуда в зоне противника. Спонсоры проворчали: «Ему что, компас нужен?» Но Фрак видел то же, что и Давид. А Суне разглядел это еще раньше них.

– Быстрый, как росомаха с горчицей в жопе! Им его не поймать! – смеялся Суне.

Перегнувшись через борт, Давид поймал Амата за плечо, когда тот ехал обратно.

– Еще разок.

Амат кивнул. Судья произвел вбрасывание, на этот раз Беньи не удалось выбить шайбу из зоны, но Амат все равно на полной скорости ринулся к воротам противника и остановился только возле противоположного борта. На трибунах раздался неодобрительный гул, прокатился презрительный смешок: «Ты что, заблудился? Шайба в другой стороне!» Но Амат смотрел только на Давида. Вратарь противника первым был у шайбы, последовало новое вбрасывание. Давид начертил в воздухе полукруг: «Еще разок».

Когда Амат в третий раз ринулся через всю площадку, шайба значения не имела, но кое-кто оценил его скорость и понял задумку. Тренер противника выхватил стопку бумаг из рук ассистента и проревел:

– Какого хрена?! Восемьдесят первый – это вообще кто?

Амат успел поднять взгляд на трибуну: Мая стояла на лестнице, ведущей из кафетерия, она его видела. Он ждал этого момента с тех пор, как пришел в первый класс, и вот он наступил. От этого Амат совершенно забылся и услышал, что Бубу его зовет, только когда подъехал к скамье запасных.

– АМАТ!

Бубу повис на борте и схватил его за футболку:

– Сделай вид, что едешь в центр, а потом вырвись на край!

Они встретились глазами на долю секунды, и этого было достаточно, чтобы Амат увидел, как много отдал бы Бубу за то, чтобы сейчас оказаться

на льду. Амат кивнул, и они хлопнули друг друга по шлемам. Мая так и стояла на лестнице. На следующем вбрасывании Кевин и Беньи покатались около круга, затем остановились, наклонившись к Амату.

– Ну что, цыпленок, лапки устали? – ухмыльнулся Кевин.

– Дай пас, и увидишь, – ответил Амат, и глаза у него налились кровью.

На этот раз Кевин не упустил бы шайбу, даже если бы руки у него за спиной были связаны, а к виску приставлен пистолет. Беньи принял шайбу и погнал вдоль борта – завтра утром он не сможет подняться с кровати, но в тот момент он не чувствовал ничего, он уложил двух противников одной левой. Амат сделал обманный маневр, перехватил шайбу и просвистел мимо защитника так быстро, что даже двое игроков, которые пасли Кевина, оставили номер девять и погнались за восемьдесят первым. А бьорнстадцам только это и было нужно. Кто-то огрел Амата клюшкой по предплечью, боль была такая, будто ему отрубили запястье, но он успел уйти в угол и проехать за воротами. На все про все у него остался один вздох: он поднял глаза, увидел, что Кевин прижал клюшку ко льду и сделал бросок в тот момент, когда его повалили на лед. У Кевина появился зазор в два сантиметра – ему хватило бы и одного.

Когда над воротами зажегся красный фонарь, люди на трибунах попадали друг на друга. Спонсоры опрокидывали кофейные чашки, когда тянулись друг к другу с криком: «Дай пять!» Две девочки на радостях перевернули весь кафетерий, а один пожилой тренер, который никогда не улыбался, сидел в верхнем ряду на трибуне, заливаясь смехом. Фатима с Мирой в обнимку свалились на пол, не то плача, не то хохоча от восторга.

Ликующие вопли пробили стену ледового дворца и донеслись до Рамоны, которая стояла на улице неподалеку. «Я люблю тебя», – прошептала она, обращаясь к Хольгеру. Затем повернулась и с улыбкой внутри одиноко поплелась домой. В этот момент хоккей и люди остались тет-а-тет, город со своей верой остался наедине с миром, который долгие годы принуждал его сдаться. Во всем Бьорнстаде не было больше ни единого атеиста.

Кевин развернулся и поехал к скамье запасных, отмахиваясь от товарищей, пытавшихся его обнять. Он перемахнул через борт и бросился в объятия к Давиду.

– Ради тебя! – шепнул Кевин, и Давид обнял его крепко, будто родного сына.

В двадцати метрах от них Амат с трудом поднялся со льда. С тем же

успехом он мог находиться в другом конце площадки, все равно никто не обращал на него внимания. Через секунду после паса защитник противника огрел его клюшкой и локтем одновременно, навалившись всем своим весом, и Амат ударился головой об лед так, будто его толкнули в пустой бассейн, он даже гола не видел. Когда ему наконец удалось встать на колени, все игроки до единого устремились за Кевином к скамье запасных, весь ледовый дворец, в том числе Мая, смотрел только на Кевина.

А номер восемьдесят первый, номер, выбранный Аматом потому, что в тот год родилась его мама, так и стоял в углу площадки, глядя на табло с результатами. Это был его лучший и худший момент на этой арене. Он поправил шлем и пару раз оттолкнулся полозьями ото льда, направляясь к скамье, но в этот момент кто-то объехал его сзади и дважды хлопнул по шлему.

– Девчонка заметит тебя, когда мы выиграем финал, – улыбнулся Беньи.

Амат собрался ответить, но Беньи уже и след простыл: он стоял у центральной линии, готовый к новому вбрасыванию. Лит занес ногу над бортом, но Давид остановил его, приказав Амату оставаться на льду. Кевин подъехал к кругу вбрасывания, и они коротко кивнули друг другу – номер девять и номер восемьдесят один. Амат стал одним из них. Наплевать, видят это зрители на трибунах или нет.

После финального свистка Петер потерял равновесие и в следующий миг вопил от счастья в чьих-то объятиях, а через секунду уже летел через несколько рядов головой вперед. Потом поднялся, прислушиваясь к звону в ушах от стоящего вокруг ора. Вопили и стар и млад, и фанаты хоккея, и те, кто был к нему равнодушен. Петер не помнил, как это произошло, но вдруг он почувствовал, что его со всей дури обнял какой-то поющий незнакомец. Подняв глаза, Петер увидел перед собой Роббана Хольтса, в обнимку с которым уже танцевал по лестнице. Остановившись, они посмотрели друг на друга и захохотали так, что не в силах были остановиться. Этим вечером им снова было семнадцать лет.

Хоккей – всего лишь пустяковая, нелепая игра. Мы отдаем ей год за годом, не смея надеяться на взаимность. Мы приносим в жертву все, что у нас есть, горим, кровоточим и плачем, прекрасно понимая, что в лучшем случае – как бы ничтожно и жалко это ни выглядело – дождемся в ответ максимум нескольких прекрасных мгновений.

Но разве жизнь – что-то большее?

19

Адреналин творит с телом удивительные дела. Услышав финальный свисток, мамы и папы запрыгали через борт, солидные предприниматели и руководство фабрики заковыляли по льду в своих ботинках на скользкой подошве, обнимаясь неуклюже, словно младенцы в подгузниках. Когда Кевин вместе с Беньи завернулся в огромный зеленый флаг, чтобы сделать круг почета перед трибунами, там уже было пусто. Весь городок высыпал на площадку. Люди прыгали, спотыкались, падали, смеялись, ликовали и плакали. Друзья детства, одноклассники, родители, братья и сестры, родственники, соседи. Надолго ли запомнится этот день? Нет, не надолго. Этот день запомнится навсегда.

Когда ты проигрываешь, то ощущаешь удар прямо в сердце. А когда выигрываешь, оно взлетает в облака. Этим вечером Бьорнстад превратился в небесный город.

Петер остановился в углу площадки. Он сел на лед и засмеялся. Бесконечные часы в кабинете, встречи, ссоры, бессонные ночи, каждое тревожное утро – все это было не зря, оно того стоило. Он так и сидел на льду, пока бьорнстадцы один за другим покидали площадку. Рядом уселся Роббан Хольтс. Они ухмыльнулись.

Адреналин творит удивительные дела, особенно покидая тело. Когда Петер играл в хоккей, он все время слышал, как важно «контролировать адреналин», хотя не понимал, что это значит. Для него было совершенно естественным сфокусироваться, сосредоточиться на льду, жить здесь и сейчас. И только впервые оказавшись зрителем на трибуне, он увидел со стороны, что от адреналина до паники один шаг. То же вещество, что толкает тело к подвигам и борьбе, будит в мозгу инстинктивный страх.

Пока Петер был игроком, он воспринимал финальный свисток как остановку на американских горках – одни думают: «Фух, наконец-то!», другие: «Еще!» После каждого матча ему всегда хотелось еще и еще. Теперь он, спортивный директор, не мог вернуться к нормальной жизни без таблеток от мигрени.

Когда спустя больше часа последние пьяные от победы спортсмены, родители и спонсоры наконец покинули ледовый дворец и вывалились на парковку с воплями: «МЫ МЕДВЕДИ, МЫ МЕДВЕДИ, МЫ МЕДВЕДИ

ИЗ БЬОРНСТАДА!» – Петер, Роббан и их воспоминания остались наедине.

– Может, пойдем ко мне в кабинет? – спросил Петер, и Роббан расхохотался:

– Петер, милый, это ведь наше первое свидание, а я приличная девушка.

Петер тоже расхохотался:

– Уверен? А то попили бы чаю, посмотрели бы старые фотки.

Роббан протянул ему руку.

– Передай своим парням привет от меня, хорошо? Скажи, что был здесь один гордый старый лис, который смотрел матч.

Петер пожал ему руку:

– Приходи как-нибудь к нам на ужин. Мира будет ужасно рада!

– Конечно приду! – ответил Роббан, хотя оба знали, что это ложь.

И они разошлись по домам. Мгновенья – вот все, что у нас есть.

В раздевалке было пусто. Все закончилось: адреналин, песни и танцы, прыжки на банкетках, молотьба кулаками по стенам. Еще недавно в этой комнате ликовали голые по пояс молодые и не очень мужчины, поливая головы пивом, а теперь было пусто. Оставшись один, Амат ходил по раздевалке, собирая с пола обрывки скотча. В дверях появился удивленный Петер:

– Ты что здесь делаешь?

Амат покраснел:

– Не рассказывайте, пожалуйста. Ну, что я собираю мусор. Я хотел только обрывки убрать.

От стыда у Петера перехватило горло. Он вспомнил, как парень лет в восемь или девять собирал на трибунах пустые банки, когда Фатиме впервые не хватило на его снаряжение. Они были слишком гордыми, чтобы принимать милостыню, поэтому Петер с Мирой давали в местной газете фальшивые объявления, и каждый год откуда-то появлялась подержанная амуниция нужного Амату размера. У Миры была целая сеть агентов по дороге в Хед, которые по очереди играли роль продавцов.

– Нет… конечно, не расскажу, Амат, мне и в голову бы не пришло говорить о тебе остальным, – пробормотал Петер.

Амат посмотрел на него в недоумении. Хмыкнул:

– Остальным? Да плевать мне на них. Вы маме не рассказывайте! Она дико злится, если я за нее убираю.

Петеру так хотелось сказать Амату что-то хорошее. О том, что он им сегодня невероятно гордился. Но слов не хватало, он не знал, как говорить

такие вещи. Он попытался, но почувствовал себя плохим актером. Иногда он безумно завидовал Давиду, который умел завоевать сердца парней. Они ему верили, ловили каждое его слово, боготворили его. Петер завидовал ему, как застенчивый отец на детской площадке завидует разбитному папаше, умеющему развеселить всю ораву.

Поэтому Петер ничего не сказал Амату. Он улыбнулся, кивнул и выдавил из себя:

– Ты, наверное, единственный подросток на земле, которого мама ругает за то, что он слишком много времени посвящает уборке.

Амат протянул ему мужскую рубашку:

– Вот, забыл кто-то из спонсоров.

Рубашка пахла перегаром. Петер медленно покачал головой:

– Ты… Амат… я…

Слова предательски застревали в горле. Единственное, что он смог сказать:

– По-моему, тебе надо пойти на парковку. Ты ведь никогда не выходил отсюда после такого матча. По-моему, тебе надо… ты сможешь пережить нечто такое… это не всем дано. Ты выйдешь отсюда… победителем.

Амат понял, что имел в виду Петер, только когда, собрав свои вещи, свернул в коридор и закрыл за собой дверь ледового дворца. Увидев его, взрослые люди захлопали в ладоши и заулюлюкали от восторга. Несколько старших девочек из его школы выкрикнули его имя, Бубу обнял его, Беньи взъерошил ему волосы, все хотели пожать ему руку. Чуть поодаль Кевин давал интервью местной газете. Немного погодя он раздавал автографы целой ораве детей, а их мамы тем временем настойчиво уговаривали его дважды сфотографироваться на память: сначала с каждым из детей, потом с каждой из них.

Амат качался из стороны в сторону от объятий и хлопков по спине и неожиданно для себя кричал вместе со всеми: «МЫ МЕДВЕДИ ИЗ БЬОРНСТАДА!» – так, что начало жечь в груди. Он слышал, как остальные, услышав его, стали кричать еще громче, потому что хотели разделить его радость.

Опьянение пузырилось внутри, эндорфины кипели, потом он вспомнит, что подумал в тот миг: «И как тут не поверить, что ты бессмертен?»

Мира убирала в кафетерии. Мая и Ана вышли из туалета, переодевшиеся, со свежим макияжем, они с хохотом ждали предстоящего

вечера.

– Я сегодня… переночую у Аны. Мы… будем делать уроки, – улыбнулась Мая.

Дочь соврала, а мать сделала вид, что поверила. Они балансировали на том этапе, когда мать и дочь одинаково сильно беспокоятся друг о друге. Есть такой период в отрочестве, когда ты уже не ребенок, а равноправный с родителями человек, но вскоре чаша весов качнется, и Мая повзрослеет настолько, что будет больше заботиться о родителях, чем они о дочери. Скоро Мая перестанет быть ее любимой малышкой, а Мира, наоборот, станет ее любимой старушкой. Чтобы отпустить от себя ребенка, многого и не требуется. Нужно просто отдать лишь все, что у тебя есть.

Петер вошел в кабинет генерального директора, где на нетвердых ногах уже слонялись подвыпившие мужчины.

– Я тебя обыскался! – воскликнул голый по пояс Фрак и, пошатываясь, подошел к Петеру и забрал у него свою рубашку.

Петер пристально посмотрел на него:

– Если я еще хоть раз услышу, что ты принес алкоголь в раздевалку для игроков, Фрак… Они же еще дети.

– Да ладно, Петер, какие дети, перестань! Пусть парни попразднуют!

– Парни пусть празднуют, а вот взрослые должны знать границы.

Фрак отмахнулся от этих слов, как от назойливых мух. У него за спиной двое мужчин с пивными банками в руках оживленно обсуждали форварда основной команды: «Да он такой тупой, что за хлебом сам не может сходить», и вратаря: «Он полный дебил. Разве нормальный человек женится на телке, которая до него переспала с половиной команды, а после него – с другой половиной». Петер не знал, спонсоры это или просто спутники Фрака, он тысячу раз слышал подобные разговоры, но до сих пор не привык к иерархии, соблюдавшейся в этом кабинете. Игроки могли поливать грязью судью, но не тренера, тренер мог критиковать игроков, но не спортивного директора, тот не мог осуждать генерального директора, который, в свою очередь, не имел права плохо отзываться о членах правления, а они – о спонсорах. Выше всего в этой иерархии находились мужчины в пиджаках, для которых игроки были наподобие лошадей на скачках. Своего рода продуктом.

Фрак любовно дернул Петера за ухо, чтобы перевести его мысли в другое русло:

– Ладно тебе, Петер, хватит бычиться, это же твой вечер! Помнишь, как десять лет назад ты сказал, что наладишь тут занятия для молодежи?

Пообещал, что вырастишь из юниоров команду, которая сможет помериться силами с лучшими игроками страны? Мы тогда над тобой посмеялись. От души. И вот свершилось! Это ТВОЙ вечер, Петер. Все благодаря тебе!

Петер вывернулся из объятий счастливого пьяного Фрака, пытавшегося обхватить его за голову. Остальные спонсоры во всю глотку обсуждали, у кого больше шрамов и вставных зубов – трофеев, добытых в хоккейном прошлом. Петера об этом никто не спросил. Шрамов у него не было, и все зубы остались на месте: он никогда не попадал в драку. Насилие было ему напрочь чуждо.

Один из членов правления, шестидесятилетний исполнительный директор фирмы, производящей вентиляторы, в мокрой от пива одежде хлопнул Петера по спине и ухмыльнулся:

– Мы с Фраком встречались с местными политиками! Они сегодня здесь уже побывали! И я тебе скажу, Петер, между нами, у тебя охренительные шансы заполучить новую кофеварку!

Петер со вздохом извинился и вышел в коридор. Увидев Давида, он почувствовал почти облегчение, хотя в остальное время надменная манера юниорского тренера выводила его из себя. Но сейчас это был единственный трезвый человек поблизости.

– Давид! – окликнул он.

Давид шел дальше, даже не удостоив его взглядом. Петер побежал за ним следом:

– Ты куда?

– Хочу посмотреть запись матча, – ответил тренер с отсутствующим видом.

Петер засмеялся:

– Ты что, не празднуешь?

– Буду праздновать, когда мы выиграем финал. Вы ведь для этого меня нанимали. Чтобы выиграть финал.

Давид держался еще высокомернее, чем обычно. Петер вздохнул и смущенно засунул руки в карманы.

– Ну чего ты, ей богу… Хоть мы с тобой и расходимся по всем вопросам, но это твоя победа. Ты ее заслужил.

Глаза у Давида сузились в щелочки, он кивнул на кабинет, где орали спонсоры, и ответил:

– Нет, Петер. Тебе же сказали: это твой вечер. Ты ведь звезда нашего клуба, разве нет? Так было всегда.

Петер почувствовал, как в животе разрастается черная туча, в которой непонятно чего больше – стыда или злости. Он не хотел, чтобы голос

прозвучал так злобно, когда прокричал Давиду вслед:

– Я всего лишь хотел тебя поздравить!

Давид обернулся и с горькой усмешкой сказал:

– Ты бы лучше Суне поздравил. Он сделал все, чтобы мы победили.

Петер кашлянул.

– Я… он… я не видел его на трибуне…

Давид смотрел в глаза Петеру, пока тот не опустил взгляд. Тренер грустно кивнул.

– Он сидел там же, где всегда. И ты это знаешь. Я в этом уверен, ты же наверняка пошел в обход, чтобы с ним не столкнуться.

Петер тихо выругался и отвернулся. Слова Давида прозвучали ему в спину:

– Я не наивный щенок, Петер, и прекрасно вижу, чем мы тут занимаемся. Я займу место Суне, потому что время пришло и я это заслужил. Так что чувствую себя свиньей. Только не забывай, кто открыл ему дверь на улицу. Не надо делать вид, что это было не твое решение.

Петер в бессильной злобе крутанулся на месте, сжав кулаки.

– Выбирай выражения, Давид!

Давид не думал отступать:

– А то что? Ударишь меня?

У Петера задрожал подбородок. Давид не двигался с места. Наконец он презрительно ухмыльнулся. Один продолговатый шрам красовался у него на подбородке, другой – чуть выше на щеке.

– Не думаю. Ты ведь у нас Петер Андерсон. И за тебя на скамейке штрафников отдуваются другие.

Войдя к себе в кабинет, Давид не стал хлопать дверью. Он закрыл ее совершенно бесшумно. Больше всего Петер ненавидел его за это. За то, что Давид был прав.

Когда журналистка местной газеты брала у Кевина интервью, тот был совершенно невозмутим. Окажись на его месте кто-то из сверстников, он бы с ума сходил от волнения, а Кевин излучал спокойствие профи. Он смотрел журналистке в лицо, но не в глаза, а на лоб или ноздри, держался расслабленно, но не развязно, без любезности, но и без хамства, отвечал на все вопросы, но при этом ухитряясь не сказать ничего по существу. Когда журналистка спросила о матче, Кевин стал рассуждать о том, что в хоккее «важно хорошо двигаться, забивать больше голов, создавать моменты». Когда она попросила рассказать, что значит для города и его жителей победа в финале, Кевин произнес, словно робот: «Для нас главное – сам

матч, мы стараемся сосредоточиться на хоккее». Потом журналистка вспомнила, что игрок из команды противника, к которому товарищ Кевина Беньямин Ович в конце матча применил силовой прием, получил сотрясение мозга, на что Кевин не моргнув ответил: «Я не видел, как это произошло».

В свои семнадцать лет он умел держаться с прессой, словно заправский политик. Восторженная толпа унесла его, прежде чем журналистка успела задать другие вопросы.

Амат нашел в толчее свою маму и поцеловал ее в лоб. Та со слезами на глазах прошептала: «Иди, иди!» Он рассмеялся и, обняв ее, пообещал вовремя вернуться домой. Мать знала, что он врет. И была счастлива.

Где-то в стороне на парковке, в самом дальнем круге популярности, стоял Закариас, а его лучший друг тем временем находился в круге первом. Взрослые садились в машины и уезжали, оставляя детей наедине с их грандиозным вечером, и, когда компания игроков вместе с девчонками стала двигаться в сторону вечеринки, куда были приглашены почти все, стало мучительно ясно, что кто-то все же остался за бортом.

По дороге в кафетерий Петер встретил Маю и Ану. К его несказанному удивлению, дочь бросилась ему на шею – когда ей было пять лет, она встречала его так с работы по вечерам.

– Я горжусь тобой, пап! – прошептала она.

Наконец Петер неохотно разжал объятия. Когда девочки с хохотом сбежали по лестнице, воцарилась тишина, нарушаемая лишь его собственным взволнованным дыханием и чуть позже – голосом Миры.

– Ну что, суперзвезда, теперь моя очередь? – крикнула она.

Петер задумчиво улыбнулся и пошел ей навстречу. Они взялись за руки и стали танцевать, медленно-медленно, делая небольшие круги. Мира взяла его лицо обеими руками и поцеловала так жарко, что Петер смутился. Она все еще могла его смутить.

– Что-то ты не весел, – шепнула она.

– Да нет, отчего же, – пробормотал он.

– Это из-за Суне?

Петер зарылся лицом в ее шею.

– После финала спонсоры собираются официально заявить, что место Суне займет Давид. Они хотят, чтобы Суне ушел по собственному желанию. Чтобы в глазах прессы это не было увольнением.

– Милый, ты в этом не виноват. Ты не можешь спасти всех. Не можешь

держать весь мир на своих плечах.

Петер промолчал. Она улыбнулась, взъерошила ему волосы.

– Ты встретил свою дочь? Она будет «делать уроки» дома у Аны.

– С таким макияжем только уравнения решать, – пробормотал Петер.

– С подростками самая большая проблема в том, что ты помнишь себя в этом возрасте. Вот мы как-то раз с одним парнем…

– Не желаю этого слышать!

– Милый, возьми себя в руки, у меня была жизнь до того, как мы познакомились.

– НЕТ!

Петер взял ее на руки, и у Миры перехватило дыхание. Он все еще мог заставить ее задохнуться. Они захихикали, как дети.

В окно кафетерия они увидели, как Мая и Ана удаляются по дороге вместе с хоккеистами и одноклассниками. Сгущались сумерки, температура за окном падала, снег кружился, ложась им на плечи.

Надвигалась буря. Только этого никто пока не знал.

20

Адреналин творит удивительные дела. Стекла в окнах семейства Эрдаль дребезжали от децибел, нижний этаж заполнялся гостями с такой скоростью, будто их вбрасывали через дымоход, большинство игроков уже напились в стельку, гости быстро их догоняли. Это не первая вечеринка в доме Эрдалей. Гости пили из одноразовых стаканчиков, картины со стен сняты, хрупкие предметы спрятаны, мебель завернута в пленку. Двое юниоров всю ночь несли вахту на лестнице, чтобы никто не прорвался наверх. Что бы ни говорили о Кевине, он, как и его тренер, большое значение придает подготовке и на случай не полагается. Рано утром придет уборщица, которая, как обычно, скажет, что, пусть даже Кевин убил бы человека в этой гостиной, после уборки никто не найдет ни следа. За свое молчание она получит хорошие деньги, а соседи лягут спать с берушами в ушах, и, если кто-то спросит, они притворятся, что их в ту ночь не было дома.

Кевина давно перестали спрашивать, почему на собственной вечеринке он единственный, кто, похоже, не радуется. В гостиной пили и пели подростки, постепенно скидывая одежду, но в саду по другую сторону толстых стен стояла почти полная тишина. Пот стекал по лицу Кевина, он забивал шайбы в ворота одну за другой. После матча он никогда не сбавлял обороты, но после победы орудовал клюшкой не так яростно. А вот после поражения сад и небольшая площадка были усеяны обломками клюшек и осколками стекла. Беньи, как обычно, сидел с равнодушным видом за пластиковым столом и ловко крутил пальцами сигареты, чтобы вытрясти оттуда табак и не повредить папиросную бумагу. Одну из гильз он набил травой, закрутил кончик, осторожно прикусил фильтр зубами и вытянул его, а в освободившееся место вставил тонкую скрученную картонку. Ему приходилось использовать эту технику, потому что женщина, владевшая табачным магазином Бьорнстада, приходилась сестрой директору школы, и покупать бумагу для самокруток, не покупая табак, было чревато лишними вопросами. Заказывать ее через интернет тоже было нельзя, потому что мать Беньи проверяла всю почту, как собака-сапер. И хотя никто никогда не видел, чтобы Кевин курил, он вот уже несколько лет брал с каждого гостя, приходившего на вечеринку, входную плату в виде двух сигарет, чтобы Беньи было из чего крутить косяки. Было любо-дорого смотреть, как его лучший друг, пусть и конченый идиот, сосредоточенно пересыпает свою

траву.

– Я бы продал тебя на азиатскую фабрику, где используют детский труд. Ты своими тонкими пальчиками шил бы футбольные мячи быстрее, чем эти сопливые дети.

– А может, сшить тебе сетку побольше, чтобы ты хоть раз попал в ворота? – спросил Беньи и не глядя пригнулся – шайба Кевина просвистела в десяти сантиметрах над его головой и со звоном ударилась об забор.

– Не забудь скрутить пару косяков для уборщицы, – напомнил Кевин.

Такие вещи Беньи не забывал. Поди, не первый раз у них вечеринка.

Переступив порог, Амат раскрыл рот от удивления.

– Ого! Такой дом всего для одной семьи?

Бубу с Литом смеясь подталкивали его в сторону кухни. Лит был уже так пьян, что не смог бы повесить магнит на холодильник. Пили шоты под названием «нокаут». Амат не знал, чего они там намешали, по вкусу напоминало самогон и микстуру от кашля. Всякий раз, опрокинув рюмочку, надо было дать приятелю кулаком в грудь с криком «Нокаут»! После пятой или шестой рюмки это обретало смысл. Большинство доходило до этой кондиции.

– Сегодня вечером можешь трахнуть любую телку! Эти шлюхи с победителями готовы всегда! – проговорил Лит заплетающимся языком и широким жестом обвел толпу, но уже в следующий миг схватил Амата за грудки и проревел: – Только не вздумай зариться на телочек, которых выберем мы с Кевином и Беньи. У первого звена – право первой ночи!

Амат заметил, что Бубу, как и ему самому, при этих словах стало не по себе. Он впервые увидел у него на лице неуверенность. Лит, пошатываясь, двинулся дальше с криком: «Я сегодня сделал голевую передачу! Кто хочет со мной переспать?» Засмущавшиеся Амат и Бубу так и стояли друг против друга на кухне. Они пили шоты и били друг друга в грудь с криком «Нокаут!», только чтобы не говорить – оба боялись, что по голосу сразу будет понятно: они девственники.

Ана и Мая пришли на вечеринку последними, потому что Ана раз сто остановилась поправить макияж. Каждый месяц у нее появлялся пунктик по поводу разных частей тела. На этот раз она выбрала скулы. Еще недавно это был лоб, и она на полном серьезе просила Маю помочь ей узнать, можно ли сделать пластическую операцию, чтобы спустить ниже линию роста волос.

Перед тем как войти в дом, Мая остановилась, залюбовавшись

пейзажем. С улицы, на которой располагалась вилла Эрдалей, виднелось озеро и дорога к лесу на другом берегу. Природа там была более дикой, деревья росли плотнее, и даже сугробы казались больше. Вдали белело поле – такое огромное, что в детстве там чувствуешь себя последним из оставшихся на Земле. Бьорнстадские дети знали, что это самое подходящее место, если ты затеял что-нибудь такое, о чем взрослым лучше не знать. Сколько раз на этом поле Ана чуть не угробила их обеих со своими проделками. Когда им было двенадцать лет, Ана угнала снежный скутер, на котором они с Маей катались всю ночь. Мае не хотелось в этом признаваться, но никогда в жизни она не чувствовала себя такой свободной.

Через год Ана перестала искать в интернете, как угнать скутер, и принялась гуглить диеты. На мгновение Мая задержала взгляд на белеющем поле, с тоской вспоминая двух маленьких девочек, игравших по ту сторону озера, затем отвернулась и вошла в дом. Знай она, что через несколько часов выйдет оттуда совсем другим человеком, то не раздумывая бросилась бы по льду на ту сторону.

Кевин стоял на площадке, наблюдая через большие окна прихожей, как Мая заходит в дом. Он пристально смотрел на нее, не замечая, что Беньи тем временем внимательно его разглядывает. Кевин бросился к балконной двери, и Беньи, с досадой побросав в рюкзак свое хозяйство, двинулся следом. Они молча протолкались через гостиную. Цели у них были разные. Кевин остановился перед Маей в надежде, что через футболку не очень видно, как бьется сердце, а Мая, в свою очередь, изо всех сил старалась скрыть радость и удовольствие оттого, что за ними, сгорая от ненависти, наблюдает стайка девушек постарше, сидевших на кухне.

– Мадам, – сказал Кевин и галантно поклонился.

– О, Эфраим фон Говноштык, рада вас видеть, – засмеялась Мая и тоже поклонилась.

Он раскрыл рот, но промолчал, увидев, как Беньи выходит на улицу. Кевин выглядел расстроенным не меньше, чем сидевшие на кухне девушки, и особенно Ана, а уж расстроиться больше Аны было физически невозможно – человека просто разорвало бы на кусочки.

Оказавшись на улице, Беньи натянул на плечи рюкзак, прикурил косяк, закрывая огонь ладонью, и подождал, пока тепло доберется до легких. Кевин окликнул его, но Беньи не отозвался.

– Эй, чувак, ты чего? Хорош выпендриваться!

– Ты же знаешь, Кев, я не участвую в вечеринках с малолетними

девочками. Сколько им? Пятнадцать?

Кевин развел руками:

– Расслабься, это не я их позвал!

Обернувшись, Беньи посмотрел ему прямо в глаза. Секунд через десять Кевин начал смеяться. Неплохо!

– Ты не умеешь мне врать, Кев.

– Может, все же останешься? – усмехнулся Кевин. Беньи спокойно покачал головой. Кевин прищурился.

– И что же ты будешь делать?

– Устрою свою вечеринку.

Кевин посмотрел на его рюкзак:

– Только не обкуривайся опять до гномиков с ножами и прочей херни, хорошо? Нет никакого желания искать тебя по всему лесу и снимать с дерева, когда ты будешь орать и плакать.

Беньи расхохотался:

– Это было ОДИН РАЗ. И не после травы.

– А помнишь, как ты мне позвонил и заорал: «Я РАЗУЧИЛСЯ МОРГАТЬ!!!»?

– Ничего смешного. Это был полный трындец.

Кевин потянулся к нему. Но передумал.

– И если надумаешь угонять тачку, дойди до другой улицы, хорошо? Отец этого дико не любит!

Беньи кивнул, но обещать не стал. Он достал из кармана косяк и бережно воткнул его Кевину за ухо.

– На сон грядущий. Вперемешку с табаком, как ты любишь.

Кевин обнял его так стремительно, что этого никто не успел увидеть, и так крепко, что все было понятно без слов. После матчей Кевин всегда не мог заснуть, по другим причинам он траву не курил. Только лучшие друзья знают друг о друге такие подробности. Эти двое мальчишек, когда-то читавшие комиксы с фонариками под одним одеялом, понимали, что они не такие, как все, потому что они супергерои.

Беньи уходил в темноту, а Кевин еще долго стоял и смотрел ему вслед. Он знал, что девчонки влюбляются в него потому, что он крутой хоккеист, а во всем остальном он посредственный семнадцатилетний мальчишка. С Беньи все было наоборот. Девчонки влюблялись в него по другим причинам. В нем было нечто, что влекло к себе всех вне зависимости от того, хорошо он играет или плохо. В его глазах всегда читалось, что он может оставить тебя в любой момент, когда захочет, – просто глянет через

плечо, и все. Он ни к чему не привязывался, ничто его не заботило, и если Кевин до смерти боялся одиночества, то для Беньи оно было естественным состоянием. Все свое детство Кевин боялся, что однажды проснется и не увидит рядом второго супергероя. Вдруг их дружба перестанет для него что-либо значить?

У Беньи, казалось, был другой состав крови. Он исчез вдалеке на дороге, ведущей к озеру, и Кевин подумал, что этот парень – единственное свободное существо на земле.

Это был последний день их детства, который они провели вместе. Он подошел к концу.

21

Когда Кевин вернулся в дом, Мая следила за каждым его движением. Сначала он напоминал котенка, которого вышвырнули на улицу в дождь, забытого и всеми покинутого, – хотя более популярного человека Мая в жизни не видела. В следующую секунду Кевин выпил на кухне две рюмки подряд и закричал: «Нокаут!» – хором вместе с Бубу и Аматом, а потом прыгал с Литом в обнимку, так что пол ходил ходуном, и пел: «Мы медведи!»

Она не помнила, когда он налил ей первую рюмку, но вторая была на вкус уже не такая гадкая. Всякий раз Кевин с Литом спорили, кто пьет быстрее, и Кевин всегда побеждал, а Мая, заносчиво улыбаясь, сказала:

– Ну вы даете, сразу видно – хоккеисты, даже пьете наперегонки.

Кевин посмотрел ей в глаза так, будто они были одни, и воспринял это как вызов.

– Принеси еще несколько рюмок, – сказал он Литу.

– Давай, Лит, беги, я засекаю время! – язвительно засмеялась Мая, хлопнув в ладоши.

Лит побежал и сразу же вписался в стену. Кевин хохотал так, что чуть не задохнулся. Маю завораживало, что он всегда живет настоящим: на льду думает только о хоккее, а за пределами площадки, похоже, вообще ни о чем не думает. Он живет инстинктом. Ей бы тоже хотелось быть как он.

Мая не помнила, сколько они выпили, помнила только, как они с Литом пили на скорость три шота подряд и она выиграла, а потом стояла на стуле, победоносно вытянув руки вверх, как будто в них был гигантский кубок.

Кевину нравилось, что Мая не такая, как все. Глаза у нее были живые и любопытные. Она знала, зачем пришла в этот мир. Ему бы тоже хотелось быть как она.

Ана остановилась после первой же рюмки. Почему, она и сама не понимала, но Беньи ушел, а она была здесь только ради него. Ана стояла на кухне рядом с Маей, но между ними все время кто-то ходил туда-сюда. Всякий раз, когда Кевин смеялся Маиным шуткам, Ана смотрела на старших девушек – тех распирало от презрения и злости. Она почувствовала, как руки Лита трогают ее ниже пояса, и стала отступать в угол. Как бы она ни шкурила себя наждачной бумагой, сколько бы ни

уменьшалась в размерах, она никогда не впишется в эту компанию.

Беньи шел по льду, пока не оказался на середине озера. Он остановился, закурил и стал смотреть, как город за деревьями постепенно темнеет, тут и там гас в окнах свет. Он слегка придавил ногами плотную ледяную скорлупу; была поздняя осень, в это время года не стоило ночью уходить одному так далеко, даже в Бьорнстаде. Беньи с детства любил представлять себе, как проваливается под лед и исчезает в ледяной черной воде. Возможно, боль под водой становится меньше. Странно, но своим поступком отец не внушил ему страха смерти, наоборот. Единственное, чего Беньи не мог понять, – это зачем ему понадобилось ружье. Лес, лед, озеро и мороз – этот город предлагал тысячу всевозможных способов умереть естественной смертью.

Он стоял посреди озера, пока от дыма и холода тело не онемело внутри и снаружи. Тогда он вернулся в город, углубился в небольшой квартал неподалеку, угнал мопед и отправился в Хед.

– Почему ты не любишь хоккеистов? – спросил Кевин.

– Потому что вы не блещете умом, – ответила Мая.

– Что ты имеешь в виду?

– Защиту для паха вы изобрели на семьдесят лет раньше, чем шлем.

– У нас свои приоритеты, – улыбнулся он.

Они выпили еще по шоту. В соревновании на скорость выиграл Кевин. Он не проигрывал никогда.

«Овин» – не лучшее название для бара, особенно если он и правда расположен в бывшем овине. Но, как любил повторять Катин шеф: «В Хеде нечасто услышишь, как один человек говорит другому, что у того слишком богатое воображение». На сцене перед горсткой крайне незаинтересованных мужиков разной степени среднего возраста и опьянения играли музыканты. Охранник подошел к стоявшей за стойкой Кате:

– У твоего брата есть мопед?

– Нет.

Охранник крякнул:

– Тогда попрошу его припарковаться на заднем дворе.

Катя, вторая по старшинству сестра малыша Беньи, который в один прекрасный день сведет их всех на фиг в могилу, при виде брата тяжко вздохнула. Сложно сказать, он ли ищет проблемы или они сами его находят,

но так или иначе они с ним неразлучны. Повезло, что здесь нет старшей сестры, иначе ему несдобровать. Но Катя не злилась, у нее не получалось как следует разозлиться, особенно на Беньи.

– Да ладно, не кипятись, верну я этот мопед, – пообещал Беньи, попробовав улыбнуться, хотя сестра сразу заметила, что он не в духе.

– Я слышала, вы выиграли матч, так что же ты забыл тут? – спросила сестра.

– Праздную, разве не видно? – с горечью ответил он, и она поцеловала его в макушку, перегнувшись через барную стойку.

– Ты был у папы?

Беньи кивнул. Любимый братишка, все девчонки в него влюблены, как она их понимает. «Грустные глаза, дикое сердце – от таких всегда жди проблем», – говорила их мать, а уж она-то знала, о чем говорит. Катя ни разу не бывала на могиле отца, но иногда вспоминала его, думая, как тяжко ему было оттого, что он ни с кем не мог поделиться. Как ужасно чувствует себя человек, который скрывает от своих любимых страшную тайну.

Когда Беньи был зол, он приходил в гости к Габи, младшей из трех сестер, и играл с ее детьми, пока злоба не отпускала. Когда ему хотелось молча подумать, он отправлялся к самой старшей сестре, Адри, в собачий питомник. А когда ему было плохо, он приезжал сюда. К Кате. Она никогда не ругалась, а только гладила по щеке.

– Если подменишь меня за стойкой, я успею сделать дела в офисе. Тогда мы сможем вместе поехать домой. О мопеде парни позаботятся, – сказала она, кивнув на охранников.

Наутро двое мужчин, с которыми обычно предпочитают в дискуссии не вступать, доставят мопед владельцу, объяснив, что сидевший за его рулем человек «должно быть, по ошибке оставил мопед в Хеде». А когда мопед привезут в автосервис, его починят за счет заведения. Больше вопросов не возникнет.

– И не вздумай пить пиво! – распорядилась Катя. Беньи прошелся по бару, дождался, пока сестра удалится в офис, и открыл банку пива. Музыканты на сцене исполняли кавер-версии старых рок-хитов, потому что в Хеде от них ждали именно этого. Все они выглядели как полагалось: толстые, бесталанные середнячки. Все, кроме басиста. Тот совсем не походил на середнячка. Темные волосы, одет в черное и при этом будто светится. Остальные что есть мочи молотили по своим инструментам, а он, играя, тихонько перебирал струны. Басист стоял на небольшом пятачке между усилителем и автоматом с сигаретами, пританцовывая с таким видом, будто этот пятачок был его маленьким королевством. Будто он

выступал не в забытом богом овине на краю вселенной, а в самом ее центре.

В перерыве между двумя песнями басист заметил юного взлохмаченного бармена. И все, кто был вокруг, в это мгновение перестали существовать.

Выйдя из туалета, Ана увидела стоявшего перед дверью Лита. Навалившись на нее всем телом, тот попытался загнать ее обратно в дверной проем. Будь Лит не так пьян, ему бы это наверняка удалось, но Ана выскользнула и отпрыгнула в прихожую, а Лит ухватился за раковину, чтобы устоять на ногах.

– Эй, ты чё! Я сегодня сделал голевую передачу! Что мне за это будет?

Пятясь, Ана машинально озиралась в маленьком коридорчике, словно дикий зверь в поисках пути для бегства. Лит взмахнул рукой и, с трудом выговаривая слова, сказал:

– Я видел, как ты смотрела на Беньи. Не парься, он не вернется… он просто тор… торчок! На эту планету сегодня он не вернется! Забудь его и содресо… дресоро… тьфу! Сосредоточься на мне! Я же сделал репе… пере… твою мать! Гребаную голевую передачу! И мы победили!

Захлопнув дверь у него перед носом, Ана побежала на кухню. Она искала Маю, но ее нигде не было.

Беньи налил себе еще пива. Музыканты закончили играть, и Катя поставила пластинку с кантри, а Беньи так поспешно обернулся к клиенту за стойкой, что чуть не дал ему кружкой по лицу. Басист улыбнулся. Беньи удивленно поднял брови:

– Музыканты у меня в баре? Боже мой. Чем могу быть полезен?

Басист склонил голову набок:

– «Виски сауэр»?

Беньи улыбнулся во весь рот:

– Ты не забыл, где находишься? Это не Голливуд. Могу предложить только виски с колой.

Пока они говорили, Беньи сделал коктейль и привычным жестом отправил его через стойку басисту. Тот посмотрел на стакан долгим взглядом, а потом сказал:

– Извини. Я совсем не люблю виски. Просто хотел прикинуться крутым рокером.

– Вообще-то «виски сауэр» никогда не был напитком крутых рокеров.

Басист провел рукой по волосам.

– Один бармен сказал мне, что, когда долго стоишь за стойкой, начинаешь сравнивать людей со спиртными напитками. Как гадалки могут для каждого найти тотемное животное или что-то вроде того. Понимаешь, о чем я?

Беньи расхохотался. С ним это редко случалось.

– Твое тотемное животное явно не виски, это факт.

Басист кивнул и, загадочно улыбнувшись, подался вперед:

– Я больше интересуюсь тем, что горит, а не тем, что течет. Говорят, ты можешь с этим помочь.

Одним махом выпив стакан с коктейлем басиста, Беньи кивнул.

– Чего бы тебе хотелось?

Вообще-то Амат и Бубу не собирались выходить во двор. Но почему-то там оказались. Оба чувствовали себя на вечеринках неловко и не знали, как себя вести, им хотелось заняться чем-то привычным. Чем-то простым и понятным. Кончилось тем, что они взяли клюшки Кевина и стали по очереди забивать шайбы.

– Как тебе удается быть таким быстрым? – спросил подвыпивший Бубу.

– В школе приходится часто бегать от таких, как ты, – ответил Амат – полувсерьез, полушутя.

Бубу засмеялся – отчасти искренне, отчасти не очень. Амат заметил, что бросок у Бубу гораздо мощнее, чем можно предположить, когда он может спокойно встать и прицелиться.

– Прости… я… ты же понимаешь, что это все в шутку? Сам знаешь… основная команда троллит нас, а мы троллим вас…

– Да, конечно. Это же шутка… – соврал Амат.

Бубу наподдал по шайбе еще сильнее. Ему было стыдно.

– Ты теперь играешь в первом звене. Все стало наоборот: сам будешь кидать мои шмотки на пол в душе.

Амат помотал головой:

– У тебя такие шмотки вонючие, я к ним даже близко не подойду.

Бубу расхохотался так, что между домами прокатилось эхо, на этот раз от души. Амат улыбнулся. И вдруг Бубу тихо сказал:

– К осени мне надо ускориться. Иначе меня исключат.

Это был последний сезон Бубу в команде юниоров, он вылетал по возрасту. В других городах в команды юниоров брали до двадцати лет, но в Бьорнстаде такого количества молодых людей не набиралось. Одни после школы уезжали учиться, другие – на заработки. Лучшие игроки

переводились во взрослую команду, остальные вылетали.

– Переведешься в основную команду! – попытался утешить его Амат, но Бубу только горько усмехнулся.

– Да меня никогда туда не возьмут. Если я не наращу скорость, это мой последний сезон. А потом – автосервис у папочки под началом на всю оставшуюся жизнь.

Амат промолчал, слова были не нужны. Если ты в детстве играл в хоккей хотя бы пять минут, ты поймешь, что единственное, чего тебе надо в этой жизни, – играть еще. Еще и еще, потому что эта игра замешана на лучших ингредиентах всех видов спорта: на скорости и силе, тотальной технике и борьбе, сто процентов сердца и сто процентов разума. Лучшей игры не бывает. Высшее наслаждение. Наркотик, от которого невозможно отказаться. Амат набрал в легкие побольше воздуха и сказал то, в чем не признался бы никому:

– Я боялся тебя. Весь матч я тебя дико боялся. Я даже не обрадовался, когда мы выиграли, только почувствовал облегчение. Я… черт, помнишь, как в детстве сидишь на берегу и играешь в песок? Было так здорово. Ни о чем не думаешь, просто играешь. Я до сих пор этого хочу. Не знаю, что я буду делать, если перестану заниматься хоккеем, это единственное, что я умею. Но теперь… это стало…

– Работой, – закончил Бубу, не глядя на Амата.

Амат кивнул.

– Я все время боюсь, понимаешь? Разве это нормально?

Бубу покачал головой. Больше они об этом не говорили, а только молча забивали шайбы в ворота. *Банк, банк, банк, банк, банк*. Бубу прокашлялся и сменил тему:

– Можно у тебя кое-что спросить?

– Валяй.

– Как узнать, красивый у тебя член или нет?

Амат уставился на Бубу, пытаясь понять, шутит тот или нет. Похоже, парень был серьезен.

– Ты совсем в хлам?

Бубу покраснел.

– Ну… я тут все думаю об одной штуке. Вот парни, они всегда обсуждают сиськи. А телки, обсуждают они наши члены? И как понять, красивый он у тебя или нет? Думаешь, для них это важно?

Амат очень быстро забил три шайбы подряд. Бубу стоял рядом, огромный, как дерево, и испуганный, как щенок перед приемом в ветеринарной клинике. Улыбнувшись, Амат похлопал его по плечу.

– Знаешь что, Бубу? По-моему, тебе надо меньше думать. Как и всем нам.

Бубу кивнул и ухмыльнулся. Амату было пятнадцать, Бубу – семнадцать. Через десять лет они будут вспоминать этот вечер – как все праздновали победу в доме, а они вышли на улицу и стали друзьями.

Ночь была ясной и звездной, деревья стояли неподвижно, они отошли на задний двор покурить. Вообще-то Беньи никогда не делал этого с незнакомцами, почти всегда это был для него интимный акт, совершавшийся в одиночестве, он и сам не знал, почему сделал исключение для басиста. Возможно, из-за того, что тот так умело создал на сцене свое пространство. Он словно находился в другом измерении. Беньи это было знакомо. Это его притягивало.

– Что у тебя с лицом? – спросил басист, указывая на шрам на подбородке.

– Хоккей, – ответил Беньи.

– Любишь подраться?

Судя по выговору, он приехал издалека. А судя по вопросу, впервые.

– Чтобы распознать драчуна, смотри не на лицо, а на костяшках пальцев, – ответил Беньи.

Басист несколько раз глубоко затянулся, сдул с глаз челку.

– Из всех видов спорта, в которых я не вижу смысла, хоккей на первом месте.

Беньи хмыкнул:

– А бас-гитара – это инструмент для тех, кто не смог научиться играть на обычной?

Басист расхохотался так звонко, что запели стволы деревьев, и его смех ударил Беньи не только в голову, но и в грудь. Такое не удавалось почти никому. Это было как текила с шампанским.

– Ты всю жизнь прожил в Хеде? В таком маленьком городке недолго заработать клаустрофобию, – улыбнулся басист.

Он рассматривал губы Беньи то смущенно, то жадно. Беньи выпустил дым уголками рта.

– Я живу в Бьорнстаде. Хед по сравнению с ним большой город. А ты что здесь делаешь?

Басист пожал плечами и попробовал придать голосу беззаботности, но боль сквозила в каждом слове:

– У меня двоюродная сестра – вокалистка в этой группе. Их басист уехал на учебу, и они предложили мне заменить его здесь на пару месяцев. Играют они паршиво, и за выступление нам дают ящик пива вместо платы,

но у меня… Были сложные отношения с одним человеком. И мне надо было уехать подальше.

– Куда уж дальше, – сказал Беньи.

Басист прислушался к шуму деревьев, робко дотронулся до снежинок, падавших на руки. И тихо сказал:

– А здесь красивее, чем я думал. Правда.

Беньи курил, закрыв глаза. Был бы он обкуренным. И пьяным. Тогда, может, и осмелился бы. Но сейчас сказал только:

– Явно не так, как в твоем родном городе.

Басист вдохнул дым его сигареты. Кивнул, глядя на землю.

– Мы играем здесь в следующее воскресенье. Приходи, если хочешь. Это было бы… буду рад с кем-нибудь подружиться в этих краях.

Черная футболка трепетала на тонком теле. Движения у него были легкими и мягкими, в них напрочь отсутствовало напряжение, он казался совершенно невесомым. Он стоял на снегу, словно диковинная птица в лесу, полном хищников. Когда его дыхание достигало щеки Беньи, оно было уже холодным. Беньи затушил окурок пальцами и сделал пару шагов назад.

– Мне пора, а то сестра засечет.

– Такой большой и суровый хоккеист и боится сестры, – улыбнулся басист.

Беньи невозмутимо пожал плечами:

– На моем месте ты бы тоже боялся. Кто, по-твоему, научил меня драться?

– Увидимся в воскресенье? – прокричал басист ему вслед.

Но ответом была тишина.

Стоявшая на кухне Мая вдруг заметила, что Ана пропала, и отправилась ее искать. Парни видели, как по пути она прислонилась к стене, чтобы удержаться на ногах, будто пингвин на дрейфующей льдине, – алкоголь свое дело делал. Лит склонился к Кевину и прошептал ему на ухо:

– Дочь спортивного директора, Кевин, у тебя никаких шансов с ней переспать!

– Спорим? – ухмыльнулся Кевин.

– На стольник, – кивнул Лит.

Они пожали руки.

Впоследствии Мая будет вспоминать странные подробности этого вечера. Как Кевин нечаянно расплескал бокал на футболку и что

получившееся пятно напоминало бабочку. Но этого никто не захочет слышать. Единственное, что им надо будет знать, – сколько она выпила в тот вечер. Была ли пьяна. Держала ли его за руку. Подавала ли надежду. Пошла ли на верхний этаж по доброй воле.

– Заблудилась? – улыбнулся Кевин, увидев ее на лестнице.

Мая трижды обошла нижний этаж в поисках ванной. Забыв про Ану, она рассмеялась и развела руками.

– Ну и дом у тебя. Ни дать ни взять Хогвартс! Представляю, сколько денег у твоих родителей.

– Хочешь посмотреть верхний этаж? – спросил он.

Всю свою жизнь Мая будет жалеть о том, что согласилась.

Катина машина нехотя завелась с восьмой или девятой попытки.

– Можешь остаться в питомнике у Адри.

– Отвези меня домой, ладно? – сонным голосом попросил Беньи.

Она погладила его по щеке.

– Нетушки, мой дорогой, для этого мы с Адри тебя слишком любим. Если мама еще раз почует, что от тебя пахнет травой и перегаром, то больше нам тебя не видать.

Беньи крякнул, сбросил куртку и привалился к стеклу, подложив ее вместо подушки. Катя пощекотала его под рукавом футболки по татуировке с медведем и сказала:

– А басист симпатичный. Но я подумала, ты, как обычно, скажешь, что это не твой типаж.

Беньи ответил, не открывая глаз:

– Он не любит хоккей.

Катя засмеялась, но, когда Беньи уснул, смахнула слезы. Все его детство, в песочнице и на качелях, она видела, как на него смотрят девочки. Они хотели его приручить, но чувствовали, что это невозможно. Вот только не понимали, в чем загвоздка.

Чем старше становился Беньи, тем больше Катя желала для него другой жизни. В другом месте, в другое время он, возможно, был бы совсем другим мальчиком. Более мягким и защищенным. Но только не в Бьорнстаде. Слишком много ему приходилось носить в себе. Но зато у него был хоккей. Команда, парни, Кевин. Хоккей – это его жизнь, поэтому ему приходилось быть таким, каким они хотят его видеть. Вот что ужасно.

Скрывать тайну от тех, кого любишь.

Об этом говорят все. Школьная медсестра, бедолага-учитель на уроках полового воспитания, встревоженные родители, нравоучительные сериалы, весь интернет. Все без исключения. Ты прекрасно знаешь, как все должно произойти. И все-таки никто не говорил тебе, что это произойдет именно так.

Мая лежала на спине в кровати Кевина и впервые курила марихуану. Это оказалось совсем не так, как ей представлялось: тепло будто обретало вкус, дым попадал сразу в голову, минуя горло. На стенах в комнате Кевина висели постеры с хоккеистами, полки были уставлены кубками, а в углу стоял старый проигрыватель. Это Мае особенно запомнилось, потому что не вязалось со всем остальным.

– Это старый, отцовский, мне нравится его звук, немного как бы… потрескивает, когда ставишь пластинку, – сказал Кевин, словно оправдываясь.

Он поставил пластинку – какую, Мая не помнила, запомнилось только потрескивание. Даже через десять лет, услышав этот легкий треск из проигрывателя, стоящего в углу бара или магазина одежды на другом конце земли, она тотчас вспомнит это мгновение. Мая засмеялась, почувствовав на себе тяжесть его тела, она хорошо помнила, как они целовались. «Кто кого целовал?» и «Ты не сопротивлялась?» – вот два вопроса, которые она услышит в своей жизни чаще, чем какие-либо другие. Да, он первый начал ее целовать. И да, она не сопротивлялась. Но когда он стал раздевать ее, она пыталась остановить его. Он решил, что это игра, и тогда она схватила его руку и попыталась удержать.

– Я не хочу, только не сегодня, я еще не… – шептала она.

– Хочешь, хочешь, – настаивал он.

Мая разозлилась:

– Ты что, оглох? Я сказала, нет!

Он сжимал ее запястья, сначала едва заметно, потом мертвой хваткой, до боли.

Сразу за щитом «Добро пожаловать в Бьорнстад» Катя свернула на маленькую дорожку, ведущую через лес, и поехала в сторону питомника. Дорога не освещалась, поэтому, когда Беньи внезапно проснулся и посмотрел в окно, он поначалу не понял, что промелькнуло перед глазами.

– Притормози, – пробормотал он.

– Что? – переспросила Катя.

– ПРИТОРМОЗИ! – крикнул Беньи.

Катя в недоумении остановилась, а брат уже открыл дверь и выскочил

в темноту.

Об этом говорят всюду. Ты знаешь все до мельчайших подробностей: тебя подкараулят во время пробежки, изобьют и затащат в подворотню где-нибудь на курорте, заведут в полный мужиков бар в закоулках большого города и запрут. Тебя об этом предупреждали всю жизнь, сколько раз можно повторять, это знают все девочки: «Такое может произойти с кем угодно!»

Вот только никто не сказал, что это может сделать кто-то знакомый. Человек, которому ты доверяешь. С которым еще недавно смеялась. У себя в комнате с постерами на стенах, а этажом ниже будут веселиться девчонки и парни из твоей школы. Кевин поцеловал ее в шею, отодвинул ее руку – она помнит, как он трогал ее тело, словно это честно заработанный им трофей, словно ее голова и тело – отдельные вещи, друг с другом никак не связанные. Об этом ее не спросит никто. Интересовать будет лишь одно: достаточно ли она сопротивлялась. Ясно ли дала понять, что не хочет.

– Хорош ломаться, тоже мне целка. Тебя что, насильно сюда тащили? – засмеялся он.

Мая попыталась высвободить руку, но Кевин был гораздо сильнее ее. Она попыталась вырваться и встать с кровати, но он наступил коленом ей на живот.

– Прекрати, Кевин, я не хо…

Его дыхание билось в барабанные перепонки.

– Я осторожно, обещаю. Мне показалось, я тебе нравлюсь.

– Нравишься, но я… я никогда не… пожалуйста, прекрати!

Мая отчаянно рванула его руку, так что на коже остались две глубокие царапины от ногтей. Она увидела кровь, медленно, но верно выступавшую на его коже, хотя Кевин, казалось, этого не замечал. Он удерживал ее силой своего веса, ему не приходилось прилагать особых усилий. Внезапно он проговорил уже совсем другим голосом:

– Давай, я сказал! Хорош ломаться! Я ведь могу пойти вниз и взять там любую телку вместо тебя!

Из последних сил Мая высвободила руку и дала ему крепкую пощечину.

– Вот и возьми! Вперед! ОТПУСТИ МЕНЯ!

Но Кевин не отпустил. Глаза у него почернели. Парень, с которым она шутила и смеялась весь вечер, как будто исчез. Когда она попыталась отодвинуть его руку, он мертвой хваткой сжал ладонь у нее на горле, а когда начала кричать, зажал ей рот. Задыхаясь, она несколько раз теряла

сознание, но среди всего этого кошмара ей запомнились странные подробности, о которых ее никто не спросит: пуговица, оторвавшаяся от блузки, когда он срывал ее с тела, отскочив от пола, приземлилась где-то в комнате. «Как я теперь ее найду?» – подумала Мая.

Ее спросят про алкоголь и марихуану. Но не спросят про бездонный ужас, который останется с ней навсегда. Не спросят об этой комнате с проигрывателем и постерами на стенах, которую ей не суждено забыть. О пуговице, упавшей на пол, и панике, которая останется на всю жизнь. Она беззвучно плакала, намертво придавленная его телом к кровати, молча кричала сквозь зажимавшую рот ладонь.

У насильника на все про все уходит пара минут. Для жертвы это длится вечно.

22

На дворе стояла субботняя ночь, то, что должно было случиться, случилось. Только Ана пока об этом не знала. Девушки из старших классов смеялись над ней, когда она заглянула на кухню и спросила, где Мая.

– Ты про ту шлюшку? Она пошла с Кевином. Не волнуйся, малышка, он ее выкинет, как только получит свое. Парни мелкую рыбешку сливают обратно в море.

Их хохот прожег дыру у нее в спине, в горле встал ком. Ана, конечно, могла продолжить поиски подруги, она постояла минуту, держа в руках телефон. Но злость пересилила. Мало что может сравниться с обидой, которую испытываешь, когда лучшая подруга впервые променяла тебя на парня, и нет ничего печальнее, чем возвращаться одной с вечеринки, когда тебе пятнадцать лет.

Девочки познакомились в детстве, когда спасли друг другу жизнь: Ана вытащила Маю из ледяной проруби, а Мая Ану – из одиночества. Во многом они были противоположностями, но обе любили по-дурацки плясать, петь во все горло и носиться на скутере. Неплохие предпосылки для верной дружбы. Подруга важнее друга. Из всех обещаний, которые они когда-либо давали, это было важнее всего: подруга никогда не оставит.

Девушки на кухне продолжали смеяться над Аной. Они комментировали ее одежду и фигуру, но она не обращала внимания – все это она уже слышала в школьных коридорах и видела в соцсетях. Из-за угла на нетвердых ногах вышел Лит и уставился на Ану.

– Пошел ты в жопу! – пробормотала она. Потому что им всем туда и дорога.

Дойдя до двери на улицу, она в последний раз подумала, не позвонить ли Мае. А может быть, стоит еще разок поискать ее на втором этаже? Нет, с нее хватит, надоело побираться. Даже в городе, где три четверти года земля покрыта снегом, невыносимо холодно в тени того, кто чуть популярнее, чем ты. Ана выключила звук в телефоне и убрала его в сумку. У человечества есть множество ядов, но сильнейший из всех – гордыня.

Увидев Амата, она положила руку ему на плечо. Тот был настолько пьян, что не смог бы разобрать верхней строки в кабинете окулиста. Ана вздохнула:

– Если увидишь Маю, передай ей, что я не могу больше ждать, пока она решит, любит она арахис или нет.

Амат остановился в полном недоумении.

– Где… то есть что… то есть кто?

Ана закатила глаза:

– Мая. Передай ей, что я свалила.

– А она… где?

После этого вопроса взгляд Амата прояснился, он почти протрезвел. Ане стало его жалко.

– Милый Амат, ты что, не понял? Поищи в спальне у Кевина!

Это разбило Амата на тысячу мелких осколков, но у Аны не было сил его утешать. Она не могла больше здесь оставаться, потому что ее саму разрывало на части. Ана хлопнула дверью, и ночной мороз ласково потрепал ее по щекам. Дышать стало легче, сердце забилось ровнее. Она выросла на природе, и в четырех стенах всегда чувствовала себя как в тюрьме. Выстраивать отношения, пытаться завести друзей, добиваться принятия обществом, вечно голодать и шлифовать себя наждаком, чтобы уменьшиться и занимать минимум места, – от этого у Аны начиналась клаустрофобия. Она шла среди леса по темной дороге и чувствовала себя гораздо увереннее, чем в доме, полном людей. Природа никогда не причиняла ей зла.

Единственная тайна, что когда-либо была у Маи от подруги, останется за закрытой дверью на верхнем этаже в доме Эрдалей. До последнего, даже когда она уже не могла дышать под ладонью Кевина, она говорила себе: «Не бойся. Ана скоро придет. Она тебя не оставит».

Амат никогда толком не поймет, что им двигало в тот момент. Ревность? Возможно. Мания величия? Вполне вероятно. Комплекс неполноценности? Не исключено. Влюбленность? Определенно. Двое юниоров сидели на ступеньках, охраняя вход на второй этаж. Когда они сказали, что ему сюда нельзя, Амат неожиданно для них и для самого себя взревел, как дикий зверь: «Вы из какого, сука, звена?»

Все то время, пока он играл в малышовой команде, а потом и в детской, ему то и дело говорили, что у него превосходные ноги, но не они привели его к успеху. А глаза. Они у него работали куда быстрее, чем у остальных, он успевал больше увидеть и запоминал все детали каждого нападения. Боковым зрением он фиксировал диспозицию игроков, движения вратаря, каждый промельк в углу глаза, когда товарищ по команде прижимает клюшку ко льду.

Юниоры испуганно отпрянули. Лестница состояла из трех пролетов.

Наверху висели фотографии Эрдалей, а дальше – множество снимков одного только Кевина. Пятилетний малыш в хоккейной амуниции. Кевин в шесть лет. Кевин в семь лет. Та же улыбка. Тот же взгляд.

Амата будут выспрашивать, что именно он услышал. Где в тот момент находился. Но он так и не сможет ответить, что это было: «нет», «прекрати» или просто стон человека, которому зажимают ладонью рот. Возможно, ни то, ни другое, ни третье. Возможно, он открыл дверь, повинуясь инстинкту. Его спросят, был ли он пьян. Будут строго смотреть и продолжать расспросы: «Правда ли, что в течение долгих лет ты был влюблен в упомянутую девушку?» Единственное, в чем Амат будет совершенно уверен: у него превосходные глаза. Куда проворнее, чем ноги.

Нажав на дверную ручку, он остановился на пороге комнаты Кевина и увидел насилие и порванную одежду. Слезы и ярко-красные отметины от мужских рук на шее девушки. Один человек использовал другого против его воли. Амат увидел все, потом он будет видеть эту сцену во сне в мельчайших деталях. Он запомнит всех игроков НХЛ на постерах. По одной простой причине: над кроватью в его комнате висели в точности такие же постеры.

Увидев в дверях Амата, Кевин на пару секунд утратил бдительность. Мае этого оказалось более чем достаточно. Дело не в хорошей реакции: это был вопрос жизни и смерти. Инстинкт выживания. Она ухитрилась как следует ударить его коленом и сбросить с себя. Потом со всей силы дала Кевину по шее и убежала. Она совершенно не помнила, как покинула комнату, кто встретился ей на пути, была ли у нее стычка с охранявшими лестницу юниорами. Возможно, все были слишком пьяны, чтобы обращать на нее внимание, а может быть, сделали вид, что не замечают ее. Она вывалилась из дверей и бросилась бежать.

Дело шло к марту, Мая брела в темноте по обочине, снег облеплял ноги, горячие слезы стекали по щекам, но, падая с подбородка, превращались в крошечные льдинки. «В этом городе, Мая, жить нельзя, здесь можно только выживать», – говорила мама. Только теперь она по-настоящему поняла, что имелось в виду.

Мая плотнее закуталась в куртку – как та на ней оказалась, она не помнила. Блузка была порвана, шею и запястья покрыли продолговатые синяки. За спиной послышался голос Амата, но она не остановилась. Тот задыхаясь ковылял по снегу, пока не упал на колени. Пьяный и раздавленный, он выкрикивал ее имя. Наконец она обернулась и, сжав кулаки, уставилась на него. Слезы лились из глаз от обиды и ярости.

– Что случилось? – спросил Амат.

– Что, сам не видел, мать твою!

– Мы должны… ты должна…

– Что? Что я должна, Амат? Какого хрена я теперь всем должна?

– Рассказать кому-нибудь… полиции… или кому-то еще, ты должна…

– Это уже не важно, Амат. Какая разница, что я скажу, мне все равно никто не поверит.

– Почему?

Она провела по глазам варежкой, на которой сразу же отпечаталась размазанная тушь для ресниц. По щекам Амата лились слезы. Им было пятнадцать лет, и в один-единственный вечер их мир треснул по швам. Мимо проехал одинокий автомобиль, взгляд Маи вспыхнул в лучах фар, а когда он погас, вместе с ним навсегда погасло что-то у Маи внутри.

– Потому что это гребаный городок хоккеистов, – прошептала она.

Она ушла, а Амат так и остался стоять на коленях в снегу. Последнее, что он увидел перед тем, как она скрылась во мраке, – ее силуэт на фоне таблички «Добро пожаловать в Бьорнстад».

Ана толкнула дверь в дом, и та бесшумно скользнула на смазанных петлях. Отец спал, мать с ними больше не жила. Ана прошла через кухню в чулан, навстречу бросились охотничьи собаки с холодными носами и горячим сердцем. Она сделала то же, что бесчисленное количество раз делала в детстве, когда в доме пахло перегаром и родители друг на друга орали, – ушла спать к собакам. Они никогда не причиняли ей зла.

Тем, кто не жил в краях, где холод и мрак всегда в порядке вещей, а все остальное лишь приятное исключение, трудно понять, как такое возможно – найти человека, погибшего от обморожения, в распахнутой куртке, а иногда и попросту голого. На самом деле, когда тело остывает, кровеносные сосуды сжимаются и тело изо всех сил старается не пускать кровь в замерзшие конечности, чтобы она не охлаждалась по пути к сердцу. Это похоже на хоккейную команду, в которой удалили игрока и ей приходится играть в меньшинстве: надо беречь ресурсы, защищать сердце, мозг, легкие. Когда противник наконец прорывает оборону и ты переохлаждаешься, команда падает духом, вратарь делает глупости, защитники перестают держать связь друг с другом, и в те части тела, доступ к которым был перекрыт, снова прорывается кровь. Горячая кровь из самого сердца наполняет замерзшие ноги и руки и по телу прокатывается жаркая волна. Человеку вдруг кажется, будто он перегрелся,

он скидывает одежду. Затем остывшая кровь возвращается назад в сердце, и тогда уж все кончено. В Бьорнстаде такие истории случаются раз в два года: какой-нибудь подвыпивший бедолага возвращается с вечеринки домой напрямик через скованное льдом озеро или, заблудившись в лесу, садится на минутку передохнуть, а на следующее утро его находят замерзшим в сугробе.

В детстве Мая часто недоумевала, почему ее родители, помешанные на безопасности, поселились в Бьорнстаде, где природа каждый день давала новые поводы беспокоиться за жизнь их ребенка. Когда Мая повзрослела, она поняла, что все эти «не выходи на лед» и «в лес одна не ходи» больше, чем что бы то ни было, создают предпосылки для командных игр. Все дети Бьорнстада то и дело слышат, что в одиночестве ты подвергаешься смертельной опасности.

Мая позвонила Ане, но та не брала трубку. Не в силах заставить себя идти по центральной улице через весь город, Мая закуталась в куртку и двинулась узкой дорожкой через лес.

Когда мимо в темноте промчался автомобиль, затормозивший через пятьдесят метров, ее охватила дикая паника. В кровь ударил адреналин, ей казалось, что сейчас кто-то выскочит из машины, схватит ее, и все повторится снова.

В ту ночь Мая утратила уверенность в том, что на земле есть безопасное место, где можно ничего не бояться. Такое место есть у каждого человека, и каждый может его лишиться. Возможно, навсегда. С этого момента страх будет преследовать Маю везде.

Беньи сонно всматривался в темноту за стеклом. Ночью этой дорогой никто не ходит, к тому же он видел, что человек прихрамывает. Он попросил Катю затормозить и раскрыл дверь, прежде чем машина остановилась. Мая спряталась за деревом. Дольше минуты в такой мороз на месте не простоишь, холод шажок за шажком пробирается под одежду и сковывает руки и ноги, хочешь ты этого или нет. Беньи с сестрами охотился в этих местах с тех пор, как научился держать ружье, поэтому он сразу ее заметил. Мая знала, что он ее видит. Катя окликнула его из машины, но, к удивлению Маи, Беньи ответил:

– Здесь никого нет. Прости, сестренка, обознался. Мне показалось, что… а, ладно, что-то я совсем обкурился!

Мая подняла на него взгляд, Беньи стоял в десяти шагах от нее, их слезы замерзали с одинаковой скоростью. Но он лишь кивнул в темноту,

повернулся и исчез.

Он слишком хорошо знал, что чувствует человек, который скрывается, и не хотел выдавать того, кто этого явно не хочет.

Когда задние фары, мигнув красным, исчезли в ночи, Мая осталась стоять, прижавшись лбом к дереву и молча рыдая. Ее сердце перестало биться, хотя она по-прежнему держалась на ногах.

В Бьорнстаде есть множество способов умереть. Особенно заживо.

23

Петер и Мира проснулись в прекрасном расположении духа. Они смеялись. Этим день и запомнится, и вспоминать его будет противно. У худших событий в нашей жизни есть такая особенность: в памяти всегда наиболее отчетливо отпечатываются последние счастливые моменты перед тем, как все рухнуло. Секунды до удара, мороженое на заправке перед автокатастрофой, последние купание на море перед тем, как ты вернулся домой и узнал о смертельном диагнозе. Наше сознание то и дело возвращает нас в те счастливые минуты, ночь за ночью, спрашивая: «Мог ли я что-нибудь изменить? Как я мог радоваться в такой момент? Мог ли я предотвратить то, что произойдет, если бы знал заранее?»

Пока не случилась трагедия, у нас есть тысяча разных желаний, а потом остается одно-единственное. Когда родители ждут рождения ребенка, они мечтают о том, каким он будет выдающимся малышом, а когда ребенок рождается больным, им хочется лишь одного – чтобы он стал здоров. Долгие годы спустя после смерти Исака Миру и Петера страшно мучила совесть всякий раз, когда они смеялись. Им по-прежнему становилось стыдно, если они чувствовали себя счастливыми, они так и не решили, считать ли предательством то, что они продолжают жить, хотя Исак их оставил. Одно из самых ужасных свойств горя – в том, что если ты не горюешь, то чувствуешь себя эгоистом. Где найти силы, чтобы жить дальше после похорон, чтобы вновь собрать семью по кусочкам и склеить осколки? Можно ли после этого чего-то хотеть? Да. Пусть будет один счастливый день. Хоть один. Пусть наступит несколько часов забытья.

В то утро, на следующий день после матча, Петер и Мира проснулись в прекрасном расположении духа. Они смеялись. Петер, насвистывая, хлопотал на кухне. Когда Мира вышла из душа, они поцеловались так, как целуются взрослые люди, забывшие, что они папа и мама. Двенадцатилетний Лео, поморщившись, выскочил из-за стола. Родители захохотали, не разжимая объятий. Это и был тот самый, счастливый день.

Мая, лежавшая под двумя одеялами, слышала их смех из своей комнаты. Родители не заметили ее возвращения, они думали, что она осталась у Аны. Заглянув в ее комнату, они удивились, но Мая сказала, что заболела. Под одеялами на ней было два тренировочных костюма, чтобы лоб наверняка стал горячим. Она не могла рассказать родителям правду, это

было бы бессердечно, они бы этого не пережили. Мая чувствовала себя не жертвой, которую подвергли насилию, а преступником: об этом никто никогда не должен узнать, надо убрать все улики. Когда папа повез Лео на тренировку, а мама уехала в магазин, Мая прокралась в ванную, чтобы отстирать пятна на вчерашней одежде. Она положила разорванную блузку в пакет и пошла к двери. Но на пороге остановилась и простояла несколько часов, дрожа от ужаса и не в силах выйти во двор к мусорному баку.

Вместо тысячи желаний осталось одно-единственное.

У каждой из трех сестер Беньи был свой способ общения. Младшая из троих, Габи, любила говорить. Средняя, Катя, – слушать. Старшая, Адри, – ругаться. Если у тебя две младших сестры и брат, то, когда отец навсегда уйдет с двустволкой в лес, ты повзрослеешь гораздо быстрее положенного и станешь жестче, чем хотелось.

Адри не дала Беньи проспаться с похмелья, разбудила его пораньше, и все утро он помогал ей с собаками. Когда работа была закончена, Адри отвела его в подсобку, переоборудованную для тренировок, и заставила качаться, пока его не вырвало. Беньи не жаловался. Не такой он был человек. Еще пару лет назад Адри делала больше повторений в жиме лежа, но в какой-то момент он начал обгонять ее и вскоре уже здорово ее превзошел. У нее на глазах он подбросил как пушинки взрослых мужиков в «Овине», когда те сказали что-то неподобающее про Катю. Сестры часто обсуждали это в его отсутствие – как менялись глаза брата, когда он злился. Мать часто говорила: «Не знаю, что бы вышло из этого парня, если бы не хоккей». Зато сестры прекрасно знали, что бы из него вышло. Они видели таких мужчин в «Овине», в качалке и в тысяче других мест. Глаза с потонувшими во мраке зрачками.

Хоккей вписывал Беньи в общество, задавал структуру и правила. Но самое главное – поддерживал лучшее, что в нем было: огромное сердце и неистребимую преданность. Он помогал сосредоточиться на созидании, а не на разрушении. Все свое детство он проспал с клюшкой в обнимку. Иногда Адри казалось, что он до сих пор не расстается с ней по ночам.

Когда брат отпустил штангу, скатился со скамьи и его вырвало в третий раз, Адри протянула ему бутылку с водой и уселась на табуретку.

– Ну. Рассказывай, в чем проблема.

– Плохо мне с бодуна, – простонал Беньи.

У него в сотый раз за день зазвонил мобильник, но он опять не ответил.

– Да я не про брюхо, осел! Здесь у тебя что за проблема? – Адри

ткнула его в голову.

Вытерев рот тыльной стороной ладони, Беньи маленькими глотками выпил воду.

– Ну… кое-что с Кевом.

– Поругались?

– Типа того.

– И?

– Да фигня.

Телефон продолжал звонить. Пожав плечами, Адри легла на скамейку. Беньи встал сзади и придерживал гриф штанги, пока она выжимала вес. Как бы ему хотелось, чтобы Адри продолжала играть в хоккей, вот уж кто бы показал высший класс юниорам. В детстве она несколько лет была в женской команде Хеда, но маме было слишком тяжело возить ее туда чуть не каждый день. А в Бьорнстаде женской команды как не было, так и нет. Беньи часто думал о том, каких успехов могла добиться сестра. Она понимала логику игры, ругала его ровно за те же промахи, на которые указывал Давид. И любила хоккей. Закончив, Адри погладила его по щеке и сказала:

– Вы, хоккеисты, прямо как собаки. Чтобы сделать глупость, вам достаточно случая, но чтобы сделать что-то хорошее, вам нужен повод.

– И? – не понял Беньи.

Адри улыбнулась и кивнула на телефон:

– Что ты как бабка старая, малыш? Езжай к Кевину и поговори с ним. Потому что, если я еще раз услышу, как звонит твой мобильник, я заеду тебе грифом по роже.

Амат позвонил Мае десять раз. Сто раз. Она не отвечала. Амат как сейчас видел перед собой мельчайшие подробности, он так напряженно об этом думал, что в какой-то момент стал убеждать себя, будто все это ему просто привиделось. Наверное, он чего-то не понял. Господи, вот было бы хорошо, если бы того, чего он увидел, не происходило в действительности. Он ведь был пьян. К тому же он ревновал. Амат снова и снова звонила Мае, но оставлять сообщения на автоответчике не стал, как не стал отправлять эсэмэс. Он пошел в лес и бегал там до тех пор, пока его не вырвало, пока он не устал так, что не мог больше думать. Он бегал весь день, а вечером свалился с ног от усталости.

Кевин вышел во двор. Все хоккеисты привыкли играть, несмотря на боль. У всех непременно есть старая травма, которая дает о себе знать, –

растянутая связка в паху, вывихнутое запястье, сломанный палец. Раз в неделю кто-нибудь из юниоров нет-нет да скажет, как мечтает о том времени, когда они вырастут и смогут играть без решеток на шлемах. Надоели эти намордники в виде тележек из супермаркета! И хотя юниоры видели, что стало с игроком основной команды, которому попало шайбой и клюшкой по лицу, они этого не боялись. Они этого хотели. Однажды в детстве после матча они видели игрока, которому наложили двадцать швов на порванную щеку. Когда кто-то спросил, больно ли ему, он лишь усмехнулся: «Щиплет немного, когда снюс сосешь, вот и все».

В этот воскресный вечер на вычищенной до блеска вилле семейства Эрдалей было пустынно и тихо. Кевин стоял на площадке и бил по шайбам. Еще в детстве он привык играть, несмотря на боль. И даже получать от нее удовольствие. Кровотечения, переломы, раны, сотрясения мозга на его игру не влияли. Но сейчас все было иначе. Из-за двух жалких царапин на руке он промазывал раз за разом.

Дом был не заперт, Беньи прошелся по вилле и отметил, что за исключением следа на двери, ведущей в подвал, об которую явно кто-то хорошо навернулся, дом выглядит как обычно – как будто здесь никто не живет. Он постоял на террасе, глядя, как Кевин посылает шайбы соседям на клумбы, будто вконец ослеп. Они встретились взглядами: глаза у Кевина были злые и покрасневшие.

– Пришел! Я тебе уже раз сто позвонил!

– Вот я и здесь.

– Ты должен брать трубку, когда я тебе звоню!

Беньи сдвинул брови и не спеша проговорил:

– Кажется, ты путаешь меня с Литом и Бубу. Я тебе не слуга. Хочу – беру трубку, хочу – не беру.

Кевин ткнул в него клюшкой, рука его дрожала от бешенства.

– Что, обторчался до полусмерти? У нас через неделю финал, а все ведут себя так, будто думают, что достаточно и выигрыша в полуфинале. Мы должны собрать парней и объяснить, чего я от них хочу на этой неделе! И сейчас ты мне нужен как никогда! Я не намерен терпеть, что ты растворяешься как дым в тот момент, когда команда в тебе нуждается!

Беньи задумался о том, пошутил ли Кевин, когда говорил про дым, или настолько глуп, что сам не заметил иронии. С Кевином никогда не знаешь наверняка, шутит он или нет. Он был одним из умнейших и в то же время глупейших людей, которых Беньи когда-либо встречал.

– Ты знаешь, почему я ушел.

Кевин усмехнулся:

– Тоже мне святоша нашелся.

Беньи впился в него глазами и не отводил взгляда. Когда Кевин наконец посмотрел в сторону, Беньи спросил:

– Что произошло, Кев?

Кевин захохотал и развел руками:

– Ничего. Все нажрались. Сам знаешь, как это бывает.

– Что у тебя с рукой?

– Ничего!

– Я видел Маю в лесу. Это было не похоже на «ничего».

Кевин развернулся с таким видом, будто хотел ударить Беньи клюшкой. Губы его задрожали, зрачки вспыхнули.

– Чего это ты вдруг? Какая теперь разница? Тебя ведь вчера здесь не было! Тебе больше нравится ездить в Хед и торчать там с кем попало, чем праздновать победу с друзьями! С твоей командой.

Беньи не сводил взгляда с его ресниц. Кевин снова отвел глаза и запустил шайбу так высоко над воротами, что она могла бы подпасть под категорию охотничьего боеприпаса. Он пробормотал:

– Мне так тебя не хватало.

Беньи промолчал – это всегда выводило Кевина из себя, и он заорал:

– Ты просто свалил! Ты всегда уходишь, когда ты мне нужен! Лит заблевал всю кухню, кто-то врезался в дверь так, что на ней остался след! Представляешь, что скажет отец, когда вернется домой? Ты это понимаешь или проторчал уже все мозги…

– Мне плевать на твоего отца. Я хочу знать, что случилось вчера, – перебил его Беньи.

Кевин быстро подошел к воротам и ударил по перекладине, так что клюшка разломилась на два острых снаряда, один из которых пролетел возле лица Беньи на расстоянии вытянутой руки, но тот и глазом не моргнул.

– Что-о-о? Тебе плевать на моего отца?.. Ах ты неблагодарный ублюдок… кто платил за твои коньки, клюшки и амуницию в последние десять лет? И тебе на него плевать? Думаешь, у твоей матери были на это деньги? Отец был прав. Он мне всегда говорил! Ты просто паразит, Беньи. Гребаный паразит. Ты можешь жить только за чужой счет!

Беньи сделал пару шагов вперед, не больше. Лицо его было неподвижно.

– Что случилось вчера, Кев?

– Что ты хочешь узнать? Что? Это допрос? В чем проблема?

– Не бзди, Кев.

– Ты это мне? Еще непонятно, кто из нас бздит! Ты просто вонючий… ты…

Беньи так быстро шагнул вперед, что последние слова Кевин выдохнул ему прямо в лицо. Их лица были в паре сантиметров друг от друга. Беньи смотрел на него не мигая.

– Ну? Давай же, скажи, Кев. Кто я?

Пульс у Кевина отдавался во всей коже, из глаз текло, сбоку на шее виднелась синюшная отметина, будто от удара чьего-то маленького кулака. Попятившись, он взял второй кусок клюшки и запустил ею по воротам так, что раздался долгий металлический звон.

– Пошел вон, Ович. Ты достаточно пожил за наш счет.

Кевин не обернулся, чтобы посмотреть ему вслед. Даже когда хлопнула дверь.

Они вернулись поздно. Дом был таким, каким они оставили его накануне. Сын притворялся спящим, они не стали к нему стучаться. На столе в кухне отец нашел два клетчатых листа формата А4, где Кевин подробно расписал статистику каждого периода матча по минутам. Игровое время, броски, передачи, голы, игра в большинстве и меньшинстве, владение шайбой, нарушения, ошибки. Пару минут отец изучал бумаги при свете лампы и улыбался так, как позволял себе, только когда его никто не видит. Он был так горд, что на его месте человек, чуть менее владевший собой, поднялся бы наверх и поцеловал спящего сына в лоб.

Мать заметила то, чего не увидел отец. Картины висели не в том порядке. Стол в гостиной стоял криво. Под ножкой дивана застрял кусочек полиэтилена. И главное – след на двери в подвал.

Увидев, что муж на кухне, она глубоко вздохнула и со всей силы саданула чемоданом по двери. Прибежал муж, но она сказала, что просто споткнулась. Он помог ей встать, обнял и прошептал:

– Дорогая, не стоит расстраиваться, это всего лишь дверь, подумаешь, след.

Затем показал ей лист А4 и сказал:

– Они выиграли!

Она засмеялась ему в рубашку.

24

Когда в понедельник рано утром в школе сработала сигнализация, в охранном предприятии не стали звонить в полицию: им сюда все равно добираться не один час. Они позвонили одной из учительниц. И не случайно выбрали ту, чей младший брат был как раз сотрудником охранного предприятия, чтобы ему не пришлось тащиться за собственными ключами. Учительница вышла из машины на пустую парковку, подняла воротник пальто и устало взглянула на брата:

– Ты иногда такой ленивый, что я думаю, правда ли ты приходишься своим детям родным отцом.

Брат засмеялся:

– Ладно, сестрица, кончай ныть, сама жаловалась, что я тебе редко звоню!

Учительница фыркнула и, взяв у него фонарик, открыла дверь школы.

– Небось опять снег с крыши попадал на датчики на заднем дворе.

Они прошли по коридору, не включая свет. Когда кто-то вламывается в школу, свет здесь зажигается автоматически. Но какой идиот будет взламывать школьную дверь утром в понедельник?

Беньи проснулся от резкого света, хотя лампы давно были включены. Стрельнуло в спине. Во рту был вкус самогона и орешков с перцем чили, что наводило на тревожные мысли, поскольку никаких орешков он не припоминал. Сонно поморгав, он заслонился рукой и посмотрел на человека, светившего фонариком ему в лицо. Светить в глаза было не обязательно, но ей не хотелось к нему прикасаться, очень уж от него воняло, а по-другому не разбудишь.

– Ты, видимо, решил меня разыграть, – вздохнула учительница.

Беньи с трудом поднялся с банкеток, которые сдвинул, чтобы можно было на них поспать. Развел руками с видом самого усталого волшебника на земле:

– Директор вечно говорит, чтобы я приходил на уроки вовремя. И вот: тадам! А что, рановато? Который час?

Беньи пошарил в карманах. Часов не было. Смутные воспоминания о минувшей ночи не позволяли исключить, что часы он пропил. Чем именно он руководствовался, когда решил завершить свою маленькую одиссею, незаконно проникнув в школу, Беньи вспомнить не мог, но тогда идея наверняка представлялась ему гениальной.

Учительница молча вышла в коридор и сказала что-то охраннику. Он напишет в отчете, что это был ложный вызов, – младшие братья независимо от возраста всегда делают, как велят им старшие сестры. Вернувшись в кабинет, учительница раскрыла окна, чтобы проветрить. Она понюхала куртку Беньи и скривилась.

– Только не надо говорить, что ты принес в школу наркотики.

Беньи сделал слабую попытку поднять руку:

– Да мне бы… мне бы… мне бы и в голову не пришло! Зачем их сюда нести? Я их употребил внутрь. Потанцуем?

Он рванулся с банкетки и, хихикая, упал на пол. Учительница села рядом на корточки и мрачно смотрела на Беньи, пока тот не замолчал. Тогда она сказала:

– Если я напишу заявление директору, ему придется временно тебя исключить. А может, даже выгнать из школы. Скажу тебе одну вещь, Беньямин. Иногда мне кажется, что именно этого ты и хочешь. Ты будто бы пытаешься доказать всему миру, что нет в твоей жизни таких вещей, какие тебе не хватило бы духа разрушить.

Беньи не ответил. Учительница протянула ему куртку.

– Я выключу сигнализацию и пущу тебя в спортзал, чтобы ты принял душ. Пахнет от тебя так, что хоть в санэпидемстанцию звони. У тебя в шкафчике есть запасная одежда?

Учительница помогла ему встать, и Беньи слабо улыбнулся:

– Чтобы предстать перед директором в подобающем виде?

Она вздохнула:

– Я не буду писать заявление. Разрушай свою жизнь собственными руками, я не буду тебе помогать.

Беньи посмотрел ей в глаза и благодарно кивнул. Внезапно голос его повзрослел, а взгляд стал серьезным.

– Извините, что называл вас «цыпочкой». Это было неуважительно. Больше не буду. И другие тоже.

Он почесал затылок, и Жанетт почти пожалела о том, что честно ответила Адри, когда они сидели в кабаке в Хеде, на вопрос о том, как Беньи ведет себя в школе. Она знала, что Беньи говорит правду: больше никто из класса так ее не назовет, и задумалась, каково это – быть авторитетом для всех. Одно-единственное слово – и все хоккеисты школы не будут чего-то делать. Или, наоборот, будут. Ей даже захотелось самой сыграть в хоккей. Они с Адри дружили с детства и когда-то вместе играли в женской команде Хеда. Иногда Жанетт казалось, что они бросили хоккей слишком рано. Интересно, какой была бы их жизнь, если бы в Бьорнстаде

открыли команду для девочек?

– А теперь иди в душ, – сказала она, похлопав Беньи по руке.

– Слушаюсь, фрекен, – улыбнулся тот, и взгляд его снова стал детским.

– Я не в восторге, когда ко мне обращаются «фрекен».

– Как же к вам обращаться?

– Жанетт. Это будет в самый раз.

Она сходила в машину и взяла там спортивную сумку с полотенцем для Беньи. Затем он вслед за ней спустился в спортзал и, когда она отключала сигнализацию и запирала дверь, сказал, стоя в дверях:

– Вы хороший учитель, Жанетт. Просто вам не повезло с нашим классом, не вовремя вы к нам попали.

И тогда она поняла, почему к нему прислушивается вся команда. И почему в него влюбляются девочки. Когда он разговаривает с тобой, глядя прямо в глаза, ты ему веришь, что бы ни случилось за минуту до этого.

Отец Кевина завязал галстук, поправил запонки на манжетах и взял портфель. Выйдя во двор, он хотел, как обычно, крикнуть сыну «пока», но передумал и пошел на террасу. Поставив на землю портфель, взял клюшку. Они стояли рядом, по очереди забивая шайбы в ворота. В последний раз такое было лет десять назад.

– Спорим, ты не попадешь в штангу? – сказал отец.

Кевин недоуменно поднял брови, словно услышал шутку. Но поняв, что отец говорит на полном серьезе, отодвинул шайбу на пару сантиметров назад, мягко приподнял запястья и со звоном дал шайбой по штанге. Отец одобрительно постучал клюшкой об лед.

– Повезло?

– Хорошему игроку всегда везет, – ответил Кевин.

Эту истину он усвоил в детстве. Отец не поддавался ему, даже когда они играли в настольный теннис в гараже.

– Ты видел статистику матча? – с надеждой спросил сын.

Отец кивнул. Посмотрев на часы, взял портфель.

– Надеюсь, ты не думаешь, будто из-за финала на этой неделе можешь не выкладываться в школе на сто процентов?

Кевин помотал головой. Отец чуть не дотронулся до его щеки. Чуть не спросил, откуда у него на шее красные следы. Но вместо этого лишь кашлянул и сказал:

– Теперь люди будут придираться к тебе больше обычного, Кевин, поэтому помни, что нельзя поддаваться вирусу. Тебе нужен крепкий иммунитет. Финал – это не только хоккей. Это то, какой из тебя выйдет

мужчина. Возьмешь ли ты то, что по праву тебе причитается, или будешь стоять в углу и ждать, пока кто-то тебе это даст.

Не дожидаясь ответа, отец ушел, а сын остался стоять, глядя на царапины на руке и чувствуя, как кровь пульсирует в шее.

Мама была на кухне. Кевин неуверенно посмотрел на нее. На столе ждал горячий завтрак. Пахло свежим хлебом.

– Я… наверное, это глупо, но… Я отпросилась с работы, чтобы до обеда побыть дома, – сказала она.

– Зачем? – спросил Кевин.

– Я подумала, что мы… могли бы немного пообщаться. Вдвоем. Ну… поговорить.

Он старался не смотреть ей в глаза. У матери был такой умоляющий взгляд, что он просто не выдержал бы.

– Мне в школу пора, мам.

Она кивнула, прикусив губу:

– Да. Конечно. Я понимаю… Это было глупо с моей стороны.

Ей хотелось задать сыну миллион вопросов. Поздно ночью она нашла в барабане сушилки простыню, хотя Кевин обычно даже носки не мог постирать. Кроме того, там лежала футболка с пятнами крови, которые не до конца отстирались. А пока он рано утром забивал во дворе свои шайбы, она зашла в его комнату и нашла на полу пуговицу от блузки.

Она хотела пойти к нему, но не знала, как следует разговаривать со взрослым мужчиной через закрытую дверь ванной комнаты. Собрав портфель, она села в машину и спустя полчаса остановилась в лесу. До обеда она просидела в машине, чтобы на работе никто не спросил, почему она приехала так рано. Ведь она отпросилась, чтобы побыть с сыном.

Мира постояла возле двери в комнату Маи, держась рукой за ручку, но второй раз стучать не стала. Дочь сказала, что ей нездоровится, а Мира была не из тех тревожных мамаш, которые пристают с расспросами. Ей хотелось быть крутой современной матерью. Она не стала стучаться к Мае, чтобы поинтересоваться, только ли в болезни все дело. Нормальные родители так не делают. Если хочешь, чтобы подросток замкнулся в себе, предложи ему: «Может, поговорим?» Не спрашивать же, с чего вдруг дочь сама постирала одежду. Что она, в самом деле, полиция нравов?

Нет, Мира – современная мать, она не страдает гиперопекой и не парится из-за пустяков. Она села в машину и поехала на работу. Через сорок пять минут она припарковалась в лесу. Мира сидела в темноте и

ждала, пока к ней вернется способность нормально дышать.

Лит открыл дверь и просиял, как будто увидел торт. – Кевин! Здорово! Или… ты?..

Кевин нетерпеливо кивнул:

– Готов?

– К чему? Ты… про школу? Мы с тобой? Вместе пойдем в школу? Ты серьезно?

– Ты готов или нет?

– А где Беньи?

– Забудь про Беньи, – прошипел Кевин.

Лит стоял посреди прихожей, открыв рот и не зная, что на это сказать. Кевин закатил глаза:

– Ты что, на причастии? Закрой варежку, твою мать. Пошли.

Лит стал напяливать ботинки и одежду, стараясь впопыхах не перепутать ноги и другие части тела. Всю дорогу Кевин не проронил ни слова. Наконец его огромный собрат по команде с довольным видом вынул из кармана сотенную купюру:

– Кажется, я тебе должен.

Когда Кевин взял деньги и спрятал в карман, Лит захихикал, не в силах сдержаться. Кевин как бы невзначай сказал:

– Только не болтай языком, о’кей? Сам знаешь, какие они, эти бабы.

Никогда еще Лит не был так счастлив, как сейчас, когда его капитан доверил ему свою тайну.

У Маи зазвонил мобильник, она так надеялась, что это Ана, но звонил Амат. Она спрятала телефон под подушку, словно хотела его задушить. Мая не знала, что ему сказать, она догадывалась, что Амат больше всего на свете хотел, чтобы это ему приснилось. Может, если она не будет отвечать на звонки, им обоим удастся сделать вид, что ничего не случилось. Просто небольшое недоразумение.

Она вынула батарейки из всех датчиков пожарной сигнализации, распахнула все окна, бросила блузку на пол в душе и подожгла. После этого она подожгла упаковку с йогуртом, тут же погасила и положила расплавившуюся коробочку на кухонный стол. Когда домой придет ее мама, женщина с обонянием голодного гризли, и спросит, почему пахнет горелым, она скажет, что нечаянно перевернула на горячую конфорку упаковку с йогуртом.

Мая аккуратно собрала с пола остатки блузки и заметила, что

пуговицы расплавились и застряли в сливном отверстии, а синтетический материал вопреки ее ожиданиям не превратился в пепел. Ана бы сказала: «Фак, Мая, если я кого-то убью, напомни мне, чтобы я не просила тебя помочь мне с уборкой!» Мае так ее не хватало. Слов нет. Довольно долго Мая сидела на полу в ванной и плакала, пытаясь убедить себя, что надо позвонить Ане, но так и не смогла. Нельзя ее в это втягивать. Не надо вешать на нее свои тайны.

Уборка ванной заняла больше часа. Она отскребла остатки блузки от пола и положила в пакет. Затем подошла к двери и, дрожа, остановилась на пороге – мусорный контейнер стоял в десяти метрах от дома. На улице было светло, но это не имело значения. Она боялась темноты среди белого дня.

25

Ана шла в школу одна, вцепившись в телефон, будто это пистолет. Она держала палец на спуске, но не звонила. Самым главным из данных ими обещаний было никогда не бросать друг друга, и не ради безопасности: оно их уравнивало. Потому что в остальном они разительно отличались. Ане легко давалось все, что связано с природой, и в лесу Мая без нее бы не выжила, но как только они возвращались в город, Ана видела, что жизнь Маи не идет ни в какое сравнение с ее собственной. Мая жила с мамой и папой, у нее был брат, дом, в котором не пахло перегаром и куревом. Мая – умная, веселая и популярная. Лучше учится. У нее музыкальные способности. Она смелая. Умеет заводить друзей. И нравится мальчикам.

Если бы Ана оставила Маю в лесу, та бы погибла. Как же она не понимает, что, оставив Ану на вечеринке одну, она тоже обрекла ее на погибель. Они ведь пообещали, что никогда не оставят друг друга, только это обещание и делало их равноправными.

Ана держала палец на спуске, но не звонила. Много лет спустя она прочитает в одной старой газете про исследование, которое показало: за физическую боль отвечает тот же участок мозга, что за ревность. Ана сразу поняла, о чем речь. Вот почему ревность причиняет такую сильную боль.

Амат и Фатима, как обычно, стояли на остановке. Впрочем, обычного в их жизни осталось мало. Накануне Фатима зашла в супермаркет, так с ней все вдруг стали здороваться. А когда она расплачивалась на кассе, пришел Фрак, владелец этого магазина, и попытался уговорить ее взять продукты бесплатно. Сколько он ни упрашивал, Фатима, понятное дело, не согласилась. В конце концов этот великан развел руками и посетовал: «Ты упрямая, как сама зима. Теперь я понимаю, в кого Амат пошел».

Вот и сейчас, за несколько минут до автобуса, мимо проезжал Фрак на своем белом автомобиле. Притормозив, он сказал, что как раз случайно ехал мимо по дороге из другого своего супермаркета. Фатима и не знала, что подумать. Сначала она отказалась от его предложения подбросить их в ледовый дворец, но увидев, как Амат смотрит на белый автомобиль, передумала. Фатима села спереди, рядом с Фраком, и в зеркало заднего вида смотрела на сына, раздувающегося от гордости.

Во время утренней тренировки Амата на трибуне рядом с Фраком сидели Суне и Петер. А едва Фатима вошла в кабинет генерального

директора, чтобы выбросить мусор, тот вскочил со своего места, протянул ей корзину и пожал руку.

Когда Кевин с Литом вошли в школу, там уже было полно народу. Все повернулись в их сторону. Никогда Лит так не радовался, что поблизости нет Беньи. Голова у него шла кругом от внимания тех, кто решил, будто он теперь лучший друг Кевина. Поэтому он даже не заметил, что Кевин со словами «пойду посру» удалился в туалет и запер за собой дверь. Старый друг знал, что Кевин никогда не пойдет за этим в школьный сортир.

Уединившись, Кевин порвал сто крон на мелкие части и спустил в унитаз. Не включая свет. Не глядя на себя в зеркало.

Амат догнал Закариаса возле шкафчика в коридоре. После матча они не встречались, и Амат только сейчас понял, что ему следовало позвонить другу. Закариас был зол и обижен, Амат тотчас понял, что звонком он бы не ограничился.

– Привет… прости за субботу, все так быстро произошло, я…

Закариас закрыл дверцу, покачав головой.

– Понимаю. Вечеринка для своих. С твоей новой командой.

– Да ладно тебе, я вовсе не… – начал было Амат, но Закариас не дал ему договорить:

– Все в порядке. Теперь ты звезда. Понимаю.

– Зак, ты чего, я…

– Папа передает привет и поздравления.

Последнее было для Закариаса мучительнее всего. Его отец работал на фабрике, где все обожали хоккей. Основал «Бьорнстад-Хоккей» ее бывший рабочий, и все фабричные до сих пор считали, что клуб принадлежит им. Закариас многое бы отдал за то, чтобы отец мог похвастаться на работе сыном-юниором. Даже тот факт, что Закариас дружит с одним из них, заставлял отца сиять от гордости. Амат проглотил слова, которые собирался сказать, и стал подыскивать другие, но вдруг бейсболка слетела у Закариаса с головы, а сам он повалился на шкафчик. Рядом громко хохотали двое парней из выпускного класса, чьих имен Амат не знал.

– Ой! Мы тебя не заметили! – хихикнул один.

– Надо же, не заметить такого жирдяя! Интересно, чего ты жрешь? Жир небось? – ухмыльнулся другой, ущипнув Закариаса за живот.

Такие шутки Закариас слышал постоянно в течение многих лет, поэтому сам был в шоке, когда внезапно бросился на одного из парней и со всей силы ударил его в грудь.

Парень попятился так, словно сэндбэг вдруг ожил и нанес ответный удар. Немного опешив, выпускник, однако, быстро пришел в себя и двинул Заку по челюсти. Закричав, Амат встрял между ними. Выпускники, видно, на хоккей не ходили – не раздумывая, они повалили Амата на пол.

– А это у нас кто такой? Маленький террорист? Из Низины, да?

Амат молчал. Парень не унимался:

– В Низине живут одни террористы и верблюды. Так ты оттуда?

Амат не ответил. Он достаточно пожил на свете, чтобы усвоить: в таких случаях лучше молчать. Парень схватил его за грудки и прошипел в лицо:

– Я к тебе обращаюсь. Откуда. Ты.

Никто даже сообразить не успел, что произошло потом. Звук удара был такой оглушительный, что Амату поначалу показалось, что это его шарахнули головой об шкафчик. Бубу схватил одного из парней и поднял в воздух – выпускник был килограмма на три легче его, хотя и старше на год. Яростным голосом Бубу разъяснил:

– Из Бьорнстада. Его зовут Амат, и он из Бьорнстада.

Глаза у выпускника забегали, Бубу поставил его на землю, но только затем, чтобы тут же снова впечатать башкой в шкафчик. И, нависнув над ним, уточнил:

– Так откуда?

– Из Бьорнстада! Из Бьорнстада!!! Фак, Бубу… мы же просто пошутили!

Бубу отпустил его, и парни убежали. Бубу помог Амату подняться, протянул руку Закариасу, но Зак только отмахнулся, ударив его по руке. Бубу промолчал.

– Спасибо, – сказал Амат.

– Теперь ты один из нас. Никто тебя больше не тронет, – улыбнувшись, ответил Бубу.

Амат посмотрел на Закариаса. Из носа Зака шла кровь.

– Я… мы… – начал Амат.

– Мне пора на урок. Увидимся на обеде, мы все сидим вместе. Приходи! – перебил его Бубу и свалил.

Амат кивнул ему вслед. Оглянувшись, он увидел, что Зак уже забрал из шкафчика сумку и куртку и направился к выходу.

– Блин, Зак! Подожди! Ты чего, он же ВСТУПИЛСЯ за тебя!

Закариас остановился, не оборачиваясь, не хотел, чтобы Амат увидел его слезы.

– Нет, – ответил он. – Он вступился за тебя. Так что давай вперед,

звезда. Твоя новая команда ждет тебя.

Дверь захлопнулась. Угрызения совести, чувство стыда и несправедливости – Амат не знал, куда от всего этого деваться. Он бы вмазал со всей дури по дверце шкафчика, но слишком боялся, что из-за травмы не сможет играть в финале. Он поднял с пола телефон и сунул в карман.

Беньи возвращался в класс, но, когда проходил мимо туалетов, одна из дверей открылась и оттуда вышел Кевин. Для Беньи это было как удар из мертвой зоны. Он знал, что Кевин не ходит в школьный сортир. Кевин быстро прошел мимо, Беньи замер на месте. Обычно его так легко не удивишь, но сейчас он так и остался стоять, раскрыв рот и прикрыв глаза. Кевин отвел взгляд, притворившись, что его не заметил.

Все, кто наблюдал их на льду, всегда, сколько друзья помнили, говорили, что они работают на одной волне, на некой секретной частоте, доступной им одним, в каждый момент игры оба не глядя чувствовали, где находится напарник. Ни Кевин, ни Беньи не смогли бы объяснить словами, но сейчас сигнал пропал, вместо него шли только помехи. Кевин встал за спиной у Лита, подперев стену, другие игроки автоматически сдвинулись. Беньи никогда не знал, кем бы он был без своей команды, – но сейчас, похоже, он это узнает.

Кевин, Лит, Бубу и остальные зашли в класс, а Беньи так и стоял в коридоре, стараясь перестать доказывать миру, что в его жизни еще осталось что-то, что он может разрушить. Он старался изо всех сил.

Пересчитывая учеников, Жанетт увидела через окно, как Беньи закурил, сел на велосипед и укатил со двора. После долгих сомнений учительница все же внесла его имя в список присутствующих.

Прежде чем запереть телефон в школьном шкафчике, Ана выставила на максимум яркость экрана, открыла все возможные приложения и включила фильм. Так ведет себя алкоголик, выкидывающий из дома все спиртное: Ана знала, еще немного, и она не выдержит и позвонит Мае. Поэтому сделала все, чтобы телефон к этому времени разрядился.

Неважно, кто с кем сидел в этот день. Обедали все в одиночку.

26

Петер сидел на скамье в пустой раздевалке юниоров. На полу валялся листок с очередным пафосным афоризмом – помятый и затоптанный. Петер перечитывал снова и снова. Он отлично помнил, когда Суне повесил листок на стену. Сам он тогда только научился читать.

Хоккей нашел его на краю пропасти – маленького мальчика, катящегося в темноту. Суне вытащил его на поверхность, а клуб помог удержаться на плаву. Петер рос без матери – та умерла, когда он еще учился в начальной школе, а отец постоянно балансировал на грани, легко превращаясь из веселого пьянчужки в злобного алкоголика. Раз ухватившись за соломинку, мальчик будет держаться за нее до последнего. Суне всегда был рядом – в победах и поражениях, в Бьорнстаде и за океаном. И после, когда посыпались травмы, когда карьера оборвалась, когда за один год Петер похоронил отца и сына. Именно Суне позвонил и сказал, что есть клуб, где может пригодиться его помощь. А Петеру необходимо было убедиться, что он еще хоть что-то может спасти от смерти.

Петеру знакома эта тишина, когда хоккей ставит на тебе крест. Как тотчас нападает тоска по льду, по раздевалке, парням, автобусам, сэндвичам на заправках. Он помнит, как семнадцатилетним мальчишкой смотрел на печальных сорокалетних хоккеистов, оставивших большой спорт. Они уныло торчали у стадиона и без конца пересказывали свои былые подвиги, тогда как слушателей вокруг них становилось все меньше и меньше. Работа спортивного директора позволяла ему жить дальше вместе с командой, создавая нечто большее, то, что переживет его самого. Но вместе с тем на его плечи легла и ответственность: принимать трудные решения, жить с болью.

Он поднял упавшую на пол записку. Последний раз прочел ее. «Кому много дано, от того многого ждут».

Сегодня ему предстоит убедить человека, которому он обязан жизнью, добровольно уйти. Спонсоры и правление не хотят ни увольнять Суне, ни выплачивать ему выходное пособие. Петер должен попросить Суне просто тихо уйти, потому что так будет лучше для клуба.

Суне проснулся рано – в своем маленьком домике, где он всегда жил один. Гости у него редко бывали, но те, кто заходил, непременно

удивлялись порядку. Дом не захламлен, не завален газетами, банками из-под пива и коробками из-под пиццы, чего, по представлению многих, можно было бы ожидать от старика, всю жизнь прожившего холостяком. Здесь было уютно, прибрано, чисто. И никаких спортивных афиш и кубков. Вещи Суне никогда особо не любил. У него были комнатные растения, которые он держал на подоконнике, а летом выставлял в маленький садик за домом. А кроме них – только хоккей.

Он выпил растворимый кофе и сразу сполоснул чашку. Однажды его спросили, какой талант самый важный для тренера хоккейной команды. Суне ответил: «Уметь пить дрянной кофе». Бесконечные ранние подъемы и поздние вечера на стадионах с прожженными кофейниками и дешевыми автоматами, автобусные маршруты мимо одиноких дорожных забегаловок, школьные столовые в спортивных лагерях и на соревнованиях – как все это выдержишь, если у тебя дома дорогая кофемашина? Хочешь стать тренером? Не привыкай к тому, что есть у других. Свободное время, семья, вкусный кофе. Хоккей терпит только самых выносливых. Таких, кто, если придется, сможет пить кофе даже холодным.

Суне шел по городу. Здоровался практически со всеми мужчинами за тридцать – в свое время он тренировал чуть ли не каждого. Другое дело подростки – среди них знакомых лиц все меньше и меньше. Он уже не понимал языка мальчишек в этом городе, отчего чувствовал себя устаревшим, как телефакс. Не представлял, как можно верить в то, что «дети – наше будущее», когда все больше детей не хочет играть в хоккей. Как может ребенок не хотеть играть в хоккей?

Дорога шла через лес; на повороте к собачьему питомнику Суне заметил Беньямина. Тот слишком поздно затушил сигарету, но Суне притворился, что не видит. В его время многие игроки курили между периодами, кто-то пил пиво. Сейчас времена не те, но сам хоккей едва ли изменился так сильно, как полагают некоторые тренеры.

Он остановился у решетки, глядя на собачью возню. Парень недоуменно встал рядом, но ни о чем не спросил. Суне хлопнул его по плечу:

– Классный матч был в субботу, Беньямин. Классный матч.

Беньи молча кивнул, глядя под ноги, не то от застенчивости, не то от скромности, и Суне добавил, указывая за забор:

– Знаешь, когда Давид только начинал работать тренером, я всегда говорил ему: хорошие игроки – это как хорошие охотничьи собаки. Они по природе эгоисты, всегда будут охотиться только ради себя. Так что надо их кормить, учить и любить, пока они не начнут работать и на тебя тоже. На

товарищей по команде. Только тогда из них получатся хорошие охотники. Настоящие мастера.

Беньи смахнул челку с глаз.

– Думаете завести собаку?

– Я об этом уже много лет думаю. Но всегда боялся, что у меня не хватит времени на щенка.

Беньи сунул руки в карманы куртки, стряхнул снег с ботинок.

– А сейчас?

Суне рассмеялся:

– Есть у меня чувство, что, возможно, довольно скоро я буду посвободнее.

Беньи кивнул и впервые за весь разговор посмотрел ему в глаза.

– Мы любим Давида, но это не значит, что мы не играли ради вас.

– Знаю, – ответил старик и снова хлопнул парня по плечу.

Суне не стал говорить, о чем думает: парню это знать ни к чему. Как Давид и Суне ни спорили, готов ли семнадцатилетний мальчишка играть в основной команде, считали они одинаково. Расходились только в том, кто именно из семнадцатилетних. У Кевина, положим, есть талант, зато у Беньямина – все остальное. Для Суне длина ниточки всегда значила больше, чем размер шарика.

Из дома вышла Адри, потрепала младшего брата по волосам, протянула руку Суне.

– Суне, – представился Суне.

– Я знаю, кто вы, – ответила Адри и тут же спросила: – Что скажете про следующий сезон? У нас есть шанс? Ищете игроков побыстрее, да? Вместо тормозов во втором и третьем звене?

Суне не сразу понял, что она говорит об основной команде, а не о юниорской. И немного растерялся – слишком уж привык, что родственников юниоров интересуют только юниоры.

– Шанс есть всегда. Но шайба не всегда скользит по льду… – начал Суне.

– Иногда она летит, как бабочка! – улыбаясь, закончила Адри.

Суне явно растерялся, но Беньи дружелюбно объяснил:

– Адри тоже играла. В Хеде. Причем жестко, у нее штрафных минут больше, чем у меня.

Суне одобрительно засмеялся. Адри указала на питомник:

– Что мы можем сделать для вас?

– Я бы хотел купить собаку, – ответил Суне.

Адри протянула руку и сжала его плечо. Суровое лицо осветилось

доброжелательной улыбкой.

– Продать вам собаку я, к сожалению, не могу. Но я могу вам ее подарить. Вы создали клуб, который спас жизнь моему брату.

Беньи засопел, сосредоточенно глядя на собак. Губы Суне чуть задрожали. Взяв себя в руки, он наконец спросил:

– И… кого же из них вы порекомендуете дедушке на пенсии?

– Этого. – Беньи не раздумывая указал на одного из щенков.

– Почему?

Теперь уже парень хлопнул старика по плечу:

– Потому что с ним будет непросто.

Давид сидел один на трибуне. Глядя в виде исключения на потолок, а не на лед.

У него разыгралась мигрень, никогда еще он не испытывал такого напряжения, забыл уже, когда последний раз высыпался. Его девушка даже не пытается разговаривать с ним – знает, что бесполезно, ответов от него все равно не добьешься. Он живет в своей голове: там он на льду круглые сутки. Несмотря на это, а может, именно поэтому он не в силах оторвать взгляд от старой потрепанной растяжки под потолком: «Культура, равноправие, солидарность».

Сегодня предстояло дать интервью местной газете, это устроили спонсоры. Давид был против, но директор только рассмеялся: «Хочешь, чтобы СМИ о вас меньше писали? Прикажи своей команде хуже играть!» Давид наперед знал все вопросы. «В чем секрет Кевина Эрдаля?» – спросят они, и Давид ответит то же, что и всегда: «Талант и тренировки. Десять тысяч приемов, которые он повторил десять тысяч раз». Хотя на самом деле это не так.

Он никогда не сможет объяснить этого журналисту, но вырастить такого игрока вообще-то не дано ни одному тренеру. Потому что за превосходством Кевина стоит его абсолютный инстинкт победителя. Дело не в том, что он не любит проигрывать, – самой возможности проигрыша в его мире просто не существует. Он беспощаден. Этому не научишь.

Спорт – это классно, но спорт жесток. Господи, сколько часов своей жизни тратят на хоккей эти мальчишки? Сколько потратил сам Давид? Вся жизнь, до двадцати – двадцати пяти – сплошные тренировки, но с чем ты останешься, когда выяснится, что ты недостаточно хорош? Ни с чем. У них нет ни образования, ни других возможностей. Игрок вроде Кевина может стать профессионалом. Возможно, будет зарабатывать миллионы. А игроки, чуть-чуть не дотягивающие до его уровня? Все они отправятся работать на

завод неподалеку от хоккейного стадиона.

Давид смотрел на растяжку с лозунгом. Пока его команда выигрывает, у него есть работа, но если они проиграют? Далеко ли ему самому до завода? Что он умеет, кроме хоккея? Ничего.

В двадцать два года он сидел ровно на этом месте и думал о том же самом. Тогда рядом с ним сидел Суне. Давид спросил его о лозунге – что значат эти слова для Суне, и тот ответил: «Солидарность – это цель, которая нас объединяет, ради нее каждый из нас готов исполнять отведенную ему роль. Равноправие – это доверие. Мы любим друг друга». Давид долго обдумывал его слова, а потом спросил: «Ну а культура?» Лицо у Суне стало серьезнее, видно было, что он старательно подбирает слова. Наконец он сказал: «Культура – это не только то, что мы поощряем, но и то, что позволяем». Давид спросил, что он имеет в виду, Суне ответил: «Многие делают не только то, что мы им говорим. Но и то, на что мы закрываем глаза».

Давид запрокинул голову и прокашлялся. Потом спустился на лед. Он больше не смотрел на растяжку. На этой неделе лозунги не важны. Важны только результаты.

Петер шел мимо кабинета генерального директора. Внутри уже столпился народ, несмотря на утро. Спонсоры, правление, все шумные и возбужденные, какими взрослых мужчин может сделать только игра. Один мужик из правления, лет шестидесяти, заработавший свое состояние на трех разных строительных компаниях, неистово дергал бедрами, демонстрируя, что, по его мнению, команда Бьорнстада сделала с противниками в полуфинале, и орал:

– Весь третий период – это же чистый ОРГАЗМ! Они решили, что могут нас отыметь, НАС! Да они еще не одну НЕДЕЛЮ будут раком ходить!

Некоторые засмеялись, некоторые – нет. Если кто-то что и подумал, то вслух ничего не сказал. Ведь это просто шутка, правление – тоже команда, у каждого свои достоинства и недостатки.

Позже в тот же день Петер отправится в супермаркет Фрака, будет сидеть в кабинете друга детства, перетирать былые матчи и отпускать старые шутки, которые они повторяют с тех пор, как познакомились в хоккейной секции, когда им было по пять лет. Фрак предложит виски, Петер откажется, но перед уходом скажет:

– У тебя работы на складе не найдется?

Фрак задумчиво почешет бороду и спросит:

– Для кого?

– Для Роба.

– У меня сотни людей стоят в очереди на склад, о каком, блин, Робе ты говоришь?

И тогда Петер встанет, подойдет к старой фотографии хоккейной команды из маленького глухого городка, занявшей когда-то второе место в стране. Сперва Петер ткнет пальцем в себя. Потом во Фрака. А потом в Роба Хольтса – прямо между ними.

– «Мы не бросаем друг друга», Фрак, разве не так ты говорил? «Медведи из Бьорнстада».

Фрак посмотрит на фото и пристыженно опустит голову.

– Я узна́ю в отделе кадров.

Два сорокалетних мужчины пожмут друг другу руки перед снимком, на котором им по двадцать лет. В конце концов, это просто игра. Но только не совсем. И не всегда.

Раздевалка заполнилась юниорами, но не шумом. Каждый молча надел защиту. Беньи не было. Все это видели, но никто ничего не сказал.

Лит попытался сломать лед – стал рассказывать, как на вечеринке у Кевина одна девчонка сделала ему минет, но вранье было шито белыми нитками, поскольку девчонку он так и не назвал. У Лита язык без костей, это всем известно. Он словно собрался сказать что-то еще, но испуганно глянул в сторону Кевина и решил промолчать. Игроки вышли на лед, Лит примотал щитки, в сердцах оборвав концы скотча и бросив на пол. Бубу дождался, когда все уйдут, наклонился, поднял их и выкинул в мусорное ведро. Они с Аматом никогда об этом не говорят.

Только в середине тренировки, когда игра прервалась, Кевин подгадал момент, чтобы подкатить поближе к Амату и поговорить наедине. Амат стоял, повиснув на клюшке, и разглядывал свои коньки.

– То, что ты видел… Ты не думай… – начал Кевин.

В его голосе нет угрозы. Он не нападает, не приказывает.

– Ты же знаешь этих девчонок, – почти прошептал он.

Знать бы, что на это ответить. Не побояться. Но губы не разжимались. Кевин мягко хлопнул его по спине:

– Мы с тобой отлично сыграемся. В основной команде.

Он покатил к скамейке игроков, и тут раздался свисток Бенгта. Амат катил следом, не отрывая глаз от коньков, не смея взглянуть на лед. Боясь увидеть там свое отражение.

27

Миру не отпускало тягостное чувство. Она, разумеется, уговаривала себя, что с Маей все хорошо, что она обыкновенный подросток и это пройдет. Уговаривала себя не усложнять – современная мать из-за такого не парится. Но все впустую.

Поэтому, когда в ее кабинет с криком ввалилась коллега, Мира ощутила не досаду, а благодарность. И хотя ей по горло хватало своей работы, Мира с облегчением слушала вопли коллеги, просившей помочь ей «уничтожить этих уродов!».

– Я думала, твой клиент согласился на мировую, – напомнила Мира, проглядев документ, который коллега швырнула на стол.

– В том-то и дело! Они хотят, чтобы я прогнулась! Как последнее сыкло! А Барсук что говорит, знаешь?

– «Делай, как говорит…» – предположила Мира.

– ДЕЛАЙ, КАК ГОВОРИТ КЛИЕНТ! ВОТ ЧТО ОН ГОВОРИТ! Прикинь – и это начальник! НАЧАЛЬНИК! Ну чем эти мужики лучше – может, у них удельный вес меньше? Вечно на самый верх всплывет какой-нибудь член…

– О’кей… но если клиент согласился на условия…

– …то моя работа сделана? Иди ты в жопу! Я думала, моя работа – помогать клиенту!

Коллега запрыгала от злости, оставляя каблуками вмятины на полу. Мира потерла лоб.

– Да, но если клиент НЕ ХОЧЕТ, чтобы ты…

– Мои клиенты сами не знают, чего хотят!

Мира перебрала бумаги, нашла название фирмы, представляющей интересы другой стороны. Рассмеялась. Когда-то коллега безуспешно пыталась устроиться туда на работу.

– Хорошо. Но скажи, желание выиграть это дело… не связано ли оно, случайно, с твоей личной неприязнью к этой конторе… – пробормотала Мира.

Вытаращив глаза, коллега перегнулась через стол, схватила ее за плечи:

– Нет, я хочу не выиграть это дело, Мира. Я хочу их уничтожить! Я устрою им жизненный кризис, чтобы, выйдя из переговорной, они поскорей засобирались к морю, отремонтировали старую школу и открыли

бед-энд-брекфаст, я их так вздрючу, что они научатся медитировать и НАЙДУТ НАКОНЕЦ СЕБЯ! А когда я разделаюсь с ними, они станут вегетарианцами и будут носить носки с сандалиями!

Мира, вздохнув, рассмеялась:

– Хорошо, хорошо… Дай остальные документы, я посмотрю…

– Носки с САНДАЛИЯМИ, Мира! Они у меня будут выращивать помидоры, я собью с них спесь, и они навсегда забудут адвокатскую карьеру и попытаются наконец стать СЧАСТЛИВЫМИ ЛЮДЬМИ и всем вот этим, договорились?

Мира обещала помочь. Дверь закрылась. Победа будет за ними, они всегда побеждают.

Петер закрыл дверь. Сел за стол. Посмотрел на приказ об увольнении, ожидающий подписи Суне. За годы в спорте Петер узнал про человеческую природу по крайней мере одно: хорошими командными игроками считают себя многие, но мало кто понимает, что это на самом деле значит. Говорят, человек – стадное животное, это представление укоренилось так глубоко, что мало кто согласится признать, что на самом деле многие из нас совершенно не умеют взаимодействовать в группе. Мы не сотрудничаем, мы эгоисты, если не хуже: мы не нравимся другим такими, какие мы есть. Однако продолжаем твердить: «Я хороший командный игрок». Пока сами не поверим в это, совершенно не готовые за это платить.

Петер всегда жил в команде, он знает, каких это требует жертв. «Команда больше, чем ты»? – штамп лишь для тех, кто ничего не смыслит в спорте, для остальных это мучительная правда, потому что жить по этому правилу больно. Согласиться на нежеланную роль, тихо выполнять черную работу, играть в защите вместо того, чтобы забивать голы и быть звездой. Принять худшие стороны товарищей по команде из любви к ней. Вот что значит стать командным игроком. Этому его научил Суне.

Петер уставился на графу в приказе, где должна стоять подпись Суне. Он настолько забылся, что подскочил, когда раздался звонок. Но при виде канадского номера он почувствовал радостное облегчение. Улыбнулся и ответил:

– «Мясник» Брайан? Как ты, старый пердун?

– Пит! – кричал в трубку старый приятель.

Они вместе играли в фарм-лиге, Брайан так и не добрался до НХЛ, зато стал скаутом. Теперь он отбирал молодые таланты для одной из лучших команд лиги. Каждое лето, составляя свой отчет перед драфтом НХЛ, на котором клубы подыскивают себе игроков, он исполнял или же

навсегда перечеркивал мечты молодых людей по всему миру. Так что звонил он не только ради того, чтобы поболтать с Петером.

– Как семья?

– Хорошо, хорошо, Брайан! Как у тебя?

– Да никак. Развелись в прошлом месяце.

– Черт. Сочувствую.

– Да что уж тут попишешь, Пит. Зато теперь у меня куча времени для гольфа!

Петер рассмеялся. Те несколько лет, что он прожил в Канаде, Брайан был его лучшим другом. Жена Брайана сблизилась с Мирой, дети вместе играли. Они до сих пор перезваниваются, но в какой-то момент стали все меньше и меньше обсуждать личную жизнь друг друга. В конце концов единственной темой остался хоккей. «Сам-то как?» – хотел было спросить Петер, но Брайан опередил:

– А как твой мальчишка?

Петер сделал вдох и кивнул:

– Кевин? Хорошо, хорошо, выиграли полуфинал. Он отлично играл.

– То есть я не пожалею, если скажу своим парням выставить его на драфт?

Сердце Петера забилось чуть быстрее.

– Ты серьезно? Его могли бы задрафтовать?

– Если ты пообещаешь мне, что это не будет ошибкой. Я полагаюсь на тебя, Пит!

Голос Петера никогда не звучал серьезнее:

– Я обещаю, у тебя будет потрясающий игрок.

– И он… правильный парень?

Петер горячо кивнул, он знал, о чем речь. Задрафтовать игрока, отдать предпочтение одному, а не другому – огромный экономический риск для любого из клубов НХЛ. Там просчитывают все до мелочей, сейчас уже недостаточно просто хорошо владеть клюшкой – им не нужны сюрпризы из личной жизни игрока. Может, это и неправильно, но так уж нынче принято. Несколько лет назад Петер слышал об одном мегаталантливом игроке – его должны были выбрать на драфте под одним из первых номеров. Однако скауты прознали, что у его отца проблемы с наркотиками и связи в преступном мире, и интерес клубов к нему резко упал. Они испугались, не знали, как поведет себя мальчишка, став в одну ночь миллионером. Поэтому Петер говорил правду, которую так хотел услышать Брайан:

– Кевин правильный парень. У него отличная успеваемость. Стабильная семья, хорошее воспитание. Определенно никаких *off the ice*

problems[4].

Брайан довольно хмыкнул:

– Хорошо, хорошо. И у него такой же номер, как у тебя, да? Девятка?

– Да.

– Я думал, они выведут его из обращения и повесят твой свитер под потолком.

Петер улыбнулся:

– Наверняка. Только на нем уже будет фамилия Кевина.

Брайан расхохотался. Они простились, пообещав друг другу, что скоро снова созвонятся, и что Петер приедет с семьей в Канаду, и что дети наконец повидаются. Оба знали, что все это неправда. У них теперь остался только хоккей.

Амат собирал шайбы и конусы после тренировки – не потому, что его кто-то об этом просил, а просто по привычке и чтобы не встречаться с остальными. Он рассчитывал, что, когда придет в раздевалку, там уже никого не будет, но встретил Бубу и Кевина. Оба подбирали скотч с пола.

Амат стоял в дверях, поражаясь, до чего же просто все то, что происходит.

– Лит взял у отца тачку, – сказал Кевин так, словно ничего естественнее и быть не может. – Поехали в Хед, в кино!

Бубу радостно хлопнул Амата по спине:

– Я ж говорил! Теперь ты один из нас!

Через двадцать минут они уже ехали в машине. Амат понимал, что сидит на месте Беньи, но ни о чем не спрашивал. Лит снова что-то гнал про минет. Кевин попросил Бубу рассказать «какой-нибудь прикол», и у Бубу от радости газировка хлынула носом и залила все сиденье, а Лит пришел в бешенство. Все заржали. Стали болтать про финал, о том, как долго придется тащиться на автобусе, о вечеринках и телках, о том, как все они будут играть в основной команде. Амат присоединился к общему разговору, сперва неохотно, но уже скоро – с приятным теплым ощущением, что и он – часть чего-то большего. Потому что так проще.

В Хеде их тоже узнали, хлопали по спине и поздравляли. Фильм кончился, и Амат решил, что они едут домой, но вскоре после указателя «Бьорнстад» Лит свернул с дороги. Подъехали к озеру. Амат не понимал зачем, пока Кевин не открыл багажник. Там было пиво, фонарики, коньки и клюшки. Они кинули шапки вместо ворот, но по мере того, как иссякало пиво, они больше болтали, чем играли. Бубу прокашлялся и спросил:

– А как узнать, где кончается крайняя плоть? Я вот думаю… когда

делают обрезание, как они понимают, где резать? Я смотрел супервнимательно, но там же нет никакой линии!

– Напомни мне, чтобы в раздевалке я не давал тебе ножницы для скотча, – сказал Лит, и все захохотали так, что куртки засверкали от пивной пены.

В ту ночь они играли в хоккей на озере, четверо мальчишек, и все казалось таким простым. Как в детстве. Надо же, как это легко, думал Амат. Ничего не говорить и быть вместе.

Петер кидал мячик об стенку. Старался не глядеть на приказ на столе, не думать о Суне как о человеке, видеть в нем только тренера. Суне сам бы этого хотел. Клуб превыше всего.

Правление и спонсоры часто ведут себя как полное говно, Петер знал это лучше других, но на самом деле они хотят того же, что и он, и Суне: успеха клубу. Успех требует отказа от себя. Петер не раз вынужден бывал молчать, когда правление требовало заведомо идиотских перестановок в команде, а потом снова молчать, когда оказывалось, что прав был он. Иногда его просили подписывать только семимесячные контракты, чтобы не выплачивать летние зарплаты. Игроки, в свою очередь, остаток года регистрировались как безработные и получали пособие от коммуны, а бывало, Фрак выдавал им подложные справки о том, что взял их стажерами к себе в супермаркет, хотя на самом деле они все лето тренировались в команде, с тем чтобы в начале сезона подписать новый семимесячный контракт. Порой, чтобы выжить, маленькому клубу приходилось закрывать глаза на некоторые требования морали, и Петер соглашался, считая это частью своей работы. Мира как-то сказала: «Мне не нравится, что у вас в клубе круговая порука, как у военных или бандитов». Но, возможно, иногда именно это и требуется – круговая порука ради победы.

«Мы разберемся сами», – так говорят в клубе, когда что-то случается. Потому что они должны доверять друг другу – и не только на льду. «Внутри простор, а дверь на запор», со всеми плюсами и минусами. По сравнению со своими предшественниками Петер больше всех боролся против бесчинств Группировки на трибунах и ее устрашающей властью в городе, за что его теперь так ненавидели в «Шкуре», но иногда даже он не мог понять, какие фанаты клуба опаснее – в наколках или в галстуках.

Петер положил мячик на стол. Достал ручку из аккуратной коробочки в письменном столе и возле слов «Представитель клуба» поставил на приказе свою подпись. Когда Суне поставит рядом свою, формально все будет выглядеть так, будто он уволился сам. Но Петер знает, что он сделал.

Он только что уволил своего кумира.

Стоя в кабинете Давида, Бенгт колебался до последнего, наконец прочистил горло и спросил:

– Как ты накажешь Беньи?

– Мы не будем его наказывать, – ответил Давид, не отрываясь от монитора.

Бенгт разочарованно постучал ногтями по дверному косяку.

– Он прогулял тренировку за несколько дней до финала. Никому другому ты бы это не простил.

Давид повернулся к нему так стремительно, что Бенгт попятился.

– Ты хочешь выиграть финал?

– Конечно! – выдохнул Бенгт.

– Тогда забудь об этом. Может, мы и не выиграем с Беньи, но без него нам точно не победить.

Бенгт без возражений вышел. Оставшись один, Давид выключил компьютер, тяжело вздохнул, достал толстый фломастер и шайбу. Написал на ней одно слово.

И поехал на кладбище.

Мая лежала в постели, то и дело выскальзывая из яви так незаметно, что ей казалось, будто она смотрит галлюцинации. Из шкафчика в ванной она стащила несколько маминых таблеток от бессонницы и стояла ночью одна, аккуратно разложив их на краю раковины и пытаясь вычислить, сколько нужно принять, чтобы никогда уже не проснуться. И теперь, моргая в потолок, она как бы продолжала надеяться, что это был сон, словно стоит оглядеться по сторонам и вернешься в реальность: пятница, и ничего еще не произошло. И следом, как удар, на нее опять обрушивалось осознание, заставляя пройти через все заново. Его руки на ее шее, бездонный страх, полная уверенность, что он ее убьет.

Снова. Снова. Снова.

Ана ужинала с отцом в совершенно особой тишине, которую они практикуют вот уже пятнадцать лет. Ее мама всегда ненавидела эту тишину. Из-за нее и уехала. Ана могла бы уехать с матерью. Но соврала, сказав, что не представляет жизни без деревьев, а там, где теперь живет ее мама, деревья растут только в кадках у торговых галерей. На самом деле она осталась конечно же потому, что не могла бросить отца, хотя и не знала,

ради кого она это сделала – ради него или себя самой. Они никогда об этом не говорили. Во всяком случае, сейчас он пил меньше, чем когда здесь жила мама, и за это Ана любит их обоих еще больше.

После ужина она предложила выгулять собак. Отцу это, разумеется, показалось странным: обычно ее приходится уговаривать. Но он ничего не сказал. Она тоже.

Они жили в старой части Холма, в одном из домов, которые стояли тут еще до того, как появились более дорогие владения. Так они стали бьорнстадской аристократией – по ассоциации. Ана выбрала длинный путь, по освещенной спортивной тропе, которой так гордилась местная власть: «Теперь наши женщины могут заниматься спортом и чувствовать себя в безопасности». Что фонари развесили на Холме, а не в лесу за Низиной, вышло совершенно случайно. И муниципальный тендер на освещение по чистой случайности выиграли как раз те два предприятия, владельцы которых живут в частных домах тут неподалеку.

Ана отпустила собак под фонарями, пусть поиграют. Ей от этого всегда становится легче. Деревья и животные, с ними ей никогда не больно.

Кевин явился домой, прошел мимо родителей в кухне и гостиной, не встречаясь с ними взглядом. Поднялся к себе, закрыл дверь и отжимался, пока не почернело в глазах. Когда дом стих и дверь в спальню родителей затворилась, он натянул спортивный костюм и выскользнул в лес. И бегал, покуда не отключились мысли.

Освещенную тропу пересекли собаки, за ними Ана. Кевин остановился как вкопанный в пятнадцати метрах от них. Поначалу она едва обратила на него внимание – решила, что он испугался собак. Но потом поняла: он остановился из-за нее. Несколько дней назад он бы и на классном снимке ее не узнал, даже если бы она была на фото одна, но сейчас он ее знает. Но его лицо не выражало ни гордости, ни смущения – других выражений на лицах парней из школы, переспавших на выходных с девчонкой, она не встречала.

На его лице был страх. Ана в жизни не видела, чтобы мужчина был так напуган.

Мая перебирала струны, но пальцы дрожали. Она вся взмокла в своем огромном сером худи, но на вопрос родителей сказала, что ее знобит из-за температуры. Плотнее затянула капюшон на шее, чтобы скрыть следы

пальцев. Спустила рукава, чтобы не было видно черно-синих запястий.

В дверь позвонили – для приятелей Лео слишком поздно. Мая услышала, как мама разговаривает, облегченно и взволнованно, – так больше никто не умеет. В комнату постучали, Мая притворилась, что спит, пока не заметила, кто стоит в дверях.

Ана осторожно закрыла дверь. Дождалась, пока шаги Миры не стихнут на кухне. Она запыхалась. Бежала сюда всю дорогу с Холма, в ярости и панике. Она заметила синяки на шее и запястьях Маи, как та ни пыталась их скрыть. Когда Ана наконец поймала ее взгляд, слезы уже лились по щекам у обеих, затекая в каждую ямку, каждую трещинку на коже, текли ручьями и капали с подбородков. Ана прошептала:

– Я его видела. Он испугался. Этот мерзавец испугался. Что он с тобой сделал?

Пока Мая не назвала случившегося словами, оно и случилось как бы не вполне. Произнеся это вслух, она снова попала в комнату с кубками и хоккейными афишами. Вся в слезах, пыталась нащупать на кофте с капюшоном пуговицу, которой там никогда не было.

Она разразилась рыданиями на руках у Аны, Ана крепко держала ее, всем существом своим желая поменяться с ней местами.

Таких друзей, как в пятнадцать лет, у тебя больше не будет.

28

В детстве – кажется, совсем недавно – Ана и Мая мечтали о Нью-Йорке. Как они будут там жить, когда станут богатыми и знаменитыми. Мая хотела разбогатеть, Ана – прославиться, что казалось непостижимым всем тем, кто видел, как одна девочка целыми днями только и делает, что играет на гитаре, а другая – строгает мечи из дерева. Разница между ними заключалась лишь в том, что Мая говорила «там, в лесу», а Ана – «здесь, в лесу», для Маи привычной средой был город, для Аны – наоборот. И все же мечтали они о прямо противоположных вещах: Мая – о тихой музыкальной студии, Ана – о бурлящей людской толпе. Ана хотела прославиться, чтобы самоутвердиться, Мая – разбогатеть, чтобы навсегда забить на мнение окружающих. Обе были непостижимо сложны и именно поэтому всегда понимали друг друга.

В детстве Ана хотела стать хоккеисткой, отыграла один сезон в женской команде в Хеде, но вела себя слишком взбалмошно, не слушалась тренеров и постоянно попадала в драки. В конце концов отец пообещал, что научит ее стрелять из ружья, если Ана не будет заставлять возить ее на тренировки, – она видела, что он стыдится ее необычности, да и предложение пострелять из ружья было слишком заманчивым.

Повзрослев, Ана задумала стать спортивным комментатором на телевидении, потом началась старшая школа, и Ана узнала, что девчонкам в Бьорнстаде вполне разрешается увлекаться спортом, но только не так, как увлекалась она. Не так сильно. Не поучая мальчишек правилам и тактике. Девочки-подростки должны в первую очередь интересоваться хоккеистами, а не хоккеем.

Смирившись со своей долей, Ана отдалась истинным бьорнстадским видам спорта – стыду и молчанию. Тем, что сводили с ума ее мать. Ана чуть было не уехала с ней, но передумала и осталась. Ради Маи, ради папы и, возможно, потому, что любила деревья так же сильно, как порой их ненавидела.

Она всегда думала, что это лес научил жителей Бьорнстада молчанию, ведь на охоте и на рыбалке нельзя шуметь, чтобы не спугнуть животных, и если людей научить молчать с раннего детства, то впоследствии это скажется на их общении друг с другом. Поэтому Ана всегда разрывалась между желанием орать во всю глотку и помалкивать в тряпочку.

Девочки лежали рядом в кровати Маи.

– Ты должна все рассказать, – прошептала Ана.

– Кому? – выдохнула Мая.

– Всем.

– Зачем?

– Иначе он снова это сделает. С кем-нибудь еще.

Они спорили и спорили, тихо-тихо, снова и снова – с самими собой и друг с другом. Притом что Ана знала: нельзя требовать от человека невозможного. Чтобы именно Мая сейчас взяла на себя ответственность за других. Чтобы она – и никто другой – встала и закричала в самом молчаливом городе на свете. И распугала всех зверей. Ана спрятала лицо в ладонях, чтобы родители Маи не услышали, что тут плачут.

– Это все из-за меня, Мая, нельзя было оставлять тебя там. Я должна была сообразить. Искать. А я струсила как последняя сволочь. Это я виновата, я…

Мая нежно взяла ее лицо в свои ладони:

– Ты не виновата, Ана. Мы не виноваты.

– Ты должна рассказать, – в отчаянии всхлипнула Ана, но Мая решительно тряхнула головой.

– Ты умеешь хранить тайну? Ана кивнула, хлюпнув носом:

– Клянусь жизнью.

– Этого мало. Клянись техно!

Ана рассмеялась. Как же любишь человека, который способен рассмешить тебя в такую минуту!

– Клянусь всеми направлениями электронной музыки. Кроме отстойного евротехно 90-х, само собой.

Мая улыбнулась, вытерла ей слезы и шепнула, глядя в глаза:

– Сейчас Кевин сделал больно мне одной. Если я расскажу, то позволю ему сделать больно всем, кого я люблю. Я этого не вынесу.

Они держались за руки. Сидели рядом в постели и пересчитывали снотворные таблетки, прикидывая, сколько их понадобится, чтобы умереть. В детстве все было по-другому. Кажется, совсем недавно. Потому что так оно и есть.

Беньи увидел ее издалека – черную точку поверх надгробия. Она пролежала там несколько часов, он стряхнул с нее снег и прочел надпись. Всего одно слово.

Когда Кевин, Бубу, Лит, Беньи и другие были маленькие, Давид выдавал им перед игрой шайбы, на которых писал короткие сообщения, что-то такое, что им следовало держать в уме. «Играй плотнее», или

«Побольше двигайся», или «Терпение». Иногда он писал что-то, просто чтобы их посмешить. Он мог с суровым видом передать шайбу самому нервному парню в автобусе и ждать, пока тот не прочтет: «Застегни ширинку. Шланг торчит». Его юмор предназначался только его игрокам, – и они чувствовали себя избранными. Шутка сильная вещь – она способна ввести тебя в некий круг и способна исключить. Провести черту между «нами» и «ними».

Но главным искусством Давида было умение показать, что он замечает каждого. Он приглашал домой на ужин всю команду, познакомил со своей девушкой, однако, когда клуб устроил матч «отцов против сыновей» для всех мальчишеских команд, Давид был единственный из тренеров, кто не приехал. Он съездил за Кевином и Беньи, подобрал одного в саду возле дома, другого на кладбище, и поехал с ними гонять шайбу на озеро.

Он готов был за них драться – в буквальном смысле. Лет в девять-десять у Беньи уже сложился стиль, который приводил в бешенство родителей соперников. Во время игры в гостях против детской команды Хеда Беньи сильно хитанул одного парня, и тот крикнул в ответ, что скажет отцу. Беньи почти не думал об этом, но после матча в темном проходе у раздевалок к нему вдруг подошел какой-то мужчина, схватил за шкирку и за волосы и зверски швырнул об стенку. «Ну что, цыганча поганая? – орал он. – Самый крутой нашелся?» Беньи совсем не испугался, но в ту секунду с хладнокровной уверенностью подумал, что его убьют. Вокруг было полно взрослых, которые смотрели и не вмешивались, – то ли боялись вступиться, то ли думали, что так ему и надо. Беньи помнил только кулак Давида, одним-единственным ударом отправивший папашу в нокаут.

– Если еще один взрослый мужик на этой арене посмеет хоть пальцем тронуть ребенка, я его убью, – сказал Давид. Не папаше, а притихшим родителям.

Потом наклонился и шепнул Беньи на ухо:

– Знаешь, как спасти утопающего из Хеда?

Беньи покачал головой. Давид улыбнулся:

– Отлично.

Вернувшись в раздевалку, Давид написал на шайбе одно-единственное слово и сунул ее в сумку Беньи. «Горжусь». Беньи так и хранил ее с тех пор. В тот вечер в автобусе по дороге домой приятели травили анекдоты. Хохот становился все громче, шутки все грубее. Беньи запомнил только одну, рассказанную Бенгтом:

– Чуваки, знаете, как посадить четырех педиков на одну табуретку? Надо перевернуть ее кверху ножками!

Все заржали. Беньи помнил – он тогда тайком посмотрел на Давида – и Давид тоже смеялся. Принять или исключить, провести черту между «нами» и «ними». Беньи никогда не боялся, что его побьют или возненавидят, если узнают о нем правду, – ненавидели его с самого детства во всех командах противников. Единственное, чего он боялся, – что придет день, когда тренер и товарищи по команде станут избегать определенных шуток в его присутствии. Отвержения смехом.

Он стоял у могилы отца, взвешивая шайбу в руке. Давид написал на ней только одно слово:

«Побеждай».

На следующий день Беньи не пришел в школу, но на тренировку явился. Его свитер был самый потный. Потому что, когда он перестает что-либо понимать в жизни, это – единственное, чего никто у него не отнимет. Он – победитель. Давид дважды хлопнул его по шлему: слов не нужно.

Лит сидел в раздевалке на месте Беньи, рядом с Кевином. Беньи молча постоял перед Литом, пока тот не сгреб вещи в охапку и с несчастным видом не отполз на скамейку напротив. Лицо Кевина было неподвижно, но глаза выдавали все. Врать друг другу они с Беньи не умели никогда.

Давид удивился: такого еще не было, чтобы оба его лучших игрока так выложились на тренировке.

Наступила суббота. Финал юниоров. Взрослые мужчины и женщины, проснувшись, надели зеленые свитера и шарфы, к парковке у ледовой арены прикатил специальный автобус, украшенный гордыми лозунгами, зарезервированный, чтобы доставить команду в столицу, с дополнительным местом для кубка, который они привезут домой.

Ранним утром на улице в центре городка играли три девочки младшего школьного возраста. Они гонялись друг за другом, фехтовали палками, кидались последними снежками этой зимы. Мая смотрела на них из окна. Несколько лет назад они с Аной подрабатывали нянями и сидели с этими девочками. Бывает, что, устав от звуков Маиной гитары, Ана и сейчас выбегает поиграть с ними в снежки, она может рассмешить их до колик, и девчонки катаются по земле от хохота. Мая стояла, крепко обхватив себя руками. Она не спала всю ночь и до сих пор ни на секунду не сомневалась, что никогда никому не расскажет о том, что произошло. Но ей оказалось достаточно увидеть трех маленьких девочек, играющих под окном, чтобы изменить свое решение.

Измученная Ана спала в ее постели под толстым одеялом, глаза закрыты, такая крошечная и ранимая. Страшная это будет история и про этот город, и про этот день: Мая наконец решила рассказать правду о Кевине, – не для того, чтобы защитить себя, а чтобы защитить других. И, стоя у окна этим утром, она уже знала, что сделает с ней город.

29

Самое опасное на льду – когда силовой прием противника застал тебя врасплох. Поэтому один из первых навыков, который прививают хоккеисту, – не терять бдительности. Иначе огребешь по полной.

Телефон Петера разрывался все утро – спонсоры, правление, родители игроков, весь город как на иголках. Через несколько часов предстоял отъезд на матч в автобусе юниорской команды, хотя разъездов Петер терпеть не мог. Когда-то они естественно вписывались в их семейный распорядок – третью часть сезона он не спал дома, причем, к своему стыду, почти с удовольствием. Потом заболел Исак, в одну из ночей, что его не было, и с тех пор Петер больше не мог заснуть в гостиничном номере.

Лео выклянчил, чтобы его взяли в одну из машин, Петер поначалу был против, но решил, что вообще-то так даже удобнее. Им предстояло ночевать в столице, для двенадцатилетнего мальчика это настоящее приключение, и Лео так хотелось поехать. Вот бы и Мая тоже захотела. Петер стоял у нее под дверью, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не постучать.

Однажды он слышал: чтобы морально подготовиться к родительству, надо съездить на рок-фестиваль и пожить в одной палатке с толстыми обкуренными приятелями. С утра до вечера ты шатаешься как сомнамбула, в постоянном состоянии острого недосыпа, твоя одежда вся перемазана едой, которую лишь в редких случаях ел ты сам, в ушах вечный звон. Стоит тебе пройти мимо лужи, как какой-нибудь идиот, хихикая, тут же прыгнет в нее двумя ногами, а как только ты уединишься в сортире, в дверь сразу начинают колотить и требовать, чтобы ты вышел. Тебя будят среди ночи, чтобы поделиться с тобой некими сокровенными мыслями, а утром ты нередко просыпаешься в чьей-то луже.

Может, все это и правда, только проку от нее никакого. Потому что к чему подготовиться невозможно, так это к собственной чувствительности. Не к чувствам, а именно к обостренности чувств. Он и не знал, что способен испытывать столько всего, – так, что уже еле выдерживал жизнь в собственной шкуре. После рождения Исака малейший звук стал оглушительным, малейший страх превратился в ужас, машины неслись гораздо быстрее обычного, а новости по телевизору вызывали истерику. Когда Исак умер, Петер думал, что сердце онемеет и эта острота

восприятия пройдет, но вместо этого даже его поры словно раскрылись и самый воздух причинял боль. Один-единственный недовольный взгляд кого-нибудь из детей – особенно дочери, – и его грудная клетка рвалась на части. Все свое детство он мечтал лишь о том, чтобы жизнь завертелась быстрее, теперь же он хотел только, чтобы она сбавила обороты. Чтобы часы остановились, чтобы Мая перестала расти.

Петер безумно любил Маю за то, что она заставляла его чувствовать себя последним дураком. Он перестал помогать ей с уроками еще в начальной школе, но иногда она все равно о чем-то спрашивала, просто из милости. В детстве она часто притворялась, что уснула в дороге, – как будто хитрая лисичка свернулась и спит на заднем сиденье, – чтобы потом ехать у него на руках до дома. Он всегда ворчал, когда приходилось тащить и ее, и пакеты с продуктами, одновременно толкая коляску с Лео, но втайне обожал эти маленькие ручки, крепко сжимавшие его шею. Так он и понимал, что она притворяется, потому что когда она засыпала по-настоящему, то висела мешком. Лисичка же зарывалась носом в его шею, обхватив руками так, словно боялась его потерять. Когда она выросла и он больше не мог носить ее на руках, не проходило и дня, чтобы он не вспоминал об этом без грусти. Год назад Мая подвернула ногу во время спортивных соревнований, и ему снова довелось нести ее из машины до дома. Он еще никогда не испытывал таких угрызений совести, когда понял, что мечтает, чтобы она подворачивала ногу почаще.

Петер стоял у двери дочери, он занес руку, но не стучал. Телефон продолжал трезвонить. Задумавшись, Петер вышел к машине с фарфоровой кофейной чашкой в руке.

Мира лавировала по магазину, следуя своему списку, составленному в точном соответствии с тем, где и на каких полках стоят те или иные продукты. Не то что Петер – в его списках нет никакой логики, в результате чего его тележка всегда выглядела так, будто он готовится к концу света.

Все здоровались, кто-то махал с другого конца магазина, сотрудники улыбались, Фрак выбежал из кабинета в свитере «Бьорнстада» с девятым номером и фамилией Эрдаль на спине. Он тоже собрался в ледовый дворец, но все говорил и говорил, а Мира терпеливо слушала, поглядывая на часы: ей бы не хотелось, чтобы Петер и Лео уехали до ее возвращения.

Когда она ставила пакеты в машину, один из них лопнул. Люди на парковке наперегонки кинулись подбирать ее авокадо – ведь они так хорошо знают ее мужа, спортивного директора клуба. Хотя на самом деле они его совсем не знают.

– Он, наверно, рад, что едет на этот матч! – сказал кто-то, и Мира кивнула, хотя ей-то известно, что Петер ненавидит разъезды.

Он почти ни разу не оставлял их одних с той ночи, как Исак уснул в последний раз. Мира ездит в командировки гораздо чаще, одно время в шкафу в прихожей у нее даже стоял наготове собранный чемоданчик на колесах. Петер тогда шутил, что у нее наверняка есть тайная банковская ячейка, где она хранит краску для волос, поддельные документы и ствол. Мира никогда не говорила, как сильно ее задели эти слова. Да, она эгоистка и презирает себя за это, но сейчас ей бы так не хотелось отпускать Лео с Петером. Петер едет ради сына, для него это не только командировка, и разрыва родительской статистики между ними она не выровняет – Мира столько раз оставляла их, что явно отстает по очкам и в свете всего происходящего выглядит ничуть не менее эгоцентричной.

Она подобрала с земли авокадо и запихнула в пакет. Когда Исак заболел, семья перешла на почти что военный режим: врачи, операции, перевозки и больничные приемные, терапия и рутинные процедуры, списки и протоколы. После похорон Петер замкнулся в себе – боль словно сковала его по рукам и ногам. Мира все так же гуляла с Маей в парке, убирала дом и готовила ужин, ездила в магазин со своими списками. Где-то она однажды прочла, что после тяжелой травмы, такой как жестокое избиение или похищение, срыв у жертвы случается сильно позже, в «скорой» или в полицейской машине, когда все уже позади. Спустя несколько месяцев после смерти Исака Миру нашли в супермаркете – она сидела на полу, зажав в каждой руке по авокадо, и истерично, безутешно рыдала. Петер пришел за ней и отнес домой. Много недель после этого он как заведенный убирал, готовил еду, заботился о Мае. Возможно, так они и выжили, понимает теперь Мира, благодаря тому, что не сорвались одновременно.

Мира улыбалась за рулем по дороге домой. Включила детский хит-лист. Какое счастье – она проведет целые выходные вдвоем с дочерью. Как же быстро она выросла. Вот только что – сморщенная красная изюминка, завернутая в одеяло: когда медсестры в роддоме сказали, что пора бы им уже отправляться домой, Мира смотрела на них так, будто ее с малышкой хотят запустить в Индийский океан на крошечном самодельном плоту из пустых пивных банок. И вдруг этот скулящий младенец превратился в отдельного человека. Со своим мнением, особенностями и стилем в одежде. А еще она не любит газировку. Что же это за ребенок, который не любит газировку? Или конфеты? Ее не подкупишь сладостями – о господи, как осуществлять родительские функции, если ребенок не берет взятки?

Только что она и срыгнуть самостоятельно не могла. Теперь она играет на гитаре. Господи боже мой. Когда же эта любовь перестанет быть невыносимой?

Солнце улеглось на верхушках деревьев, воздух был прозрачный и легкий, это был хороший день. Последний хороший день. Мира вылезла из машины, как раз когда Петер и Лео садились в другую. Петер поцеловал ее так, что захватило дух, а она ущипнула его так, что он смутился. Он все еще держал в руке чашку, она достала из багажника пакеты с продуктами и, устало покачав головой, потянулась ее забрать. На крыльцо вышла Мая. Родители обернулись, они запомнят это мгновение. Последние секунды спокойствия и счастья.

Пятнадцатилетняя девочка закрыла глаза. Открыла рот. И рассказала. Всё.

Когда слова закончились, на земле рядом с разбитой чашкой лежало авокадо. На одном из самых крупных осколков видна часть изображения. Медведь.

30

Слова – дело плевое. Постоянно слышишь, что никто не имел в виду ничего такого. Они просто выполняют свою работу. Полицейские все время это повторяли: «Я просто выполняю свою работу». Именно поэтому никто не спрашивал, что делал мальчик, зато, как только девочка открывала рот, ее то и дело перебивали вопросами, что делала она. Шла ли по лестнице за ним или перед ним? Легла ли на кровать добровольно или ее заставили? Расстегнула ли блузку? Поцеловала ли его? Нет? Но на поцелуй ответила? Пила ли спиртное? Курила ли травку? Сказала ли «нет»? Достаточно ли категорично? Достаточно ли громко кричала? Достаточно ли сильно сопротивлялась? Почему сразу не сфотографировала синяки? Почему убежала с вечеринки, а не рассказала о случившемся другим гостям?

Им просто надо составить максимально полную картину, говорили они, задавая один и тот же вопрос на разные лады, чтобы проверить, не изменится ли ее версия. Это серьезное обвинение, напоминали они, как будто проблема именно в обвинении. Ей объясняли, чего делать не следовало: ждать целую неделю с заявлением, выбрасывать одежду, которая была на ней, принимать душ, пить, попадать в эту ситуацию, входить в комнату, подниматься по лестнице, вводить его в заблуждение. Если бы ее просто не существовало, ничего такого не случилось бы, почему она об этом не подумала?

Ей пятнадцать, ему семнадцать, и все же во всех обсуждениях он фигурирует как «мальчик». Она – как «молодая женщина».

Слова – дело серьезное.

Мира кричала. Звонила куда-то, скандалила. Ее просили успокоиться. Все здесь между прочим пытаются делать свою работу. Петер сидел, накрыв ладонью Маины пальцы, за столиком в комнате для допросов полицейского отделения в Хеде и не знал, ненавидит ли его дочь за то, что он не кричит, как Мира. За то, что у него нет юридического образования и он не знает, из-за чего нужно скандалить. Что он не бегает по улицам и не пытается кого-нибудь убить, кого угодно. За то, что он ничего не может сделать. Когда он убрал ладонь с ее руки, обоим стало холодно.

В глазах одного из родителей Мая видит неописуемый гнев и вечную

пустоту – в глазах другого. Она поехала с мамой в больницу. Папа поехал в другую сторону, в Бьорнстад.

Однажды Маю спросят, понимала ли она, какие последствия будет иметь ее заявление и решение рассказать правду. Она кивнет. Иногда ей казалось, что она единственная понимала это. Много времени спустя, через десять лет, она подумает, что вообще-то самой большой проблемой было то, что взрослых все это потрясло куда больше, чем ее саму. Они были невиннее: в свои пятнадцать лет, с интернетом под рукой, она прекрасно знала, что мир – жестокое место для девочки. Родители представить не могли, что такое вообще может случиться, Мая же просто не думала, что такое случится именно с ней. Поэтому, возможно, падать было не так больно.

«Как мерзко это осознавать», – подумает она тогда, через десять лет, а потом станет припоминать самые странные подробности. Например, что у одного полицейского было обручальное кольцо не по размеру, оно болталось на пальце и стучало по столу. И что он ни разу не взглянул ей в глаза, а все время смотрел на ее лоб или губы.

Она вспомнит, что сидела тогда и думала про урок физики, где им рассказывали о жидкостях и холоде. Вода от холода расширяется, это надо знать, когда строишь дом в Бьорнстаде. Летом в трещины камней затекает вода, а при минусовых температурах влага превращается в лед, и камни крошатся. Таким стало ее детство, детство младшей сестры умершего старшего брата. Детство, которое было одной-единственной, бесконечной отчаянной попыткой не растекаться, не попадать в трещины своих родителей.

Когда растешь бок о бок со смертью, знаешь, что для разных людей она очень разная, но для родителей смерть в первую очередь – это тишина. В кухне, в прихожей, в телефонной трубке, на заднем сиденье машины, в пятницу вечером, в понедельник утром, завернутая в наволочку и смятые простыни, спрятанная на самое дно коробки с игрушками на чердаке, на маленькой табуреточке у раковины, под мокрыми полотенцами, которые больше не валяются на полу в ванной. Повсюду дети оставляют за собой тишину.

Мая отлично знает, что эта тишина может быть как вода. Если впустить ее слишком глубоко, она замерзнет, превратится в лед и разорвет наши сердца. Уже тогда, в полиции Хеда, она знала, что переживет это. А мама и папа – нет. Родительские раны не заживают.

Какой это невероятный, немыслимый позор, что жертва чаще всего испытывает наибольшее сочувствие к другим. Однажды Маю спросят,

действительно ли она думала о последствиях, и она кивнет, и из всех чувств самым сильным в ней будет чувство вины. За непостижимую жестокость по отношению к людям, которые любили ее больше всего на свете.

Они сидели в отделении полиции. Она рассказала все. И по глазам родителей видела, что раз за разом у них в головах эхом отдаются одни и те же слова. То, что в самой глубине своей души боится признать любая мать и любой отец:

«Мы не можем защитить своих детей».

На стоянке у ледового дворца зеленый автобус. Людей собралось много – родители, игроки, спонсоры, члены правления. Все обнимались и махали.

Отец Кевина подъехал к самому автобусу. Вышел из машины, пожал всем руки, неспешно со всеми побеседовал. Мама Кевина после долгих колебаний обняла сына за плечи. Он не возражал. Она не сказала, что гордится им, он не сказал, что знает это.

Фатима с несчастным видом стояла в прихожей и несколько раз спросила Амата, не случилось ли чего. Он поклялся, что нет. Вышел один из дома, с коньками в руках. Лифа уже стоял у подъезда, словно давно его ждал. Амат слабо улыбнулся.

– Деньги, что ли, нужны? Ты же никогда меня не ждешь.

Лифа рассмеялся, поднял сжатый кулак, они стукнулись кулаками.

– Сделай их! – велел Лифа.

Амат кивнул. Чуть помедлил, словно собираясь что-то еще сказать, но вместо этого только спросил:

– Где Зак?

Лифа удивился.

– На тренировке.

Лицо Амата залило багровым стыдом. Вот, значит, как быстро он забыл, стоило ему попасть в юниоры, что в это время детская команда всегда тренируется. Лифа снова поднял кулак, но передумав, крепко обнял друга детства.

– Ты первый в Низине, кто поднялся до юниоров.

– Беньи тоже из Низины… – попытался вставить Амат, но Лифа покачал головой:

– Беньи живет в отдельном доме. Он не такой, как мы.

Амат подумал, видно ли с Лифиного балкона дом, где живет Беньи, и

решил, что вряд ли. Лифа приехал в Бьорнстад через несколько лет после Амата, его семья сперва жила в Хеде, но квартиры здесь были дешевле. Год или два он играл в хоккей с Аматом и Закариасом, но старший брат велел ему бросить. Это понтовый спорт, только дети богачей играют в хоккей, сказал брат. «Они будут ненавидеть тебя, Лифа, они нас ненавидят, им не понравится, что кто-то из этого района их хоть в чем-то переплюнул». Он оказался прав, в детстве они слышали это и в раздевалке, и на льду. В Бьорнстаде тебе никогда не дадут забыть, откуда ты родом. Амат и Закариас выдержали, Лифа нет. Однажды, когда они учились в средней школе, в раздевалку зашли взрослые игроки и фломастерами подписали на их тренировочных комбинезонах вместо «Бьорнстад-Хоккей» – «Трущоб-Хоккей».

Все знали, кто это сделал. Никто ничего не сказал. Но после этого Лифа больше не играл. А теперь стоял у подъезда в Низине, со слезами на глазах обнимал Амата и шептал:

– Вчера несколько пацанов, лет шести-семи, играли у моего подъезда. Один был Павлом Дацюком, другой Сидни Кросби, третий Патриком Кейном… Знаешь, кем был последний? Он крикнул: «Я – АМАТ!»

– Да что ты несешь… – улыбнулся Амат, но Лифа, покачав головой, крепко стиснул друга в объятьях.

– Надери им задницу, бро. Выиграй финал, стань профи и сделай этих гадов. Покажи им, что ты один из нас.

– Можешь сказать парням, что в раздевалке их ждет сюрприз, – таинственно шепнул отец Кевину на ухо.

– Спасибо, – ответил тот.

Они пожали друг другу руки, но другой рукой отец коснулся его плеча. Почти что объятие.

Когда появился Кевин, в раздевалке уже звучала задорная ругань и товарищи по команде скакали по полу, как веселые новогодние петарды. Бубу ударил Кевина по спине, другой рукой нежно сжимая свою новую клюшку, и заорал во всю глотку:

– Да ты знаешь, сколько они стоят?! Твой отец, блин, КОРОЛЬ!

Кевин отлично знал, сколько стоят эти клюшки. На полу стояла целая коробка – по одной для каждого игрока команды.

После детской тренировки Закариас ушел со льда последний, собрав конусы и шайбы. Он едва успел увернуться, плексиглас за его спиной затрясся от удара. Зак в бешенстве оглянулся, шайба присвистела с

неожиданной стороны – не с поля, а из коридора.

– Поберегись, жиртрест! – глумливо заржал Лит, потрясая новенькой клюшкой.

Закариас отлично знал, сколько она стоит, – подростки хорошо знают цену тому, чего не могут себе позволить.

– Отсоси, – пробурчал он.

– Что ты сказал? – зашипел Лит, и лицо его почернело.

– Я сказал: от-со-си.

Бубу стоял в проходе за Литом и, бормоча что-то вроде «это просто шутка» и «подумай о финале», попытался его утихомирить. Лит, похоже, успокоился и снисходительно фыркнул:

– Классная клюшка! Это что, твоей мамаше в собесе выдали?

Закариас задрал нос вместо того, чтобы склонить голову.

– А твоя мамочка, малыш, приходила сегодня в раздевалку? С ракушкой тебе помогла? Она тебе яйца туда ласково засунула – как ты любишь? Она до сих пор покупает тебе размером больше, на вырост…

Закариас не успел договорить – Лит ринулся к нему с клюшкой наперевес, и если бы не Бубу, встрявший между ними, то игрок детской команды, на два года младше Лита, прямиком отправился бы в больницу. Сзади в панике подбежал Амат и встал, повернувшись к Литу и Закариасу.

– Да вы что, ох… ХВАТИТ! ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕКРАТИТЕ!

Взмахнув руками, так что Бубу пришлось его отпустить, Лит оценивающе глянул на Амата, потом подошел к Закариасу, вырвал у него клюшку и изо всех сил шарахнул ею о борт, так что та сломалась. И прошипел, кинув обломки парню под ноги:

– Отнеси в собес, пусть в следующий раз купят клюшку получше. А то еще поранится кто.

Лит развернулся и ушел в раздевалку, где его встретили торжествующие крики товарищей по команде. Парни попеременно скандировали: «Медведи из Бьорнстада» и имена друг друга.

Амат подобрал обломки. Закариас не помогал ему.

– Она сломана, идиот…

Амат не выдержал и набросился на него:

– Да что, блин, с тобой такое, Зак? А? Что случилось? Чё ты вечно всех провоцируешь?

Закариас только зыркнул на него. Годы дружбы брызнули у него из глаз.

– Удачи сегодня, суперзвезда.

Зак ушел. Амат еще долго стоял в коридоре. Когда он вернулся в

раздевалку и бросил обломки в мусорное ведро, его ждала новая клюшка. У него еще никогда в жизни не было новой, не подержанной.

Бубу сел в автобус за два ряда перед Литом. Он слышал, как Лит травит историю про клюшку Закариаса под гогот и комментарии вроде «нищета» и «ублюдок». Мама Закариаса на больничном. До того как заболеть, она работала в том же отделении больницы, что и мама Бубу. Когда Амат вошел в автобус, Бубу освободил ему место рядом.

– Я пытался его остановить… – пробормотал Бубу.

– Я знаю, – мрачно кивнул Амат.

Оба помнили надписи «Трущоб-Хоккей». Придумал это Лит. А написал Бубу. Лит жил на Холме, Бубу в одной минуте от Низины. Бубу собрался что-то сказать Амату на этот счет, но не успел додумать мысль до конца. Потому что в следующий миг кто-то закричал: «На хрена тут копы?», – на стоянку въехала полицейская машина и преградила дорогу автобусу.

Давид опоздал. Он в жизни никуда не опаздывал. Вчера его трижды рвало, и в конце концов он даже стал уговаривать свою девушку выпить с ним бокал вина, чтобы немного расслабиться. А ведь он никогда не пьет. В любой команде, где бы он ни играл, он всегда чувствовал себя чужаком, потому что для остальных это, похоже, было ритуалом – нажраться всем вместе до беспамятства как минимум два раза в год. В глазах других игроков Давид словно не заслуживал доверия – оттого что не готов был блевать в баре какой-нибудь гостиницы плечом к плечу с братьями по команде.

Девушка очень удивилась. Давид пожал плечами:

– Говорят, это успокаивает.

Она засмеялась. Потом заплакала. Потом прижалась лбом к его лбу и сказала:

– Дурачок. Я не хотела тебе говорить. Но мне вина нельзя.

– Что?

– Я не хотела ничего говорить до финала. Не хотела… чтобы ты отвлекался. Но мне… теперь нельзя пить спиртное.

– Ты о чем?

Она захихикала ему в губы.

– Ну ты и тормоз. Милый мой, любимый, я жду ребенка.

Вот почему Давид опоздал, вот почему он не в себе и счастлив. Он ворвался в безумную толпу на стоянке и чуть не угодил под колеса

полицейской машины. Это был самый счастливый, самый печальный и самый странный день в его жизни.

Играй они дома, Кевину, может, и позволили бы выйти на лед. Но финал предстоял в другом городе в нескольких часах езды, и зазвучали такие слова, как «безопасность» и «вероятность побега». Просто каждый делал свою работу. Полицейские протиснулись между удивленными родителями и вошли в автобус. Все заорали, когда Кевина попросили выйти, а когда огромный мужчина в форме взял его за плечо и поднял с сиденья, автобус взорвался от ярости. Бубу и Лит преградили ему путь, они были такие здоровые, что легко могли бы вытолкать из автобуса и четырех других полицейских. В этом хаосе Кевин казался маленьким, уязвимым, беззащитным. Возможно, поэтому все взрослые вокруг реагировали именно так, а может, на то была тысяча других причин.

Отец Кевина с воплями бросился на полицейского, схватившего его сына, другой полицейский попытался оттащить папашу, но Фрак вцепился ему в глотку. Мужик из правления что есть мочи дубасил по капоту полицейской машины. Магган Лит фотографировала всех полицейских в упор и лично обещала им, что все они потеряют работу.

Только Амат и Беньи молча сидели на своих местах. Слова – непростое дело.

Петер стоял на самом краю парковки, там, где кончается асфальт и начинаются деревья. Он презирал себя за то, что приехал. Что он может сделать? Насилие – оно как выпивка: дети, растущие с ней рядом, вырастают либо алкоголиками, либо не берут в рот ни капли. Отец Петера мог убить человека, Петер даже ударить никого не мог. Даже на льду. Даже сейчас. Даже Кевина. Петер никому не мог сделать больно, но все равно не уходил, потому что ему искренне хотелось увидеть, как это сделают другие.

Заметил его только Давид. Их взгляды встретились. Петер не отвел глаз.

31

Спорт и наука не всегда идут рука об руку. Спорт, разумеется, приветствует научные изыскания о менисках и связках, но исследования о буллинге и агрессивном поведении в группах – куда в меньшей степени. В отместку академический мир интересуется только тем, что спорт делает не так, и все меньше и меньше тем, что он делает правильно. Спорт говорит, что наука только выискивает проблемы, а наука утверждает, что спорт живет с шорами на глазах.

Только в одном они одинаково рьяны. Только один вопрос столетиями волновал обоих: что такое лидер?

Мая проходила в больнице все положенные обследования. Отвечала на вопросы. Без слез, без жалоб, без скандалов, – на все соглашаясь и всем идя навстречу. Мира, напротив, настолько вышла из себя, что временами не могла усидеть на стуле. Телефон не замолкал. Мать подключила к делу всю адвокатскую контору, а дочь, лежа на холодной кушетке в холодной палате, понимала, что развязала войну. Матери предстояло взять командование на себя, атаковать врага, действовать, – иначе она не выдержит. Мая написала Ане в эсэмэс именно это слово: «Война». Спустя несколько секунд пришел ответ: «Ты и я против всех!»

За свою хоккейную карьеру Давид повидал сотни лидеров. Формальных и прирожденных, орущих и молчаливых. Он не знал, что сам тоже может быть лидером, пока Суне не выдал ему банду семилетних мальчишек и не выпихнул на лед со свистком на шее. «Я плохой тренер», – сказал тогда Давид, а Суне потрепал его по голове и ответил: «Тот, кто думает, что он хороший тренер, никогда им не станет». Старик был прав и не прав одновременно.

После того как полицейские забрали Кевина, Давид целый час заталкивал игроков обратно в автобус и пытался образумить родителей, что вот так стоять и кричать бесполезно. Они ехали уже три часа, но автобус продолжал вибрировать от звонков и тряся, когда юниоры бегали по салону, заглядывая в телефоны друг друга. Но, похоже, никто в Бьорнстаде пока не знал, почему Кевина увезли, полиция отказалась давать какую-либо информацию, поэтому по автобусу понеслась, бешено разрастаясь, лавина слухов. Даже взрослые не остались в стороне: Бенгт от возбуждения

брызгал слюной.

Давид молча сидел впереди один, уставившись в экран телефона. Пришла эсэмэска от отца Кевина. Тот только что узнал, в чем обвиняют сына. Первое, что должен усвоить лидер, – неважно, сам ты занял это место или тебя назначили, – что лидерство предполагает умение не только говорить, но и умалчивать.

Мать сидела у кушетки, крепко сжав руки дочери, их ладони дрожали. Дочь прижалась лбом ко лбу матери.

– Мы справимся, мама.

– Милая, это не ты должна утешать меня, а я тебя…

– Все хорошо, мама. Ты все делаешь правильно.

У Миры опять зазвонил телефон. Мая догадалась, что это из адвокатской конторы, кивнула матери и погладила ее по щеке, мама поцеловала ее, шепнула:

– Я тут, в коридоре. Я никуда не ухожу.

Все четыре ладони по-прежнему дрожали.

Десять лет Давид готовил своих игроков к этому мигу. Заставил пожертвовать всем, работать на износ, научил выдерживать напряжение, даже когда трещат плечи и ломит шею. Ради чего все это было, если сейчас они не выиграют финал? Что такое игра, если ты не хочешь стать лучшим?

Глубочайшее убеждение Давида относительно хоккея заключалось в том, что мир за пределами ледового дворца ни в коем случае не должен вторгаться в мир внутри его. Это разные вселенные. Там, снаружи, жизнь сложная, страшная и трудная, внутри, на площадке – простая и понятная. Если бы Давид не провел четкой черты между этими двумя мирами, его мальчишки сломались бы еще в детстве, – столько дерьма выливается им на головы там, в действительности. Лед был их свободной зоной. Единственным счастливым местом, которого у них никто не мог отнять: здесь они были победителями.

И не только мальчики. На асфальте Давид и сам чувствовал себя нелепым и лишним, зато на льду – никогда. Здесь слово «коллектив» еще не потеряло своего смысла, здесь интересы команды были важнее личных, интересы клуба важнее, чем интересы индивида. Но как далеко можно зайти, защищая свою вселенную? В какой мере лидеру позволено говорить, а в какой – умалчивать?

Нянечка отлично знала, кто такая Мая, но не подавала виду. Муж

нянечки – Хряк, один из лучших друзей Петера, полжизни играл с ним в хоккей. Правда, только что, когда нянечка прошла по коридору, Петер и Мира ее словно бы не узнали. Они говорили с ней как через стекло, но она не обиделась. Она знала, что такое бывает, это все из-за травмы, оттого, что они видят только ее халат, а не лицо. Нянечка привыкла, что пациенты и родственники видят в ней только функцию, забывая, что она – тоже человек. Ничего страшного. Она от этого еще больше гордится своей работой.

Оставшись в палате наедине с Маей, она склонилась к ней и сказала:

– Я знаю, это жутко неприятно. Мы постараемся сделать все как можно быстрее.

Девочка посмотрела ей в глаза и кивнула, сильно прикусив губу изнутри. Нянечка всегда старалась сохранять профессиональную дистанцию и учила этому новичков. «Сюда будут приходить люди, которых вы знаете, вы должны относиться к ним как к пациентам, это вопрос лидерства», – обычно говорила она. Но сейчас от этих слов только першит в горле.

– Меня зовут Анн-Катрин, мой муж – давний приятель твоего папы.

– Мая, – шепнула Мая.

Анн-Катрин ласково коснулась ее щеки:

– Ты очень смелая, Мая.

Петер ехал из Бьорнстада обратно в Хед. Он вошел в больницу, готовый торжествуя доложить Мае, что Кевина задержала полиция. Что справедливость восстановлена. Вошел в палату и увидел ее. Нет на свете ничего более крохотного и жалкого, чем твой собственный ребенок на больничной койке. Не существует никакой справедливости. Петер сидел рядом с дочерью и плакал, потому что никогда не смог бы никого убить. Наконец он спросил:

– Что я могу сделать, Мая? Скажи, что я могу сделать…

Дочь провела рукой по его щетине.

– Люби меня.

– Я буду любить тебя вечно.

– Так, как ты любишь хоккей и Дэвида Боуи?

– Больше, Огрызочек, бесконечно больше.

И Мая рассмеялась. Как ни странно, но рассмешил ее именно «Огрызок», семейная кличка десятилетней давности. Когда ей было пять, она съедала все яблоко целиком, вместе с косточками. В девять лет она попросила отца перестать ее так называть и сразу же пожалела об этом.

– Мне нужны две вещи, – шепнула она.

– Дай угадаю: Ана и гитара? – говорит он.

Она кивнула. В палату вернулась Мира. Пальцы родителей соприкоснулись. Когда Петер стоял у двери, дочь крикнула:

– И поговорите с Лео. Иначе он очень испугается. Родители переглянулись. Сколько должно пройти лет, чтобы они перестали вспоминать это мгновение без разрывающей боли в сердце? Единственный человек, который сегодня вспомнил о Маином младшем брате, была сама Мая.

Анн-Катрин сидела в ординаторской, глядя в стену. Она, как и все, слышала, что полиция задержала Кевина, но одна из немногих была в курсе, почему Мая в больнице, и понимала, как одно связано с другим. Мая не узнала Анн-Катрин, и Кевин не узнал бы, хотя она не пропустила почти ни одного матча с тех пор, как он играл в детской команде. Некоторые родители остаются безликими для других детей.

Анн-Катрин написала эсэмэс сыну: «Удачи». Бубу немедленно ответил: «Кев?? Что-нибудь слышала?» Мама солгала: «Нет. Ничего. Сосредоточься на игре, дорогой!» Через несколько минут он ответил: «Выиграю ради Кева!!» Мучительно сглотнув, она набрала: «Я тебя люблю». Бубу ответил, как отвечают все подростки: «Ок».

Анн-Катрин откинулась на жесткую спинку, уставилась в потолок и подумала обо всех несчастных детях, которым сейчас так больно. В этой больнице чего только не насмотришься. Именно поэтому столько ее коллег не выдерживают. У врачей и сестер не бывает ни перерывов на летние тренировки, как в хоккее, ни финалов, ни пауз между периодами. У них всегда сезон, день за днем, и это может сломить даже самых стойких. Даже людей из Бьорнстада.

А что будет, когда сломаются самые стойкие? Кто поведет остальных?

Давид приподнялся, прокашлялся, чтобы привлечь внимание парней, но замолчал, заметив, что они уже рассаживаются по местам. Но не из-за него, а из-за Беньи. Тот шел по проходу, по очереди смотрел каждому в глаза и в конце концов остановился рядом с Филипом, тихим парнем на год младше остальных игроков, живущем на Холме в трех домах от Кевина.

– Когда мы были маленькие, Филип, и ты переживал, что ты самый мелкий и слабый в команде, когда ты не мог бросить шайбу выше желтой полоски, идущей по низу борта, что тебе тогда говорил Давид?

Филип смущенно посмотрел вниз, на колени, но Беньи взял его за подбородок и заставил поднять глаза. Филип не только на год младше

других, он так долго отставал физически от игроков вроде Бубу, что никто даже не замечал, как хорошо ему дается все остальное. Он был из тех, кто первым исчезает в раздевалке, помалкивает, не создает проблем, просто следует за всеми. За последние три года он стал безусловно лучшим защитником в команде, причем никто даже не понял, как это случилось.

– «Плевать на других, делай свое дело», – тихо ответил Филип.

Беньи кивнул и похлопал его по макушке. Потом обратился к Вильяму Литу:

– А что Давид говорил тебе, Лит, когда все остальные научились кататься спиной вперед, а ты нет, и ты решил бросить хоккей?

Лит зажмурился и злобно вытер слезы со щек.

– «Делай свое дело».

Беньи взял Лита за плечи и посмотрел ему прямо в глаза, снова цитируя тренера:

– «Мы – команда. Друг без друга мы никто. Когда падает один, на его место встает другой».

Проведя рукавом по глазам, Лит подхватил:

– «Команда больше чем ты. Клуб больше чем индивид».

Когда никто, кроме Лита, не слышал, Беньи шепнул ему на ухо:

– Мы рассчитываем на тебя, Лит, сегодня ты наш капитан. Ты должен вести нас.

Скажи Беньи в эту секунду Литу убить человека, тот не задумываясь сделал бы это. Ни спорт, ни наука на самом деле не знают, кто они такие – лидеры, за которыми мы следуем. Главное, чтобы мы, глядя на них, ни в чем не сомневались.

Беньи подошел к Бубу, великану, который был лучшим защитником, пока остальные не научились кататься на коньках лучше его.

– Что почти самое крутое на свете, Бубу?

Бубу, помолчав, неуверенно ответил:

– Трахаться?

Кто-то заржал. Беньи наклонился к Бубу близко-близко.

– Но сперва мы сделаем самое крутое, что есть на свете, Бубу. Что от тебя сегодня требуется?

Бубу встал.

– Только одно, нет?

– Победа, – сказал Беньи.

– Победа! – крикнул Бубу.

– Победа! – взорвался автобус.

Давид сел. «ПОБЕДА! ПОБЕДА! ПОБЕДА!» – ревел автобус, и Давид

стер эсэмэс от отца Кевина. Когда подошел Бенгт и спросил, нет ли новостей, Давид покачал головой:

– Нет. Ничего не слышно. Делай свое дело, Бенгт.

Беньи ушел и улегся на заднее сиденье. И проспал там всю дорогу.

32

Глубоко в лесу лежал городок, где так любят игру. В комнате на кровати сидела девочка и играла для своей лучшей подруги. В отделении полиции сидел молодой человек. В больничном коридоре нянечка прошла мимо адвоката, на трибунах ледовой арены в столице стояли взрослые мужчины и женщины, скандируя, что они – медведи из Бьорнстада, вместе со спонсорами и членами правления клуба, которые десять лет назад посмеялись над спортивным директором, сказавшим, что однажды у них будет лучшая команда юниоров в стране. Сейчас все здесь, кроме него.

В раздевалке команда с клюшками в руках ждала начала матча, на скамейке младший брат с телефоном на коленях ждал, что напишут в интернете друзья о его старшей сестре, когда всё узнают. Богатый клиент звонил в адвокатскую контору, а в другой адвокатской конторе мать развязывала войну. Девочка все играла, пока подруга не заснула, а в дверях стоял отец и думал, что девочки выдержат. Они сильные. И поэтому ему было страшно. Потому что, если они выстоят, мир по-прежнему будет считать, что все нормально.

Был в команде игрок под номером шестнадцать – с того дня, как он встал на лед, он знал, что требуется для победы. Знал, что матчи выигрываются не только на льду, но и в уме, а тренер научил его, что спорт – как музыка: у каждой команды свой ритм и темп игры. Сбив соперника с ритма, ты испортишь ему звучание, даже лучшие музыканты мира ненавидят играть вразнобой, но, начав, трудно остановиться. Движущийся объект продолжает движение в том же направлении, и чем больше снежный ком, тем больший безумец тот, кто встанет у него на пути. Спортсмены называют это «преимуществом», на уроках физики в школе говорят об «инерции», но с Беньи Давид всегда был более прямолинеен: «Если дела у команды идут неплохо, то все кажется простым и автоматически становится еще лучше. Но если устроить им маленький ад и хотя бы чуть-чуть пошатнуть их позиции, то скоро они сами загонят себя в угол». Все дело в равновесии. Малейшего дуновения ветра может быть достаточно.

Команда соперников прибыла на хоккейный стадион, чтобы встретиться с «Бьорнстад-Хоккеем», или «Эрдаль-Хоккеем», как она презрительно называла противников. Соперники давным-давно знали, что

этим лесным дикарям до них как до небес, а теперь еще и Кевин, оказывается, не выйдет на поле. «Бьорнстад» без Кевина – ничто. Пустое место. Сбитое животное на обочине трассы. Игроки, прибывающие на арену, были самоуверенны и спокойны, они знали: чтобы выиграть, им надо просто играть. Хладнокровно. Сохраняя равновесие.

Их тренеры остались у автобуса, но игрокам, подстегиваемым гордыней, хотелось увидеть противника, и они зашли внутрь одни, не дожидаясь тренеров. Свет в коридоре не горел, кто-то пошутил, что «нищие крестьяне сперли лампочки», кто-то ответил: «Зачем? В Бьорнстаде нет электричества!» Сперва они думали, что неподвижная фигура возле их раздевалки – всего лишь тень, их глаза еще не привыкли к полумраку, поэтому первый игрок наскочил прямо на нее. Грудная клетка Беньи была как бетон, вытаращенные глаза сверкнули по очереди на каждого из двадцати парней. Будь у них время опомниться, они бы нервно заржали, но теперь они просто молча стояли в темноте, переглядываясь.

Беньи не двигался. Просто ждал в дверях. Если хотят попасть в раздевалку, пусть подойдут ближе. Им бы дождаться тренеров, позвать судью, но гордость не позволяла. Беньи знал, что будет дальше, он уже вычислил, кто будут эти двое: один толкнул его, второй ударил в плечо, Беньи принял первого и так врезал в ухо второму, что тот с криком повалился на пол. Беньи снова набросился на первого и дважды двинул по ребрам – ребра остались целы, но от боли тот согнулся пополам, и Беньи добил его, локтем в затылок. Когда налетел третий, Беньи мягко увернулся и толкнул его в спину, так что тот плашмя грохнулся на пол темной раздевалки. Четвертый допустил ошибку – обеими руками вцепился Беньи в одежду, но от удара лбом в скулу упал навзничь. Его никто не подхватил.

Конечно, в освещенном помещении у Беньи не было бы ни единого шанса завалить всю команду, но в темном узком коридоре, где накинуться всем скопом невозможно, каждый из соперников спрашивал себя: кто пойдет следующий?

Ответ – никто. Секундного промедления вполне хватило. Беньи ухмыльнулся и спокойно ушел, прежде чем кто-либо успел хоть что-то сказать. Когда он открыл дверь к своим, два десятка обезумевших глоток орали: «МЫ МЕДВЕДИ!» – а коридор осветила короткая полоска света. Медведям ее хватило, чтобы увидеть, насколько выбиты из равновесия их соперники.

Они ничего не расскажут тренерам – что они могут сказать? Что какой-то парень на глазах у всех завалил четырех сильнейших игроков? «Что это вообще было?» – пробормотал кто-то. «Псих». Включив свет у

себя в раздевалке, они пытались шутить. Убеждали друг друга, что достанут этого шестнадцатого потом, что это фигня, что обращать на это внимание ниже их достоинства. А когда началась игра, стало ясно, что они все потеряли. Ритм, темп, равновесие. Легкое дуновение ветра, и весь настрой насмарку.

Беньи надел свитер с шестнадцатым номером. Давид встал перед командой, сложив руки за спиной и глядя в пол. Всю дорогу сюда он думал о том, что значит для него лидерство, и пришел к одному-единственному четкому выводу: Суне был его личным наставником, и лучше всего он умел воспитывать лидеров. Проблема лишь в том, что он никогда не давал им лидировать.

Игроки затаили дыхание, но Давид, подняв глаза, почти улыбался.

– Хотите знать правду? Правда в том, что никто не верил, что вы сюда попадете. Ни соперники, ни спортивный союз, ни тренеры сборной, и уж точно никто на этих трибунах. Для них это был сон, для вас – цель. Вы добились этого сами. Так что этот матч, этот миг… они ваши. Никого не слушайте, вы сами знаете, что вам делать.

Он хотел сказать так много всего, но они уже были в финале. Он сделал все, что мог. Поэтому он просто развернулся и ушел. Через две секунды следом вышел растерянный Бенгт. Игроки удивленно переглянулись. Потом один за другим встали и дважды ударили друг друга по шлему. Первым подал голос самый тихий из них.

– Откуда мы? – спросил Филип.

– Из БЬОРНСТАДА! – ответили все.

Лит залез на лавку и заорал:

– ЗА КЕВИНА!

– ЗА КЕВИНА! – отозвалась команда.

Когда они выходили, Беньи уже ждал на льду. Один в центральном круге, на спине номер шестнадцать, черные глаза. Последними из раздевалки «Бьорнстада» вышли самый большой и самый маленький игроки. Бубу хлопнул Амата по плечу и спросил:

– Откуда ты, Амат?

Амат поднял голову, его челюсти дрожали.

– Из Низины.

Бубу кивнул и показал свои перчатки. Он написал на них фломастером «Трущоб-Хоккей». Неуклюжий жест неуклюжего мальчишки.

Иногда ничего ценнее нет.

Почему людям так важен спорт? На трибуне стояла женщина – ледовая арена для нее теперь единственное место, где она может получить прямые ответы. Она была лыжницей элитного уровня, посвятила подростковые годы лыжне, вечер за вечером – с фонариком на лбу и слезами на щеках от холода, усталости, боли, от поражений и всего того, что ее ровесники делали в свободное время, которого у нее никогда не было. Но если вы спросите, жалеет она о чем-нибудь, она покачает головой. Если вы спросите, что бы она сделала, вернись она в прошлое, она не моргнув ответит: «Тренировалась еще больше». Она не сможет объяснить, почему спорт не оставляет ее равнодушной, потому что знает: если тебе пришел в голову такой вопрос, искать ответ бесполезно: ты этого никогда не поймешь.

Ее сын Филип играл сейчас в первой паре защитников, но она знала, чего ему это стоило. Сколько пробежек они совершили вместе в лесу при свете налобных фонариков, сколько часов провели на веранде: он, – забивая шайбы, она – стоя в воротах. Сколько пролитых слез – самый маленький в команде, он взвешивался и измерял рост каждое утро, потому что врач обещал, что в конце концов он догонит других. Отметки на косяке, которые мама ни за что не закрасит. Как она поднимала его с пола, когда он валился посреди кухни, безутешный, что ночь прошла, а он так и не вырос. Так и не прибавил в весе. Возможно, никто и не заметил, когда он стал лучшим защитником в команде, но его мама помнила каждый сантиметр этого пути.

Пока шел разогрев, Фрак не расставался с телефоном, пытаясь выяснить, что же произошло с Кевином. До сих пор ничего не было известно. Вероятно, отец Кевина в первую очередь свяжется с тренером, но отсюда дозвониться до Давида Фрак не мог.

Спонсоры и члены правления бесились из-за отсутствия информации. Они уже обсуждали, каких адвокатов наймут, каким журналистам дадут интервью и кто за все это поплатится.

Фрак не злился, сейчас он испытывал совсем другие чувства. Он смотрел на родителей на трибуне. Считал, сколько дней, вечеров и ночей все они положили на эту команду. Шеей ощущал вес собственной серебряной медали – из другого времени. Он не знал, кто лишил их шанса одержать сегодня их самую большую победу, но уже от всей души его ненавидел.

Это Беньи попросил Давида и Бенгта поставить Лита в центр, на место

Кевина. Нет таких слов – объяснить, что это значило для Лита. Перед первым вбрасыванием Беньи сказал Амату:

– Надеюсь, ты надел самые быстрые коньки?

Амат улыбнулся и кивнул. Соперники у себя на скамейке уже громко обсуждали, что «шестнадцатый сегодня по полной отсидит свои штрафные минуты». Они не идиоты, они видели, с каким необузданным психом имеют дело. Поэтому, когда судья вбросил шайбу и Беньи, подняв клюшку, на полной скорости помчался к завладевшему ей сопернику, все, кто недавно наблюдал Беньи в темном коридоре, естественно, решили, что на шайбу ему плевать и что он наверняка будет драться. Соперник расставил ноги пошире и напряг корпус, чтобы встретить хит.

Но хита не дождался. Беньи подхватил шайбу и повел ее в зону нападения, Лит вступил в силовую борьбу в средней зоне и упал на лед, как подстреленный тюлень: центрфорвард пожертвовал собой, чтобы пропустить третьего игрока в звене. Это была их единственная лазейка, пока противник не оценил скорость Амата.

И не получил сполна.

Фрак надорвал глотку, когда Амат, обманув вратаря, отправил шайбу под перекладину, родители сбежали вниз, словно хотели перепрыгнуть через борт. Раскинув руки, Амат парил вокруг ворот, но не успел особо разогнаться, как на него упали Беньи, Лит и Филип, похоронив его под собой. Через секунду на лед выбежала вся команда, все друг на друге, друг под другом, друг вокруг друга, повсюду. Фрак схватил чью-то маму, первую попавшуюся, и гаркнул:

– ОТКУДА МЫ?

Еще секунду назад все были атеистами. Теперь нет.

После первого периода они вели: 1:0. Давид ничего им не сказал, даже не пришел в раздевалку, молча простоял в перерыве рядом с Бенгтом, слушая, как игроки хлопают друг друга по шлемам. Противники сравняли счет, потом забили еще один гол: 1:2, но перед перерывом между вторым и третьим периодом, в один из немногих выходов Бубу на замену шайба оказалась у него возле синей линии зоны нападения. Бубу попытался ее пасануть, но та, отскочив от конька противника, помчалась обратно к нему. Если бы он немного подумал, он бы, конечно, понял, что это глупая затея, но сообразительностью Бубу никогда не грешил. И поэтому ударил по воротам. Вратарь не двинулся с места, когда сетка заколыхалась у него за

спиной. А Бубу застыл, потрясенно уставившись на шайбу. Он видел, что загорелась лампочка, как на табло сменились цифры – 2:2, – слышал ликование на бьорнстадском секторе, но мозг этого не воспринимал. Первым его обнял Филип.

– Мы победим! – крикнул он.

– За Кевина! – завопил Бубу и с разгона врезался в борт в такой сумасшедшей гордости, что забыл клюшку в центральном круге.

Филип обожал хоккей, его мама тоже. Но не так, как всякий родитель, в меру интересующийся занятиями ребенка и едва разбирающийся в правилах игры. Она боготворила этот вид спорта за то, что он такой, какой есть. Жесткий. Честный. Конкретный. Настоящий. Прямые вопросы – прямые ответы.

Магган Лит стояла рядом, они с мамой Филипа знали друг друга с детства, жили в двух шагах. Они вместе бегали на лыжах, вышли замуж в один год, родили сыновей с разницей в несколько месяцев, больше десяти лет проторчали на трибунах вроде этой, переминаясь с ноги на ногу, чтобы отогреть окоченевшие пальцы ног. Попробуйте сказать им, что родители хоккеистов – фанатики. Они предложат вам послушать, о чем говорит публика на юниорских лыжных гонках. Или попытаться урезонить папашу, который выскочил на слаломный спуск прямо посреди соревнований, потому что его дочери, по его мнению, неправильно выставили трассу. Или поспорить с мамой фигуристки о том, сколько на самом деле должен тренироваться девятилетний ребенок. Всегда найдется кто-то еще фанатичнее. Чем больше сравниваешь, тем шире твои представления о норме.

Мама Филипа никогда не повышает голоса. Никогда не ругается. Никогда не критикует тренера и не заходит в раздевалку. Но она горой встанет за подругу, если кто-то посмеет критиковать ее поведение. Потому что они тоже команда. Мама Филипа знает, что нельзя требовать от родителей, чтобы они положили жизнь и семейный бюджет ради спортивных достижений детей и при этом никогда не выплескивали страсти.

Поэтому когда Магган заорала судье: «Ты что, ослеп?» – мама Филипа промолчала. И когда кто-то другой крикнул ему же: «Тебя что, в детстве уронили? Дома за тебя тоже жена все решает?!» И когда кто-то заметил следом: «Что за старушечий пас?» – а несколькими рядами выше какой-то мужчина взмахнул руками: «У нас тут что, баскетбол?» И когда парню из команды противника крикнули «Ты что, ПИДОР?», потому что он слишком

грубо и долго зажимал игрока из «Бьорнстада» в углу и не был удален с поля.

– Думайте, что говорите! Здесь же дети! – обернувшись, возмутилась мамаша с двумя маленькими детьми.

Ей ответила Магган – каждое слово сочилось презрением:

– Милочка, раз вы так боитесь, что ваши детки услышат нехорошие слова, то не выпускайте их из кокона и не берите на ХОККЕЙ, а?!

Если вы спросите маму Филипа, почему ее это не возмущает, она скажет, что любить не значить принимать безоглядно. Как не гордиться не означает стыдиться. Это касается хоккея, это же касается и друзей.

Мамаша демонстративно взяла детей на руки, и, поднявшись по лестнице, пересела подальше. Тем временем Филип, который преследовал соперника по всей площадке, заставил его занервничать, ускорился и помешал сделать передачу. Чуть выше на трибуне один из спонсоров повернулся к Фраку, кивнул в сторону мамаши с детьми и фыркнул:

– Что это за полиция нравов? Откуда она взялась? Только что начался третий период. Их диалог потонул в общем гуле, когда номер шестнадцатый, перехватив шайбу в нейтральной зоне, обошел двух соперников, демонстрируя технику, которой никто от него не ожидал, и отправил шайбу в ворота под носом у зазевавшегося вратаря.

Беньи отмахнулся от налетевших на него товарищей по команде, подобрал шайбу в сетке и покатил прямиком к бьорнстадскому сектору. Остановился у борта, помахал двум счастливым малышам и кинул шайбу их маме.

Спонсор повернулся к Фраку:

– Кто… кто это был, я не расслышал?

– Это Габи, сестра Беньи. Дядя этих малышей только что забил еще один гол: три – два, – ответил Фрак.

33

В детстве, когда ее что-то огорчало, Мая всегда ложилась спать. Засыпала, чтобы пережить во сне то, с чем не справлялась наяву. Когда ей было полтора года, мама везла ее на арендованной машине по центру Торонто, и на одном из самых оживленных перекрестков города мотор заглох. Им сигналили автобусы, кричали таксисты, Мира орала по телефону на беднягу-администратора прокатной фирмы. А полутораговалая девочка посмотрела по сторонам, широко зевнула, закрыла глаза и проспала глубоким сном до тех пор, пока они не вернулись в отель шесть часов спустя.

Теперь Мира стояла в коридоре своего дома и смотрела на дочь через открытую дверь. В свои пятнадцать Мая до сих пор засыпала, когда ей было больно. Ана лежала рядом под одеялом. Возможно, похоронив ребенка, воспринимаешь все немного иначе, а может, все родители чувствуют то же самое, но как бы то ни было, единственное, чего Мира всегда желала своим детям, – это здоровья, защищенности и лучшего друга.

Тогда можно пережить все. Почти.

Этот матч Давид запомнил навсегда. Ночами напролет он пересказывал последние минуты игры своей девушке, легонько постукивая по ее животу и шепча: «Не спи! Я еще не дошел до главного!» Раз за разом повторял, как Амат бросался на лед и блокировал головой броски, так что судья в конце концов не выдержал и заставил его уйти с площадки и проверить, нет ли на шлеме трещин. И что дольше всех продержался на льду Лит, а те несколько минут, что он не играл, вел себя, как настоящий герой: никто так не подбадривал и не хвалил других, не хлопал по спинам и не поднимал обессилевших товарищей со скамейки. Когда Бубу, уходя с площадки, споткнулся на пороге и растянулся на полу, именно Лит подхватил его и принес бутылку с водой. А тем временем Филип играл как заправский взрослый игрок, без единой ошибки. А Беньи? Беньи был повсюду. Давид видел, как шайба попала ему в голеностоп, да с такой силой, что помощник тренера Бенгт схватился за собственную ногу и заорал:

– Даже МНЕ было больно!

Беньи играл несмотря на боль, все они готовы были пробить лбом стену и идти дальше. Каждый выложился по полной. Каждый превзошел сам себя. Они отдали себя целиком, ни один тренер не смог бы потребовать

большего. Они старались как могли.

Но этого оказалось мало.

Когда противники сравняли счет 3:3 меньше чем за минуту до конца периода, команда рухнула на лед, два десятка родителей рухнули на трибуны, рухнул город в лесу. В перерыве перед овертаймом троих игроков рвало. Еще двое не смогли вернуться на площадку из-за судорог в мышцах. Свитера были насквозь мокрые, каждая клетка – выжата. И все же прошло целых пятнадцать минут, прежде чем противнику удалось сломить их в последний раз. Они всё носились и носились туда-сюда, и вот наконец Беньи не успел добежать, Филип впервые упустил своего игрока, клюшка Лита оказалась слишком коротка, а Амат бросился на лед на долю секунды позже, чем нужно, чтобы прикрыть ворота.

Весь «Бьорнстад-Хоккей» лежал на поле, соперники плясали вокруг, их родители и друзья радостно высыпали на лед. Только когда вопли и песни золотых медалистов переместились в раздевалку, Филип, Бубу, Лит и Амат горестно поплелись к себе. Взрослые мужчины и женщины так и сидели на трибуне, уронив лица в ладони. А два малыша горько плакали на руках у мамы.

Два десятка сердец после поражения. Эта планета не знает большей тишины. Давид вошел в раздевалку: на полу и на скамейках растянулись его игроки – избитые, убитые, многие так устали, что даже не могли снять защиту. Бенгт стоял рядом и ждал, что скажет тренер, но Давид просто развернулся и ушел.

– Куда он? – спросил кто-то из родителей.

– Мы не умеем проигрывать, потому что не проигрываем никогда, – пробормотал Бенгт.

Руку в конце концов протянул капитан команды противника. Он только что принял душ и переоделся, но майка была вся в пятнах от шампанского. Номер шестнадцатый все еще лежал на спине, на льду, в коньках. Трибуны почти опустели.

– Отличная игра, чувак. Если когда-нибудь решишь сменить клуб, приходи играть с нами, – сказал капитан.

– Если когда-нибудь решишь сменить клуб, приходи играть со МНОЙ, – отвечал Беньи.

Капитан, рассмеявшись, помог Беньи встать и заметил, как

перекосилось его лицо.

– Все нормально?

Беньи кивнул: фигня, – но всю дорогу до раздевалки опирался на противника.

– Ты уж прости… что так вышло… – Беньи махнул рукой на темные лампочки на потолке.

Капитан заржал в голос:

– Ты серьезно? Жаль, мы сами до такого не додумались. Ты крутой чувак. Больной на всю голову, мэн, но офигенно крутой.

Они расстались, крепко пожав руки. Беньи вполз в раздевалку и лег на пол, даже не пытаясь снять коньки.

Габи шла с детьми по коридору мимо других взрослых в зеленых шарфах и свитерах с медведем, кому-то кивала, кого-то игнорировала. Слышала, как чей-то отец назвал судью дебилом. Другой пробормотал: «Баба бесхребетная». Габи вела детей прямо к машине, не дожидаясь Беньи, она не хотела, чтобы они это слышали, и знала, что о ней скажут, если она начнет возмущаться. Когда они вышли на улицу, ее дочь, которая еще не научилась как следует выговаривать букву «л», спросила:

– Мама, а что такое «шьюха»?

Габи попыталась отшутиться, но девочка настаивала, указывая на коридор.

– Один дяденька так сказай. «Судья – шьюха!»

Прошло еще четверть часа, прежде чем Давид вернулся с пакетом, набитым шайбами. Раздал игрокам. Парни по очереди читали короткое слово, написанное на каждой шайбе. Кто-то улыбался, кто-то плакал. Бубу прокашлялся, встал и сказал, посмотрев на Давида:

– Прости, тренер… я только спросить хотел…

Давид приподнял брови, Бубу кивнул на шайбу:

– Ты не это самое… ориентацию не сменил?

Иногда смех – это спасение. Шутка может объединить группу. Залечить рану, убить тишину. Раздевалка затряслась от гогота. Наконец Давид, широко улыбаясь, кивнул:

– Завтра, когда вернемся домой, дополнительная тренировка, бег в лесу. Скажите спасибо Бубу.

И Бубу тут же пригнулся под градом шариков из скрученного скотча.

Предпоследнюю шайбу получил Беньи. Последнюю – Бенгт. Давид

хлопнул помощника по плечу:

– Я поеду назад ночным поездом, Бенгт. Для вас забронирован отель, позаботься о парнях, я на тебя рассчитываю.

Бенгт кивнул. Глянул на шайбу. Прочел, роняя слезы на свитер. «Спасибо».

Габи вздрогнула, когда в окно машины постучал Бубу: дети уснули сзади, она и сама почти спала.

– Сорри… Ты же сестра Беньи, да?

– Да. Мы его ждем, он сказал, что не останется в гостинице, а поедет с нами, он что, передумал?

Бубу покачал головой.

– Он в раздевалке. Мы не можем снять с него коньки. Он попросил позвать тебя.

Когда Габи подошла к Беньи, она первым делом сообщила, что любит его. Потом – как же им чертовски повезло, что их мама сегодня не смогла отпроситься с работы и приехать сюда, потому что, знай она, что ее сын играл почти весь третий период и пятнадцать минут дополнительного времени со сломанной ногой и при этом бегал больше всех, она бы его убила.

Филип долго стоял молча рядом с мамой на парковке у автобуса. Она вытерла ему щеки.

– Прости. Это я виноват, – шепнул он. – Последний гол. Это был мой игрок. Прости.

Мама обняла его так, как будто он снова маленький, хотя он теперь был такой здоровый, что мог бы поднять ее одной левой.

– За что, детка? За что на всем белом свете ты можешь просить прощения?

Она гладила его по щеке, она знала, что он чувствует, она и сама стояла когда-то, разбитая, на лыжне после гонки, пока капли пота не превратились в ледяные кристаллы, и чувствовала то же самое. Она знает, что дает спорт и что он берет взамен. У них перед глазами проносились все препятствия, которые преодолел ее сын: элитные спортивные лагеря, куда его не брали, сборные, куда он не попал, матчи, которые он смотрел с трибун. Мать обняла шестнадцатилетнего мальчика, который тренировался каждый день, всю свою жизнь – ради этой игры. Завтра он проснется, встанет и начнет все сначала.

Дом. Комната. На полу возле постели своей лучшей подруги сидела

Ана, склонившись над ноутбуком. Временами она беспокойно поглядывала на кровать, – не проснулась ли Мая? Потом снова заходила на те страницы в сети, куда, разумеется, ломанется вся школа, как только узнает, что произошло. Один за другим пролистывала молчаливую череду еще не обновленных статусов, фотографии котиков и смузи, несколько огорченных комментариев о проигрыше юниоров. Больше ничего. Пока. Ана еще раз перезагрузила все страницы. Она прожила в этом городе всю свою жизнь, она знала, как быстро распространяются слухи, кто-то наверняка знаком с кем-то, чей брат или приятель служит в полиции или сотрудничает в местной газете, или чья мама работает в больнице нянечкой. Кто-то кому-то что-нибудь да расскажет. И начнется ад. Она обновляла страницы, снова и снова. Все сильнее стучала по клавишам.

Банк-банк-банк-банк-банк.

Бенгт сообщил команде, что для них забронирован отель, за все платят спонсоры, так что все удобства в их распоряжении, пусть высыпаются, а завтра вернутся домой. Игроки спрашивали, где Давид. Бенгт объяснил, что тренер поехал домой, чтобы быть на месте, когда полиция отпустит Кевина.

– А если кто-то из нас тоже захочет поехать домой? – спросил Лит.

– Пожалуйста, решайте сами, – согласился Бенгт. Остаться не захотел никто. Они команда, они вернутся к своему капитану. Новость взорвется в их телефонах ночью, на полпути домой. Почему Кевина задержали, в чем его обвиняют и кто на него заявил. «Да о чем они вообще? Я видел их на вечеринке! ОНА сама на него вешалась!» – начал один. Потом другой подхватил: «Бред! Я видел, как они пошли в его комнату, она шла ПЕРВАЯ!» Потом третий: «Можно подумать, она не хотела! Вы вообще видели, как она оделась?!»

Им всем отлично удается буква «л». Когда один говорит «шлюха», другие с готовностью подхватывают.

У себя в комнате, в постели, окруженной клюшками, шайбами и хоккейными свитерами, проснулся младший брат – оттого что в соседней спальне лучшая подруга его сестры разбила компьютер, швырнув его со всей силы об стену. Словно надеясь, что люди, которые написали все то, что она прочла, тоже разлетятся на тысячу кусков.

34

Мира и Петер сидели на низком крыльце. Они не прикасались друг к другу. Петер отчетливо помнил это расстояние между ними. Бывали дни, когда ему казалось, что горе сблизило их, что Мира осталась с ним, хотя он этого и не заслужил, потому что ей больше не с кем разделить утрату. Однако сразу после смерти мальчика все было иначе. Тогда горе разъединило их, стало невидимым силовым полем между их кончиками пальцев. И сейчас они вернулись туда же.

– Это… я виноват, – шепнул Петер.

Мира решительно покачала головой:

– Не говори так. Это не твоя вина. И не хоккея. Не давай этому гов… не давай… не ищи ему оправданий!

– Его вырастил клуб, Мира. Мой клуб.

Мира не ответила. Ее кулаки так долго были сжаты, что следы от ногтей будут видны еще не один день. Всю свою взрослую жизнь она посвятила закону и праву, она верила в справедливость и гуманизм, боролась с насилием и кровной местью. И сейчас, собрав все свои силы, она пыталась вытеснить вон захлестывающее ее чувство, но оно полностью завладело ей, перечеркнув все, во что она верила.

Как она хочет убить его! Убить Кевина.

Анн-Катрин и Хряк стояли на парковке и ждали, когда вернется с финала автобус с игроками. Анн-Катрин никогда не забудет тишину этой ночи, за которой угадывалось сдавленное жужжание голосов. Повсюду темные окна, хотя никто не спал, телефоны и компьютеры, рассылающие сообщения, все более озлобленные, все более страшные. Люди в Бьорнстаде неразговорчивы. И все же порой кажется, что они только и делают, что говорят. Хряк осторожно взял ее за руку.

– Давай подождем, Анн-Катрин. Давай не будем вмешиваться, пока… пока не узнаем наверняка.

– Петер один из твоих самых близких друзей.

– Мы не знаем, что произошло, милая. Никто не знает, что произошло. Мы не можем в это вмешиваться.

Анн-Катрин кивнула. Конечно, они не могут вмешиваться. У каждой истории есть две стороны. Надо услышать версию Кевина. Анн-Катрин искренне пыталась себя в этом убедить. Свидетели – все боги, и небеса, и

пречистые девы, – она правда пыталась.

Ана стояла, от стыда закрыв руками лицо, потрясенная Мая сидела в постели, обломки ноута валялись на полу. Вошла Мира, взяла девочек за руки.

– Ана, ты знаешь, как я тебя люблю. Как родную.

Ана вытерла лицо; крупные капли сорвались с кончика носа на пол. Мира поцеловала ее в макушку.

– Но ты должна ненадолго пойти домой, Ана. Нам надо… побыть одним.

Мая хотела бы возразить – ради подруги, но она слишком устала. Когда входная дверь закрылась, Мая легла и снова заснула. Спала, и спала, и спала.

Петер поцеловал на прощание лучшую подругу дочери. В соседних домах было темно, но он чувствовал взгляды из окон. Когда Ана вышла, ему так хотелось что-нибудь ей сказать, быть мудрым родителем, который умеет утешить, подбодрить и помочь. Но он не нашел слов.

– Все будет хорошо, Ана, – ничего лучше он придумать не смог.

Ана плотно запахнула куртку и опустила шапку на глаза, стараясь всем видом показать, будто верит его словам, – ради него. Но она не умела обманывать. Петер видел: девочку трясет от немого гнева, и снова вспомнил, как несколько лет назад Мира и Мая поссорились, у дочери тогда была одна из первых настоящих подростковых истерик, и Мира сидела, раздавленная, на кухне и всхлипывала: «Она меня ненавидит. Моя родная дочь ненавидит меня». Петер крепко обнял жену и прошептал: «Твоя дочь восхищается тобой, ты ей нужна. Если не веришь, посмотри на Ану. Из всех, кого Мая могла бы выбрать в лучшие друзья, она выбрала точь-в-точь такую, как ты. У кого все чувства написаны на лбу». Петеру хотелось выйти из машины и обнять Ану, сказать ей, что бояться нечего, но он так не сумел. И слишком боялся ее обмануть.

Машина уехала, Ана тихо зашла в дом и разбудила собак. Увела их в лес, как можно глубже. Села, уткнув лицо в их шерсть, и отчаянно, безутешно зарыдала.

Они дышали ей в шею, лизали уши, тыкались носами. Непонятно, как некоторые могут предпочитать животным людей?

В доме Овичей в эту ночь ни одна кровать не пустовала. Дети Габи

спали у дяди в комнате, Адри и Катя – у мамы, мама на диване. Дочери уверяли, что могут лечь в гостиной, но мама отчитала их, и они не посмели ей перечить. Когда рано утром Габи и Беньи вернулись из больницы, мать с сестрами уставились на костыли и загипсованную ногу, а потом бросились ему на шею, крича, что он хочет их смерти, и что он – вся их жизнь, и что они любят его, и что он – осел.

Он лег на полу у кровати, рядом с племянниками. А проснувшись, увидел, что они спят, свернувшись, рядом под своими одеялами, в хоккейных свитерах. С номером шестнадцать на спине.

Мира сидела на постели дочери. Когда Мая и Ана были маленькие, Петер шутил, до чего они непохожи, особенно когда спят. «После Маи кровать можно не застилать. А после Аны кровать надо переставлять туда, где она стояла накануне». Проснувшись, Мая напоминала сонного теленка, Ана – пьяного злобного дядьку, потерявшего пистолет. Единственным схожим в них были имена: девочки терпеть не могли, когда их называли «Майя» и «Анна», потому что Май и Анн в мире было полно. Впервые осознав, что есть и другие дети с ее именем, Мая пришла в бешенство, что говорило о многом – ведь в таком возрасте куда естественней требовать, чтобы ручки столовых приборов были того же цвета, что и еда, или же истерить вечером по той причине, что ноги вдруг оказались «одинакового размера – ХОЧУ, ЧТОБ БЫЛИ РАЗНОГО!!!». Но Маю ничто не злило больше, чем необходимость делить свое имя с другими. И для нее, и для Аны имя было личной принадлежностью, физическим признаком – как легкие или зрачки, в ее мировоззрении все Майи и Анны были самозванками. Порой Мира думала, что обе девочки научились читать в пять лет, потому что узнали, что их имена пишутся не так, как произносятся. Они хотели быть кем угодно, только не такими, как все. Кажется, что это было так давно. И в то же время – как будто вчера.

Люди взрослеют так неумолимо быстро.

Петер бесшумно закрыл дверь. Повесил ключи от «вольво» на крючок в прихожей. Они с Мирой час за часом сидели на кухне, не говоря ни слова. Наконец Мира шепнула:

– Дело не в нас. Самое главное сейчас – чтобы она сумела выкарабкаться.

Петер впился глазами в столешницу.

– Она такая… сильная. Я не знаю, что ей сказать, она уже… сильнее

меня.

Ногти Миры опять глубоко врезались в ладонь.

– Я готова убить его, Петер. Я хочу… я хочу, чтобы он сдох.

– Я знаю.

Миру трясло, когда он разорвал силовое поле между ними и обнял ее. Они делили вздохи и всхлипы, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разбудить детей. Они никогда не перестанут корить себя. Адвокат и спортивный директор.

– Не вини себя, Петер. Хоккей тут ни при чем. Как там говорят… чтобы воспитать ребенка, нужна целая деревня? – шепнула она.

– Наверно, в том-то и беда. Возможно, деревня попалась не та, – ответил он.

У ледового дворца команду встречали родители. Все разъехались – тихо было в машинах, тихо в домах, только экраны светились. Ночью Лит пришел к Бубу, они особо не разговаривали, их объединяло лишь чувство, что надо что-то делать. Действовать. Они отправились по городу, зашли за своими товарищами. Черным роем двинулись по садам – сжатые кулаки под темным небом, дикие взгляды на пустых улицах. Ходили час за часом, пока не встало солнце. Они чувствовали угрозу, на них напали. Им хотелось кричать, что значит для них эта команда, про преданность и любовь, про то, как они любят своего капитана. Но у них не было нужных слов, поэтому они искали другой способ показать это. Шагали бок о бок, как зловещая армия. Им так хотелось что-нибудь защитить. Причинить кому-нибудь зло. Убить. Они охотились за врагом – любым, каким угодно.

Амат пришел домой и сразу лег спать. Фатима тихо села в другой комнате. На следующий день они поехали на автобусе в ледовый дворец. Все так же молча. Амат зашнуровал коньки, взял клюшку и как бешеный понесся по льду, врезаясь со всей силы в борта. Не позволяя себе плакать, пока не вспотеет настолько, что слезы будет не отличить от пота.

Мать и отец сидели за столом на кухне большого дома.

– Я просто… а что, если… – начала мама.

– Неужели ты могла подумать такое о нашем СЫНЕ?! Какая же ты к черту мать, если могла ПОДУМАТЬ ТАКОЕ О НАШЕМ РЕБЕНКЕ???!!! – заорал отец.

Она в отчаянии покачала головой, глядя в пол. Он прав. Что же она за мать такая? Шепнула: конечно нет, конечно, она не думает, что их сын на такое способен. Пыталась объяснить, что просто все сейчас перепуталось,

перевернулось с ног на голову, трудно рассуждать здраво, надо просто попытаться ненадолго уснуть.

– Я не собираюсь спать, пока Кевин сидит в полиции, ты что, спятила? – заявил отец.

Она кивнула. Она и сама не знала, сможет ли когда-нибудь уснуть.

– Конечно, любимый. Конечно.

В другом доме за другим кухонным столом сидели другие родители. Десять лет назад они уехали из Канады и поселились в Бьорнстаде, потому что это было самое тихое и спокойное место из всех знакомых мест. Потому что им так нужно было оказаться где-то, где, как они думали, не может случиться ничего плохого.

Они ничего не говорили. За всю ночь не проронили ни слова. И все же каждый из них знал, что думает другой. «Мы не можем защитить своих детей».

Не можем защитить своих детей не можем защитить своих детей не можем защитить своих детей.

35

Ненависть бывает весьма вдохновляющим чувством. Мир перестает быть непонятным и пугающим, если разделить всех на друзей и врагов, на своих и чужих, хороших и плохих. Самый простой способ объединить группу – вовсе не любовь, потому что любовь – это трудно, любовь требовательна. А ненависть – это просто.

Поэтому в случае конфликта мы первым делом выбираем сторону, ведь это проще, чем держать в голове два мнения одновременно. Во-вторых, мы ищем факты, подтверждающие то, во что нам хочется верить, это самое приятное, оно позволяет нам жить дальше как ни в чем не бывало. В-третьих, мы перестаем считать своего врага человеком. Для этого есть много способов, но самый простой – лишить его имени.

Так что когда наступила ночь и правда расползлась по городу, никто не писал в сообщениях «Мая». Все писали «М». Или «девушка». Или «сучка». Никто не говорил об «изнасиловании», все говорили об «обвинении». «Ничего не случилось», – поначалу говорили все, потом: «А если и случилось, то она сама этого хотела», и, наконец: «А если не хотела, то сама виновата – нечего было нажираться и идти с ним в его комнату». Из «Она сама этого хотела» неизменно вытекало: «Сама виновата».

Как легко убедить друг друга перестать видеть в человеке человека. А когда тех, кто молчит, скорее большинство, то даже горстку голосов можно принять за единогласный хор.

Мая делала все, что требовалось, все, о чем ее просили. Отвечала на все вопросы полицейских, сдавала все положенные анализы, ездила к психотерапевту, проведя не один час в машине, чтобы раз за разом вспоминать то, о чем хотелось забыть. Чтобы ощущать то, что хотелось бы вытеснить, плакать, когда хотелось кричать, говорить, когда хотелось умереть. Ана звонила ей, но Мая выключила телефон. Он забит анонимными эсэмэсками. Люди так быстро сделали выводы, что завели себе новые сим-карты только ради того, чтобы сказать ей, кто она такая, не пожелав, однако, представиться.

Мая пришла домой, и куртка соскользнула на пол, как будто стала ей велика. Ее тело становилось все меньше и меньше, внутренние органы один за другим его покидали. Легкие, почки, печень, сердце. Под конец остался только яд.

Лео сидел у компьютера. Услышал, что она встала в дверях. Она давно не заходила к нему в комнату – с тех пор, когда они были совсем маленькие.

– Что ты делаешь? – едва слышно спросила она.

– Играю, – ответил Лео.

Он отключил интернет. Телефон валялся на дне рюкзака. Старшая сестра стояла в нескольких метрах от него, крепко обхватив себя руками, и смотрела на стены, где еще вчера висели хоккейные свитера и афиши.

– Можно с тобой? – прошептала она.

Он принес из кухни стул. Они играли молча. Всю ночь.

Мира у себя в офисе отсиживала встречу за встречей. Сражалась. Все это время Петер сидел дома, наводил порядок, отчищал каждый квадратный сантиметр, тер раковину, пока не заболели руки, перестирывал простыни и полотенца, отмыл вручную каждый бокал.

Когда они потеряли Исака, им хотелось порой иметь врага, кого-то виноватого, просто чтобы было кого наказать. Некоторые советовали им побеседовать об этом с Богом, но родителям трудно не сорваться на собеседника, трудно сохранять веру в высшие силы, когда касаешься пальцами дат на надгробии. Математика тут ни при чем, формула для подсчета отпущенного времени жизни проста: берешь четырехзначное число на камне справа, отнимаешь от него число слева, умножаешь результат на триста шестьдесят пять и добавляешь по одному дню на каждый високосный год. Но сколько ни считай, ничего не сходится. Ты считаешь, и пересчитываешь, и снова считаешь, но ничего не получается, сколько ни складывай, все мало. Дней слишком мало, их не хватает на целую жизнь.

Их бесило, когда говорили про «болезнь», потому что болезнь не ухватишь. Им нужна была личность, преступник, чтобы утопить его тяжестью собственной вины, потому что иначе им не выплыть. Они знали, это эгоизм, но когда наказать некого и остается лишь вопиять к небесам, снести такую ярость человеку не под силу.

Им нужен был враг. Теперь он у них появился. Но теперь они не знали, сидеть ли им с дочерью или преследовать ее обидчика, помогать ей жить дальше или отнять жизнь у него. Если это не одно и то же. Ненавидеть куда проще, чем наоборот.

Родительские раны не заживают. Детские тоже.

Все дети во всех городах по всему миру в какой-то момент своего взросления начинают играть в опасные игры. В любой компании найдется тот, кто первым спрыгнет с самой высокой скалы, последним перебежит через пути перед мчащимся поездом. Этот ребенок – не самый смелый, просто он боится меньше других. Возможно, чувствует, что ему, в отличие от остальных, нечего терять.

Беньи всегда искал самых острых физических ощущений, потому что они вытесняют другие чувства. Адреналин, вкус крови, колотящая боль вызывали приятный шум в голове; он любил сам себя пугать, потому что, когда страшно, невозможно думать ни о чем другом. Он никогда не резал себе запястья, но понимал, зачем это делают. Иногда он так хотел ощутить боль и сфокусироваться только на ней, что специально ехал на поезде в другой город, за много километров, дожидался темноты и отыскивал самых отпетых хулиганов, чтобы подраться, лез на рожон, пока им ничего не оставалось, кроме как всерьез его отколошматить. Потому что, когда по-настоящему, адски болит снаружи, не так больно внутри.

Басист не заметил его, пока не сошел со сцены. И так удивился, что забыл скрыть улыбку. Он был все в той же черной одежде, ткань дождем струилась с его плеч.

– Ты пришел.

– С развлечениями тут не очень – податься-то особо и некуда.

Басист рассмеялся. Пиво они пили в трех шагах друг от друга; успевшие хорошо нагрузиться мужики время от времени проходили мимо, хлопая Беньи по спине. Восхищались его гипсом, сочувствовали, что судья оказался мудилой. «А с Кевином, – бурчали они, – вообще хрень полная». И так повторялось раз семь-восемь. Они подходили один за другим, мужики разного возраста, и все хотели угостить номера шестнадцатого пивом. Басист понимал, ему, скорее всего, просто кажется, но с каждым хлопком по спине Беньи как будто на один сантиметр отдаляется от него. Басист бывал здесь и раньше, это не первый мальчик на его памяти, который ведет себя так, словно скрывается под чужим именем. Но возможно, в таком месте – где не хочешь никого огорчить – действительно все по-другому.

Когда они наконец остались одни, басист допил пиво и тихо проговорил:

– Пожалуй, мне пора. Тут, как я вижу… много желающих поговорить о хоккее.

Беньи взял его за руку, обжигая шепотом:

– Нет… пойдем куда-нибудь…

Басист вышел в ночь и обогнул здание справа. Беньи выждал десять минут и тоже вышел, но свернул влево, сделал небольшой крюк через лес, потом вернулся обратно и увидел басиста. Тот брел между деревьями, спотыкаясь и бранясь себе под нос.

– Ты уверен, что умеешь играть в хоккей? Кажется, ты что-то сделал не так. – Басист, улыбаясь, кивнул на Беньины костыли.

– А ты уверен, что умеешь играть на бас-гитаре? Звук был такой, как будто ты ее весь концерт настраивал, – ответил Беньи.

Они закурили. Из темноты налетали порывы ветра, все усиливаясь, со свистом неслись по насту, но в последний момент как будто решали оставить парней в покое. Только слегка касались их, осторожно, как неуверенные пальцы в первый раз дотрагиваются до чужой кожи.

– Мне нравятся твои волосы, – выдохнул в них басист.

Беньи закрыл глаза, выпустил костыли, жалея, что мало выпил. Мало выкурил. Он недооценил свой проклятый самоконтроль, а надо было его задушить, заглушить. Теперь он пытался отдаться чувству, но ладони, коснувшись спины парня, инстинктивно сжались. Басист вздрогнул, Беньи напрягся, перенес вес на сломанную ногу, чувствуя, как боль раскаленными иглами пронзает позвоночник. Мягко отстранился. Подобрал костыли и шепнул:

– Это… была ошибка.

Басист остался стоять один в темноте среди деревьев, по колено в снегу, пока номер шестнадцатый скакал обратно к «Овину».

– Большие тайны делают из нас ничтожных людей… – сказал басист.

Беньи не ответил. Но весь сжался.

Утро понедельника почти не принесло в Бьорнстад дневного света, словно ему так же не хотелось просыпаться, как людям. Тучи низко плыли над головами в капюшонах, полными тяжелых мыслей.

В «вольво» сидела мать и изо всех сил убеждала дочь, что та не обязана никуда идти. По крайней мере, сегодня.

– Нет. Надо, – ответила дочь, гладя мать по голове.

– Послушай… я не знаю, что они там пишут в сети… – всхлипнула Мира.

– А я знаю. Поэтому я должна пойти. Будь я к этому не готова, я бы не стала заявлять на него в полицию. Теперь мне нельзя…

Ее голос сорвался. Ногти Миры отковыривали от руля крошечные кусочки резины.

– Не позволь им победить. Ты – дочь своего отца. Мая протянула руку,

убрала с лица Миры упавшую прядь и ласково заправила за ухо.

– Своей матери. Прежде всего – своей матери.

– Любимая моя, я мечтаю, чтобы они сдохли. Убила бы их всех. Я всю контору на уши поставила, я не дам им ни единого шанса вы…

– Я должна идти, мама. Все будет намного хуже, пока не станет лучше. Мне пора.

И Мира ее отпустила. Потом поехала в лес, как можно дальше, включив музыку на максимальную громкость. Вышла и до крови разбила кулаки о дерево.

36

Самое простое и самое непреложное, что Давид знает про хоккей, – что матчи выигрывают командой. Сколь бы хороша ни была тактика тренера, чтобы она сработала, команда должна в нее поверить. В голове каждого игрока миллион раз должны отпечататься слова: выполняй то, что должен. Сосредоточься на своей задаче. Делай свое дело.

Давид лежал в постели рядом с возлюбленной, положив руку ей на живот.

– Думаешь, я буду хорошим отцом? – спросил он.

– Ты будешь мегазанудным отцом, – ответила она.

– Как мило.

Она зажала его мочку большим и указательным пальцами. Он так расстроился, что она захихикала.

– Ты возьмешь с собой на роды тактическую таблицу и вместе с акушеркой разработаешь стратегию потуг, потому что наверняка и в этой области можно побить какой-нибудь рекорд. Ты будешь думать, что кривые роста и веса – это такое соревнование. Ты станешь самым занудным, самым невыносимым, самым лучшим отцом на свете.

Он водил пальцем вокруг ее пупка.

– Думаешь, он… или она… думаешь, наш ребенок полюбит хоккей?

Она поцеловала его.

– Любить тебя, не любя хоккей, очень трудно, Давид. А не любить тебя еще в сто раз труднее.

Он лег на спину, она крепко оплела его ногами.

– А Кевин… Да и все остальное вообще. Я не знаю, что делать.

– Свое дело, дорогой, – шепнула она без тени сомнения. – Ты не можешь в это вмешиваться, ты не полицейский и не прокурор. Ты тренер. Делай свое дело. Не это ли ты всегда говоришь своим игрокам?

– Я не понимаю, что я должен, по-вашему, делать… – лепетал в трубку генеральный директор, он уже сбился со счету, сколько подобных разговоров он выдержал за это утро.

– Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО! – крикнула на другом конце Магган Лит.

– Поймите, следствие еще не закончено…

Магган брызгала слюной в микрофон:

– Знаете, что это такое? Это ЗАГОВОР против всей команды! Тут нет ничего, кроме ЗАВИСТИ!

– Но… я-то что могу сделать?

– Делайте свое дело!

Раздраженный и злой, Бубу сложил покрышки, развесил по местам инструменты и снял грязный комбинезон.

– Мне надо в школу, пап.

Хряк почесал бороду, посмотрел на сына и, видимо, хотел что-то сказать, но не знал что. Вместо этого просто кивнул:

– Поможешь мне потом доделать?

– У нас вечером тренировка.

– Сегодня? Но ведь сезон кончился!

– Это не обязательная тренировка. Но все будут. Это ради команды. Лит говорит, мы должны поддержать Кевина.

– Это говорит Лит? Вильям Лит? – Хряк в жизни не слышал, чтобы в семье Лит хоть кто-то хотел кого-нибудь поддержать, но по глазам сына понял, что споры чреваты конфликтом, поэтому тихо пробормотал: – Но не забудь, у тебя здесь тоже есть чем заняться.

Приняв душ, Бубу убежал. Анн-Катрин и Хряк смотрели на него из окна кухни. Они увидели Лита и еще как минимум десять юниоров. Они теперь повсюду ходили вместе.

– Мы должны с ним поговорить, я видела Маю в больнице, я ВИДЕЛА ее, и не похоже, что она врет… – начала Анн-Катрин, но муж покачал головой:

– Давай не будем в это вмешиваться, Анки. Это не наше дело.

Жанетт ощущала, как в животе все судорожно сжалось в темный ком, она пыталась побороть изжогу и мигрень, которые всегда наступали у нее от недосыпа.

– Я просто говорю, что мы должны обсудить это с учениками. А не делать вид, будто ничего не произошло.

Директор вздохнул, помахивая телефоном.

– Жанетт, ну пожалуйста, ты не понимаешь, как на меня давят. Мне все утро звонят. Родители словно с ума посходили. Они даже журналистам звонили! У нас нет на это ресурсов!

Жанетт хрустнула пальцами, как всегда, когда нервничала, – старая хоккейная привычка.

– Поэтому мы просто смолчим?

– Да… нет… мы… господи… мы просто… не будем поощрять слухи и пустые разговоры. Ну что не так с этими людьми? Почему нельзя дождаться результатов следствия? На что нам, спрашивается, суд? Не надо пытаться переплюнуть правосудие, Жанетт, это не входит в наши обязанности. Если… если то, что эта ученица сказала про Кевина… если это правда, то… она будет доказана. Если нет, то… то мы должны постараться не натворить глупостей.

Жанетт хотелось кричать, она еле сдерживалась.

– А как же Мая? Вдруг она сегодня придет?

Пока директор говорил эти несколько слов, его лицо успело трижды поменять выражение: уверенность – неуверенность – паника.

– Да не придет она. Не придет же? Думаешь, придет?

– Я не знаю.

– Не придет. Ну нет же? А она… ведь она не должна быть на твоих уроках?

– Нет, но у меня половина команды. Скажи, что мне делать?

Директор отчаянно взмахнул руками.

– А ты как думаешь?

Они сидели в столовой, тесно сдвинув стулья, почти соприкасаясь головами. Глаза Вильяма Лита вспыхнули.

– Блин, где Беньи? Кто-нибудь видел его?

Никто не знал. Лит упер указательный палец в стол.

– Моя мать договорилась, что сегодня всех отвезут в Хед, ясно? Едем прямо перед обедом. Об этом должна знать только команда. Если учителя будут наезжать, пусть говорят с родителями. О’кей?

Все закивали. Лит ударил кулаком по столу.

– Мы покажем тем, кто это сделал, им всем, что мы не бросаем своих. Потому что знаете, что это такое? Это заговор! Они завидуют нам! Заговор и сраная зависть!

Парни согласно кивали, ругаясь сквозь зубы. Под глазами у них чернели круги. Было видно, что некоторые плакали. Лит хлопнул каждого по плечу.

– Мы должны спасти команду. Мы все!

Говоря последние слова, он посмотрел на Бубу.

Амат стоял у своего шкафчика с таким видом, будто его сейчас туда вырвет. Бубу вышел из столовой и растерянно остановился у него за спиной.

– Мы должны… спасти команду, Амат. Кевина сегодня отпустят,

поэтому мы сходим на первые уроки, но потом поедем в Хед. Важно, чтобы поехали все. Чтобы… им показать.

Оба старались не смотреть в сторону Маиного шкафчика. Все ученики, проходящие мимо, глазели на него, даже не глядя в ту сторону, – таким навыком быстро овладевают все подростки. На дверце – пять букв черным фломастером. Для них она отныне только это.

Кевина вывели из отделения, его подхватили заботливые руки, как будто он не мог идти сам. С одной стороны отец, с другой – мать, а рядом, как защитная стена из плоти и крови – мужчины в джинсах, пиджаках и галстуках, таких же тугих, как их сжатые кулаки. По большей части это были спонсоры клуба, двое – из правления, несколько руководителей крупных компаний и местных предпринимателей и даже один политик муниципального уровня. Но так никто из них представляться бы не стал; спроси их, кто они, они ответят: «Друзья семьи Эрдаль. Просто друзья семьи». В нескольких шагах стояла команда юниоров. Каждый в отдельности еще мальчишка, но все вместе они – мужчины. Молчаливые и грозные. Они приехали что-то доказать – кому-то.

Усаживая Кевина в машину, мама заботливо укрыла плечи сына пледом. Мужчины, вопреки обыкновению, не хлопали его по спине, а нежно гладили по щеке. Возможно, от этого им было легче. Казалось, будто жертва – это мальчик.

Беньи сидел на низкой ограде в двадцати метрах от них. Низко надвинув на лоб бейсболку, а сверху натянув капюшон, так что лицо было в тени. Никто из взрослых его не видел, но Кевин видел. Какую-то секунду, между тем, как мама накинула на него плед, и тем, когда дверь машины захлопнулась, их глаза встретились. И Кевин отвел взгляд.

Когда длинный караван автомобилей выехал из Хеда вслед за машиной Эрдалей, Беньи уже не было. На улице перед отделением полиции остался только Амат. Он надел наушники, сделал звук погромче, решительно сунул руки в карманы и один зашагал обратно в Бьорнстад.

Едва Ана вошла в школьную столовую, ее накрыла волна привычного гвалта и звона. В углу, словно на пустынном островке, сидела Мая: пусто было даже за соседними столиками. Все глазели на нее не глядя. Ана направилась к ней, но Мая остановила ее взглядом, как животное, попавшее в ловушку и предупреждающее другое животное об опасности.

Медленно покачала головой. И Ана, понурясь и тяжело ступая, словно тащила на себе земной шар, отошла к другому столику в другом углу. Стыд будет преследовать ее до самой смерти.

Группа девушек постарше, – Ана видела их на кухне у Кевина, – направилась к Мае. Сперва казалось, будто Маи для них вообще не существует, потом – будто кроме нее для них не существует никого. Одна подошла ближе со стаканом в руке, остальные стеной загородили Маю от окружающих, так что потом, когда учителя будут спрашивать, все смогут сказать, что «к сожалению, ничего не видели», хотя на самом деле видели всё.

– Да кому ты нужна, чтобы тебя еще и насиловать, поганая шлюшка…

Молоко стекало по волосам Маи, капало на лицо и на свитер. Стакан, которым девица швырнула ей в голову, остался цел, голова – тоже. За крошечную долю секунды Мая увидела страх в глазах нападавшей: вдруг она переборщила – вдруг пойдет кровь, и Мая упадет? Но Мая толстокожая. Поэтому глаза хищницы снова наполнились презрением. Словно жертва больше не человек.

Это видели все, но не видел никто. В столовой было шумно и в то же время странно тихо. Хихиканье отдавалась у Маи в ушах глухим воем. Она все сидела не шевелясь, чувствуя, как боль пульсирует в брови, во лбу, потом медленно вытерла лицо несколькими маленькими салфетками, что лежали у нее на подносе. Салфетки быстро кончились. Она не смела оглянуться на другие столики, но вдруг кто-то положил рядом толстую стопку. Другая рука, уже почти такая же большая, как ее собственная, вытирала стол. Мая подняла глаза и умоляюще замотала головой.

– Если ты тут сядешь, тебе самому не поздоровится… – шепнула она.

– Я знаю, – ответил Лео.

Младший брат сел рядом и начал есть. Словно не чувствуя бесчисленных взглядов.

– Но почему? – спросила старшая сестра.

Лео посмотрел на нее глазами их матери.

– Потому что мы с тобой не такие, как они. Мы не медведи из Бьорнстада.

37

Почти все рассуждения о том, как ведут себя люди по отношению друг к другу, рано или поздно приходят к тезису о «человеческой природе». Учителям биологии непросто объяснять детям, мол, с одной стороны, наш вид выжил благодаря тому, что мы держались вместе и сотрудничали, а с другой – человечество развивается благодаря сильнейшим индивидам, которые всегда жируют за счет других. Так что в конце концов все сводится к спору о границах: до каких пределов допустим эгоизм и в какой мере мы обязаны заботиться друг о друге.

Кто-то непременно произнесет слова «человечность» или «гуманизм». Но это только слова. Потому что в ответ всегда скажут: «Представь себе тонущий корабль», потому что это – наглядный образ. «Представь себе горящий дом». Против этого трудно спорить. Ведь если заострить вопрос – кого ты спасешь, если спасти можно только одного человека? Кого вытащишь из ледяной воды, зная, что все в шлюпке не поместятся?

Близких. Мы всегда начинаем с семьи, уговаривала себя она. Ей было холодно, она включила на максимум все батареи, надела на себя все, что можно, но все равно ее трясло. Она ходила из комнаты в комнату. Убрала у Кевина, выбросила все простыни и наволочки, выкинула все майки и джинсы из корзины с грязным бельем в контейнеры для сбора одежды как можно дальше от дома. Пропылесосила пол, собрала все возможные пуговицы от кофточек и спустила в унитаз все возможные остатки марихуаны.

Потому что она его мать. А первыми мы спасаем своих.

Когда пришли полицейские, она встретила их расправив плечи. Адвокаты говорили, что можно было возражать, тянуть время, осложнять работу следователей, что результаты обыска и экспертизы можно оспорить, поскольку заявление поступило спустя целую неделю после предполагаемого преступления. Но мать настаивала, чтобы полицейские вошли. Повторяла раз за разом, что их семье нечего скрывать, сама толком не понимая, кого она пытается в этом убедить – других или саму себя. Она никак не может согреться. Но она его мать. Так кого ей спасать в первую очередь?

Отец сидел на кухне, ставшей сейчас командным пунктом. Он кому-то звонил, в дом приходили все новые и новые мужчины. Все очень понимающие, участливые, разгневанные. Задетые за живое. Вынужденные обороняться. Готовые к войне – не потому, что выбрали ее сами: им кажется, у них просто нет выбора. Громче всех выступал друг его детства, Марио Лит:

– Знаете что? Родители этой девчонки могли прийти и поговорить с нами по-свойски. Без лишнего шума, не вынося сор из избы. Но нет, они ждали целую неделю, до самого финала, чтобы посильнее НАСОЛИТЬ нам! Если все это правда, почему они не пошли в полицию сразу? Зачем было ждать неделю? А? Сказать вам зачем? Потому что кому-то в этом городе не дает покоя зависть!

Он мог бы назвать «родителей этой девчонки» по фамилии. Андерсон. Но вышло бы не так эффектно. Ему не нужно продолжать – теория уже пошла расти сама собой:

– Так ведь и бывает, когда спортивный директор зарывается. Мы дали ему слишком много власти, а он, по ходу, решил, что владеет клубом. И теперь никак не может смириться с тем, что теряет свое влияние, а, что скажете? Ведь Кевин добился куда большего, чем он сам в свои лучшие годы, а правление и спонсоры наперекор его мнению потребовали, чтобы Суне уступил основную команду Давиду. Ведь так? И поэтому он решил вовлечь семью…

Когда Давид вернулся, у дома стояли трое мужчин, как на посту. Ночью, Давид знал, их сменят юниоры из команды. Словно дом нуждался в охране.

– Похоже на сцену из «Крестного отца», – пробормотал Давид.

Ответил ему Фрак – огромный мужик явно смутился и поэтому нарочито громко заржал:

– Не то слово, скажи? Можно подумать, дону Корлеоне нужна наша помощь. Будто бы от банды жирных спонсоров может быть хоть какая-то польза…

Он гоготал, похлопывая себя по животу, пытался придать своему голосу беспечность, но в конце концов сдался и, водрузив огромную лапищу Давиду на плечо, сказал:

– Да ладно, Давид, ну что ты, мы просто хотим поддержать вас. Ты же понимаешь? Мы просто хотим показать, что… мы команда. Ты же понимаешь, правда? Ведь я что хочу сказать… никто не знает Кевина лучше, чем ты. Господи, да ты же практически вырастил его, неужели твой

мальчишка способен на то, в чем его обвиняют? А? Твой-то мальчишка? Ты ведь понимаешь, зачем мы здесь?

Давид не ответил. Это не его работа. Не его дело. Ведь случись что, с кого ты начнешь? Если и вправду прижмет, кого ты спасешь первым? Чьим словам поверишь?

Кевин сидел на постели. Он казался совсем маленьким под постерами на стене, его толстовка – слишком большой. Он провел в полиции две ночи. Неважно, что там удобная кровать и вежливые сотрудники: когда слышишь, как на ночь снаружи запирают дверь, внутри тебя что-то меняется, уговаривал он себя. У него нет выбора, он не виноват, этого, можно сказать, вообще не случилось. Дом его родителей был битком набит людьми, которые помнят его еще ребенком. Они знают его. Всю жизнь он был особенным, избранным, с ним связывали исключительные ожидания. Поэтому они не верят, что он мог такое сделать, у них просто в голове не укладывается. Они его знают. Они его не подведут. А когда тебя поддерживает достаточно много людей, ты готов поверить почти каждому своему слову.

Вот что он пытался себе внушить.

Давид закрыл дверь, встал перед Кевином и заглянул ему в глаза. Десятки тысяч часов на льду, бесконечные выходные в автобусах, партии в покер и сэндвичи на заправках. Он только что был ребенком. Еще совсем недавно.

– Просто посмотри мне в глаза и скажи, что ты этого не делал. Я ни о чем тебя больше не прошу.

И Кевин посмотрел ему прямо в глаза. Плача, мотая головой. Шепнул, не вытирая щек:

– Я переспал с ней, но она сама захотела. Она попросила меня! Спроси кого хочешь из тех, кто был на вечеринке… черт, тренер… серьезно. Неужели ты думаешь, я мог бы кого-то изнасиловать? Зачем мне ЭТО?!

Все их тренировки на озере втроем – Давид, Кевин и Беньи, – пока остальные играли в ледовом дворце «против папаш». Все, чему он их научил. Все, что они делили. В следующем году они вместе перейдут во взрослую команду. С кого ты начнешь, если вода ледяная, а ты знаешь, что в лодке не хватит места на всех? Кем ты пожертвуешь в первую очередь? Кого будешь защищать до конца? Если Кевин признается, пострадает не он один. Пострадают все, кого он любит, внушал себе Давид.

Он сидел на кровати, обняв парня. Обещал, что все будет хорошо. Что

он никогда его не бросит. Что он им гордится. Лодку, возможно, болтало, но вода через борт не захлестывала. Ноги у всех были сухие. Кевин повернулся к тренеру и шепнул, как младшеклассник:

– Сегодня тренировка, да? Можно мне с вами?

На табуретке в спальне сидела мать и думала о чьем-то детстве. Как они с мужем, когда Кевину было лет десять-одиннадцать, возвращались из зарубежных поездок, а дома их ждал полный хаос. Отец всегда ругался, – он не понимал, насколько продуманным был этот беспорядок, однако мать скоро выявила в нем систему. Одни и те же вещи переставлены с места на место, одни и те же картины сдвинуты чуть вбок, в помойном ведре еда, которую выкинули из нескольких контейнеров и, судя по всему, одновременно.

Когда Кевин стал подростком и начал устраивать здесь вечеринки, мать возвращалась в дом, куда будто никто и не приходил. Но раньше, когда Кевин был маленький, когда он гордо заверял папу, что не боится оставаться один, ему приходилось прибегать сюда в последний вечер перед их возвращением и устраивать бардак во всем доме, чтобы никто не догадался, что все это время он ночевал у Беньи.

На стуле на кухне сидел отец. Его окружали друзья и деловые партнеры, они разговаривали, но он больше не слышал слов. Он знал: своим положением в этом городе, своим статусом в этой группе мужчин он обязан исключительно деньгам. Никто из пришедших сюда не играет в гольф с бедняками, он знал это, потому что сам когда-то был бедным. Всю жизнь он стремился к совершенству, но не из тщеславия – это была его стратегия выживания. Он никогда ничего не получал бесплатно, никогда не мог позволить себе выйти за рамки там, где позволительно детям, рожденным богатыми. В этом, верил он, и состоит причина его успеха – он всегда готов был вкалывать больше и сражаться яростнее, чем остальные. Неутомимо гнаться за совершенством во всем – другими словами, не довольствоваться достигнутым, не лениться. Такую жизнь нельзя жить вполсилы, работа и частная жизнь сливаются воедино, все становится отражением тебя самого. Даже дети. Любая трещина на фасаде может стать началом краха.

Возможно, он и хотел поговорить с Кевином, когда забирал его из полиции, но каждое слово превратилось в крик. Человек, который гордился тем, что никогда не выходит из себя, никогда не повышает голоса, орал так, что машину трясло. Возможно, он и хотел бы кричать о том, что случилось, но проще оказалось кричать о том почему:

– КАК, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ТЫ МОГ ТАК НАЖРАТЬСЯ ЗА НЕДЕЛЮ ДО ФИНАЛА?!

Проще говорить о причине, чем о самой проблеме. Для отца, работающего с цифрами, математика предлагала более приемлемую модель: если бы X не поступил определенным образом, Y никогда бы не произошло. Если бы Кевин не устроил вечеринку, нарушив данное родителям обещание, если бы он не пил, если бы не повел девушку в свою комнату, этой проблемы у них бы не возникло.

Но теперь у отца не было выбора. Нельзя, чтобы кто-то распространял ложь о его сыне, нельзя допустить, чтобы кто-то нападал на его семью. До того момента, когда в дело вмешалась полиция, когда они на глазах у всего города выдернули Кевина из автобуса, когда начали звонить журналисты из местной газеты, еще оставалась возможность решить дело мирно. Но теперь слишком поздно. Они перешли границу.

У отца есть предприятие, которое носит его имя, и, запятнав имя, они сломают жизнь всей семье. Он не мог позволить им победить, более того, он не мог позволить им существовать, поэтому просто навредить им мало. Он будет преследовать их с любым оружием, которое попадется ему под руку.

В этом доме никто больше не думал о том, что правильно, а что нет. Теперь здесь думали только о выживании.

Давид и Кевин все еще сидели на кровати, когда отец открыл дверь. Стоя перед ними, усталый и бледный, он ровным голосом объяснял:

– Я понимаю, что вы сейчас думаете только о хоккее, но, если вы хотите, чтобы в следующем сезоне тебе, Давид, было, кого тренировать, а тебе, Кевин, где играть, вы должны внимательно меня выслушать. Либо в клубе остается Петер Андерсон, либо вы – третьего не дано. Его дочь врет, у нее может быть на это сотня причин. Может, она переспала с тобой, потому что влюбилась, а поняв, что ее любовь безответна, выдумала это изнасилование. Может, ее отец прознал, что она переспала с тобой, и взбесился, и ей пришлось соврать, чтобы выглядеть невинной доченькой своих родителей. Кто знает. Девчонки в пятнадцать лет ведут себя непредсказуемо…

Давид и Кевин молча смотрели в пол. Они оба помнили, как Кевина звали играть во все крупные клубы, но он отказывался, потому что ему было страшно и он не хотел уезжать из дома и расставаться с Беньи. Тогда Давид уговорил отца оставить его в Бьорнстаде. Обещал, что мальчик будет развиваться тут ничуть не хуже, что он рано попадет во взрослую команду

и достигнет еще больших успехов, став профессионалом. Отец согласился, потому что взрослую команду должен был взять Давид, а еще это решение добавляло популярности его предприятию в коммуне. Кевин был парнем из Бьорнстада, его отец – мужиком из Бьорнстада, все это правильно. Отец вложил в него много денег. И вот теперь он указал на Кевина и серьезно проговорил:

– Все, игры кончились. Петер Андерсон выжидал целую неделю, потому что хотел, чтобы полиция ссадила тебя с этого автобуса. Он хотел, чтобы это видели все. Так что теперь либо он вытурит нас из клуба, либо мы все вместе вытурим его. Третьего не дано. Он объявил нам войну.

Давид молчал, он думал только о своей работе. О своей команде. О том, сколько часов они провели вместе. И никак не мог избавиться от одного-единственного воспоминания: как Петер стоял на парковке, когда полиция подъехала к автобусу. Стоял и ждал. Отец Кевина прав. Петер хотел увидеть это своими глазами.

Кевин открыл рот, не поднимая головы, он заговорил, и на пол закапали слезы и сопли:

– Кто-то должен поговорить с Аматом. Он… я ничего не сделал… вы же знаете, что я не виноват… но Амат мог подумать… он вошел в комнату, когда мы… она просто ИСПУГАЛАСЬ, понимаете? Она убежала, но Амат, наверно, подумал… ну понимаете.

Давид не поднимал глаз, потому что не хотел видеть, как смотрит на него отец Кевина.

38

Нет ничего труднее, чем признать собственное лицемерие.

Амат шел то по обочине, то по засыпанному снегом кювету, он замерз и промок, но голова отключилась гораздо раньше, чем окоченели ноги. На полпути между Хедом и Бьорнстадом мимо проехал старый «сааб» и остановился в десяти метрах перед ним. Его ждали, Амат шел медленно, впереди сидели два парня лет двадцати пяти – тридцати. Черные куртки, выжидающие взгляды. Он знал, кто это. Но не знал, что опаснее – смотреть им в глаза или отвести взгляд.

Несколько месяцев назад местная газета взяла интервью у одного игрока перед встречей его команды с основной командой бьорнстадского клуба. Игрок был с юга, почем ему было знать, – и когда журналист спросил, не пугают ли его слухи о «Группировке», лихих болельщиках из Бьорнстада, он сказал, что ему нет никакого дела до «горстки лесных гангстеров из вымершей деревни».

На следующий день автобус с его командой ехал по лесу, когда дорогу перегородили черные минивэны. Из-за деревьев вышли люди в масках и черных куртках, человек тридцать-сорок, вооруженных увесистыми сучьями. Они постояли минут десять, покуда команда мысленно готовилась к тому, что они разобьют дверь и ворвутся в автобус, но ничего не произошло. Лес так же внезапно поглотил их, машины освободили дорогу, и автобус мог ехать дальше.

Игрок, дававший интервью газете, задыхаясь, спросил тогда старшего товарища по команде: «Почему они ничего не сделали?» А тот ответил: «Они просто представились. Хотят, чтобы ты прикинул, что они могут сделать, когда наш автобус поедет обратно».

Тот матч «Бьорнстад» продул, но хоккеист, дававший интервью, играл из рук вон плохо. А вернувшись домой, обнаружил, что здесь уже кто-то побывал – разбил стекла его машины, запихнул в салон ветки и листья и поджег.

– Ты Амат? – спросил парень на водительском сиденье.

Амат кивнул. Водитель кивнул на заднюю дверь:

– Подвезти?

Амат не знал, что опаснее – согласиться или отказаться. Но в конце концов покачал головой. Однако парни в машине не обиделись, водитель

даже улыбнулся:

– Хорошо немного пройтись, да? Мы тебя поняли. Он переключил передачу, медленно отпустил сцепление, но прежде, чем уехать, высунулся в окно и добавил:

– Мы видели, как ты играл в полуфинале, Амат. Ты смелый. Когда ты и твои приятели перейдете в основную команду, мы снова устроим что-нибудь крутое. Настоящая бьорнстадская команда из настоящих бьорнстадских парней. Понимаешь? Ты, Беньи, Филип, Лит, Кевин.

Амат понимал: произнося имя Кевина, мужчины в машине пристально следили за выражением его лица. Для того-то они и остановились. Его подбородок дернулся, взгляд на долю секунды пересекся с их взглядами. Они увидели, что он понял.

Пожелали ему приятной прогулки и уехали.

Петер сидел у себя в кабинете перед черным монитором компьютера. Слова «правильный парень» не шли у него из головы. Он произносил их сто раз в сотне разных помещений, и сотни людей понимающе кивали ему, хотя, он знал, никто толком не смог бы объяснить, что они значат. Применительно к спорту. Имеется в виду, что твое поведение в обычной жизни отражается на твоей игре. А такое трудно признать. Потому что, если ты любишь спорт, да вообще что угодно, ты предпочел бы хранить его в стеклянном шаре. Чтобы было хотя бы одно место, которое навсегда останется неизменным, сколько бы ни менялся мир вокруг.

Именно поэтому Петер всегда утверждал: «Спорт не имеет отношения к политике». Как-то раз во время ссоры, несколько лет назад, Мира, естественно, фыркнула: «Никакого? А ледовые дворцы сами строятся, без политики? Думаешь, налоги платят только любители хоккея?»

Вскоре после этого произошел инцидент. Основная команда играла на чужом поле. Бьорнстадец разозлился и ударил противника клюшкой по голове. Противник, молодой многообещающий игрок, получил травму шеи и сотрясение мозга, на том его карьера и оборвалась. Бьорнстадца удалили до конца матча, но не дисквалифицировали.

Когда он уходил с поля, к нему подошли двое: помощник тренера другой команды и их спонсор. Разразилась стихийная драка, игрок ударил тренера по лицу перчаткой, а спонсор сорвал с игрока шлем и попытался стукнуть по голове, но тот двинул ему клюшкой по колену, и спонсор упал. Ни один из участников не получил серьезных травм, но на игрока завели дело о нанесении побоев и наложили штраф в виде удержания доли ежедневного дохода.

Петер помнил эту историю, потому что Мира потом весь сезон то и дело к ней возвращалась: «Значит, если драка произошла в трех метрах от площадки, то заявить в полицию можно? А когда тот же самый человек полминуты назад во время матча лупит двадцатилетнего мальчишку по голове, то достаточно просто отстранить его от игры – пусть посидит немного и подумает о своем поведении?» – возмущалась она.

У Петера не было шансов выиграть этот спор, потому что он не хотел говорить то, что на самом деле думал: на самом деле, считал он, о происшествии в коридоре заявлять в полицию тоже не следовало. Не потому, что он одобрял насилие или хоть как-то оправдывал поведение игрока, а потому, что хоккей, по его мнению, должен сам решать свои проблемы. Внутри этого самого шара.

Человеку, равнодушному к спорту, этого не объяснишь, так ему всегда казалось. Но теперь Петер и сам не был уверен, что по-прежнему верит в это. И не понимал, как это его характеризует.

Признать свое лицемерие – невероятно трудно.

Генеральный директор вытер ладони о брюки: пот катился по спине, подбираясь к копчику. Он весь день проговорил по телефону, тянул до последнего, но теперь деваться было некуда. Слишком многие грозили забрать свои деньги, слишком многие собрались отозвать свое членство, и все спрашивали одно и то же: «Ты вообще на чьей стороне?»

Словно хоккейный клуб должен выбирать сторону. Директор гордился, что представляет общественную организацию, не связанную ни с какой идеологией, религией и прочими убеждениями. Он не верил в Бога, но верил в спорт и в объединяющую силу хоккейного клуба, именно потому, что тот позиционирует себя как хоккейный клуб. Трибуны – уникальное место, на протяжении многих недель, что длится сезон, здесь находят общий язык богатые и бедные, представители высших и низших слоев, правые и левые. Где еще нынче такое возможно? Сколько трудных парней хоккей спас от зависимостей и тюрьмы? Сколько денег спорт приносит обществу? Почему все плохое – это «проблемы хоккея», а все хорошее – заслуга кого-то еще? Директора бесило, что люди не понимают, сколько труда приходится вкладывать в клуб. Даже в ООН не требуется столько дипломатии, как здесь.

Снова зазвонил телефон. Снова и снова. Наконец директор встал, вышел в коридор, стараясь дышать спокойно, несмотря на щемящее чувство в груди. Потом приоткрыл дверь в кабинет Петера и тихо сказал:

– Петер, ты лучше иди пока домой. Пока все это… не уляжется…

Петер сидел за столом, не глядя на него. Он уже сложил свои вещи в коробки. Даже компьютер не включал. Просто сидел и ждал.

– Это лично ты так считаешь или просто боишься, что скажут другие?

Директор наморщил лоб:

– Черт возьми, Петер, ты же отлично понимаешь, я считаю, что эта… ситуация… кошмарная! Просто кошмарная! То, что… что пережила твоя дочь…

Петер встал.

– Мая. Можешь называть ее по имени. Ты каждый год приходишь на ее день рождения. Ты научил ее кататься на велосипеде, забыл? Вот прямо здесь, возле ледового дворца.

– Я просто хочу… прошу тебя, Петер… правление просто пытается подойти к этому… ответственно…

Брови Петера вздрагивают – единственное физическое проявление невыносимой огненной стихии, сжигающей его изнутри.

– Ответственно? Позволь, я угадаю. Правление хотело бы, чтобы мы решили это «между собой», без лишнего шума? Чтобы не привлекали полицию и СМИ, а просто «посмотрели друг другу в глаза и все обсудили»? Примерно это тебе говорили сегодня по телефону? Но мою дочь ИЗНАСИЛОВАЛИ! Как можно решить такое МЕЖДУ СОБОЙ?!

Петер подхватил свои коробки и вышел в коридор. Директор пропустил его, потом откашлялся и сказал:

– В этом деле нет доказательств. Слово одной стороны против слова другой, Петер. Я… мы обязаны в первую очередь думать о клубе. Ты как никто другой должен понимать это. Клуб не может высказывать свое мнение…

Петер ответил, не оборачиваясь:

– Клуб уже высказал свое мнение. Только что.

Коробки он уложил в багажник, но машину оставил на парковке. И медленно пошел через город, сам не зная куда.

Директор школы едва успел повесить трубку, как снова раздался звонок. Звонок за звонком, родитель за родителем. Что они хотят услышать? Чего они ждут? Это полицейское расследование, пусть этим занимается суд, а лично с него и школы довольно. Мать девочки – адвокат, отец мальчика – один из самых могущественных людей в городе, слова истца против слов ответчика. Кто встанет между ними? Едва ли это задача школы. Так что директор повторял одно и то же, раз за разом, всем, с кем говорил:

– Пожалуйста, не превращайте это в политику. Что бы вы ни затевали, политика тут ни при чем!

Хорошо иметь брата в охранном предприятии – благодаря частым ложным вызовам по ночам Жанетт кое-что узнала об архитектурных особенностях школьного здания. Например, что на последнем этаже есть закуток с лестницей, через которую трубочисты выходят на крышу. Там, за вентиляционной шахтой прямо над столовой, учитель может выкурить сигаретку, не рискуя нарваться ни на директора, ни на учеников. В некоторые дни иметь такое прибежище особенно важно.

Оттуда Жанетт и заметила Беньи. Сразу после обеда он прошел через школьный двор. Остальные игроки из команды юниоров прогуливали уроки, чтобы быть рядом с Кевином, а раз Беньи добровольно остался здесь, значит, он хочет не того, чего хотят другие.

Ана сидела одна в классе, где все говорили только о Мае и Кевине. Мая сидела одна в другом классе, где вообще никто не разговаривал. Она видела, как одноклассники перекидываются записками, видела, как они тайком возят пальцем по телефону под партой.

Такой Мая останется для них навсегда: в лучшем случае девчонкой, которую изнасиловали, в худшем – девчонкой, которая солгала. Они никогда не позволят ей стать кем-то другим. Везде, где бы она ни появилась, – в любом помещении, на любой улице, в продуктовом магазине и в ледовом дворце – на нее будут смотреть как на взрывное устройство. К ней не посмеют прикоснуться даже те, кто ей поверил, в страхе, что их заденет осколками при взрыве. Они будут шарахаться, замолкать, отворачиваться. Мечтать, чтобы она просто исчезла, чтобы ее вовсе здесь не было. Не потому, что ее ненавидят, ведь ненавидели далеко не все: не все писали «шлюха» на ее шкафчике, не все оказались способны на изнасилование, не все были плохие. Но все молчали. Потому что так проще.

Она поднялась среди урока и покинула класс. Даже учитель не возражал. Пересекла пустой коридор, зашла в туалет, встала перед зеркалом и со всей силы ударила кулаком по стеклу. Зеркало треснуло, болевой импульс достиг мозга только через несколько секунд, она заметила кровь прежде, чем почувствовала боль.

Беньи видел, как она вошла в туалет. До последнего пытался убедить себя пойти в другую сторону. Смолчать. Не вмешиваться. Но тут раздался удар, за ним треск и звон осколков, падающих в фаянсовую раковину.

Беньи разбил слишком много зеркал, чтобы не узнать эти звуки.

Он постучал. Она не открыла.

– Я могу вышибить ее, а можешь открыть сама, тебе решать.

Она стояла, обмотав руку туалетной бумагой. Бумага медленно пропитывалась красным. Беньи закрыл за собой дверь, кивнул на зеркало:

– Плохая примета.

Мае наверно следовало бы испугаться, но у нее не было на это сил. Она даже ненависти не испытывала. Она вообще ничего не чувствовала.

– Похоже, мне терять нечего.

Беньи засунул руки в карманы. Они стояли молча – жертва и лучший друг. Шлюха и брат. Мая откашлялась, чтобы подавить рыдание, и сказала:

– Мне плевать, что ты хочешь. Я понимаю, что ты меня ненавидишь. Ты думаешь, я наврала и подставила твоего лучшего друга. Но ты ошибаешься. Ты чудовищно ошибаешься.

Беньи вынул руки из карманов, осторожно взял несколько осколков из раковины и кинул в мусорное ведро.

– Это ты ошибаешься.

– Иди в жопу, – прошипела Мая и направилась к двери; Беньи отскочил, чтобы ей не пришлось с ним соприкоснуться. Лишь спустя очень много времени она поймет, сколько уважения было в этом жесте.

Беньи говорил тихо – она сперва подумала, что ей послышалось:

– Это ты ошибаешься, Мая. Зря ты считаешь, что он все еще мой лучший друг.

До следующего урока у Жанетт оставалось полчаса, и, пока в коридоре было пусто, она решила забежать в туалет смыть с пальцев запах табака. Но замерла на месте при виде Маи, заплаканной, с окровавленными руками, как будто она что-то разбила. Не замечая учительницы, девочка бросилась к выходу.

В следующий миг туалет наполнил грохот: раковина сорвалась с кронштейнов и рухнула на пол, унитаз разлетелся вдребезги, мусорное ведро отправилось прямо в окно. В коридор высыпали взрослые и дети, но к тому времени внутри туалета все уже было методично уничтожено. Усилиями директора, завхоза и учителя физкультуры Беньи схватили и вывели из туалета.

Впоследствии в школе объяснят, что «у ученика с длинной и хорошо задокументированной историей агрессивного поведения просто случился нервный срыв». Скажут, оно и понятно, «учитывая его отношения с одноклассником, обвиненным в… ну… сами знаете».

Жанетт глядела на разгром, встретилась взглядом с Беньи, смотрела, как его уводят. Мальчик расколошматил сортир и не моргнув глазом принял наказание – отстранение от занятий и обязательство компенсировать ущерб, – лишь бы никто не узнал, что это Мая разбила зеркало. Она пролила достаточно крови, решил он. Из взрослых об этом знала только Жанетт, но она никому ничего не скажет. Она умеет хранить тайны.

Жанетт снова поднялась на крышу. И выкурила целую пачку.

Мира сидела у себя в кабинете, с головой зарывшись в выписки из дел о сексуальных преступлениях, она постоянно консультировалась с коллегами, она готовилась к войне. Гнев, горе, бессилие, жажда мести, ненависть, тревога, ужас – она чувствовала все сразу. Но услышав вибрацию телефона и увидев на экране имя дочери, сразу обо всем забыла. Три слова. «Можешь приехать домой?» Еще никогда ни одна мать не мчалась быстрее по этой глуши.

Мая сидела на полу ванной, смывая кровь с руки, и тут все, что копилось в ней все эти дни, наконец прорвалось наружу. Все, что она пыталась сдержать, стиснув зубы, все, что скрывала ради тех, кого любит, чтобы им не было так же больно, как ей. Она не может терпеть и их боль тоже. Еще и вины за чужое горе ей не вынести.

– Я не хочу, чтобы эти гады видели мою кровь… – шептала она маме.

– Иногда это необходимо. Чтобы они поняли, что ты – человек, – сквозь слезы говорила мама, крепко сжимая дочь в объятиях.

39

Что такое общество?

Амат заметил ее издалека. Такой дорогой машины ни у кого в Низине нет, и никто из тех, у кого есть такая машина, просто так в Низину не приедет. Из машины вышел водитель, уверенный в себе, плечи расправлены.

– Здорово, Амат. Знаешь, кто я?

Амат кивнул:

– Вы отец Кевина.

Отец Кевина улыбнулся. Посмотрел на Амата. Заметил, как мальчик поглядывает на его часы, считает, наверно, сколько зарплат его матери потребуется, чтобы такие купить. Глядя на машину, размышляет, какую комплектацию выбрал ее владелец. Отец Кевина помнил себя в этом возрасте, когда у него у самого не было ни гроша и он ненавидел всех, кто хоть что-то имел. Помнил, как воображал, будто владеет роскошной виллой, и мысленно обставлял ее эксклюзивной мебелью из каталога, который стащил из магазина, откуда его выгнали продавцы.

– Мы можем поговорить, Амат? Наедине… как мужчина с мужчиной?

Фрак сидел у себя в кабинете в глубине супермаркета. Стул скрипел под его массивным телом, ладонь подпирала лоб. Голос в трубке был грустный, но без сострадания:

– Ничего личного, Фрак. Но ты же понимаешь, мы не можем открыть в Бьорнстаде хоккейную гимназию после… всего этого. Нельзя, чтобы в СМИ это выглядело так, будто… ну ты понял.

Человек на другом конце провода – политик муниципального уровня, Фрак – предприниматель, но еще это мальчишки, которые когда-то вместе гоняли шайбу на озере. Иногда их разговоры звучат официально, иногда неофициально, сегодня – нечто среднее между тем и другим.

– Я отвечаю перед коммуной, Фрак. И перед партией. Ты же понимаешь?

Фрак понимал. Он всегда верил в сложные вопросы и простые ответы. Что такое предприятие? Это идея. Что такое город? Общность. Деньги? Возможности. У него за спиной, через стенку, кто-то стучал молотком. Фрак расширял свой магазин, потому что рост – это выживание.

Предприниматель, который не идет вперед, не стоит на месте, а двигается назад.

– Ну все, давай, Фрак, у меня совещание, – извинился голос на том конце.

Фрак повесил трубку. Идеи больше нет. Хоккейной гимназии не будет. Что это значит? Когда Фрак был молод, в Бьорнстаде существовало три школы, теперь осталась одна. Если хоккейную гимназию откроют в Хеде, много ли пройдет времени, прежде чем закроют последнюю школу в Бьорнстаде? Если лучшие здешние юниоры будут целыми днями тренироваться в Хеде, по вечерам они скорее станут играть в хедской взрослой команде. Если бьорнстадская основная команда не сможет набирать лучших местных игроков, клубу конец. Ледовый дворец перестанут ремонтировать, не будет новых рабочих мест, которые могли бы стать естественным шагом к другим новшествам: конференц-залу и торговому центру, новому промпарку, удобным подъездным дорогам к автостраде и даже, кто знает, аэропорту.

Что такое хоккейный клуб? Может, Фрак и наивный романтик, как часто говорит его жена, но благодаря хоккейному клубу, считает он, все в городе раз в неделю вспоминают, что у них общего, а не то, что их друг от друга отличает. Хоккейный клуб – доказательство, что они могут сотрудничать и достичь чего-то большего. Клуб учит их мечтать.

Фрак верил в сложные вопросы и простые ответы. Что будет с городом, который перестанет расти? Он умрет.

Петер зашел в магазин. Все его заметили, но никто не видел. При его приближении все расходились – сотрудники и посетители, молодые и старые, друзья детства и соседи. Исчезали за стеллажами, в проходах, утыкались в свои списки и сравнивали ценники. Лишь один человек смотрел прямо на него.

Фрак стоял в дверях своего кабинета. Что такое спортивный директор? Что такое капитан команды? Что такое друг детства? Фрак неуверенно занес ногу, открыл рот, чтобы что-то крикнуть, но Петер остановил его взглядом. Он никогда не узнает, как Мая, завидев в столовой Ану, предупредила подругу взглядом, чтобы оградить ее от ненависти окружающих. Не подозревая об этом, Петер сделал то же самое.

Уходя в кабинет и закрывая за собой дверь, Фрак испытывал тот же стыд, что знаком каждому другу. Стыдиться в их городе умеют. Этому здесь учатся с младых ногтей.

Ответа отец Кевина не ждал, он потер руки и рассмеялся:

– Март, а холодно, никак к этому не привыкну. Давай сядем в машину?

Амат молча сел, осторожно закрыл дверь, словно боясь ее сломать. В салоне пахло кожей и туалетной водой. Отец Кевина смотрел на дома.

– Я вырос в доме, очень похожем на этот. Только мой, кажется, был этажом выше. Отец с вами не живет, да?

Он спросил прямо и просто. Так же, как привык проворачивать дела.

– Он погиб на войне, когда я только родился, – ответил Амат и заморгал чуть чаще. Отец Кевина это заметил, хотя смотрел в другую сторону.

– Моя мать тоже одна нас воспитывала. Меня и еще трех братьев. Жесть, да? Я слышал, у твоей матери проблемы со спиной?

Амат отвернулся, чтобы не показать, как задергалась бровь, но собеседник все равно заметил. И участливо продолжал:

– Я знаю хорошего физиотерапевта. Я договорюсь, чтобы он принял ее.

– Спасибо, – пробормотал мальчик, не поднимая глаз.

Отец Кевина только энергично развел руками.

– Странно, что никто ей до сих пор с этим не помог. Ведь кто-то из клуба мог бы спросить ее, как она себя чувствует, тебе не кажется? Ведь она довольно давно там работает, нет?

– С тех пор, как мы здесь живем, – подтвердил Амат.

– Мы должны помогать друг другу, Амат, правда же? Это наш город, наш клуб, мы должны заботиться друг о друге, – сказал отец Кевина и протянул ему визитку.

– Это телефон физиотерапевта? – спросил Амат.

– Нет, начальника отдела кадров на одном предприятии в Хеде. Скажи маме, пусть позвонит и съездит на собеседование. Офисная работа, никакой уборки. Несложное администрирование, ведение документации и прочее. Она ведь нормально знает язык?

Амат кивнул чуть раньше, чем нужно, чуть охотнее, чем ему бы хотелось.

– Да! Да… да… конечно!

– Вот и славно. Просто позвоните, – сказал отец Кевина.

И замолчал. Как будто это все, что ему было нужно.

Что такое Группировка? Если вы их спросите, они ответят: «Ничего». Никакой Группировки нет. Мужчин, сидящих за столом в «Шкуре», ничто

не объединяет, кроме того, что они все – мужчины. Самому старшему за сорок, младшие еще не достигли совершеннолетия. На шеях у некоторых наколот медведь, у некоторых медведь на руках, у кого-то вообще нет татуировок. У кого-то хорошая работа, у кого-то плохая, кто-то вообще не работает. У некоторых семьи, дети, кто-то выплачивает проценты по кредитам и путешествует, кто-то живет один и никогда не уезжал из Бьорнстада. Потому-то полиции так трудно идентифицировать их как Группировку: в них есть нечто общее, только когда они вместе. Стоит им отойти друг от друга на метр, и каждый – сам по себе.

А что такое клуб? Если вы спросите, они ответят – он их. Он принадлежит им, а не хрычам, что приходят на матчи в пиджаках, не спонсорам, не правлению, не генеральному и не спортивному директорам. Все эти люди заменимы. Один сезон – и на их место придут другие, но клуб останется, и Группировка тоже. Те, кого нет, и, те, кто останется навсегда.

Они не всегда опасны. Дерутся редко – если нет матча и поблизости не видно болельщиков противника. Однако время от времени напоминают, чей это клуб. И что будет, если его существование окажется под угрозой.

Рамона стояла в баре. За ее столиком сидели мужчины в черных куртках. Заботливее их нет никого, они приносят ей продукты и меняют лампочки в квартире, прежде чем она успевает их об этом попросить. Но когда она однажды поинтересовалась, за что они так ненавидят Петера, их взгляды потемнели и один из них сказал: «Этому уроду хоккей достался даром. Ему никогда не нужно было бороться. Поэтому он боится, бегает у спонсоров на поводке, думает об их сраных брендах, а не о том, что лучше для клуба. Все знают, что он вырос на стоячих местах, но, когда спонсоры хотят вытурить нас оттуда и заменить стоячие секторы креслами для толстожопой публики, он не смеет и вякнуть. Все знают, что он любит Суне, как родного отца, и не хочет, чтобы Давид брал основную команду, но он и рта не раскроет, чтобы его защитить. И это называется мужик? Как мы можем позволить ему быть спортивным директором нашего клуба?»

Рамона тогда пристально посмотрела на них и прошипела: «А сами-то хороши. Есть в городе хоть кто-нибудь, кто посмеет пойти против вас? По-вашему, это значит, что вы всегда правы?»

Они замолчали. И Рамона вполне могла бы почувствовать гордость. Если бы в маленькое, выходящее на улицу окошко не заметила Петера. Тот шел медленно, будто сам не зная куда. В руке – пакет с продуктами. Неуверенно остановился, заглянул в окно.

Рамона вполне могла пригласить его зайти. Угостить кофе. Это же так просто. Но она посмотрела по сторонам, на мужчин за столом. Пригласить Петера было просто, но именно сейчас, именно в этом городе гораздо проще этого не делать.

Какого размера мир, когда тебе двенадцать? Одновременно бескраен и ничтожно мал. Это твои самые немыслимые мечты, и в то же время – тесная раздевалка ледового дворца. Лео сидел на скамейке. На свитере красовался большой медведь. На Лео никто не смотрел, но его видели все. Стоило ему сесть на скамью, как лучшие друзья перешли на другую. За всю тренировку ему не отдали ни одного паса. Он бы хотел, чтобы его хитанули и прижали к борту. Чтобы его одежду выкинули на пол душевой. Чтобы даже крикнули что-нибудь ужасное про его сестру.

Лишь бы не это молчание.

Пальцы Амата теребили края визитки. Отец Кевина поглядел на часы, как будто спешит, улыбнулся, как будто разговор окончен. Амат уже потянулся к ручке двери, но вдруг отец Кевина отечески хлопнул его по плечу и сказал так, словно его только что осенило:

– Слушай, вот еще что… На той вечеринке, у моего сына… Ты думаешь, будто что-то видел, Амат. Но я полагаю, ты понимаешь, что все знают, сколько ты тогда выпил, не так ли?

Карточка выдала его дрожь. Отец Кевина накрыл ладонью его руку.

– Когда выпьешь, можно всякого напридумывать, Амат, но это не значит, что так оно и было. Каких глупостей люди не наделают по пьяному делу. Уж поверь мне, я в свое время тоже зажигал!

Отец Кевина рассмеялся, тепло и беззлобно. Амат не сводил глаз с карточки. Имя начальника отдела кадров, большая фирма, другая жизнь.

– Тебе нравится Мая? – спросил отец Кевина так внезапно, что Амат кивнул, не успев подумать.

Он еще никому в этом не признавался. Слезы подступили к глазам. Мягко придерживая его руку, отец Кевина продолжил:

– Она жутко подставила вас – тебя и Кевина. Жутко подставила. И ты думаешь, ей есть до тебя дело, Амат? Стала бы она так себя вести, если бы думала о тебе? Сейчас тебе еще не понять, но девочки требуют к себе больше внимания, чем мальчики. Ради этого они совершают очень странные поступки. Они сплетничают и распространяют слухи, – мужчины этим не занимаются. Мужчины смотрят друг другу в глаза и решают свои

проблемы, не вмешивая в это других. Ведь так?

Амат искоса глянул на него. Прикусив губу, кивнул. Отец Кевина доверительно склонился и прошептал:

– Эта девчонка выбрала Кевина. Но поверь мне, скоро она пожалеет, что выбрала не тебя. Когда ты попадешь в основную команду, когда станешь профессионалом, вот тогда-то все девчонки будут твои. И ты поймешь, что далеко не каждой можно доверять. Они как вирус.

Амат молчал, чувствуя его тяжелую руку на своем плече.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Амат?

Мальчик покачал головой. От вспотевших пальцев по карточке расплывались влажные пятна. Отец Кевина достал бумажник и протянул пять тысячных купюр.

– Я слышал, тебе нужны новые коньки. В дальнейшем, если тебе что-то понадобится, просто звони. В этом городе, в этом клубе мы друг друга не бросаем.

Амат взял купюры, обернул их вокруг карточки, открыл дверь и вышел. Отец Кевина опустил стекло и крикнул ему вслед:

– Я знаю, что тренировка сегодня необязательная, но хорошо бы ты пришел. Команда должна держаться вместе, правда? В этом мире в одиночку ничего не добьешься, Амат!

Мальчик обещал прийти. Мужчина засмеялся, потом свирепо нахмурился, втянул голову в плечи и зарычал:

– Мы медведи, мы медведи из Бьорнстада!

Дорогой автомобиль развернулся и исчез. На другом конце парковки стоял другой автомобиль, намного дешевле, – старый «сааб» с поднятым капотом. Владелец, молодой человек в черной куртке и наколкой в виде медведя на шее, возился с двигателем.

Он словно не замечал ни дорогой машины, ни мальчика, который остался стоять возле домов. Когда отец Кевина уехал, Амат что-то выронил на снег. Потом долго стоял, глядя под ноги так, словно до последнего раздумывал, поднимать или нет. Наконец вытер лицо тыльной стороной кисти и скрылся в одном из подъездов.

Молодой человек выждал с минуту, потом оставил «сааб», подошел к тому месту, где стоял мальчик, и подобрал пять тысяч крон. Купюры были мятые – их слишком сильно сжимал потный кулак.

Мужчина положил деньги в карман черной куртки.

Амат закрыл за собой дверь квартиры. Посмотрел на визитку, спрятал ее в своей комнате и взял коньки. Они ему были уже малы и совсем облезли. Он точно знал, какую модель он мог бы купить за пять тысяч крон. Все дети в Низине знают цену вещей, которых не могут себе позволить. Он сложил сумку и вышел, сбежал по лестнице, открыл дверь подъезда.

Деньги исчезли. Он уже никогда не поймет, что тогда почувствовал, досаду или облегчение.

Петер стоял на тихой улице. Отсюда было видно крышу ледового дворца. Что такое дом? Это место, которое принадлежит тебе. Может ли быть домом место, где тебя больше не ждут? Он не знал. Сегодня вечером они поговорят с Мирой, она скажет: «Я легко найду работу где угодно», и Петер кивнет. Хотя ему где угодно работу не найти. Они будут обсуждать переезд, и он всерьез решит, что попытается оставить хоккей навсегда.

Петер ничего не заметил, но, когда он тронулся с места, мимо него проехал старый «сааб».

Мира вышла вынести мусор. Это обязанность дочери, так они уговорились, когда Мае подарили гитару, но сейчас все было иначе. Даже лето не излечит ее девочку от страха темноты.

Из окна соседей пахло свежим кофе. Когда они только переехали в Бьорнстад, Миру достал этот кофе. «Кофе, кофе, кофе… они тут что, только кофе пьют?» – жаловалась она Петеру. А Петер пожимал плечами и говорил: «Так они показывают, что хотят с тобой дружить. Ведь непросто сказать: «Можно я буду твоим другом?» Куда проще: «Хочешь кофе?» В этом городе… нда… как бы тебе объяснить? В этом городе верят в сложные вопросы и простые ответы…»

Мира привыкла. Привыкла понимать все, что тебе хотят сказать, предлагая что-нибудь выпить. Вместо «спасибо», или «прости», или «я на твоей стороне» они говорят: «Хочешь кофе?» Или: «Угостить тебя пивом?» Или: «Две рюмашки за мой счет».

Мира бросила мусор в контейнер. В окнах соседей горел свет. Двери были закрыты.

Давид вывел команду из раздевалки на улицу, сегодня они будут тренироваться в лесу. Он заставил их отжиматься, и никто не старался так, как Бубу. Мальчишка в следующем сезоне, возможно, и играть-то не будет – в юниоры он уже не пройдет по возрасту, а до старшей команды не

дотягивает, но сегодня он пришел сам и выкладывался по полной. Давид заставил их бегать, и Филип всякий раз приходил первым. В следующем сезоне этот мальчик выстрелит, и все увидят, на что он способен. Они скажут: «Он вырос за ночь». Да, конечно, не считая того, что с пяти лет он вкалывал каждый день, не считая того, что он и его мама отдали хоккею все. «Вырос за ночь». Как же. Человек жизнь на это положил.

Давид заставил их перетягивать канат, и Лит чуть плечо не вывернул от усердия. А Амат? Амат не говорил ни слова, но выполнял все упражнения, все, что ему велели.

Генеральный директор стоял на опушке, достаточно близко, чтобы все видеть, но достаточно далеко, чтобы его заметили. Он вспотел. На парковку перед ледовым дворцом въехал большой автомобиль, из него вышли Кевин и его отец, который до сих пор на тренировках никогда не показывался. Кевин был уже в форме, он побежал к товарищам, по лесу разнеслось ликование – его чествовали, как короля.

Генеральный директор стоял на краю опушки, Давид стоял среди своих парней и жал руку отцу Кевина. Взгляды директора и тренера на секунду пересеклись, несмотря на расстояние, затем директор повернулся и отправился обратно, к себе в кабинет.

Если бы Кевин явился в ледовый дворец, встал бы вопрос о принципах и последствиях. Директору, вероятно, пришлось бы попросить его посидеть дома, «пока все не успокоится». Но никто не может помешать парню тренироваться в лесу.

Так уговаривал себя каждый.

В другой части города, из частного дома на Холме вышла мама Кевина с мусорным пакетом в руке. Заплаканная, от усталости и всего остального, – но свежий макияж скрыл следы слез. Она открыла контейнер, спина прямая, взгляд решительный. В окнах соседних домов горел свет.

Где-то открылась дверь. Чей-то голос позвал:

– Не хочешь выпить кофе?

Потом открылась дверь в другом доме. И еще в одном. И еще в одном.

Сложные вопросы, простые ответы. Что такое общество?

Это сумма наших решений.

40

Есть одна старая поговорка, которую любят повторять все тренеры. «Когда один человек идет в лес, а другие идут за ним – это лидерство. А если он идет в лес один – это прогулка».

Петер вошел в дом. Молоко убрал в холодильник, хлеб положил на стол, ключ от машины кинул в вазу. И только тут вспомнил, что оставил машину у ледового дворца. Спокойно представил себе, как завтра обнаружит сгоревший каркас с обугленными ветками внутри. Взял ключи, сорвал брелок, ключи положил обратно, брелок выбросил в помойное ведро.

На кухню заглянула Мира. Встала на его ступни, он, медленно танцуя с ней, шепнул ей на ухо:

– Мы можем уехать. Ты легко найдешь работу везде.

– А ты – нет, дорогой. Работу с хоккеем не везде найдешь.

Он и сам это знал. Отлично знал. Но никогда еще не был так уверен:

– Ты переехала сюда ради меня. Я могу уехать отсюда ради нее.

Мира взяла его лицо в ладони. Заметила ключи в вазе. Сколько она его знала, он всегда носил все свои ключи на брелоке в виде медведя. Теперь – нет.

Ана сидела на кровати, комната была точно чужая. В пылу злости, обиды, что дочь не захотела уехать с ней после развода, мать говорила, что Ана – «классический пример созависимости». Ана не смогла бросить отца, зная, что ему без нее не выжить. Может, и так. Ане всегда хотелось быть рядом с ним – не потому, что он ее понимал, а потому, что он понимал лес. Лес был ее страстью, а лучше отца лес не знал никто, и не было в Бьорнстаде лучшего охотника, чем он. В детстве она не спала по ночам, лежала в постели, одетая, надеясь, что зазвонит телефон. Когда где-то на дороге сбивали животное и шофер сообщал в полицию, что зверь ранен и скрылся в лесу, звонили ее отцу.

Его мрачность, его упрямство и немногословность были не лучшими качествами в повседневной жизни, но идеально подходили для леса. «Можете сидеть тут вместе и молчать до конца жизни!» – уходя, крикнула мама. И они остались сидеть и молчать. Потому что не видели в этом ничего плохого.

Ана отлично помнила, как в детстве упрашивала папу взять ее с собой в лес, но так ни разу его не уломала. Всегда было либо слишком опасно, либо слишком поздно, либо слишком холодно. Она знала: это значило, что он выпил. Дочери в лесу он всегда доверял, а себе – нет.

Адри обходила питомник, раздавая собакам еду. Заметила в подсобке, переделанной под качалку, Беньи: на полу лежат костыли, сам – под штангой. Она уже ничему не удивлялась, но за сегодняшний вечер ее сумасшедший брат выжал какой-то немыслимый вес. Она знала, что у команды сегодня дополнительная тренировка, в городе говорили, что они бегают в лесу. И что Кевин тоже там.

Но Адри не стала спрашивать, почему Беньи предпочел тренироваться один. Она не из приставучих сестер. Хотя Бьорнстад и не родной ее город, все равно она – бьорнстадская девчонка. Суровая, как лес, непрошибаемая, как лед. Много работает, мало говорит.

Ана стояла у себя в комнате, перед зеркалом, голая. Считала. У нее это всегда хорошо получалось. С первого класса она была лучшей в классе по математике. В детстве она считала все – камни, травинки, деревья в лесу, следы на земле, пустые бутылки под раковиной после выходных, веснушки у Маи, даже вдохи. Иногда, в самом мрачном настроении, она считала шрамы. Но в основном – свои недостатки. Указывала, стоя перед зеркалом, на все, что в ней не так. Порой это сильно облегчало жизнь: она успевала сама себе назвать вслух всё, прежде чем кто-нибудь сделает это в школе.

В дверь постучал отец. Он не заходил к ней уже многие годы. С тех пор как мама уехала, они жили каждый на своем этаже, каждый в своем мире. Ана оделась и с удивлением открыла. Отец стоял перед дверью в отчаянии. Не в пьяном отчаянии, не тот грустный одинокий мужчина, который часто не спал по ночам. Трезвый. Он протянул руку, не решаясь коснуться дочери, словно не знал, как выразить свою тревогу. Медленно произнес:

– Я говорил тут кое с кем из наших охотников. Хоккейный клуб устраивает общее собрание. Группа родителей и спонсоров потребовала переизбрания Петера.

– …Петера? – повторила Ана, не сразу понимая услышанное.

– Хотят потребовать его увольнения.

– Что? ПОЧЕМУ?

– Заявление поступило в полицию через неделю после вечеринки. Некоторые утверждают, что… это…

Он не мог произнести слово «изнасилование» в присутствии дочери, не хотел, чтобы она увидела, какое для него облегчение и радость, что не она оказалась на месте Маи. Боялся, что она его за это возненавидит. Ана стукнула кулаками по кровати.

– Клевета? Они говорят, что это клевета? Неужели они думают, что Петер специально ждал неделю, чтобы засадить КЕВИНА за решетку? То есть это КЕВИН – гребаная ЖЕРТВА?!

Отец кивнул. Он так долго стоял в дверях, что растерял все слова, и в конце концов у него получилось сказать только:

– Я пожарил котлеты из лосятины. Они на плите. Он закрыл дверь и ушел вниз.

В тот вечер Ана звонила Мае раз сто. И понимала, почему та не отвечает. Знала – Мая ее ненавидит. А ведь Мая это и предсказывала. Она была единственной пострадавшей от Кевина, покуда не призналась. А теперь от него страдали все, кого Мая любит.

В дверь позвонили, Петер открыл. Это был генеральный директор. Такой опечаленный, такой жалкий, потный и грязный, такой вымотанный и измученный, что Петер не мог себя заставить даже презирать его.

– Будет собрание. Если члены клуба потребуют, чтобы правление тебя уволило… то… тут я бессилен, Петер. Но ты можешь прийти и высказаться. Это твое право.

В коридор вышла девочка и встала у отца за спиной. Петер протянул было руку, словно желая защитить ее, но девочка спокойно отвела ее в сторону. Она стояла на пороге и смотрела директору прямо в глаза. Он не отвел взгляда.

Хотя бы так.

Было уже поздно, когда в дверь Адри постучали костылем. Перед ней стоял Беньи, его руки дрожали от мышечной боли. Адри знала, что, тренируясь, нормальные люди проходят три стадии: когда боль терпишь, когда учишься получать от нее удовольствие и когда ее желаешь. У брата это все далеко позади. Он не может без боли. Он стал от нее зависим. Без боли ему не выжить.

– Не подвезешь? – спросил он.

Ей о многом хотелось узнать, но она промолчала. Она не такая сестра. Если ему нужны расспросы, пусть позвонит Кате или Габи.

Петер закрыл дверь. Они с Маей стояли одни. Дочь взглянула на него:

– Кто тебя хочет вытурить – правление или родители?

Петер грустно улыбнулся:

– И те и другие. Но правлению будет проще, если этого потребуют члены клуба. Всегда проще, когда кто-нибудь отсидит за тебя твои штрафные минуты.

Она коснулась его ладоней.

– Я все испортила, я испортила все и всем, я все испортила… тебе… – всхлипнула она.

Он отвел волосы с ее лица и спокойно ответил:

– Не говори так. Даже думать так не смей. Никогда. Интересно, что эти сволочи подарят мне на прощание? Сраную эспрессо-машину? Да пусть запихнут ее себе в задницу!

Она захихикала – так же, как когда мама отпускала скабрезные шуточки, а папа смущался.

– При том что ты даже не любишь эспрессо. Еще в прошлом году говорил «экспрессо»…

Он уткнулся лбом в ее лоб.

– Мы с тобой знаем правду. Наша семья, ты и все хорошие, здравомыслящие люди знают правду. И мы добьемся справедливости, уж как-нибудь добьемся, обещаю. Я хочу… я просто хочу… ты не должна…

– Все в порядке, папа. Все нормально.

– Нет, не нормально! И никогда не будет нормально! Никогда, никогда не смей думать, что это нормально, то, что он сделал… я не хочу… я боюсь, Мая, я так боюсь, что ты подумаешь, будто бы я не хочу убить его… каждый день, каждую секунду… я так хочу этого…

Его слезы катились по щекам дочери.

– Я тоже боюсь, папа. Всего. Темноты и… всего.

– Как я могу тебе помочь?

– Люби меня.

– Всегда, Огрызочек.

Она кивает.

– Можешь тогда кое-что для меня сделать?

– Все что угодно.

– Давай сегодня поиграем что-нибудь из «Нирваны»?

– Все что угодно, только не это.

– Как тебе может не нравиться «Нирвана»?

– Я был слишком старый, когда они стали знаменитыми.

– Как можно быть слишком старым для «НИРВАНЫ»? Сколько тебе

вообще лет?

Они засмеялись. Надо же, на что они способны – все еще могут рассмешить друг друга.

Мира сидела на кухне одна и слышала, как в гараже играют муж и дочь. Он уже Мае в подметки не годился, то и дело сбивался, а она подстраивалась под него, чтобы он не чувствовал себя дураком. Мира мечтала выпить и закурить. Но не успела даже посмотреть по сторонам, как кто-то положил перед ней колоду карт. Не обычных, а детских, тех, что были у них в трейлере, который они брали напрокат летом, когда дети еще не выросли. Сами дети давно перестали играть, потому что мама и папа никогда не могли договориться о правилах.

– Сыграем. Я, может быть, даже поддамся, – сказал Лео и сел напротив.

Он поставил на стол две бутылки газировки. Ему уже двенадцать, но он все же разрешил маме довольно-таки крепко себя обнять.

В обшарпанной каморке для репетиций на окраине Хеда горела одинокая лампочка, освещая парня в черном. Сидя на стуле, он играл на скрипке. Он не опустил инструмента, когда в дверь постучали. На пороге стоял Беньи, на костылях, с бутылкой в руке. Басист попытался подпустить соответствующей образу молчаливой загадочности, но его улыбка жила по собственным законам.

– Что ты тут делаешь?

– Прогуливаюсь, – ответил Беньи.

– Надеюсь, это не самогон, – улыбнулся басист, кивая на бутылку.

– Если ты собираешься жить в этих краях, тебе рано или поздно придется научиться это пить, – отвечал Беньи.

Наверно, в этих краях так говорят «ну, прости», подумал басист. Тут вообще, заметил он, принято общаться посредством напитков.

– Я не планирую тут жить, – заверил он Беньи.

– Никто не планирует. Все просто остаются, – сказал Беньи и запрыгнул в комнату.

Он не спросил про скрипку. Этим он и нравился басисту. Беньи был не из тех, кого удивляет, что у человека может быть много разных сторон.

– Я сыграю, а ты можешь станцевать, – предложил басист и нежно провел смычком по струнам.

– Я не умею танцевать, – ответил Беньи, не понимая шутки.

– Танцевать просто. Надо просто стоять неподвижно, а потом

перестать, – шепнул басист.

Мышцы у Беньи все еще дрожали от усталости. Это помогает. В сравнении с этой дрожью внутри все спокойно.

Ану разбудил звонок, она пошарила рукой на полу, но звонил не ее телефон, а отца. Ана слышала его голос, как он одевается, продолжая разговаривать, берет собак и ключ от сейфа с оружием. Эти звуки – знакомая музыка, колыбельная детства. Ана ждала завершающих нот. Как захлопнется дверь и повернется ключ в замке. Как заведется старый ржавый пикап. Но ждала она напрасно. Вместо них раздался негромкий стук в дверь. Потом – его робкий голос, ее имя, вопрос из-за двери:

– Ана. Ты не спишь?

Она оделась прежде, чем он успел договорить. Открыла дверь. В каждой руке у него было по ружью.

– Подранок, где-то на северной дороге… Я, конечно, могу вызвать какого-нибудь бестолкового кретина из города… но зачем, когда у меня под боком первый после меня охотник в Бьорнстаде…

Ей хотелось обнять его. Но она сдержалась.

Парни лежали на полу в каморке для репетиций. Бутылка опустела. Они по очереди пели самые дурацкие застольные песни, какие только знали. Долго и громко смеялись.

– Что ты нашел в хоккее? – спросил басист.

– Что ты нашел в скрипке? – парировал Беньи.

– Чтобы играть, надо отключить мозг. Музыка – это отдых от самого себя, – ответил басист.

Слишком быстро, слишком очевидно, слишком искренне, так что Беньи не нашел как съязвить. Поэтому тоже сказал, что думал:

– Звуки.

– Звуки?

– В них все дело. Когда входишь в ледовый дворец. Все эти звуки, которые сразу узнаешь, если играешь. И… чувство, когда идешь из раздевалки на площадку, последний сантиметр, где пол превращается в лед. Первый шаг, когда толкаешься… как на крыльях.

Оба долго молчали. Не смея пошевелиться, словно лежали на стеклянной крыше.

– Если я научу тебя танцевать, научишь меня кататься? – улыбаясь, спросил наконец басист.

– Ты не умеешь кататься на коньках? Ты чё, серьезно? – крикнул Беньи так, словно басист признался, что не умеет намазать себе бутерброд.

– Я никогда не видел в этом смысла. Мне всегда представлялось, что с помощью льда природа намекает людям, чтобы держались подальше от воды.

Беньи засмеялся:

– Так чего ты вдруг захотел научиться?

– Потому что ты так это любишь. Я бы хотел понять… то, что ты любишь.

Басист коснулся его руки, Беньи не отдернул ее, но встал, и чары разрушились.

– Мне надо идти, – сказал он.

– Нет, – попросил басист.

Но Беньи все равно ушел. Ушел, ничего не говоря. Падал снег, падали слезы, темнота забрала его, и он сдался без борьбы.

Бывает, окно разобьется на такое количество мелких осколков, что не верится, будто это было одно-единственное стекло. Так маленький ребенок, опрокинув пакет молока, заливает всю кухню, словно жидкость, покинув упаковку, способна расширяться до бесконечности.

Камень кидали с близкого расстояния, подойдя к дому почти вплотную, и со всей силы, чтобы он влетел как можно дальше. Ударившись о платяной шкаф, камень упал в Маину постель. Стекло дождем хлынуло на пол, медленно и легко, как крылья бабочки, словно это не стекло, а ледяные кристаллы или алмазные осколки.

Эти звуки перекрыли гитару и ударные. Петер и Мая бросились в дом, в комнате Маи гулял морозный воздух, посередине, открыв рот, стоял Лео и смотрел на камень. На нем красными буквами было написано «ШЛЮХА».

Первой реальную опасность осознала Мая, Петер лишь спустя несколько секунд понял, чья жизнь сейчас действительно под угрозой, друг за другом они кинулись к входной двери, но слишком поздно. Дверь была уже открыта, а «вольво» заведен.

Их было четверо, двое на велосипедах, и шансов у этих последних не оставалось. На тротуарах снег еще лежал по щиколотку, так что ехать они могли только по расчищенной середине дороги. Мира так вжала педаль газа, что широкая машина вывалилась на дорогу, завывая и раскачиваясь из стороны в сторону. До них было уже двадцать метров, а она и не думала переносить ногу на тормоз. Они всего лишь дети, сколько им, тринадцать-четырнадцать лет? – но взгляд Миры был пуст. Один из мальчишек обернулся и, ослепленный светом фар, в ужасе спрыгнул с велосипеда и

впечатался головой в забор. Второй успел сделать то же самое, прежде чем бампер со всей силы ударил его заднее колесо и велосипед отбросило в сторону.

Мира остановилась, открыла дверь и вышла. Штаны у парня были порваны, подбородок в крови. Мира достала из багажника одну из Петеровых клюшек для гольфа. Взяла обеими руками и двинулась к мальчишке, распростертому на земле. Он плакал, кричал, но Мире было все равно, она ничего не чувствовала.

Мая выбежала из дома в одних носках, помчалась по улице, отец окликнул ее, но дочь не обернулась. Она слышала удар, видела парящее в воздухе невесомое тело, в режущем свете красных стоп-сигналов – контуры мамы, выходящей из машины. Мира открыла багажник, достала клюшку для гольфа; в мокрых насквозь носках, скользя и оступаясь, Мая бежала по льду. Ноги сбиты в кровь, изо рта вырываются уже даже не крики, а хрипы.

Мира еще никогда ни в чьих глазах не видела такого ужаса. Маленькие руки схватили клюшку сзади, Мира повалилась на землю. Когда она подняла голову, Мая уже крепко держала ее и кричала, но Мира поначалу не могла разобрать слов. Она сроду не видела такого страха.

Мальчишки встали и, хромая, поплелись восвояси. Остались только мать и дочь, обе рыдали, мать так и сжимала клюшку, а дочь успокаивала маму, убаюкивала в своих объятьях:

– Все хорошо, мамочка, все хорошо.

В соседних домах было все так же темно, хотя, разумеется, проснулись все. Мире хотелось вскочить, заорать, швырнуть камни в ИХ проклятые окна, но дочь крепко держала ее, и они так и сидели посреди дороги, дрожа, чувствуя кожей дыхание друг друга. Мая прошептала:

– Знаешь, когда я была маленькая, другие родители в детском саду называли тебя «волчицей», потому что тебя все боялись. И все мои друзья мечтали иметь такую маму, как ты.

Мира всхлипнула дочери в ухо:

– Это несправедливо, ты достойна большего, чем эта сраная жизнь, любимая, это несправедливо…

Мая взяла в ладони мамино лицо и ласково поцеловала в лоб.

– Я знаю, что за меня ты готова убить. Знаю, что ты готова за меня умереть. Но мы справимся, мама. Потому что я твоя дочь. Во мне тоже течет волчья кровь.

Петер перенес их в машину. Сперва дочь, потом жену. И медленно поехал по улице назад. Домой.

Велосипеды так и остались лежать в снегу, но на следующий день их уже не было. И никто из тех, кто здесь живет, об этом не говорил.

41

В Бьорнстад пришло утро, равнодушное к маленьким человеческим жизням там, внизу. Разбитое окно изнутри залатали картоном и скотчем, сестра и брат, измученные, спали рядом на матрасах в коридоре, подальше от других окон. Во сне Лео свернулся клубочком у Маи под боком – как будто ему снова четыре года и он пришел к ней в комнату, потому что ему приснилось что-то страшное.

Петер и Мира сидели на кухне, держась за руки.

– По-твоему, я не мужик, потому что не умею драться? – шептал он.

– По-твоему, я не женщина из-за того, что умею? – спросила она в ответ.

– Я… мы… мы должны увезти детей, – шепнул он.

– Мы не можем их защитить. Куда бы мы ни уехали, любимый, мы не можем их защитить, – отвечала она.

– Как же тогда жить, как же нам жить, – всхлипнул он.

– Не знаю, – сказала она.

Потом поцеловала его, улыбнулась и прошептала:

– Но я бы не сказала, что ты не мужик. Ты очень и очень и очень мужественный во многих других отношениях. К примеру, ты НИКОГДА не признаёшь, что не прав.

Он шепнул ей в волосы:

– А ты – женственная. Самая женственная из всех, кого я встречал. К примеру, ты всегда жульничаешь в «камень-ножницы-бумагу».

Они засмеялись, вместе. Даже в это утро. Потому что могли, потому что должны были. Это благодать, они едва ее не лишились.

Рамона курила у входа в «Шкуру», улица была пустынна, небо черное, но щенка она увидела издали, несмотря на плохую погоду. Зашлась хриплым кашлем, когда из темноты вразвалочку вышел Суне. Кури она чуть поменьше – лет так на сорок – пятьдесят, – ее кашель еще можно было бы принять за смех.

Суне прикрикнул на щенка, тот его проигнорировал. Он прыгнул на Рамону, царапая джинсы и требуя внимания.

– Ах ты старый хрен, щенка себе завел? – рассмеялась она.

– Непослушная скотина, скоро я его на паштет проверну! –

пробормотал Суне, но скрыть любви к маленькому мохнатому зверьку не смог.

Рамона прокашляла:

– Кофе?

– С каплей виски?

Она кивнула. Они вошли, стряхнули снег с обуви и сели пить кофе, а тем временем щенок настойчиво и терпеливо пытался сгрызть стул.

– Полагаю, ты слышала, – печально сказал Суне.

– Да, – ответила Рамона.

– Позор. Это позор, вот что это такое.

Рамона подлила виски. Суне долго глядел на стакан.

– Петер не заходил?

Она покачала головой, подняла брови, молча спрашивая старика: «Ты с ним говорил?» Суне покачал головой.

– Я не знаю, что сказать…

Рамона ничего не говорит. Она слишком хорошо все понимает. Пригласить кого-то на кофе – это просто и сложно в одно и то же время.

– Клуб больше не твоя забота, Суне, – пробормотала она.

– Формально меня еще не уволили, похоже, со всем этим… они обо мне забыли. Но да. Конечно. Это больше не моя забота.

Рамона налила еще виски. Капнула в него кофе. Глубоко вздохнула – о Суне и о себе самой.

– Тогда о чем тут говорить? Старая кляча и дед, кряхтим, кряхтим. Скажи уже прямо, что думаешь.

Суне слегка улыбнулся:

– Ты всегда была хорошим психологом.

– Как все бармены. На нормального ты бы никогда не раскошелился.

– Я скучаю по Хольгеру.

– Только когда я на тебя ору.

Суне расхохотался так громко, что пес аж подскочил. Сердито тявкнул, потом снова принялся за ножку стула.

– На самом деле я скучаю только по тому, как ты орала на Хольгера.

– Я тоже.

Еще виски. Капля кофе. Паузы и воспоминания, несказанные слова и придержанные фразы. Пока Суне наконец не заговорил:

– То, что сделал Кевин, – позор. Чудовищный позор. Но я боюсь за клуб. Он существует уже почти семьдесят лет, но я, черт подери, не уверен, что он доживет до следующего года. Как бы народ, если суд признает мальчишку виновным, не свалил все на хоккей. Злопыхатели всегда

найдутся. Вот они обрадуются. И во всем будет виноват хоккей.

Рамона залепила ему пощечину так стремительно и с такой силой, что толстый старичок чуть не упал со стула. А свирепая старушка злобно прошипела:

– Так вот зачем ты пришел? Поговорить об этом? Мужики, твою мать! Вы сами никогда ни в чем не виноваты, да? Когда же вы признаете, что не «хоккей» воспитывает этих мальчишек, а ВЫ! Повсюду, всю жизнь я встречаю мужиков, которые несут всякую чушь, чтобы оправдать собственные провалы. «Религия развязывает войны», «Оружие убивает людей», все это точно такая же чушь!

– Я… не имел в виду… – начал было Суне, но пригнулся, уворачиваясь от следующей затрещины.

– Не смей меня перебивать! Проклятые кобели! Это ВЫ во всем виноваты! Религия не воюет, оружие не убивает, а ты уясни себе раз и навсегда, что хоккей никогда никого не насиловал! Знаешь, кто все это делает? Воюет, убивает и насилует?

Суне откашлялся.

– Мужики?

– МУЖИКИ! Вечно эти проклятые мужики!

Суне поежился. Щенок пристыженно заполз в угол. Рамона тщательно поправила прическу, опустошила свой стакан, мысленно признавая, что не такая уж это сложная вещь, пригласить человека на кофе.

Потом подлила еще виски – себе и Суне, дала псу кусок салями, обошла стойку и уселась рядом со стариком. Глубоко вздохнув, признала:

– Я тоже скучаю по Хольгеру. А знаешь, что бы он сказал, будь он с нами?

– Нет.

– Что мы с тобой сами знаем, что правильно. Так что ему и не нужно нам это говорить.

Суне улыбнулся:

– Самовлюбленный мерзавец. Всегда был таким.

– Ага.

В другой части города Закариас незаметно, никого не разбудив, вышел из дома. С рюкзаком за спиной и ведром в руке. С наушниками в ушах и музыкой во всем теле. Сегодня ему исполнилось шестнадцать, и всю его жизнь его гнобили и преследовали. За все. За наружность и внутренность, за выговор, за адрес. Везде. В школе, в раздевалке, в сети. В конце концов человек истончается – этого так просто не увидишь, потому что те, кто

окружают затравленного ребенка, думают, что он привык. Никогда, к этому нельзя привыкнуть никогда. Ты все время горишь. Только никто не знает, какой длины твой бикфордов шнур, даже ты сам. С девяти или десяти лет Закариас планировал самоубийство.

Жанетт проснулась оттого, что брат разговаривал по телефону. Снова сработала сигнализация. Сонная и злая, она поехала в школу. Обошла все здание с карманным фонариком, но ничего не нашла. И уже махнула брату, чтобы прекращал поиски, наверно, это снова снег попал на сенсор, но в следующую секунду вступила во что-то мокрое.

Второй охотник в Бьорнстаде отмывал от крови кузов ржавого пикапа. Ана с отцом всю ночь шли по следу, пока не нашли тяжелораненого зверя на лежке, он ушел глубоко в лес, в самую тьму. Они умертвили его гуманно и безболезненно. Ана натянула брезент на кузов и, забрав из кабины ружья, проверила их привычной рукой бывалого охотника.

На улице несколько мальчиков лет семи-восьми играли в хоккей. Сосед, восьмидесятилетий старик, стоял у своего почтового ящика. Из-за ревматизма каждое движение давалось ему с такой мукой, что казалось, будто он тащит на себе невидимые скалы. Он потянулся за газетой и пошел обратно в дом, но вдруг остановился и посмотрел на Ану. Всю жизнь, сколько Ана себя помнит, они жили по соседству, еще несколько лет назад старик охотился с ее отцом, а когда она была маленькая, угощал самодельной карамелью. Никто из них не произнес ни слова, старик только презрительно сплюнул под ноги. А войдя в дом, так сильно хлопнул дверью, что висевший над ней зеленый флажок с медведем заколыхался.

Мальчишки, игравшие в хоккей, подняли головы и уставились на Ану. На одном был свитер с номером девять. По выражениям лиц было понятно, о чем говорят у них дома. Другой мальчик плюнул перед собой. Потом все отвернулись.

Отец подошел, положил руку на плечо Аны и почувствовал дрожь, словно дочь вот-вот не то закричит, не то заплачет.

Почти половину своей жизни Закариас готовился свести с ней счеты. Раз за разом продумывал детали. Такое место, чтобы они увидели. Чтобы потом с этим жили. «Это вы сделали». Ничего особенного не понадобится. Веревка, кое-какие инструменты, подставка для ног. Хорошо бы табуретка, но перевернутое ведро тоже сойдет. Его он держал в руке. Все остальное сложил в рюкзак.

Единственное, что останавливало его до сих пор, – это Амат. Такого друга, как он, было достаточно. С Лифой Закариас никогда так не дружил, только через Амата, но, когда Амата взяли в юниорскую команду и он выбрал себе другую жизнь, для Закариаса все кончилось.

Он жил только благодаря Амату. В самые темные, самые тяжелые ночи Амат говорил ему: «Однажды, Зак, ты станешь богаче и сильнее, чем эти свиньи. И тогда ты проявишь милосердие. Потому что ты знаешь, как больно бывает от собственного бессилия. И ты не причинишь им зла, хотя мог бы. И мир станет лучше».

Таких друзей, как в пятнадцать лет, у тебя больше не будет. Сегодня Закариасу исполнилось шестнадцать. Он вошел в школу, не обращая внимания на сигнализацию. Поставил ведро на пол.

Жанетт смотрела на пол, ее сердце выскакивало из куртки. Под ногами у нее была большая лужа, она медленно ширилась. Жанетт стояла почти у самого входа, рядом со шкафчиками старшеклассников. В ноздри ударил резкий запах. Брат подошел ближе, два фонарика светили в одну и ту же точку.

– Что это? – спросил брат.

Отец услышал, как Ана скрипит зубами, и шепнул:

– Они просто боятся, Ана, им просто нужен козел отпущения.

Ане хотелось заорать во всю глотку. Распахнуть дверь соседского дома, сорвать зеленый флажок и гаркнуть: «Почему бы вам не выбрать КЕВИНА в козлы отпущения, а?» Ей хотелось кричать так громко, чтобы и другие соседи здесь, на Холме, ее тоже услышали. Кричать, что она обожает хоккей. ОБОЖАЕТ! Но она девчонка, а что будет, если она расскажет об этом какому-нибудь парню? Он ей на это скажет: «Вот как? Ты любишь хоккей, хотя ты девчонка? О’кей. Кто выиграл Кубок Стэнли в 1983 году? А? А кто был седьмым по набранным очкам в 1994-м? А? Если ты так любишь хоккей, отвечай!»

В Бьорнстаде девчонкам нельзя просто любить хоккей. Им лучше не любить его вообще. Потому что, если ты любишь игру, значит, ты лесбиянка, а если игроков – то шлюха. Ане хотелось припереть к стенке чертова соседа и объяснить ему, что раздевалка, в которой сидят и шутят свои тупые шуточки парни, в конце концов становится консервной банкой, поэтому взрослеют они медленнее, а некоторые гниют изнутри. У них нет подружек, и женских команд в их городе тоже нет, поэтому они думают, что хоккей принадлежит им одним, а тренеры учат их не «отвлекаться» на

девчонок. Поэтому они думают, что девчонки существуют только для того, чтобы их трахать. Она бы рассказала ему, как все мужики в этом городе восхваляют их, когда они «борются» и «не сдаются», но ни одна живая душа не научила их, что, когда девушка говорит «нет», это значит «НЕТ»! И проблема с этим проклятым городом не в том, что парень изнасиловал девушку, а в том, что все делают вид, будто он этого не делал. И теперь все остальные парни будут считать, что то, что он сделал, – нормально. Потому что всем наплевать! Ане хотелось залезть на крышу и закричать: «Вам насрать на Маю! И, если уж на то пошло, то и на Кевина тоже! Потому что они для вас не люди, а предметы заявленной ценности. Просто Кевин котируется выше, чем Мая!»

Ей бы многого хотелось. Но улица была пуста, и Ана молчала и ненавидела себя за это.

– Что это на полу? – повторил брат.

– Вода, – ответила Жанетт.

Она знала, что мало кто из учеников способен проникнуть в здание, – неважно, сработает при этом сигнализация или нет. Она не знала, входило ли в намерения этого ученика управиться прежде, чем приедет охранная фирма, или ему было все равно.

На первом уроке в то утро Жанетт заменяла учителя в девятом классе. Она заметила, что у Закариаса руки в краске. От него резко пахло моющим средством. На шкафчике в коридоре больше не было написано «шлюха», потому что парень всю ночь оттирал дверцу. Он знал, что чувствует тот, кому другие делают больно только потому, что могут сделать больно. Знал, как сильные в этом городе поступают со слабыми.

Жанетт ему ничего не сказала. Она понимала, что это его тихий бунт. Никому не рассказав о том, кто проник в школу сегодня ночью, она сделала это и своим тихим бунтом.

Когда они вошли в дом, отец все еще держал дрожащую руку у Аны на плече, но Ана выскользнула. Он смотрел, как она относит ружья в подвал. Видел ее ненависть. Он запомнил, что подумал тогда: «Из всех мужчин, на чьем месте я бы не хотел оказаться, меньше всего я хочу оказаться на месте того, кто сделал больно лучшей подруге этой девочки».

42

Когда детей учат охотиться, им объясняют, что звери в лесу бывают двух типов: хищники и те, кто от них убегает. У хищников глаза посажены близко и направлены вперед, потому что им нужно только следить за добычей. У тех, кто вынужден убегать, глаза расставлены широко, по бокам головы, потому что их единственный шанс на выживание – это заметить крадущегося сзади хищника.

Когда Ана и Мая были маленькие, они часами простаивали у зеркала с линейкой, пытаясь вычислить, что они за звери.

Фрак сидел в кабинете: магазин еще не открылся, но в помещении было полно народу. Эти люди пришли сюда, поскольку не хотели, чтобы их видели вместе на стадионе. Они нервничали и боязливо озирались. Говорили, будто повсюду шастают журналисты. Несколько раз прозвучало слово «ответственность», они объясняли Фраку, что «надо быть осторожнее, иначе все выйдет из-под контроля». Эти люди – спонсоры, члены правления, но сегодня они – прежде всего обеспокоенные друзья, отцы и граждане. Все думают только о благе города. О благе клуба. Все чают торжества справедливости. Чей-то встревоженный голос начал: «Да любому понятно… зачем это Кевину? Конечно, она сама захотела, а потом передумала. Как жаль, что мы не смогли решить дело между собой…» Другой подхватил: «Но мы должны подумать и о другой семье тоже, да, да, конечно, девочка испугалась. Они ведь совсем еще дети. Но правда превыше всего. Пока все не вышло из-под контроля». Когда встреча окончилась, отец Кевина и Фрак встали и отправились в город. Стучаться в каждую дверь.

Мая проснулась рано. Стояла в гараже одна, играя на гитаре. Она никогда не сможет объяснить, что с ней произошло. Как такое возможно, что недавно она, уничтоженная, лежала на полу ванной в объятиях мамы, плакала и кричала, а теперь вот… все изменилось. Но что-то случилось этой ночью. Камень, влетевший в окно, осколки на полу, надпись «шлюха» красными буквами. В конце концов в человеке что-то меняется. Мая до сих пор так боялась темноты, что чувствовала, будто кто-то тянет ее за одежду, стоит войти в темную комнату. Но этим утром она поняла: есть только один способ побороть страх – найти внутри себя темноту еще большую. В этом

городе ей никогда не добиться справедливости, а значит, есть только один выход: умрет либо Кевин, либо она.

Когда они пришли, Рамона пила свой завтрак. Отец Кевина, этот Эрдаль, вошел так, как он входит куда угодно – точно к себе домой. Фрак, спотыкаясь, прошаркал следом – как будто ботинки были ему велики.

– Закрыто, – сообщила Рамона.

Фрак расплылся в улыбке – точь-в-точь его папаня, подумала Рамона. Такой же здоровенный, толстый и такой же придурок.

– Мы просто хотели поговорить, – объяснил он.

– Неформально, – добавил Эрдаль.

Глаза у него сидели близко-близко.

Кабинет Миры загроможден коробками, завален бумагами. Коллега поставила ей на стол чашку кофе.

– Мы сделаем все возможное, Мира. Мы все сделаем всё, что от нас зависит. Но учти: большинство таких дел, где нет доказательств, слово против слова… ты знаешь, чем они кончаются.

Глаза у Миры были красные, воспаленные, одежда мятая, такой ее никогда еще не видели.

– Почему я не стала настоящим адвокатом? Вот чем надо было заниматься. Надо было… Всю жизнь убила на предпринимательское право и прочее говно, а надо было…

Коллега села напротив.

– Хочешь услышать правду?

– Да.

– Ты можешь нанять лучшего в мире специалиста по сексуальным преступлениям. Но не факт, что это поможет. Слово истца против слова ответчика, заявление поступило через неделю после происшествия, никаких улик, никаких свидетелей. Полиция, скорее всего, скоро закроет предварительное следствие.

Мира в ярости вскочила со стула, готовая швырнуть чашку об стену, но в последнюю секунду сдержалась.

– Я не позволю им выиграть! Если я не выиграю в суде, значит, выиграю каким-нибудь еще способом!

– Что ты имеешь в виду? – встревожилась коллега.

– Я доберусь до фирмы его папаши, до фирм их друзей, я раскопаю все дерьмо, которое они когда-либо прятали, каждый бухгалтерский отчет и каждую декларацию, я сделаю так, что им не поздоровится. Я вытащу на

свет все, вплоть до сраной шариковой ручки, которую они забыли задекларировать десять лет назад!

Коллега молчала. Мирин голос заполнил офис:

– Я буду преследовать всех и всё, что они любят, я защищу своих детей, слышишь? Я ЗАЩИЩУ СВОИХ ДЕТЕЙ!

Коллега встала. Констатировала с сожалением в голосе:

– Так начинаются войны. Одна сторона защищается, другая защищается еще отчаяннее, потом мы перестаем отличать собственные страхи от их угроз. А потом стреляем друг в друга.

Тут-то чашка и полетела в стену.

– ЭТО МОЙ РЕБЕНОК, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! Коллега закрыла глаза. Широко посаженные.

– Наверно, именно поэтому ты должна понимать разницу между местью и правосудием.

Ана открыла дверь. Отец уехал с собаками к ветеринару, дом был пуст. На пороге стояла Мая, крепко обхватив себя руками. Ни одна из девочек не знала, плакать им или смеяться, кричать или шутить, – что даст им больше шансов выжить.

– Я соскучилась по твоей глупой морде, – наконец шепнула Мая.

Ана улыбнулась:

– А я – по твоей дебильной музыке.

У Маи задрожала губа.

– Ты тут ни при чем. Я просто пытаюсь защитить тебя от всего этого.

Ана положила руки Мае на плечи.

– Ты моя сестра. Как я могу быть ни при чем?

Мая вглядывалась в нее до рези в глазах.

– Я просто пытаюсь тебя защитить.

– Ты меня всю жизнь пытаешься защищать. И знаешь, что я тебе скажу? У тебя это ни фига не получается! Я же больная на всю голову, какой толк от твоей защиты!

И они засмеялись, обе.

– Ну и придурочная же ты, – всхлипнула Мая.

– Зато никто не любит тебя, как я, тупица. Никто!

– Я знаю.

Глаза Маи блеснули.

– Мы не можем пойти в лес, пострелять? Я…

Она врет, она еще никогда не врала Ане.

– …Мне надо как-то отвлечься. Мне надо… это так расслабляет, когда

стреляешь. Я подумала, вдруг это поможет мне избавиться от… агрессии.

Ана смотрела на нее долгим взглядом. Может, поняла, что внезапный интерес Маи к оружию на самом деле связан с другим, а может, и нет. Но она настоящий друг, поэтому, ни о чем не спрашивая, просто принесла два ружья.

Рамона уперла руки в барную стойку. Оглядела посетителей.

– Тут коммерческое предприятие.

– Что? – не понял Фрак.

Но Эрдаль спокойно сел и терпеливо улыбнулся.

– Она хочет, чтобы мы сделали заказ. О’кей: две стопки твоего лучшего виски, и тогда поговорим.

Она налила виски, Эрдаль сразу перешел к делу:

– Ты знаешь, кто я?

Рамона фыркнула и опустошила свою рюмку. Эрдаль истолковал это как утвердительный ответ. Он поднял свою и, едва пригубив, чуть не выплюнул.

– Да какого… и это твое ЛУЧШЕЕ виски?

Рамона покачала головой:

– Это мое худшее виски.

Фрак выпил свои шестьдесят граммов не моргнув глазом. И, судя по всему, остался вполне доволен. Но вкусовые рецепторы у него так же расстроены, как регулятор громкости голоса. Эрдаль презрительно отодвинул стопку.

– Тогда налей лучшее. Это больше похоже на ацетон.

Рамона услужливо кивнула. Поставила чистые рюмки. Налила виски из той же бутылки. Эрдаль не сводил с нее глаз. Фрак не смог сдержать улыбки:

– В «Шкуре» подают только один сорт виски.

Мая и Ана шли и шли, пока лес не поглотил их. Они зашли далеко: случись что, и даже Анин отец не сразу бы нашел их тела. И стали стрелять, выстрел за выстрелом. Ана время от времени поправляла Мае плечо, локоть, напоминала, как задержать дыхание, не переставая дышать. Потом спросила:

– О’кей… а если так: прожить в Бьорнстаде всю жизнь до старости или уехать в любую точку света, но в тот же год умереть?

Маино лицо стало похоже на смятую салфетку. Аня пожала плечами:

– Глупый вопрос?

– Довольно-таки.

– Мы выберемся отсюда, Мая. Я не допущу, чтобы мы тут застряли. Мы уедем в Нью-Йорк, ты подпишешь контракт со студией звукозаписи, а я буду твоим продюсером.

Маю разобрал смех, она и не знала, что до сих пор умеет так смеяться.

– Ну уж нет, ты никогда не будешь моим продюсером.

– Что? Из меня выйдет СУПЕРПРОДЮСЕР! – оскорбилась Ана.

– Да какой из тебя продюсер! Ты даже за своим телефоном уследить не можешь.

– Могу!

Мая приподняла брови:

– О’кей. Ну и где же твой телефон?

Ана нервно пошарила по карманам.

– Ну, о’кей, сейчас, может, и не знаю. Но… Я могу быть твоим стилистом. Точно! Тебе НЕОБХОДИМ стилист!

– А что не так с моим стилем? – спросила Мая.

Ана пристально изучила ее сверху донизу.

– Сорри. Моя консультация тебе не по карману. Позвони, когда подпишешь контракт со студией.

Мая засмеялась:

– Дебилка!

– Или я могу быть твоим диетологом! Я разработала новую соковую диету, которая очищает весь желудочно-кишечный тракт! Твой стул…

Мая заткнула уши, повернулась и пошла еще глубже в лес.

– К сожалению, связь очень плохая… тише ты… алло? Алло?

Прижав телефон к уху, она делала вид, что разговаривает. Ана прищурилась:

– Это же мой телефон, где ты его нашла?

– Въезжаю в туннель! – крикнула Мая.

Ана догнала ее. Они мутузили друг друга, обнимались. Смотрели, как восходит солнце. Мая шепнула:

– Можно я у тебя одну ночь переночую?

Ана не знала, что сказать. Мая никогда не оставалась у нее ночевать, ни разу, всегда было наоборот. Но она – настоящий друг, поэтому, конечно же, ответила:

– Не вопрос.

Рамона выпила еще. Фрак тоже. Глаза Эрдаля сузились.

– Что ж. Тогда обмен любезностями опустим. Ты знаешь, почему я

здесь?

Рамона изобразила интерес.

– Нет, но я полагаю, что ты принес золото. Фрак – смирну. А на улице стоит третий король, с полными штанами ладана. Угадала примерно?

Эрдаль сердито засопел, коротко и неприязненно обвел рукой помещение.

– Этот… бар… один из старейших спонсоров клуба. Никаких заоблачных сумм от него не поступает, но мы все уважаем традиции. И я полагаю, ты в курсе, что мы созываем внеочередное собрание… в свете недавнего происшествия.

Фрак, смущенно кашлянув, уточнил:

– Мы просто хотим поговорить. Спонсорам, нам всем, кажется, что на собрании надо проявить единодушие. Ради клуба.

– В каком смысле? – с наигранным смирением спросила Рамона.

Эрдаль устал. Он поднялся из-за стойки.

– Часть руководства надо заменить. Петер Андерсон в результате голосования будет уволен, а на его должность предложен более приемлемый кандидат. Правление и спонсоры единодушны, но мы уважаем членов клуба и хотим, чтобы предложение поступило непосредственно от них. Наш приход сюда – это жест доброй воли.

Рамона язвительно усмехнулась:

– От меня не укрылось, что ты вообще человек доброй воли. Позволь спросить, что же такого неприемлемого сделал Петер?

– Ты сама прекрасно знаешь, – зарычал сквозь зубы Эрдаль.

– Нет, не знаю. И сомневаюсь, что вы знаете. Именно поэтому сейчас идет следствие.

– Ты знаешь, в чем обвиняют моего сына, – сказал Эрдаль.

– Звучит так, будто он – жертва, – заметила Рамона.

И вот тут-то Эрдаль не выдержал. Фрак, который никогда еще такого не видел, от страха задел и опрокинул свою и Рамонину рюмки.

– А что, нет? Он и есть жертва! – крикнул Эрдаль. – Ты хоть представляешь, что это такое, когда тебе предъявляют подобные обвинения?! А?

Рамона и глазом не моргнула:

– Нет. Но чисто интуитивно мне кажется, что хуже обвинений в изнасиловании может быть только изнасилование.

– Значит, по-твоему, эта чертова девка говорит правду? – зашипел Эрдаль.

– По-моему, не следует делать вывод, что она врет, на основании

только того, что твой сын играет в хоккей. К тому же у нее есть имя. Ее зовут Мая, – ответила Рамона.

Эрдаль издевательски рассмеялся:

– Значит, ты из тех, кто пытается все валить на хоккей?

Рамона серьезно кивнула:

– А ты играл в хоккей?

– Бросил, когда мне было двенадцать, – признался Эрдаль.

– Тогда ты прав. Я все валю на хоккей. Потому что, если бы ты продержался еще год-другой, возможно, хоккей научил бы тебя проигрывать как мужчина. Возможно, ты понял бы, что даже твой собственный ребенок может совершить ошибку, и, если такое случается, ты должен отвечать за это как МУЖЧИНА. А не спихивать вину на пятнадцатилетнюю девочку и ее отца.

Эрдаль взмахнул руками и опрокинул стул. Наверно, не нарочно, но поднимать его не стал. Он напряженно сопел, зрачки охотились за ее зрачками, он швырнул на стойку тысячу крон и сказал, насмешливо и в то же время грозно:

– Может, ты и владеешь этим баром. Но здание тебе не принадлежит. Будь я на твоем месте, я бы задумался об этом.

И хлопнул дверью так, что стекла зазвенели.

Ана и Мая вошли в дом, Ана принесла ключ от сейфа, заперла оружие. Мая отмечала каждую подробность, как стоят ружья внутри, где хранится ключ.

– Что это? – невинно спросила она, указывая на двуствольный дробовик.

– Бокфлинт, – ответила Ана.

– Его трудно заряжать?

Ана рассмеялась, но потом насторожилась:

– Почему ты спрашиваешь?

Мая пожала плечами:

– Ты что, коп? Просто интересно. Классная штука, давай как-нибудь постреляем?

Ана усмехнулась и ударила ее кулаком в плечо.

– Сама ты коп, привидение чертово!

Потом она принесла патроны и показала, как переломить стволы, зарядить и снять ружье с предохранителя, потому что это был тот редкий случай, когда она хоть в чем-то могла переплюнуть подругу.

– Это так просто, что даже ты справишься.

Мая рассмеялась.

– Сколько выстрелов можно сделать за раз? – спросила она.
– Два.
Ана снова переломила стволы, вынула патроны, сложила их обратно в коробку и заперла сейф. Девочки вышли из подвала, Мая молчала.

Она думала только: «Мне хватит одного».

Фрак не уходил, он осторожно поднял опрокинутые стопки.
– Мы просто… хотели поговорить, Рамона, – шепнул он.
– Небось папаня бы твой постыдился, – отрезала она.
– Я просто стараюсь… смотреть на вещи объективно.
Рамона фыркнула:
– У тебя плохо получается.
Фрак повернулся, накинул куртку и понуро вышел. Но через две минуты вернулся и снова встал у стойки, и тут Рамона узнала в нем одного из несчастных мальчишек – другим был Петер, – которые, еще даже не став подростками, приходили сюда за своими пьяными в стельку отцами.
– А Роббан Хольтс здесь еще появляется? – пробормотал Фрак.
– Почти каждый день с тех пор, как остался без работы, – кивнув, сказала Рамона.
Фрак кивнул в ответ.
– Попроси его зайти в магазин, пусть поговорит с моим начальником склада. Я распоряжусь о собеседовании.
Рамона снова кивнула. Они могли бы сказать друг другу куда больше. Но они из Бьорнстада.

Поздно вечером Кевин бежал по освещенной тропе вокруг Холма. Быстрее, быстрее, шапка низко натянута на лоб, сверху капюшон. Он даже надел мешковатую одежду без всяких медведей, чтобы никто его не узнал. Хотя это лишнее – все, кто живет на Холме, ушли на собрание в ледовый дворец. И все-таки Кевину казалось, что из леса за ним кто-то наблюдает. Да нет, фигня, паранойя, уговаривал он себя.

Солнце уже зашло. Мая стояла в лесу и тряслась, но деревья скрывали ее, она по-прежнему панически боялась темноты, но твердо решила сделать это ради подруги. Ради своего союзника. Она смотрела, как Кевин ходит по освещенному дому, он не замечал ее, но она его видела, и неожиданно ощутила власть. А это чувство опьяняет.
Когда он выбежал на тропу, она засекла время. Один круг – три

минуты двадцать четыре секунды. Еще один – три двадцать две. Еще один круг. И еще. Снова, снова и снова.

Она записала время. Подняла руки, как будто держит невидимое ружье. Прикинула, где лучше встать.

Кто-то из них двоих умрет. Она пока еще не решила кто.

43

Драться нетрудно. Трудно только начать и закончить. Когда уже начал, дальше срабатывает инстинкт. Самое трудное в любом насилии – это нанести первый удар и, одержав верх, вовремя остановиться и не нанести последний.

Машина Петера так и стояла на парковке у ледового дворца. Ее не подожгли, хотя кое-кто наверняка об этом подумывал. Петер счистил снег со стекол и сел, не заводя двигателя.

Он всегда завидовал умению хороших тренеров просто встать перед игроками и увлечь их за собой. Сам он так не умел: не хватало харизмы. Когда-то он был капитаном, но он вел команду игрой, а не словом. Он не смог бы никому ничего объяснить про хоккей, он просто хорошо играл, и все. В музыке говорят об «абсолютном слухе», а в спорте – о «физическом интеллекте». Когда видишь, как кто-то выполняет движение, и тело само понимает, как его повторить. Кататься на коньках, забивать шайбы, играть на скрипке. Кто-то всю жизнь безуспешно тренируется, а кому-то… это просто дано.

С физическим интеллектом у Петера обстояло неплохо, так что учиться драться ему не пришлось. На его счастье. Он не был склонен к философии и никогда не размышлял насчет отказа от насилия. Его в нем просто не было заложено. Самого инстинкта.

Когда Лео начал играть в хоккей, Петер повздорил с одним тренером, который вечно орал на детей.

– Чтобы они тебя слушали, их надо немного припугнуть! – как-то раз заявил тренер.

Петер тогда промолчал. Но в машине по дороге домой он сказал Лео:

– Когда я в детстве проливал молоко, отец всегда меня наказывал. Ловчее от этого я не стал. Только стал бояться брать молоко в руки. Запомни это.

Парковка медленно заполнялась машинами. Люди стекались со всех сторон. Петера замечали все, но виду никто не подавал. Он ждал, пока они войдут внутрь. Ждал, когда начнется встреча. Он мог бы, наверно, завести двигатель, вернуться домой, собрать семью и вещи и уехать подальше отсюда. Как можно дальше. Но он вышел из машины, пересек парковку, открыл тяжелую дверь ледового дворца и шагнул внутрь.

Драться совсем не трудно. Трудно понять, когда нанести первый удар.

Анн-Катрин и Хряк сидели сзади. Казалось, что в кафетерии ледового дворца собрался весь город. Все стулья были заняты, народ продолжал приходить, вставал вдоль стен. Впереди, на небольшом возвышении, разместились члены правления. В первом ряду – спонсоры и родители юниоров. В середине – родители Кевина. Анн-Катрин видела, как люди, которых она знала всю свою жизнь, подходят к маме Кевина, словно на похоронах, словно хотят выразить свои соболезнования в связи с великой несправедливостью, жертвой которой она стала.

Проследив за взглядом супруги, Хряк крепко сжал ее руку.

– Давай не будем вмешиваться, Анки. Тут почти все – наши клиенты.

– Это не перевыборы, а суд Линча, – шепнула Анки.

– Давай подождем, пока не поймем, что произошло, мы многого не знаем, Анки. Мы многого не знаем, – отвечал муж.

Он был прав. Поэтому она решила подождать. Они ждали. Ждали все.

Фрак нарочно вышел на середину парковки, он не прятался в тени или за деревом. Меньше всего ему, разумеется, хотелось кого-то напугать.

Когда на парковку въехала небольшая машина с логотипом местной газеты на двери, Фрак приветливо помахал рукой. Внутри сидели журналистка и фотограф, Фрак жестом попросил, чтобы они открыли окно.

– Здравствуйте-здравствуйте! Мы, кажется, незнакомы. Фрак! Владелец супермаркета!

Журналистка пожала ему руку через окно.

– Здравствуйте, мы приехали на собра…

Фрак наклонился, почесывая бороду.

– Ага! На собрание, да? А у меня к вам как раз по этому поводу коротенький разговор. Так сказать, не под запись… Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

Журналистка склонила голову набок:

– Нет.

Фрак откашлялся.

– Ну, вы же знаете, как это бывает. Когда появляются журналисты, народ всегда немного нервничает. То, что случилось, – травма для всего города, вы же понимаете. Поэтому хотелось бы убедиться, что ваша статья… что вы приехали сюда не затем, чтобы искать проблемы там, где их нет.

Журналистка не знала, что ответить, но ее явно напрягло то, как этот громадный мужчина облокотился на ее дверь. Фрак улыбнулся, пожелал ей всего доброго и ушел.

Журналистка и фотограф, выждав несколько минут, пошли за ним. Когда они уже двигались по коридору, из темноты появились два мужчины. На вид лет двадцати пяти – тридцати, черные куртки, руки в карманах.

– Собрание только для членов клуба, – сказал один.

– Мы журналисты… – попыталась возразить журналистка.

Мужчины перегородили дорогу. Они были на голову выше фотографа и на две – журналистки. Больше они ничего не сказали, один сделал полшага вперед и остановился – просто показать, на что он способен. В полутемном коридоре было тихо и пусто.

Фотограф взял журналистку за локоть. Она видела, как он побелел. Сама журналистка не местная, она здесь только стажировалась, но фотограф был из Бьорнстада. У него тут семья. Он потянул журналистку к машине. Они уехали.

Фатима сидела на кухне. Она услышала звонок в дверь, но Амат хотел открыть сам. Точно заранее знал, кто это. В дверях стояли два огромных парня, Фатима не слышала, о чем они говорят, но видела, как один приставил указательный палец Амату к груди. Закрыв дверь, сын отказался что-либо объяснять. Сказал только, что это по делам команды, и ушел к себе.

Бубу стоял за спиной Вильяма Лита, чуть наискосок, ему было не по себе от происходящего, он не понимал, почему без этого нельзя обойтись, не знал, что возразить.

– Но ведь Амат один из нас, чего ты психуешь? – спросил он еще по дороге.

– Пусть докажет, – рявкнул Лит.

Когда Амат открыл дверь, Лит ткнул ему пальцем в грудь:

– В клубе собрание. Вся команда будет там, мы встанем на улице, чтобы показать, что мы за Кевина. Ты тоже, – распорядился он.

– Постараюсь, – пробормотал Амат.

– Никаких «постараюсь». Ты там будешь! Только попробуй не прийти! – приказал Лит.

Бубу попытался поймать взгляд Амата. Но тот на него не смотрел.

Собрание проходило так, как проходят все подобные собрания. Неловкое начало, быстрый разгон и взрыв. Генеральный директор

откашлялся и попросил внимания – в робкой попытке сбить накал.

– Во-первых, хочу уточнить, что спортивного директора может уволить только правление. Члены клуба не могут по собственному желанию увольнять сотрудников, это противоречит уставу.

Какой-то мужчина вскочил с места, потрясая указательным пальцем:

– Зато мы можем сместить правление, и, если вы пойдете против жителей города, мы именно так и поступим!

– У нас демократическая организация, мы не угрожаем друг другу, – сдержанно ответил директор.

– Кто кому угрожает? Твоего, что ли, ребенка забрали в полицию? – рявкнул мужчина.

Встала женщина. Сцепив руки на животе, она сочувственно посмотрела на членов правления.

– Это не охота на ведьм, мы просто хотим защитить наших детей. Моя дочь была на вечеринке у Кевина, а теперь ей звонят из полиции, чтобы получить «свидетельские показания». Господи, да эти дети дружат с самого детства и вдруг должны «свидетельствовать» друг против друга. Что же это такое?

Вслед за ней поднялся мужчина:

– Мы никого не обвиняем. Но ведь все знают… как это бывает… девушка хочет, чтобы ее приняли в компанию. Она ищет внимания. Ну зачем, спрашивается, Кевину делать что-то подобное? Мы хорошо его знаем. Он не такой. Нет.

Еще один мужчина, не вставая с места, громко заявил:

– Ясное дело, девчонка, так сказать, воспользовалась случаем. Что поделаешь, так уж сложилось, что наши парни пользуются успехом. Вряд ли она нарочно, может, у нее просто проблемы с психикой, она же подросток, ну гормоны взыграли, у кого в этом возрасте не бывает. Но она выпила и идет к нему в комнату – она же сама провоцирует его черт знает на что. Черт знает на что. Как бедному парню на это реагировать?

Тут встала Магган Лит и сочувственно оглядела всех вокруг:

– Я сама – женщина. Так что к слову «изнасилование» я отношусь крайне серьезно. Крайне серьезно! Именно поэтому я считаю, что мы должны донести до наших детей, что о таких вещах нельзя врать. А мы все знаем, что эта девушка врет. Все свидетельствует в пользу мальчика, у него не было ни малейшего повода сделать то, в чем его обвиняют. Мы не желаем этой девушке зла, мы не хотим навредить ее семье, но если мы промолчим, как это истолкуют наши дети? Что любая жертва безответной любви должна кричать направо и налево, что ее изнасиловали? Я сама

женщина, и именно поэтому я так серьезно отношусь к подобным вещам. Все знают, что отец этой девушки использует ситуацию в своих интересах. Всем очевидно, что он не может смириться с тем, что в этом клубе есть звезды поярче, чем он сам…

Петер стоял в дверях. Прошло много времени, прежде чем его кто-то заметил, и совсем немного, прежде чем на него устремились все взгляды. Море знакомых глаз, он знал их всю свою жизнь. Друзья детства, одноклассники, возлюбленные юности, коллеги, соседи, родители детей, с которыми играют его дети. У дальней стены – два десятка грозных парней в черных куртках. Они ничего не говорили, только пристально смотрели на Петера. Петер чувствовал их ненависть, но, глядя на Магган Лит, не опустил глаз.

– Ничего-ничего, продолжайте. Я не буду вам мешать, – сказал он.

Вокруг было достаточно тихо, чтобы все окружающие услышали, как рвется его сердце.

Вернувшись на работу, журналистка и фотограф расскажут все главному редактору, журналистка не сомневается, что главред немедленно отправит их обратно. Однако вместо этого начальник промямлит что-то невнятное, мол, «не знаю, можно ли назвать это угрозой… народ просто нервничает… их можно понять… наверно, не стоит… ну, сама понимаешь…» Фотограф, кашлянув, продолжит: «Искать проблемы там, где их нет?» Начальник кивнет и скажет: «Вот именно… вот именно!»

Журналистка промолчит, она еще слишком молода и слишком дорожит своей работой, но она запомнит ужас в их глазах. И еще долго не сможет забыть, что сказал ей Кевин Эрдаль в интервью после полуфинала. Так, вероятно, говорят все спортсмены, когда их товарищ по команде совершил что-то недопустимое. Наигранное удивление, закрытая поза, односложный ответ. «А? Что? К сожалению, я ничего не видел».

На этот раз Фатима вошла без стука. Хотя обычно всегда стучит. Амат сидел на кровати с визиткой в руках.

– У мальчика могут быть секреты от матери, – решительно сказала она. – Но только если он умеет их скрывать.

– Все в порядке. Не… беспокойся, мама, – ответил он.

– Твой отец… – начала она, но Амат перебил.

Чего обычно себе не позволял.

– Не надо говорить, что сделал бы отец. Его здесь нет!

Она сложила руки на коленях. Амат тяжело дышал. Он попытался протянуть ей карточку, но Фатима ее не взяла.

– Это работа! – В его голосе смешались отчаяние мальчишки и раздражение юноши.

– У меня есть работа.

– Эта лучше, – сказал он.

Мать удивленно подняла брови:

– О? Это такая работа, где у них есть площадка, чтобы я могла каждый день смотреть, как тренируется мой сын?

Его плечи опустились.

– Нет.

– Тогда для меня она ничем не лучше. У меня есть работа. Не волнуйся за меня.

Его глаза вспыхнули.

– Но кто будет все это делать, мам? Кто? Посмотри вокруг! Кто будет о нас заботиться, когда твоя спина совсем откажет?

– Я. Точно так же, как всегда, – пообещала она.

Он пытался всучить ей визитку, но она не взяла.

– В ЭТОМ МИРЕ В ОДИНОЧКУ НИЧЕГО НЕ ДОБЬЕШЬСЯ, МАМА! – крикнул он.

Она не ответила. Просто села рядом. Амат заплакал.

– Это слишком сложно, мама, – проговорил он сквозь слезы. – Ты не понимаешь… ты не понимаешь, сколько… я не могу…

Фатима отпустила его руки. Встала. Отошла к двери. И решительно произнесла:

– Я не знаю, что тебе известно. Но очевидно, есть кто-то, кто до смерти боится, что ты проболтаешься. И поэтому позволь мне сказать тебе, мой любимый мальчик: мне не нужны мужчины. Ни тот, который будет утром отвозить меня в ледовый дворец, ни тот, кто даст мне новую работу, которая мне ни к чему. Мне не нужен мужчина, который будет оплачивать мои счета и который будет говорить, что мне думать и чувствовать. Мне нужен только один мужчина – мой сын. И запомни, ты – не одинок. Ты никогда не был одинок. Ты просто должен выбрать, с кем тебе по пути.

Она вышла. Закрыла дверь. Карточку она оставила ему.

Магган Лит продолжала стоять – гордость не позволяла ей пойти на попятную. Обернувшись к членам правления, она потребовала:

– Я считаю, что голосование должно быть открытым.

Наконец взял слово генеральный директор:

– Да, но хочу напомнить вам, что по уставу каждый вправе потребовать закрытого голосования…

Он слишком поздно понял, что этого Магган Лит и добивалась. Она демонстративно повернулась к присутствующим:

– Ну что ж. Есть здесь хоть кто-нибудь, кто не готов ответить за свои слова? Кто побоится посмотреть нам в глаза и сказать, что думает? Прошу вас, пожалуйста, встаньте и воспользуйтесь своим правом голосовать анонимно!

Зал замер. Петер развернулся и вышел. Он мог бы остаться, высказаться в свою защиту, но решил, что это ни к чему.

Амат надел наушники. Он шел по своему району, по чужому городу. Мимо всего своего детства, взросления, жизни. Всегда найдутся люди, которые его не поймут. Которые назовут его поступок трусливым, нечестным и вероломным. Возможно, все эти люди живут спокойной и безмятежной жизнью, в окружении единомышленников, и прислушиваются к мнениям, которые только подтверждают их собственное мировоззрение. Таким людям легко судить его – морализировать всегда легко, когда сам ни за что не отвечаешь.

Он пошел к ледовому дворцу. Встал рядом с товарищами по команде. Он бежал от войны, когда еще не умел говорить, но с тех пор так и живет в бегах. Только в хоккее он впервые почувствовал себя частью группы. Нормальным человеком. На что-то годным.

Вильям Лит хлопнул его по спине. Амат посмотрел ему в глаза.

В коридоре стояла Рамона – ждала Петера. Палка, запах виски – уже лет десять она не отходила от «Шкуры» дальше чем на пять шагов.

– Им будет стыдно, – хмыкнула она. – В один прекрасный день они вспомнят, как на одной чаше весов были слова мальчика, а на другой – слова девочки и как они слепо поверили мальчишке. И тогда им будет стыдно.

Петер хлопнул ее по плечу.

– Послушай, Рамона… не лезь ты в это, мы как-нибудь справимся, – шепнул он.

– Кто ты такой, чтобы указывать, во что мне лезть, а во что нет.

Петер кивнул, чмокнул ее в щеку и ушел. Он уже стоял у машины, когда Рамона распахнула дверь кафетерия своей палкой. Один из членов правления, одетый в костюм, в эту секунду как раз ослабил свой галстук и

сказал – может, в шутку, а может, всерьез:

– Да и как вы вообще себе это представляете? Кто-нибудь об этом задумывался? Вы видели, какие джинсы они нынче носят? В облипку, как змеиная кожа! Они и сами-то снять их не могут, а как парню сделать это против их воли? Интересно, правда?

Он засмеялся, довольный собой, кто-то подхватил, но грохот, с которым распахнулась дверь, заставил всех замолчать и обернуться. Рамона, подвыпившая и разъяренная, ткнула в него палкой:

– Вот как, Леннарт, голубчик? Тебе, значит, это интересно? А спорим на одну из твоих годовых зарплат, что я против твоей воли стащу с тебя этот костюм и ни один придурок в этом зале и пальцем пошевелить не успеет?

Рамона в пьяном бешенстве ударила палкой по стулу так, что сидящий на нем исключительно невинный человек ахнул и схватился за сердце. Рамона потрясала палкой, грозя всем присутствующим.

– Это не мой город. Вы – не мой город. Стыдитесь!

Один мужчина встал с места и крикнул:

– Да заткнись ты, Рамона! Ты ничего не понимаешь!

Три человека в черных куртках беззвучно отделились от стены, один подошел к кричавшему и ответил ему:

– Если еще хоть раз скажешь ей «заткнись», заткнешься сам. Навсегда.

Амат встал у ледового дворца, посмотрел в глаза товарищам. Глубоко вздохнул, развернулся и ушел. Первый шаг робкий, второй – уверенный. Он слышал, как Лит кричит ему вслед, но шел дальше, внутрь, оставив дверь открытой. Миновал площадку, потом дальше, вверх по лестнице, в кафетерий, протиснулся между стульев, встал перед членами правления и посмотрел им всем в глаза – и всем, кто был в зале. И мужчине по фамилии Эрдаль – ему первому, самому высокому из всех.

– Меня зовут Амат. Я видел, что Кевин сделал с Маей. Я был пьян, и я ее люблю, я говорю это сразу, чтобы вы, лживые гады, не говорили это потом у меня за спиной, когда я уйду. Кевин Эрдаль изнасиловал Маю Андерсон. Завтра я пойду в полицию, и они скажут, что я ненадежный свидетель. Но я расскажу вам все сейчас, все, что сделал Кевин, все, что я видел. И вы никогда этого не забудете. Потому что вы видели меня на льду. Вы знаете, что глаза у меня лучше, чем у кого-либо в этом зале. Это первое, что слышишь, когда начинаешь играть в нашем клубе, правда? «Зоркости не научишь. С ней можно только родиться».

А потом он рассказал. Все до малейших деталей. Назвал каждый предмет у Кевина в комнате. Постеры на стене, порядок, в каком расставлены кубки на полке, царапины на полу, цвет постельного белья, кровь на руке у мальчика, страх в глазах девочки, приглушенные, сдавленные тяжелой ладонью крики, синяки, насилие, непостижимое, омерзительное, непростительное. Он рассказал все. И никто в зале никогда этого не забудет.

Закончив, он ушел. Не хлопая дверью, не топая по лестнице, а выходя на улицу, ни на кого не крикнул. Едва он дошел до парковки, на него налетел Вильям:

– Что ты сделал? Что ты сделал, тупая продажная тварь, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ???!!!

Руки, которые протиснулись между ними, вполовину меньше рук Лита и даже меньше рук Амата, но они с нечеловеческой силой держали обоих.

– Хватит! – рявкнула Анн-Катрин на Вильяма.

Бубу стоял в нескольких метрах, глядя, как его мама расправляется с парнем вдвое больше ее. В жизни он не чувствовал себя глупее. И в жизни не испытывал большей гордости.

Мама Филипа встала с места. Дождалась, пока уляжется шум. Сплела влажные от пота пальцы. Посмотрела на правление и спросила:

– Анонимного голосования может требовать кто угодно?

Директор кивнул:

– Закрытого голосования. Разумеется. В соответствии с уставом одного голоса достаточно.

– Тогда я требую закрытого голосования, – сказала мама Филипа и села.

Ее лучшая подруга сидела рядом и с оскорбленным ожесточением дернула ее за рукав:

– Что ты задумала? Что ты за…

И тогда мама Филипа сказала два слова, которые иногда говорят друг другу все лучшие друзья:

– Заткнись, Магган.

Амат ушел, не глядя на товарищей, он и так знал, что они думают. Он надел наушники, бросил последний взгляд на ледовый дворец, заметил, как блестит на площадке лед под одинокой неоновой лампой. Он знал, что занял сторону обреченных, что ему никогда не победить. Возможно, он

никогда больше не будет играть. Спроси его кто-нибудь там и тогда, стоило ли оно того, он бы прошептал: «Я не знаю». Иногда жизнь не дает тебе выбирать битвы. Только попутчиков.

Он шел обратно по городу. На земле лежал снег, но воздух дышал весной. Он всегда ненавидел это время года: оно означало, что хоккейный сезон окончен. Амат дошел до самого своего дома, но завернул в соседний подъезд, поднялся на третий этаж, позвонил в дверь.

Закариас открыл с геймпадом в руках. Они смотрели друг на друга, пока снег на подошвах Амата не превратился в лужи на полу. Он тяжело дышал, чувствуя, как кровь пульсирует в глазах.

– С днем рождения.

Закариас попятился, освобождая дорогу. Амат повесил куртку на тот же крючок, на который вешал ее каждый день с тех пор, как стал до него доставать. И вот Закариас сидит в своей комнате на кровати и играет в компьютерную игру. Амат сидит рядом. Прошло полчаса или вроде того. Закариас встал, подошел к полке, взял еще один геймпад и положил на колени другу.

Они играли без слов. Они всегда обходились без слов.

Тем временем в ледовом дворце члены клуба голосовали за будущее спортивного директора. И в равной степени – за будущее города. Своего города. Их города.

Рамона сидела в углу рядом с человеком в черной куртке. Его шея была украшена татуировкой в виде медведя, он нервно крутил на пальцах ключи от машины. Рамона погладила его по щеке.

– Необязательно было ему угрожать. Я и сама справлюсь. Но все равно спасибо.

Человек в черной куртке еле заметно улыбнулся. Его кулаки были покрыты шрамами, на одной руке – след ножевого ранения, она никогда им не восхищалась, но и не осуждала его. Он и другие мужчины в черных куртках выросли в «Шкуре». Рамона поддерживала их, когда никто не желал с ними знаться, защищала их, даже когда сама была с ними не согласна, она могла орать на них – и все равно прикрывать их спины. Они обожали ее. Тем не менее он сказал:

– Я не уверен, что смогу убедить парней голосовать, как ты хочешь.

Кивнув, она взъерошила ежик у него на голове.

– Я видела глаза Амата. Я ему верю. И поступаю соответственно. Как поступаете вы – ваше дело. Так было всегда.

Человек в черной куртке кивнул.

– Не знаю, надо ли нам вмешиваться. – Он сглотнул, и медведь на шее поднялся, а потом опустился. – «Группировка» и клуб – превыше всего.

Рамона с трудом встала, но прежде чем пойти к урне, хлопнула его по колену и спросила:

– Чей клуб?

Он сидел, глядя ей вслед. Крутил ключи от автомобиля, брелок с логотипом «сааба» то исчезал, то снова появлялся в его руке. Потом взгляд его остановился на человеке в первом ряду. Он видел его в Низине, вместе с Аматом. Отец Кевина Эрдаля. Мужчина в черной куртке сунул руку в карман. Там до сих пор лежали пять помятых тысячных купюр, тех, что он поднял тогда с земли.

Он до сих пор не решил, как с ними поступит.

44

Любовь родителя к ребенку странная штука. Всякая другая любовь – к другим людям – с чего-то начинается. Но этого человека мы любили целую вечность, любили еще до того, как он появился на свет. Сколько ни готовься, но первое мгновение для всех матерей и отцов – всегда шок: когда волна чувств захлестывает тебя и земля уходит из-под ног. Понять это невозможно, потому что не с чем сравнить. Все равно что пытаться описать ощущение от песка между пальцами ног или от снежинок на языке тому, кто всю жизнь прожил в темной комнате. Душа переворачивается.

Давид держал руку на животе своей девушки, преисполненный любви к человеку, которого он никогда не видел, чувствуя, что его жизнь переходит во власть несуществующей любви. Его мама часто повторяла, что каждый ребенок – это трансплантация сердца. Теперь он понял, что она имела в виду.

Пальцы девушки коснулись его затылка. Он весь вечер проговорил по телефону, ему рассказали все о собрании, о принятых решениях. Он получил предложение, о котором мечтал с тех пор, как тренировал детскую команду.

– Я не знаю, как быть.

– Доверься сердцу, – сказала девушка.

– Я хоккейный тренер. И никем другим быть не хочу. Остальное – политика. Она не имеет никакого отношения к спорту.

Девушка поцеловала его руку.

– Так будь тренером.

Мая позвонила в дверь Аны. Она ничего не сказала о том, что видела Кевина в лесу, вообще ничего. Еще недавно утаивать что-то от Аны казалось немыслимым, теперь же ничего естественней и быть не могло. Мерзкое чувство. Они пошли домой к Мае. Петер, Мира и Лео сидели на кухне. Они ждали, что зазвонят телефоны, что кто-нибудь расскажет им, чем кончилось собрание. Но пока все было тихо. Поэтому им оставалось одно. Мая принесла гитару, Петер принес барабанные палочки, Ана спросила, можно она споет. Пела она из рук вон плохо. Настолько плохо, что это скрасило ожидание для всей семьи.

На другом конце города, в ледовом дворце на дороге, ведущей к озеру, подходило к концу собрание членов хоккейного клуба. Голосование завершилось. Результаты были подсчитаны. Все приготовились к последствиям.

Люди в черных куртках смешались с другими участниками собрания. Кто-то шел с семьей, кто-то один. Мужчины и женщины выходили на парковку. Все разговаривали, но никто ничего не говорил. Их ждала долгая ночь в домах, где все лампы потушены и никто не спит.

Когда все разошлись, директор клуба еще долго сидел за столом в кафетерии. Фрак стоял один на темной трибуне. Этот клуб – их жизнь. Ни один из них не знал, кому он теперь принадлежит.

Амат сидел на кровати в комнате Закариаса. Его телефон завибрировал. Эсэмэс. Одно слово. От Маи.

«Спасибо».

Амат ответил – одним словом.

«Прости».

«Спасибо» – за то, что он сделал. «Прости» – за то, что так долго не мог решиться.

Родители Кевина ушли с собрания первыми. Отец пожал кому-то руки, с кем-то перекинулся парой слов. Мать ничего не сказала. Они сели каждый в свою машину и разъехались в разные стороны.

Суне пришел домой. Стал кормить щенка. Телефонный звонок раздался неожиданно, но Суне ничуть не удивился. Звонил генеральный директор клуба. Повесив трубку, Суне ложиться не стал, подозревая, что директор заявится к нему с визитом.

Мама Кевина остановила машину. Выключила двигатель, но тут же включила снова. Погасила фары, но не вышла. У нее не было сил, ее тряс озноб, пальцы едва могли держать руль. Внутри ее все сгорело дотла, тело – пустая оболочка, такими она запомнит свои ощущения.

Она вылезла из машины, пошла по кварталу, застроенному таунхаусами, отыскала нужную дверь и позвонила. Это последний дом в этом районе, дальше начинается Низина.

Еще до того как в дверь постучали, щенок услышал, что кто-то пришел. Суне открыл, шикнул на пса, пытаясь загнать его на место, но по голосу старика было ясно, кто в доме главный.

– Чем собаки отличаются от хоккеистов? – Давид горько улыбнулся.

– Хоккеисты хотя бы иногда делают то, что им говорят, – пробормотал Суне.

Мужчины переглянулись. Когда-то один из них был наставником, другой – учеником. Когда-то их любовь друг к другу была незыблемой. Времена меняются, хоккей не стоит на месте.

– Я пришел, чтобы ты услышал все от меня… – начал Давид.

– Ты будешь тренировать основную команду, – кивнул Суне.

– Тебе звонил директор?

– Да.

– Ничего личного, Суне. Но я тренер. Это наша работа.

Загипсованная нога Беньи уже не загипсованная нога. Это деревянный протез. Через глаз – черная лента, его комната – пиратский корабль, а его племянники – враги. Они защищались клюшками, выли от смеха, когда он скакал за ними на одной ноге, срывали белье с его постели и кидали ему на голову, так что он грохнулся и перевернул комод. В дверях возникла Габи, руки скрещены, на лице – родительская мина.

– Блин… – пробормотал один из детей.

– Это все дядя! – тут же заверил ее другой.

– Предатель! – крикнул Беньи, пытаясь выползти из-под одеяла.

Габи строго ткнула в них указательным пальцем:

– Даю вам пять минут на уборку. Потом мыть руки и обедать. У бабушки почти все готово. Это и тебя касается, братан!

Беньи что-то хрюкнул из-под одеяла. Дети помогли ему выбраться. Габи ушла в уборную, чтобы они не видели, как она смеется. Как же этого не хватает в их городе – именно сегодня.

Суне выдохнул из самой глубины своего коренастого тела и посмотрел на Давида:

– Ты правда так ненавидишь Петера, что не смог бы работать в клубе, если бы он остался?

Давид огорченно вздохнул:

– Ненависть тут ни при чем. У нас просто разные ценности. Мы играем в хоккей, мы должны уметь ставить интересы клуба выше собственных.

– А Петер, по-твоему, не умеет?

– Я видел его, Суне. Я видел его на парковке, когда полиция ссадила Кевина с автобуса. Петер приехал туда, чтобы увидеть это своими глазами. Это была месть.

– А ты бы не сделал то же самое на его месте?

Давид поднял глаза, покачал головой:

– На его месте я бы, наверно, захватил пистолет. Я не об этом.

– А о чем тогда? – спросил Суне.

– О том, что хоккей существует, только пока он остается закрытым миром. Пока его не смешивают с посторонним дерьмом. Если бы они немного выждали и подали заявление на следующий день после финала, юридические последствия были РОВНО те же. Полиция, прокурор, суд, все то же, что и сейчас, все то же самое, только днем позже.

– А Кевин успел бы сыграть финал. И юниоры, возможно, победили бы, – вставил Суне, очевидно с ним не соглашаясь.

Давид не уступал:

– Для того и существует правосудие, Суне, именно поэтому в обществе есть законы. Петер мог бы подождать до финала, потому что проступок Кевина не имеет никакого отношения ни к хоккею, ни к клубу, но Петер решил сам его покарать. Он навредил команде, навредил клубу. Всему городу.

Старик издал свистящий вздох. Он постарел, но глаза не изменились.

– А помнишь, в тот год, когда ты только попал в основную команду, у нас был парень, который за два сезона получил три серьезных сотряса? Все знали: еще один, и больше он на лед не выйдет. Мы играли матч, в защите у противников стоял огромный зверюга, он знал обо всем этом и в первую же смену умышленно провел силовой прием так, чтобы попасть парню в голову.

– Помню, – кивает Давид.

– Помнишь, что ты сделал с этим защитником?

– Я избил его.

– Да. Наш парень получил очередное сотрясение мозга, больше он не играл. Но судья даже не удалил этого защитника. И поэтому ты избил его. Потому что иногда судьи ошибаются, иногда правила игры не совпадают с моральными правилами, и ты решил, что можешь сам чинить правосудие на льду.

– Это разные вещи, – уверенно ответил Давид, хотя на самом деле был не вполне уверен.

Суне надолго задумался, погладил щенка, потеребил брови.

– Как ты считаешь, Кевин правда изнасиловал Маю?

Давид обдумывал ответ целую вечность. Он думал об этом каждую секунду с тех пор, как полиция увезла Кевина. Разобрал ситуацию со всех сторон и решил вести себя разумно. Ответственно. Поэтому он ответил так:

– Это не мне решать. Это решит суд. Я тренер.

Суне огорчился:

– Я уважаю тебя, Давид. Но твою точку зрения – нет.

– А я не уважаю Петера за то, что возомнил себя Богом и решил, что всё в его власти – команда, клуб, город, – только из-за того, что дело касается его дочери. Вот скажи, Суне, если бы Кевина обвинили в изнасиловании другой девушки, если бы это не была дочка Петера, думаешь, Петер стал бы настаивать, чтобы ее родные обратились в полицию в день финала?

Суне прислонился головой к дверному косяку.

– Хорошо, Давид, тогда я спрошу тебя: если бы речь шла не о Кевине. Если бы под обвинение попал любой другой парень. Если бы это был кто-то из Низины. Ты бы так же рассуждал?

– Не знаю, – честно ответил Давид.

Суне молчал. Пусть эти слова так с Давидом и останутся. Ведь, в конце концов, большего не потребуешь. Хотя бы признать, что мы не можем знать все. Суне посторонился, пропуская Давида в коридор.

– Хочешь кофе?

В дверь Андерсонов позвонили. Гостю открыли не сразу. Мира с Лео играли на кухне в карты, из гаража доносились звуки электрогитары и ударных. Еще один звонок. Наконец ручка опустилась, в проеме стоял Петер в мокрой от пота рубашке и с барабанными палочками в руках. А на крыльце – генеральный директор клуба.

– У меня плохие новости. И хорошие.

Давид и Суне сидели на кухне. Давид никогда здесь не бывал, почти пятнадцать лет они всегда встречались на льду, но ни разу не были друг у друга дома.

– Значит, ты наконец получил основную команду, – великодушно произнес Суне.

– Только не ту, о которой я думал, – тихо ответил Давид.

Суне налил ему кофе. Он вполне допускал, что после сегодняшнего собрания директор позвонит ему и скажет о назначении Давида в основную команду, только полагал, что это будет команда Бьорнстада.

– Молока? – спросил Суне.

– Нет, спасибо, черный в самый раз, – ответил новый тренер основной команды клуба «Хед-Хоккей».

Директор кашлянул. В коридоре появилась Мира. Позади встали Лео и Мая, брат взял сестру за руку.

– Члены клуба проголосовали. Они не хотят тебя увольнять, – сообщил директор.

Ни криков восторга. Ни даже улыбок. Петер стер пот со лба.

– Что это значит?

Директор развел руками, плечи медленно поползли вверх.

– Давид уволился. Ему предложили работу в Хеде, в основной команде. Все лучшие юниоры уйдут с ним. Лит, Филип, Беньи, Бубу… Они работают не на клуб, Петер, они никогда не играли ради клуба. Они работают на Давида. А без них мы можем забыть про наши планы относительно взрослой команды. Сегодня вечером мне позвонили практически все спонсоры и разорвали контракты.

– Мы подадим на них в суд, – прорычала Мира, но директор только головой покачал.

– В прошлом году они вложили все свои деньги при условии, что из юниоров получится хорошая команда профессионалов. О «хорошей команде» можно забыть, мы даже платить зарплаты не сможем. Боюсь, в следующем году у нас вообще никакой команды не будет. Коммуна вкладываться не станет, они не хотят здесь делать хоккейную гимназию после… скандала.

Петер кивнул:

– А Эрдали?

– Отец Кевина забирает свои вложения. Переносит их в Хед. Он, естественно, хочет нас задушить. И если Кевина не признают виновным в… том, что случилось… он… будет играть в «Хед-Хоккее». Все наши лучшие игроки уйдут к ним.

Петер прислонился к стене. Грустно улыбнулся:

– Хорошие и плохие новости, значит.

– Хорошая – потому что ты остаешься спортивным директором. Плохая – потому что я не уверен, будет ли у нас в следующем году клуб, где ты сможешь работать на этой должности.

Он развернулся, но не ушел. Взглянул на Петера через плечо:

– Я должен извиниться.

Петер вздохнул и медленно покачал головой:

– Не надо извиняться…

– Я не у тебя прошу прощения, – перебил его директор.

Он нашел взглядом Маю и посмотрел ей прямо в глаза.

Давид держал кружку обеими руками. Опустив глаза.

– Может, я и похож сейчас на сентиментальную старушку, но я хочу, чтобы ты знал, как я благодарен тебе за все, что ты сделал. За все, чему ты меня научил.

Суне чесал пса за ухом. Не сводил глаз с его шерсти.

– Я давно должен был уступить тебе дорогу. Я слишком занесся. Не хотел признать, что отстал от хоккея.

Давид отпил кофе. Посмотрел в окно.

– У меня будет ребенок. Я… глупо, конечно, учитывая обстоятельства, но я хотел, чтобы ты узнал об этом первым.

Сперва Суне не мог вымолвить ни слова. Потом встал, открыл шкафчик, возвратился к столу с бутылкой.

– Думаю, нам понадобится кофе покрепче.

Они выпили. Давид рассмеялся и тут же умолк.

– Не знаю, какой из меня как из тренера получится отец – плохой или хороший…

– Во всяком случае, тренеры из отцов получаются отличные, – ответил Суне.

Давид допил кофе, поставил пустую кружку на стол.

– Я не могу оставаться в клубе, где хоккей мешают с политикой. Ты сам меня этому научил.

Суне снова наполнил его кружку.

– У меня нет детей, Давид. Но хочешь, я дам тебе один полезный для родителя совет?

– Да.

– «Я был не прав». Это хорошие слова. Запомни их. Улыбка у Давида слабая, кофе – крепкий.

– Я понимаю, что ты поддерживаешь Петера. Он всегда был твоим лучшим учеником.

– Почти лучшим, – поправляет его Суне.

Они переглянулись. Глаза у обоих блестели.

– Это его дочь, Давид, – глухо вырвалось у Суне. – Его дочь. Он просто хочет справедливости.

Давид покачал головой:

– Нет. Не справедливости. Он хочет выиграть. Он хочет, чтобы

родителям Кевина было больнее, чем ему с Мирой. Это не справедливость, это месть.

Суне снова наполнил кружки. Чуть подняв их, они молча выпили. Потом Суне сказал:

– Заходи ко мне, когда твоему ребенку исполнится пятнадцать. Возможно, ты будешь рассуждать иначе.

Давид встал. Напоследок они коротко, но крепко обнялись. Завтра они отправятся каждый в свой ледовый дворец – один поедет в Хед, другой останется здесь, в Бьорнстаде. В следующем сезоне они будут соперниками.

Адри стояла в кухне матери. Катя и Габи препирались, какие мисочки поставить на стол, какие зажечь свечи. Когда пришел Беньи, мама поцеловала его в щеку и сказала, что любит его, что он – свет ее жизни, а потом снова стала ругаться из-за его ноги и сообщила, что он мог бы с таким же успехом сломать шею, потому что головой он, по всей видимости, уже давно не пользуется.

В дверь позвонили. Гостья извинилась за поздний визит. Кожа была ей словно велика, женщина едва стояла на ногах. Минут десять ушло у нее на то, чтобы уговорить маму Беньи не приглашать ее к столу, мама Беньи дала затрещину Адри и прошипела: «Поставь еще тарелку», после чего Адри пихнула в бок Габи и прошипела: «Еще тарелку!», на что Габи пнула ногой Катю и рявкнула: «Тарелку!» Катя обернулась к Беньи, но замерла на месте, увидев его лицо.

В дверях стояла мама Кевина и смотрела на Беньи, потом произнесла свою просьбу таким слабым и неузнаваемым голосом, что казалось, будто он звучит в записи:

– Извините меня. Я просто хотела поговорить с Беньямином.

Кевин стоял в саду перед домом. Одну за другой забивал шайбы в ворота. Банк-банк-банк-банк. В доме сидел его отец, перед ним – недавно открытая бутылка виски. Сегодня вечером им не удалось добиться всего, что они хотели, но они и не проиграли. Завтра их адвокат приготовит аргументы, доказывающие, почему нельзя доверять свидетельским показаниям молодого человека, который на момент предполагаемого преступления был пьян и к тому же влюблен. Потом Кевин начнет играть за «Хед», заберет с собой команду, почти всех спонсоров, и будущее его не пострадает. Скоро, очень скоро, окружающие будут делать вид, будто

ничего не произошло. Потому что эта семья не проигрывает. Даже когда проигрывает. Банк-банк-банк-банк.

Беньи сидел на скамейке у дома. Мама Кевина сидела рядом, запрокинув голову и глядя на звезды.

– Я помню тот остров, куда вы с Кевином плавали на лодке летом, – сказала она.

Беньи не ответил, но он тоже думал об острове. Они нашли его в детстве. Не на большом озере рядом с ледовым дворцом, где летом купается весь город, – там было слишком людно. Они обнаружили в лесу другое озеро, поменьше, в нескольких часах ходьбы от города. Там не было ни мостков для купания, ни людей. Посередине высилось несколько поросших деревьями каменных глыб, с берега казавшихся бессмысленным нагромождением камней. Мальчики притащили лодку и в самом сердце островка расчистили небольшой пятачок для палатки. Это было их тайное место. В первое лето они провели там сутки, во второе – несколько дней. Подростками они жили там по нескольку недель. Использовали каждую свободную от хоккея секунду перед началом летних тренировок. Просто линяли из города, только их и видели. Купались голышом, загорали на камнях, ловили рыбу на ужин, спали под звездным небом.

Беньи смотрел на то же небо, что и тогда. А мама Кевина испытующе смотрела на Беньи:

– Знаешь, Беньямин, это так странно – в городе многие считают, что это наша семья заботилась о тебе, когда умер твой папа. На самом же деле было наоборот. Кевин проводил куда больше времени в доме твоей мамы, чем ты в нашем. Я знаю, что вы устраивали у нас беспорядок, когда нас не было, чтобы казалось, будто Кевин ночевал дома, но…

– Но вы знали? – кивнул Беньи.

Она улыбнулась:

– Я знаю даже, что ты нарочно спутывал бахрому на моих коврах.

– Простите.

Она разглядывала свои ладони. Глубоко дышала.

– Когда вы были маленькие, твоя мама стирала вашу хоккейную форму, кормила вас, а когда в школе вас обижали старшие мальчики…

– С ними разбирались мои сестры.

– У тебя хорошие сестры.

– Три чокнутые девицы.

– Это счастье, Беньямин.

Он сморгнул, изо всех сил вдавив сломанную ногу в землю, чтобы эта

боль заглушила ту, другую.

Женщина кусала губы.

– Мне как матери трудно принять некоторые вещи, Беньямин. Я видела, что тебя не было у здания полиции, когда мы выходили. Ты не пришел к нам домой. Тебя не было сегодня на собрании. Я…

Она прикоснулась к уголкам глаз большим и указательным пальцами, сглотнула, прошептала:

– С самого детства, всякий раз, когда вы с Кевином устраивали какие-то безобразия, учителя и другие родители говорили, что это ты во всем виноват, потому что ты растешь без отца и тебе не с кого брать пример. А я никогда не знала, что на это ответить. Потому что в жизни не слышала ничего глупее.

Беньямин удивленно посмотрел на нее, она открыла глаза, протянула руку и нежно дотронулась до его щеки.

– Эта команда… ваша потрясающая команда… я знаю, как вы любите друг друга. Какие вы преданные. Иногда я не знаю, хорошо это или плохо. Помню, когда вам было девять, вы сделали рогатки и Кевин разбил соседское окно. Помнишь? Ты тогда взял вину на себя. Потому что, когда все остальные мальчишки убежали, ты не убежал, понимая, что кому-то придется за это ответить, и знал, что Кевину, если он признается, влетит больше, чем тебе.

Беньи вытер глаза. Она все еще держала ладонь на его щеке. Гладила его и улыбалась.

– Ты не ангел, Беньямин, я знаю. Но это не потому, что ты растешь без отца. Тебе есть с кого брать пример. Все самое лучшее в тебе воспитали женщины, с которыми ты вырос.

Она придвинулась ближе, мальчик дрожал всем телом, она нежно обняла его.

– Мой сын никогда бы не смог солгать тебе, Беньямин, ведь так? Кевин может соврать кому угодно. Отцу. Мне. Но тебе… никогда.

Они сидели на скамейке, она обнимала его – единственное короткое мгновение в их жизни. Потом мама Кевина встала и ушла.

Беньи пытался закурить. Но пальцы так дрожали, что он не мог удержать зажигалку. Слезы потушили вспыхнувший огонек.

Отец все еще сидел на кухне. Бутылка виски была открыта, но он к ней так и не притронулся. Банк-банк-банк-банк-банк. Мать вернулась домой, поглядела на мужа, ненадолго задержалась в прихожей, глядя на фото на

стене. Семейная фотография в рамке. Снимок покосился, стекло разбито. Рука отца в крови. Мать ничего не сказала, просто смела осколки и выкинула в ведро. Потом вышла в сад. Банк-банк-банк-банк-банк. Когда Кевин шел к воротам, чтобы собрать шайбы, она взяла его за руку. Не жестко, без гнева, просто остановила. Посмотрела на него, он опустил взгляд, она взяла его за подбородок. Так, чтобы сын не мог отвести глаза. Пока она не узнает.

Эта семья не проигрывает. Но они будут знать.

Семья Андерсон сидела на кухне. Все впятером, включая Ану. Играли в детские карты. Никто не выигрывал, потому что все поддавались. В дверь снова позвонили. Открыл Петер. Молча застыл, глядя на того, кто пришел. Вслед за ним в прихожую вышла Мира, но остановилась, увидев, кто это. Последней появилась Мая.

Прошло слишком много времени, и полиция уже не может рассматривать это как достоверные улики. Ей следовало сделать фото, не принимать душ, подать заявление сразу. Теперь уже слишком поздно, вот что они сказали. Но синяки по-прежнему виднелись на шее и запястьях девочки. Их мог увидеть любой. Следы сильных пальцев, сдавивших ей руки. Удерживавших ее. Не дававших ей кричать.

Перед домом стояла мама Кевина. Разбитое существо, тонущее в собственной одежде. Колени дрожали от напряжения, но в конце концов не выдержали и подогнулись. Она опустилась у ног девочки, протянула руку, словно желая прикоснуться к ней, но пальцы слишком тряслись и не дотянулись. Мая долго смотрела на нее, не чувствуя ничего, кроме пустоты. Опустила глаза, перестала дышать, ее кожа потеряла чувствительность, слезные каналы онемели настолько, что тело казалось чужим. Она протянула руку, еле дыша, осторожно, точно отмычкой пыталась вскрыть замок, и погладила рыдающую у ее ног женщину по волосам.

– Прости… – прошептала мама Кевина.

– Вы не виноваты, – ответила Мая.

Одна из них упала. Другая начала подниматься.

45

Банк-банк-банк.

Одно из самых сложных понятий в командных видах спорта – это преданность. Преданность принято считать положительной чертой характера, так как, по мнению многих, все лучшее, что люди делают друг для друга, они делают из преданности. Проблема лишь в том, что слишком уж много плохих поступков мы совершаем по той же причине.

Банк-банк-банк.

Амат стоял у окна в комнате Закариаса и видел, как первый из них появляется между домами. На голове капюшон, лицо закрыто шарфом. Закариас был в уборной. Амат мог бы попросить его пойти с ним. Или пересидеть здесь ночь. Но он знал, что человек в капюшоне и маске ищет именно его, знал, что за ним идут другие. Они готовы горой стоять друг за друга, они команда, и их ненависть сейчас никак не связана с тем, что, по их мнению, сделал или не сделал Кевин. Сейчас они ненавидели Амата за то, что он пошел против команды. Они – армия, и им нужен враг.

Поэтому Амат выскользнул в прихожую и надел куртку. Он не хотел, чтобы Закариаса избили из-за него, и не мог допустить, чтобы кто-то, разыскивая его, врывался в квартиру матери.

Когда Закариас вернулся в комнату, его лучший друг уже ушел. Из преданности.

Банк. Банк.

Анн-Катрин стояла у окна своего дома рядом с автосервисом, когда они появились из-за деревьев. Первый – Лит, за ним восемь или девять человек. Некоторые из команды юниоров, она их узнала, некоторые, покрупнее, – их старшие братья. Все в худи с капюшонами и темных шарфах. Это не команда, не банда, это свора, готовая расправиться с врагом.

Бубу вышел им навстречу. Анн-Катрин смотрела, как ее сын стоит перед Литом, склонив голову, а Лит кладет руку ему на плечо, разъясняет стратегию, отдает приказы. Всю жизнь Бубу мечтал об одном – быть

частью чего-то большего. Мать видела, ее мальчик что-то пытается объяснить Литу, но тот уже вышел из себя. Он кричит, толкает Бубу, приставляет указательный палец к его лбу, и даже из окна можно было прочесть слово «предатель» на его губах. Молодые люди натянули капюшоны, закрыли лица шарфами и скрылись между деревьями. Сын Анн-Катрин стоял один на снегу, а потом принял решение.

Хряк возился с мотором, когда сын зашел в гараж. Отец чуть распрямился, и они искоса глянули друг на друга. Отец молча склонился над мотором. Бубу взял худи и шарф.

Банк.

Филип ужинал с родителями. Они почти не разговаривали. Филип – лучший защитник команды, однажды он добьется больших высот. В детстве, когда он безнадежно отставал от ровесников по всем физическим параметрам, все думали, что он перестанет играть, однако чего он никогда не переставал делать, так это бороться. Самый слабый в команде, он выучился считывать игру и всегда появляться в нужном месте в нужное время. Сейчас он стал одним из сильнейших. И одним из преданнейших. Среди парней в капюшонах и шарфах он был бы мощной силой.

Ресторан в Хеде был так себе, но мама настояла, чтобы сегодня они поехали именно сюда – сразу после собрания, все вместе. Они сидели до самого закрытия. Поэтому, когда мальчики, которым Филип ни за что бы не отказал, звонили им в дверь, Филип, точь-в-точь как в игре, оказался в нужном месте в нужное время. Не дома.

Банк.

Амат стоял под фонарем, дрожа на ветру, но не двигался с места. Он хотел, чтобы его заметили издалека, чтобы никто другой не успел вмешаться и не пострадал. Он никогда не смог бы объяснить, почему решился на это, – возможно, потому, что, когда слишком долго боишься, в конце концов надоедает.

Он не знал, сколько их, но в их облике так безошибочно угадывалась жестокость, что он понял: он и замахнуться не успеет, прежде чем они всем скопом накинутся на него. Сердце колотилось в самом горле. Он не знал, что они хотят – просто припугнуть его, устроить показательную расправу или же избить так, чтобы он никогда уже не вернулся в хоккей. Один из них что-то сжал в руке, наверно бейсбольную биту. Они прошли под

последним, ближайшим к нему фонарем, в руке другого блеснул обрезок железной трубы. От первого удара Амат прикрылся плечом, но его сразу настиг второй, боль от затылка молнией пронзила позвоночник, и тут же последовал третий, железной трубой по бедру. Он продирался, прогрызался, протискивался сквозь лавину тел, но это была не драка, а расправа. Он рухнул на снег весь в крови.

Банк.

Бубу мало что умел делать как следует, но драться – умел. Это качество обычно высоко ценится, если ты молод и вращаешься в соответствующей компании. Он был не просто силен и толстокож, но в придачу еще и наделен поразительной для такого тугодума и тормоза реакцией. Правда, выносливостью он не отличался, – для длинных дистанций он был слишком тяжел и с трудом поспевал за остальными парнями в масках. Он знал, времени у него будет совсем мало, чтобы показать свое истинное «я». Свою преданность, смелость, самоотверженность.

Завидев Амата, они сбавили шаг. Пятнадцатилетний подросток стоял один, ждал.

– А он не слабак, не сбежал, – пробормотал Лит. Первый удар Амат встретил плечом, а дальше уже не успел ничего разглядеть. У Бубу оставалось всего несколько секунд, чтобы пробраться вперед и со всей силы вмазать Литу по лицу: маска слетела, здоровенное тело впечаталось в стену. Другого парня, с которым они вместе играли в хоккей с тех пор, когда еще на коньках толком не стояли, Бубу двинул локтем по носу, так что оттуда забил кровавый фонтан.

У Бубу оставались только эти несколько секунд, прежде чем его команда успеет сообразить, что он не тот, за кого себя выдает. Что он – предатель. Амат лежал на земле, Бубу дрался как зверь, лупил во все стороны головой, коленями, кулаки взлетали в воздух, как кувалды. Он наступил на колено противника, слыша, как хрустнул сустав, почувствовал, как лицевые кости трещат под ударом его кулака. Но нападающих слишком много, они слишком тяжелые, и в конце концов Бубу упал. Лит уселся верхом у него на груди, нанося удар за ударом, и заорал в темноту: «Ах ты сука! Сука! Сраный предатель!»

Банк.

Между домами, в двадцати метрах от них остановилась машина. Тот,

кто сидел за рулем, явно не хотел вмешиваться, но все же включил дальний свет, на несколько секунд осветив всю сцену. Кто-то крикнул Литу в ухо: «Уходим! Уходим!» И они ушли. Некоторые ругались, некоторые хромали, но топот ботинок удалялся в ночь и наконец затих.

Амат еще долго лежал, поджав колени и боясь поверить, что его перестали бить. Он медленно, осторожно, по очереди пошевелил руками и ногами, проверяя, целы ли. Слегка повернул голову: внутри все стучало от боли, в глазах мутилось, однако он заметил рядом на снегу товарища по команде.

– Бубу?

На лице гиганта не осталось живого места, как и на кулаках. Наверняка не все противники смогли уйти сами, их пришлось тащить на себе другим. Бубу открыл рот, и из того места, где полагалось быть верхнему резцу, хлынула кровь.

– Ты нормально? – спросил Бубу.

– Ага… – простонал Амат. Бубу попытался улыбнуться:

– Опять?

Амат выдохнул. Ему стоило неимоверного труда выговорить:

– ОПЯТЬ!

– ОПЯТЬ! – крикнул Бубу.

Улыбаясь, оба откинулись на снег. Они тяжело дышали, их трясло.

– Но почему? Почему ты мне помогаешь? – прошептал Амат.

Бубу сплюнул кровь.

– Да… Все равно мне никогда не попасть во взрослую команду Хеда. А здесь в следующем сезоне, скорее всего, будет такой отстой, что даже для меня местечко найдется.

Амат рассмеялся и только тут понял, что одно из ребер у него, вероятно, сломано. Он вскрикнул, и Бубу, пожалуй, засмеялся бы над ним еще громче, если бы не адская боль в челюсти.

Банк. Банк. Банк.

Неподалеку стояла машина, «сааб». Водитель выключил фары. Двое парней в черных куртках вышли не сразу. В Бьорнстаде не всегда знаешь, кому доверять, а кому нет. Но эти парни выросли в «Шкуре», и преданность у них ценится превыше всего. Это жестокие люди, они знают, как внушить людям страх, и, возможно, с уважением относятся к тому, кто не прячется, хотя знает, что расправы не избежать. Поэтому в конце концов они вылезли из машины, прошли под фонарями, склонились над Аматом. Тот глянул на

них из-под распухших век.

– Это вы были в машине? – простонал он.

Они едва заметно кивнули. Амат попытался сесть.

– Если бы не вы, нас бы убили. Спасибо…

Один из парней наклонился ближе.

– Рамону благодари, – сурово произнес он. – Мы пока еще не знаем, можно ли тебе доверять. Но я бы на твоем месте не высовывался на собрании, в смысле того, что ты про Кевина наговорил, – тебе было что терять. Но Рамона видела твои глаза. Она поверила тебе. А мы верим ей.

Он протянул Амату конверт. Второй парень, пристально глядя на мальчика, сказал – то ли в шутку, то ли всерьез:

– Тут считают, из тебя выйдет отличный игрок. Смотри не обмани ожиданий – это в твоих же интересах!

Когда вновь загудел двигатель и машина исчезла в ночи, Амат заглянул в конверт. В нем лежало пять помятых тысячных купюр.

В Бьорнстаде не всегда знаешь, кому доверять, а кому нет, и парень в черной куртке за рулем «сааба» понимал это не хуже других. Поэтому он судил о людях по тому, что видел своими глазами. Он видел, как отец Кевина приезжал в Низину и предлагал Амату деньги, которых матери мальчика с лихвой хватило бы, чтобы оплатить квартиру на месяц вперед, и как мальчишка бросил их на землю. Видел, как тот же мальчишка не побоялся выступить на собрании перед всем городом, поставив на карту все. И он видел его сегодня: мальчишка знал, что его изобьют, но не убежал.

Парень в черной куртке не был уверен, достаточно ли этого, чтобы человеку доверять, но одному человеку на всем свете он действительно доверял – Рамоне: ей он пытался соврать всего однажды. Он был подростком, она спросила его, не находил ли он забытый кошелек на бильярдном столе, он ответил «нет», и она сразу расколола его. Когда он спросил, как она догадалась, что он соврал, она треснула его шваброй по голове и рявкнула: «Паршивец! Я держу БАР! Неужели ты думаешь, я не вижу, когда мужик врет?»

Возможно, однажды парень в черной куртке задумается еще и вот о чем. Почему его волновало лишь то, кто из мальчиков говорит правду: Амат или Кевин? Почему Маиных слов было мало?

Банк. Банк. Банк.

В каморке для репетиций в Хеде басист отложил инструмент и пошел открыть дверь. На пороге стоял Беньи, опираясь на костыли, в руках он держал коньки. Басист рассмеялся. Они пошли в маленькую хоккейную коробку за ледовым дворцом. Беньи лучше стоял на костылях, чем басист на коньках. На этом льду они впервые поцеловались.

Банк.

По кромешно темному лесу шли две девочки. Остановились в небольшой роще и включили фонарики. Совершили свое тайное рукопожатие. Поклялись друг другу в преданности. Потом взяли ружья и принялись палить в сторону озера – выстрел за выстрелом.

Банк.

В Бьорнстаде, в центральном круге хоккейной площадки стоял отец. Смотрел на нарисованного медведя. Когда он был совсем маленький и его в первый раз поставили на коньки, он очень испугался этого зверя.

Иногда он до сих пор боится его.

Медведь не шевелился. Петер собрал шайбы. Снова взял клюшку.

Банк-Банк-Банк.

46

Наступило новое утро. Оно наступает всегда. Время всегда движется одинаково, это только чувства имеют разную скорость. Каждый день – это либо целая жизнь, либо один удар сердца, в зависимости от того, с кем ты этот день проведешь.

Хряк стоял в гараже, он стер тряпкой масло с рук, почесал бороду. Бубу сидел на стуле с разводным ключом в руке, устремив взгляд в пустоту, куда-то за тысячу миль отсюда. Все лицо было в синяках и кровавых корках. Завтра они пойдут к зубному. Он и раньше терял зубы – на льду, – но на этот раз все по-другому. Отец напряженно вздохнул и взял табуретку.

– Я не привык говорить о чувствах, – опустив глаза, сообщил он.

– Все нормально, – пробормотал сын.

– Я стараюсь как-то иначе показать, как я… вас люблю.

– Мы знаем, пап.

Хряк прочистил горло, губы под бородой едва шевелились.

– Нам с тобой надо поговорить. После этого случая… с Кевином… я должен был поговорить с тобой. О… девушках. Тебе семнадцать лет, ты почти уже взрослый, и ты дико сильный. Это также требует от тебя ответственности. Ты должен… вести себя достойно.

Бубу кивнул:

– Чтобы я… девушку… пап, да я никогда…

Хряк перебил его:

– Речь не только о том, чтобы никого не обидеть. Нельзя молчать, понимаешь. Я струсил. Я должен был сказать. А ты… черт, малыш…

Он осторожно коснулся разбитого лица Бубу. Не смел сказать, что гордится им, потому что Анн-Катрин запретила ему гордиться мальчиком, когда тот дерется. Как будто гордость можно запретить.

– То, что сделал Кевин, пап, я бы никогда… – прошептал Бубу.

– Верю.

Голос мальчика сел от смущения.

– Ты не понимаешь… с девушкой… я еще даже не… ну понимаешь…

Отец неловко потер виски.

– Я не очень умею об этом, Бубу. Ты… хочешь сказать…

– Я девственник.

Отец погладил бороду, словно не знал, что для него мучительнее, –

этот разговор или когда долбят стамеской по лбу.

– О’кей, но ты в курсе насчет всяких там цветочков, пчелок, тычинок и пестиков… ты знаешь, как это происходит?

– Я смотрел порно, если ты об этом, – ответил Бубу, глядя на него широко раскрытыми, полными недоумения глазами.

Папа сдержанно кашлянул:

– Я хотел… Хм, даже не знаю, с чего начать. Говорить про двигатели с тобой было всегда проще…

Бубу обхватил ручищами ключ. Его плечи скоро будут такими же широкими, как у отца, но в голосе еще звучат последние ускользающие детские нотки.

– Я… Скажи, это тупо, – что я сперва хотел бы жениться? Ну просто мне хочется, чтобы это было что-то особенное, в первый раз… я хочу влюбиться, я не хочу просто… трахаться. Это тупо?

Хохот отца раскатился по гаражу так внезапно, что Бубу уронил разводной ключ. В этом гараже смех звучал нечасто.

– Нет, малыш, нет, нет, нет. Черт возьми. Да что ты такое говоришь? Это ты и хотел спросить? Ничего это не тупо. Это твоя личная жизнь, кому до нее какое дело?

Бубу кивнул:

– А можно еще кое-что спросить?

– Конечно…

– Как узнать, красивый у тебя член или нет?

Грудная клетка отца поднялась и опустилась от вздоха, тяжелого, как тонущее судно. Он зажмурился и потер виски.

– Ох, ну и вопрос. На трезвую голову не ответишь.

Анн-Катрин стояла, притаившись за дверью гаража. Слышала каждое слово. Она никогда еще так не гордилась – никем из них. Олухи безмозглые.

Фатима поехала с сыном на автобусе в Хед. Дорога шла через лес. Пока он давал показания, она сидела в соседней комнате. Ей никогда не было так страшно – ни за себя, ни за него. Полиция спрашивала, был ли он пьян, было ли темно в комнате, пахло ли марихуаной, испытывает ли он какие-то особенные чувства к данной девушке. Он был уверен в каждой детали, отвечал без запинки на все вопросы, смотрел прямо перед собой.

Через два часа в той же комнате сидел Кевин. Его спрашивали, настаивает ли он на своей версии, по-прежнему ли он утверждает, что

девушка добровольно вступила с ним в половые отношения. Кевин посмотрел на адвоката. Потом – искоса – на отца. Потом посмотрел следователю прямо в глаза и кивнул. Заверил. Поклялся. Продолжал стоять на своем.

Маленьких девочек учат, что все, что от них требуется, – это стараться. Что этого достаточно, надо просто отдать все, что у тебя есть. Когда они становятся матерями, они уверяют своих дочерей, что это чистая правда, что, если выкладываться по полной, быть честными, работать в поте лица, заботиться о семье и любить друг друга, все уладится. Все будет хорошо, и нечего бояться. Детям нужна эта ложь, чтобы спокойно засыпать по вечерам, родителям – чтобы находить в себе силы просыпаться утром.

Мира сидела у себя в кабинете, уставившись на вошедшую коллегу. В руках у коллеги был телефон – у нее есть знакомый в полиции Хеда, – лицо раскраснелось от гнева и горя. Не в силах сказать это Мире, она пишет на бумажке. Протягивает, не выпуская листка из рук, и подхватывает Миру, когда та начинает падать на пол. Кричит вместе с ней. На бумажке одно предложение. Шесть слов. «Предварительное следствие закрыто за отсутствием доказательств».

Всю свою жизнь мы пытаемся защищать тех, кого любим. Но этого мало. Мы не можем их защитить. Спотыкаясь, Мира шла к машине. Заехала как можно глубже в лес, как можно дальше. Захлопнула дверь с такой силой, что металл погнулся. Снег между деревьями поглотил грохот.

А потом встала и завопила, и это эхо никогда не смолкнет в ее сердце.

Днем мама Кевина вышла выбросить мусор. Во всех домах было тихо, все двери закрыты. Никто не приглашал на кофе. Сегодня адвокат прислал ей имейл. Всего одно предложение, шесть слов, гарантирующих, что ее сын невиновен.

Но улица молчала. Потому что знала правду. Как и она сама. И никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой.

Голос звучал мягко, рука с решительным сочувствием опустилась ей на плечо.

– Заходи, выпьем кофе, – сказала Магган Лит.

Мама Кевина сидела в соседском доме, на обжитой и уютной кухне, где стены были увешаны семейными фотографиями, слегка

покосившимися, хотя это, похоже, никого не волновало.

– Кевин невиновен, – говорила Магган. – Эти святоши, наверно, думают, что могут устанавливать собственные законы и вершить правосудие, но Кевин невиновен! Ведь это сказали в полиции, правда? Мы с тобой знаем, что он не способен на это. Не способен! Кто угодно, но не наш Кевин! Этот чертов город… полиция нравов и лицемеры. Мы уйдем в Хедский клуб, твой муж, мой муж и другие спонсоры, наши ребята, мы раздавим «Бьорнстад-Хоккей». Потому что, когда этот город нас прессует, мы не бросаем друг друга. Правда?

Мама Кевина благодарно кивнула. Глотнула кофе. Снова и снова проговаривая про себя: «В этом мире в одиночку ничего не добьешься».

Вечером Беньи снова поехал в Хед. Он был уже почти у каморки, когда получил эсэмэс. Он стиснул телефон в кулаке, пока экран не намок от пота. Попросил Катю развернуться, Катя хотела спросить зачем, но поняла, что это бесполезно. Он вылез в лесу, взял костыли и ушел. Этого эсэмэс никто никогда не увидит, да никто все равно и не понял бы. «Остров?» – это все, что в нем говорилось.

Басист сидел на табурете. Он не играл. Держал в руках пару коньков и час за часом ждал того, кто так и не придет.

До лета оставалось еще точно месяца два, но вода в озере уже заворочалась в зимнем сне, и лед с каждым днем понемногу отступал, расходясь новыми трещинами. Когда стоишь на берегу, видишь только неподвижное белое полотно, состоящее из сотни оттенков белого, но тут и там появляются маленькие обещания зеленого. Придет новое время года, за ним – новый год, жизнь продолжится и люди обо всем позабудут. Кто-то не сможет вспомнить, кто-то и вспоминать не захочет.

Кевин сидел на камне, глядя на их с Беньи остров, тайный остров, и именно поэтому – единственное место, где у них не было друг от друга тайн. Кевин потерял клуб, но не потерял команду. Он сыграет один сезон за «Хед», потом за какой-нибудь клуб побольше, а потом уедет в Северную Америку. Его выставят на драфт в НХЛ, профессиональные команды спишут его привод как *off the ice problems*. Зададут ему пару вопросов, но они же все понимают. Вокруг хоккеистов всегда полным-полно девчонок, которые хотят привлечь к себе внимание, и это дело суда и следствия, а к спорту никакого отношения не имеет. Кевин получит все, чего он хотел. Осталось лишь одно.

Мая стояла на крыльце дома, когда возвратилась мать. В руке у Миры все еще была зажата скомканная записка коллеги, будто снятая с предохранителя граната. Мама и девочка прислонились друг к другу лбами. Они ничего не говорили, а если бы и говорили, никто бы не услышал, слишком надрывен и оглушителен крик их сердец.

Беньи пробирался по снегу на костылях. Он знал: это именно то, что нужно Кевину. Ему нужны доказательства, что Беньи по-прежнему принадлежит ему, что он до сих пор ему предан, что все еще может быть так, как раньше. Когда Беньи подошел к нему и посмотрел на лучшего друга, оба поняли, что это возможно. Кевин засмеялся и обнял его.

Мама держала в ладонях лицо дочери. Они вытирали друг другу слезы.

– Мы еще не все сделали, мы можем требовать новых допросов, я знаю адвоката – специалиста по сексуальным преступлениям, мы вызовем его сюда, мы можем… – тараторила Мира, но Мая мягко прервала ее:

– Мама, давай остановимся. Остановись. Нам не выиграть.

Голос Миры дрожал.

– Я не позволю этим ублюдкам выиграть, я не…

– Мы должны жить дальше, мама. Прошу тебя. Не дай ему отнять у меня семью, отнять всю нашу жизнь. Мне никогда уже не будет хорошо, мама, этого никогда не исправишь, я никогда не перестану бояться темноты… но мы должны попытаться. Я не хочу жить войной.

– Я не хочу, чтобы ты думала, что я… что мы… что я позволю им выкрутиться… я АДВОКАТ, Мая, это моя ПРОФЕССИЯ! Это моя работа – защищать тебя! Моя работа – отмстить за тебя, моя работа… моя… моя гребаная работа…

Мая не справлялась с дыханием, но руки на висках Миры не дрогнули.

– Ты самая лучшая мама. Нет никого лучше тебя.

– Мы можем уехать, любимая. Мы можем…

– Нет.

– Почему? – заплакала мама.

– Потому что этот проклятый город – и мой тоже, – ответила девочка.

Они сидели на крыльце обнявшись. Драться нетрудно. И все же иногда нет ничего труднее. В зависимости от того, с какой стороны кожи ты это делаешь.

Зайдя в ванную, Мая увидела себя в зеркале. Удивилась, какой сильной

она научилась притворяться. Сколько тайн она теперь скрывает от других. От Аны, от мамы, ото всех. Тревога и ужас завывали у нее в голове, но она вновь обрела спокойствие и хладнокровие, вспомнив о своей тайне: «Один патрон. Мне хватит одного».

Петер пришел домой и сел за стол рядом с Мирой. Они не знали, смогут ли когда-нибудь снова стать самими собой. Сможет ли сердце хотя бы еще один раз прогнать кровь по жилам. Их вечно будет преследовать стыд за то, что они сдались. Как проиграть такое и не умереть? Как с этим ложиться спать, как вставать по утрам?

Вошла Мая, остановилась у отца за спиной, обняла его за шею. Отец заплакал:

– Я предал тебя. Как отец… как спортивный директор клуба… ни один мужчина во мне не смог защитить тебя… все предали…

Руки дочери крепче обхватили его. Когда она была маленькая, вместо сказок по вечерам они делились друг с другом своими секретами. Папа, к примеру, мог сознаться: «Это я съел последнее печенье», а дочка ответить: «Это я спрятала пульт». Это продолжалось годами. Сейчас она склонилась к его уху и прошептала:

– Хочешь секрет, пап?

– Да, Огрызочек.

– Я тоже обожаю хоккей.

Слезы текли по его лицу.

– Я тоже, Огрызочек, – признался он. – Я тоже.

– Хочешь сделать кое-что ради меня, папа?

– Что угодно.

– Построй новый клуб. Хороший клуб. Останься и сделай спорт лучше. Для всех.

Он пообещал. Мая сходила к себе, вернулась с двумя свертками. Положила их на стол перед родителями.

Потом отправилась к Ане. Девочки взяли ружья и ушли в заснеженный лес, как можно дальше, чтобы их никто не слышал. Они стреляли в бутылки с водой, любовались водяными взрывами, когда дробь попадала в цель. Они стреляли по разным причинам. Одна давала выход агрессии. Другая тренировалась.

Беньи всегда чувствовал, что внутри его есть разные версии его самого – для разных людей. Он всегда знал, что и у Кевина тоже есть

разные версии. Кевин на льду, Кевин в школе, Кевин наедине с Беньи. И главное, среди них был Кевин на острове, Кевин, который принадлежал одному Беньи.

Они сидели на камнях, смотрели на остров. Их остров.

– В Хеде, – прокашлявшись, начал Кевин, – мы сможем сделать все, что хотели сделать в Бьорнстаде. Основная команда, шведская сборная, НХЛ… Мы получим все! И пусть этот город катится к чертовой матери! – улыбаясь, заключил он с самоуверенностью, которую чувствовал только рядом с Беньи.

Беньи поставил больную ногу на снег, слегка надавил, подпитываясь болью.

– Ты хочешь сказать, ты получишь все, – поправил он.

– Ты о чем вообще? – взорвался Кевин.

– Ты получишь что хочешь. Ты всегда получаешь что хочешь.

Глаза Кевина расширились, губы сузились.

– Что ты несешь?

Беньи повернулся, между их лицами осталось не больше метра.

– Ты никогда не умел меня обманывать. Не забывай об этом.

Зрачки Кевина потонули в почерневших глазах. Он в бешенстве погрозил Беньи пальцем:

– Копы закрыли дело. Они допросили всех и ЗАКРЫЛИ его, ясно? Так что не было никакого изнасилования! И тебя там вообще не было, так что нечего болтать!

Беньи кивнул:

– Нет. Меня там и не должно было быть.

Он встал, один вдох, и выражение лица Кевина изменилось – от ненависти к страху, от угрозы к мольбе.

– Беньи, ну что ты… не уходи! Я… прости, ладно?! ПРОСТИ! ПРОСТИ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что ты мне нужен? Ты мне нужен, о’кей? ТЫ НУЖЕН МНЕ!

Он встал, развел руками. Беньи все сильнее наступал на сломанную ногу. Кевин сделал шаг вперед, он уже не тот Кевин, которого знают в Бьорнстаде, он – Кевин с их острова. Кевин Беньи. Его ноги мягко шагнули по снегу, кончики пальцев осторожно коснулись скулы друга.

– Прости, прошу тебя. Прости… все… все будет хорошо.

Но Беньи попятился. Закрыл глаза, чувствуя, как холодеет щека. Он прошептал:

– Надеюсь, ты найдешь его, Кев.

Лоб Кевина пересекли недоуменные морщины, ветер задул в лицо,

пытаясь проникнуть под веки.

– Кого?

Беньи воткнул костыли в снег. Медленно запрыгал по камням, в сторону леса, прочь от своего лучшего друга на земле. Прочь от их острова.

– КОГО? НАДЕЕШЬСЯ, Я НАЙДУ КОГО? – крикнул Кевин ему вслед.

Голос Беньи звучал так тихо, что казалось, даже сам ветер решил развернуться и помочь его словам добраться до воды.

– Того Кевина, которого ты ищешь.

На кухне сидели родители и открывали подарки, которые им приготовила дочь. В свертке Миры была кофейная чашка с волком. У Петера – эспрессо-машина.

47

Говорят, дети живут не так, как родители их учат, а так, как родители живут. Возможно, это правда. Но в основном дети все-таки живут так, как их учат.

Басист проснулся от стука в дверь. Открыл в одних штанах. Беньи засмеялся.

– Это ты в таком виде кататься собрался?

– Я тебя вчера весь вечер прождал, мог бы позвонить, – грустно прошептал басист.

– Прости, – сказал Беньи.

И басист простил его. Хотя и неохотно. Но как можно не простить того, кто так на тебя смотрит?

В «Шкуре» все было как всегда, здесь пахло мокрой псиной и едой, забытой за батареей. За столами сидели мужчины, только мужчины. Мира знала, что ее приход не остался незамеченным, однако в ее сторону никто не смотрел. Она всегда гордилась тем, что ее так легко не запугаешь, но эти люди настолько непредсказуемы, что по спине забегали мурашки. Достаточно увидеть их на трибунах во время матчей основной команды, когда в конце неудачного сезона они орут мерзости в адрес Петера. Но здесь, в тесном помещении, когда большинство из них нетрезвы, она нервничала больше, чем ей хотелось бы.

Рамона коснулась ее руки на барной стойке. Улыбнулась, обнажив кривые зубы.

– Мира! Что ты здесь делаешь? Устала наконец от своего трезвенника?

Губы Миры едва заметно растянулись.

– Нет. Я просто хотела сказать спасибо. Я слышала, что ты сделала на собрании, что ты им сказала.

– Не стоит благодарности, – пробормотала Рамона.

Мира придвинулась ближе, настаивая:

– Нет, стоит. Ты вступилась за нас, когда все отвернулись, и я хочу сказать тебе это, глядя в глаза. Хотя я знаю, что вы в этом городе стесняетесь говорить друг другу спасибо.

Рамона рассмеялась и закашлялась.

– Зато ты, девочка моя, не из стеснительных.

– Это точно, – улыбнулась Мира.

Рамона хлопнула ее по плечу.

– В этом городе не всегда знают разницу между тем, что правильно, а что нет. Но мы умеем отличать добро от зла.

Мирины ногти впились в столешницу. Она здесь не только затем, чтобы сказать спасибо. Ей нужно узнать ответ на один вопрос. Задавать его здесь не очень-то хочется. Но Мира не робкого десятка.

– Почему ты это сделала, Рамона? Почему Группировка не стала голосовать против Петера?

Рамона недоуменно посмотрела на нее. Все вокруг замолкли.

– Не знаю, что ты… – начала Рамона, но Мира остановила ее усталым жестом:

– Прошу тебя, я же не дурочка. Не надо мне говорить, что никакой Группировки не существует. Они есть, и они ненавидят Петера.

Она не оборачивалась, но затылком почувствовала взгляды мужчин. Поэтому голос ее немного дрожал:

– Я вообще-то не полная идиотка, Рамона, я умею считать. В этом голосовании у Петера не было шансов, если бы не Группировка и все те, на кого они имеют влияние.

Рамона долго смотрела на нее не моргая. Ни один из мужчин не встал, даже не шевельнулся. Наконец Рамона кивнула:

– Я уже сказала, Мира. Люди здесь не всегда знают, что правильно, а что нет. Но мы знаем разницу между добром и злом.

От напряженного дыхания Мирина грудь вздымалась, сонная артерия пульсировала, ногти оставляли отметины на столешнице. Вдруг ни с того ни с сего зазвонил телефон, она подскочила и стала судорожно шарить в сумочке, звонил важный клиент, она колебалась – и после семи сигналов сбросила звонок. Глубоко вздохнула сквозь стиснутые зубы. Когда она снова подняла голову, перед ней стоял стакан пива.

– Это кому? – спросила она.

– Тебе, ненормальная. Ты, похоже, и вправду ничего не боишься, девочка, – вздохнула Рамона.

– Ну вот еще, зачем ты меня угощаешь, – виновато пробормотала Мира.

– Это не я, – сказала Рамона и погладила ее по руке.

Мира поняла не сразу. Но она достаточно долго прожила в лесу и привыкла пить пиво, не задавая лишних вопросов. Отпивая из стакана, она слышала, как за ее спиной люди в черных куртках безмолвно поднимают свои стаканы. В Бьорнстаде не часто благодарят друг друга. И не часто

просят прощения. Но так они хотели показать, что в этом городе есть еще те, кто может удержать в голове две мысли одновременно. Что можно хотеть набить морду спортивному директору и при этом не дать в обиду его ребенка.

А еще – что они уважают чокнутую бабу, которая входит сюда без страха. Неважно, кто она.

Мимо «Шкуры» прошел Роббан Хольтс. Он остановился у двери, улыбнулся сам себе. И пошел дальше. Завтра ему на работу.

Давид лежал на кровати с двумя любимыми людьми и смеялся. Его девушка пыталась придумать малышу имя. Все они, на взгляд Давида, больше подходили персонажу из мультфильма или чьему-то прадедушке. Но всякий раз, когда он сам предлагал какой-то вариант, она спрашивала: «Почему?» – а он просто пожимал плечами, бормоча: «Ну не знаю, красиво», и тогда девушка гуглила это имя вместе со словом «хоккеист» и все понимала.

– Я в ужасе, – признался он.

– Вообще-то совершенно непостижимо, как этот мир позволяет нам без всякого спросу брать на себя ответственность за совершенно нового человека, – засмеялась она.

– А вдруг мы будем ужасными родителями?

– А вдруг нет?

Она задержала его руку на своем животе, обхватила пальцами его запястье, постучала по стеклу часов.

– Скоро у тебя будет кому их передать.

Жанетт долго стояла у забора, не веря своим глазам.

– Вот это да. Собственный питомник, прямо как ты мечтала. Когда ты в детстве болтала об этом, я не верила, что у тебя получится.

Адри расправила плечи, хотя слова подруги ее и задели:

– Да что там, едва концы с концами свожу. Если страховые премии повысят, придется раздать собак и закрыть питомник. Но он мой, что верно, то верно.

Жанетт коснулась ее плеча.

– Он твой. Я горжусь тобой. Так странно… иногда я жалею, что вернулась сюда, а иногда думаю, что мне вообще не следовало отсюда уезжать. Понимаешь?

Адри, привыкшая выражать свои мысли просто, ответила:

– Не-а.

Жанетт улыбнулась. Ей не хватало этой простоты. Когда они ушли из хоккея, Адри подалась в лес, а Жанетт уехала в Хед и нашла там небольшой боксерский клуб. Когда Адри выкупила это старое крестьянское хозяйство, Жанетт переехала в город побольше и начала заниматься единоборствами, всеми возможными видами. Когда Адри завела первых щенков, Жанетт участвовала в своих первых боях. Промелькнул год, и она стала профессиональным бойцом. Потом начались травмы, она выучилась на учителя, чтобы было чем заняться, пока выздоравливаешь, а когда выздоровела, оказалось, что она неплохой учитель, а боец из нее уже не тот. Инстинкт пропал. Когда умер отец, и брат уже не мог один заботиться о матери, Жанетт вернулась. Думала – на несколько месяцев, но она до сих пор здесь: учитель в школе, и снова – часть этого города. Это место каким-то странным образом тебя не отпускает. С одной стороны, у него есть все возможные недостатки, их реально много, но есть и несколько достоинств, но они настолько хороши, что просвечивают через все это дерьмо. Из достоинств – в основном люди. Суровые, как лес, непрошибаемые, как лед.

– Можно снять у тебя какой-нибудь сарайчик? – спросила Жанетт.

Давид позвонил в дверь Беньи. Открыла мать – уставшая, только что вернувшаяся с работы. Сказала, что не знает, где сын. Может, у сестры в «Овине», в Хеде. Давид поехал туда. Катя стояла в баре, она немного помедлила, но в конце концов сказала, что не знает. Он видел, что она врет, но допытываться не стал.

Когда он вышел на улицу, один из охранников его окликнул:

– Ты же тренер, да? Ищешь Беньи?

Давид кивнул. Охранник указал на ледовый дворец.

– Они тут мимо проходили с приятелем. У них коньки были с собой, на озере лед уже не тот, так что, наверно, они на коробке за стадионом.

Давид поблагодарил его. Завернул за угол, на улице было темно, мальчики не видели его, зато он их видел. Беньи и второго парня. Они целовались.

Давида затрясло. От стыда и омерзения.

– Сарайчик? Зачем? – спросила Адри.

– Хочу открыть клуб единоборств, – сказала Жанетт.

Адри ухмыльнулась:

– В этом городе принято играть в хоккей.

Жанетт вздохнула:

– Знаю. Господи, да все это знают. Но после того, что случилось… не думаю, что люди здесь должны меньше заниматься спортом. Наоборот. Я не очень сильна в других видах спорта, но в единоборствах немного секу. Могу дать это детям.

– Единоборства? Сплошное мочилово, зачем это надо? – подколола ее Адри.

– Это не мочилово, это ТОЧНО ТАКОЙ ЖЕ СПОРТ, КАК… – завелась Жанетт, хотя в глубине души знала, что Адри не надо объяснять, чем она занималась и чего это ей стоило, потому что после каждого матча Адри всегда звонила первая и подробно расспрашивала, как прошел поединок.

– Ты часто вспоминаешь ринг? – спросила Адри.

– Ну так, примерно каждый день или вроде того, – улыбнулась Жанетт.

Адри мрачно покачала головой. Кашлянула.

– В этом городе играют в хоккей.

– Так можно мне занять какой-нибудь сарайчик или нет?

– ЗАНЯТЬ? Только что ты хотела СНЯТЬ!

Женщины переглянулись. Рассмеялись. В пятнадцать лет у нас были друзья. Иногда они возвращаются.

Когда Беньи и Кевин были маленькие, они тайком бегали в тренерскую и копались в сумке Давида. Дети как дети, они сами не знали, чего ищут, просто хотели побольше узнать о своем тренере, перед которым преклонялись. Однажды Давид застукал их – они сидели и восхищенно играли с его часами, пока Кевин не уронил их на пол, так что стекло треснуло. Давид влетел в комнату. Он редко терял самообладание, но тут он наорал на них так, что стены ледового дворца задрожали:

– Это были часы моего ОТЦА, чертовы сопляки! Слова застряли у него в горле, когда он увидел их лица. Он так потом толком и не избавился от чувства вины. Они никогда об этом не говорили, но Давид придумал ритуал, только для них троих. Иногда, может быть, всего лишь раз за весь сезон, когда кто-нибудь из мальчиков особенно отличался на льду, делал что-то экстраординарное, демонстрировал преданность и мужество, Давид давал ему свои часы, и тот мог носить их до следующего матча. Никто кроме Беньи и Кевина об этом не знал, но одну-единственную неделю в году, когда один из них удостаивался такой чести, в глазах друга он становился бессмертным. В эти семь дней все казалось значительнее и больше, даже само время.

Давид уже не помнил, когда они забросили это дело. Мальчики росли, он стал все чаще забывать о придуманной им самим игре, и, хотя часы он продолжал носить, вряд ли парни при виде них о чем-то вспоминали.

Они так быстро выросли. Все так быстро изменилось. Лучшие игроки юниорской команды уже позвонили Давиду, все хотят играть с ним в Хеде. Он соберет там хорошую команду – команду, о которой всегда мечтал. У них будут Кевин, Филип и Лит, а вокруг них коллектив преданных товарищей. Сильные спонсоры, поддержка коммуны. Они многого добьются. В этой картине не хватало только одной детали. И этот мальчик стоит сейчас на льду и целует другого мальчика. Давида затошнило.

Часы его отца блеснули в свете одинокого фонаря. Он развернулся и, незамеченный, ушел. Он не мог смотреть Беньи в глаза. И вряд ли когда-нибудь сможет это сделать.

Куча времени, проведенного вместе в раздевалках, бесконечные ночи в автобусах по дороге на соревнования или домой – ради чего все это было? Смех и шутки, все более сальные, по мере того как они взрослели, – Давиду всегда казалось, что они объединяют команду. Иногда про блондинок, иногда про жителей Хеда, иногда про геев. Они все смеялись. Смотрели друг на друга и громко смеялись. Они были командой, доверяли друг другу, ничего не скрывали. Но один все-таки скрывал. Ладно бы кто-то другой, но он? Это предательство.

Вечером Жанетт подвесила к потолку сарая сэндбэг, постелила на полу мягкий ковер. Адри, ворча, неохотно помогала. Потом Жанетт стала тренироваться, а Адри отправилась через лес в город. Было уже поздно, и поэтому, когда Суне открыл дверь и увидел ее, он первым делом спросил:

– Что-то с Беньямином?

Адри нетерпеливо мотнула головой.

– Как набрать хоккейную команду?

Суне растерянно почесал живот. Кашлянул.

– Ну… ничего тут такого нет. Надо просто начать. Вокруг полно пацанят, которые мечтают гонять шайбу.

– А девочки?

Лоб Суне пошел волнами. Дыхание стало сиплым от тяжести.

– Девчачья команда есть в Хеде.

– Мы не из Хеда, – отвечала Адри.

Он не смог сдержать улыбки, однако пробурчал:

– Не лучшее время набирать женскую команду в Бьорнстаде. Сейчас у нас и так проблем хватает.

Адри скрестила руки.

– У меня есть подруга, Жанетт, она учительница в школе. Она хочет открыть клуб единоборств у меня в сарае.

Губы Суне пробовали на вкус незнакомое слово.

– Единоборств?

– Да. Единоборств. Она отличная. Соревновалась на профессиональном уровне. Дети будут в восторге.

Суне опять почесал живот, теперь обеими руками.

Пытается охватить сознанием происходящее.

– Единоборства? Но в нашем городе не принято заниматься единоборствами. В нашем городе…

Но Адри уже зашагала обратно. Щенок, не раздумывая, кинулся за ней. Ворча и бранясь, Суне пошел следом.

Когда Давид был маленький, его папа был непобедимым супергероем. Отцам это вообще свойственно. Интересно, станет ли он таким же супергероем для собственного сына? Отец учил его кататься на коньках, терпеливо и нежно. Он ни разу не ударил его – Давид знал, что другие папы иногда били своих детей, а его папа – никогда. Он читал ему сказки и пел колыбельные, не сердился, когда сын не мог утерпеть и писался в магазине, не орал, когда мяч попадал в окно. Отец был большим человеком в повседневной жизни, гигантом – на льду, неуязвимым и беспощадным. «Настоящий мужик!» – хвалили его тренеры. Давид стоял у борта и впитывал каждую похвалу, как будто они предназначались ему. Все, что делал отец, было осмысленно, он никогда не сомневался – ни в спорте, ни в суждениях. «Становись кем хочешь, только не гомосеком», – часто смеялся он. Но иногда, за столом, он рассуждал серьезно: «Запомни, Давид, гомосексуализм – это оружие массового уничтожения. Он противоречит законам природы. Если все станут педиками, человечество вымрет за одно поколение». В старости, сидя перед телевизором, он часто возмущался: «И они называют это сексуальной ориентацией? Это просто мода! Разве это угнетенное меньшинство? У них свой ПАРАД! Кто, интересно, их угнетает?» А выпив, он складывал колечком пальцы одной руки и просовывал в него указательный палец другой: «Вот это работает, Давид!» Потом соединял концы обоих указательных пальцев: «А это – нет!»

Все, что ему не нравилось, он называл «пидорским». Если что-то не работало, оно было «жополазным». Это были не абстрактные понятия, а прилагательные – языковое оружие.

Давид поехал обратно в Бьорнстад. За рулем он плакал от злости. Ему

было противно. Стыдно. За себя. Целую хоккейную жизнь он тренировал мальчика, любил его как сына, а тот любил его как отца. Нет более преданного игрока, чем Беньи. Нет сердца более открытого и великодушного. Сколько раз Давид обнимал его после матча и говорил ему это? «Ты самый смелый чувак из всех, кого я знаю, Беньи. Самый смелый чувак».

И вот, после всех этих часов в раздевалках, ночных переездов, разговоров, шуток, крови, пота и слез, мальчик не осмелился открыть тренеру свою самую большую тайну.

Это предательство. Вероломное предательство. Никак иначе этого не объяснишь: насколько никчемен должен быть взрослый мужчина, чтобы такой бесстрашный мальчишка подумал, что тренер будет меньше им гордиться, если узнает, что он гей.

Давид ненавидел себя за то, что так и не смог стать лучше отца. Это долг сына.

Адри и Суне ходили от дома к дому, и всякий раз, когда дверь открывалась и кто-нибудь многозначительно возводил глаза к небу, мол, поздновато уже стучаться к добропорядочным людям, Суне спрашивал, есть ли в доме девочки. Адри потом будет рассказывать эту историю, как легенду, и говорить, что они были как фараон, который ходил по Египту в поисках Моисея. Адри не очень разбирается в Библии, что есть, то есть, зато она сильна в других вещах.

Всякий раз ее спрашивали: «Но ведь женская команда вроде бы есть в Хеде?» И всякий раз она отвечала одно и то же. До тех пор, пока им не открыл человек, с трудом достающий до дверной ручки.

Девочке было четыре года, она стояла в прихожей, где не горел свет, в доме, где все дышало мордобоем. Маленькие испуганные руки дрожали, она стояла на цыпочках, словно готовая в любую минуту сорваться с места и убежать, уши чутко прислушивались, не раздадутся ли шаги на лестнице. Но широко раскрытые глаза смотрели на Адри не мигая.

Сердце Адри успело сто раз разбиться, пока она опускалась на корточки. Сидела и смотрела на девочку. Адри видела войну, видела страдание, но к такому невозможно привыкнуть. Что сказать четырехлетнему ребенку, когда ему больно, но он считает, что это в порядке вещей, потому что никогда не видел ничего другого?

– Ты знаешь, что такое хоккей? – шепнула Адри.

Девочка кивнула.

– Играть умеешь? – спросила Адри.

Девочка покачала головой. Сердце Адри разрывалось на части, голос треснул.

– Это лучшая игра в мире. Самая лучшая игра на свете. Хочешь научиться?

Девочка кивнула.

Как бы Давиду хотелось вернуться в Хед, обнять мальчика и сказать, что теперь он знает. Но он не мог заставить себя разоблачить того, кто не захотел открыться сам. Большие тайны делают из нас ничтожных людей, особенно когда мы – те люди, от кого эти тайны скрывают.

Поэтому Давид уехал домой, положил руку на живот возлюбленной, притворясь, будто плачет об этом ребенке. Давида ждет успешная жизнь, он получит все, о чем мечтал, карьеру, успех, звания, он будет тренировать непобедимые команды в легендарных клубах по всему миру, но никогда ни одному игроку не позволит играть под шестнадцатым номером. Будет до последнего надеяться, что в один прекрасный день Беньи придет к нему и потребует свой свитер.

На могиле в Бьорнстаде лежала шайба. Текст написан мелко, чтобы все слова уместились. «По-прежнему самый смелый чувак». Рядом лежали наручные часы.

48

Мая и Ана сидели на камнях в лесу. Достаточно далеко, чтобы на их поиски ушло несколько дней.

– Ты ходила к психологу? – спросила Ана.

– Она говорит, что не надо держать все в себе, – сказала Мая.

– Она хорошая?

– Нормальная. Но болтает больше, чем мои родители. Вот бы ей кто-нибудь сказал, чтобы побольше держала в себе, – ответила Мая.

– А она уже спрашивала тебя, какой ты видишь себя через десять лет? Психологиня, к которой я ходила, когда мама уехала, обожала этот вопрос.

Мая покачала головой:

– Нет.

– Что бы ты ответила? Какой ты видишь себя через десять лет? – спросила Ана.

Мая не ответила. Ана тоже молчала. Они пошли домой к Ане, легли рядом и долго дышали в такт, пока Ана не заснула. Тогда Мая встала, спустилась в подвал и открыла оружейный сейф. Взяла ружье и вышла в темноту, неся внутри еще большую тьму.

Хоккей – это сложно и в то же время совсем просто. Да, может быть, нелегко разобраться в правилах, тяжело жить внутри культуры, почти невозможно добиться того, чтобы многочисленные поклонники не тянули его в разные стороны, норовя разодрать в клочья. Но на самом деле, в самой глубинной своей сути, хоккей прост.

– Мама, я просто хочу играть, – сказал Филип со слезами на глазах.

Она знает. Им надо решить, где он теперь будет играть. Останется ли в Бьорнстаде или поедет с Кевином, Литом и остальными в Хед. Мама Филипа умеет отличить правильное от неправильного, добро от зла, но кроме того, она мать. А в чем состоит долг матери?

Фрак обедал в окружении лучших друзей. Один из них, посмеиваясь, указал на его галстук:

– Пора бы ее уже снять, а, Фрак?

Фрак посмотрел на булавку. На ней написано «Бьорнстад-Хоккей». Он окинул взглядом остальных: все до единого уже успели снять старые булавки и прицепить новые с логотипом хоккейного клуба в Хеде. Что может быть проще? Как будто это всего лишь клуб.

Мама помогла Филипу сложить сумку – не потому что он еще маленький, а потому что ей до сих пор нравится это делать. Она положила руку ему на сердце, оно бьется в ее ладони, как сердце младенца, хотя ее шестнадцатилетний сын вымахал так, что ему приходится согнуться вдвое, чтобы поцеловать маму в щеку.

Она помнила каждый сантиметр. Каждую битву. Помнила летние сборы, когда у Филипа от бега началась такая рвота, что его увезли в больницу с острым обезвоживанием. На следующий день он вернулся на тренировки.

– Тебе не обязательно тренироваться, – сказал Давид.

– Ну пожалуйста, – умолял Филип.

Давид взял его за плечи и честно признался:

– Осенью мне предстоит собрать лучшую команду. Ты, может, ни в одном матче не поучаствуешь.

– Разрешите мне просто тренироваться. Я просто хочу играть. Пожалуйста, я так хочу играть, – всхлипывал Филип.

Ему жестоко доставалось в каждой схватке, он проигрывал во всех парных упражнениях, но всегда возвращался. В конце лета Давид приехал домой к его маме. Сидя у нее на кухне, он рассказал ей, что по результатам одного исследования очень многие элитные хоккеисты никогда не входили в пятерку лучших игроков своих юношеских команд, что на самом деле, добравшись до взрослой команды, часто выстреливают те, кто в юности не поднимался выше шестого места. И они стали бороться дальше. Они не пасуют перед трудностями.

– Если Филип когда-нибудь начнет в себе сомневаться, не надо обещать ему, что он станет лучшим. Просто попробуйте убедить его, что он может пробиться на двенадцатое место, – сказал тогда Давид.

Откуда ему было знать, чем стал тот разговор для матери и сына? У них и теперь не было слов, чтобы это объяснить. Он изменил все. Вообще все.

Мать прислонилась лбом к груди своего шестнадцатилетнего сына. Он станет одним из лучших игроков, которых когда-либо видел этот город. А он ведь просто хотел играть. Она тоже.

Фрак стоял на парковке. Мужчины пожали руки, большинство уехало в Хед. Двое еще стояли возле Фрака и курили.

– А журналисты? – спросил один.

Другой пожал плечами:

– Звонили, но мы, естественно, не отвечаем. Какого черта им надо? Нет тут для них никакого сюжета. Кевина оправдали. Они не настолько всесильны, чтобы пойти против закона.

– А у тебя есть связи в местной газете?

– Мы с главным редактором летом играем в гольф. Придется мне в следующий раз дать ему разок выиграть.

Они рассмеялись. Потушили сигареты. Фрак спросил:

– Ну и что, по-вашему, будет теперь с бьорнстадским клубом?

Мужчины посмотрели на него недоуменно. Не потому, что вопрос им показался странным. А потому, что ответ на него не волновал никого, кроме Фрака.

Магган Лит ждала в машине. Вильям сидел рядом, на нем была олимпийка с надписью «Хед-Хоккей». Филип вышел с сумкой на улицу. Долго стоял в нерешительности. Потом посмотрел на мать, выпустил ее руку и открыл багажник машины Литов. Сел сзади, его мама открыла переднюю дверь, посмотрела Вильяму в глаза:

– Здесь я сижу.

Вильям возмутился, но Магган его быстро вытолкала. Парни переглянулись, женщины тоже.

– Я знаю, что иногда веду себя как последняя дрянь, но все, что я делаю… это все ради наших детей.

Мама Филипа кивнула. Она всю ночь пыталась убедить себя и Филипа, что надо остаться в Бьорнстаде. Но сын хотел просто играть, просто получить шанс добиться большего. А в чем состоит долг матери? Обеспечить своему ребенку лучшие условия. Она повторяла это самой себе, так как помнила, чего ей стоило стать классной лыжницей. Иногда приходилось тренироваться с редкостными стервами, напоминая себе, что жизнь не имеет никакого отношения к спорту. Филип и Вильям играли вместе с детского сада, они с Магган знали друг друга всю жизнь. Поэтому они ехали в Хед. Потому что дружба – это сложно, но в то же время ничего проще нет.

Фрак пришел домой. Услышал голос сына – ему двенадцать, и он обожает хоккей, хотя в шесть лет ненавидел тренировки. Фрак помнил, как тот умолял его позволить ему прогулять. Но Фрак все равно возил его, повторяя, что это хоккейный город. И хотя Элизабет часто говорила за ужином: «Но, дорогой, может быть, не надо заставлять его, если он не хочет играть?» – Фрак все равно продолжал возить его в ледовый дворец,

потому что ему хотелось, чтобы мальчик разделил его любовь. Хоккей если не спас, то, по крайней мере, дал Фраку жизнь. Дал ему уверенность в себе и чувство принадлежности к группе, без хоккея он навсегда остался бы толстым ребенком с диагнозом «гиперактивность», но хоккей научил его управлять своей энергией. Хоккей говорил на понятном ему языке, в понятном ему мире.

Фрак боялся остаться не у дел, если сын откажется играть в хоккей. Мысль о том, что мальчик выберет спорт, в котором он сам ничего не смыслит, приводила его в ужас. Сидеть на трибуне, считать ворон, не разбираться в правилах и не иметь возможности участвовать в дискуссиях. Ему не хотелось, чтобы его сын стыдился его.

– Дай сюда зарядку! – крикнул мальчик старшей сестре.

Он уже почти подросток, когда-то его приходилось заставлять ходить на тренировки, теперь же его оттуда за уши не вытащишь. Сейчас он умоляет отца совсем о другом. Например, о том, чтобы тренироваться в «Хеде». Как все лучшие игроки.

– Это не ТВОЯ зарядка, дебилка, а МОЯ! – крикнул его сын сестре, когда та захлопнула перед ним дверь.

Фрак протянул руку, чтобы дотронуться до него и что-то сказать, но тот уже колотил ногами в дверь и орал:

– Верни зарядку, чертова ШЛЮХА, все равно тебе не с кем разговаривать, нет у тебя никаких парней! Только мечтаешь, чтобы тебя ИЗНАСИЛОВАЛИ, да кому ты такая нужна!

Фрак не помнил точно, что было потом. Помнил, что Элизабет отчаянно схватила его сзади, пыталась разжать руки. Сын в ужасе трепыхался в кулачищах отца, а Фрак кричал на него и колотил об стену. Дочь открыла дверь, не в силах выговорить ни слова. И хотя Фрак весил больше ста килограммов, Элизабет наконец удалось повалить мужа на пол. Он лежал, обняв сына, и оба плакали, один от страха, другой от стыда.

– Не будь таким. Я не могу допустить, чтобы ты стал… я люблю тебя, я так люблю тебя… ты должен стать лучше, чем я… – повторял Фрак снова и снова сыну на ухо, не выпуская его из объятий.

Фатима недоверчиво завела автомобильчик. Машина принадлежала родителям Бубу, Фатима не хотела ее брать, им стоило немалых усилий ее уговорить. Она видела разбитое лицо Бубу, такое же, как у Амата, но ничего не сказала. И сейчас ничего не говорила. Просто везла сына через Хед, через лес, в город побольше, где может быть такой магазин, который ищет Амат. Когда они проезжали мимо спортивного, Фатима спросила, не

нужно ли ему чего-нибудь «для хоккея». Амат покачал головой, не говоря ничего о том, что осенью, возможно, ему уже будет негде играть. У матери, возможно, не будет работы. Они не обсуждали, как могли бы потратить пять тысяч крон. Амат вошел в магазин, Фатима ждала на улице. Продавец долго подбирал товар – лучший, какой можно найти за эти деньги. Наконец Амат вышел с покупкой в руках, неуклюже прихрамывая от боли, такой пронзительной, словно сломанное ребро с каждым шагом норовило проткнуть легкое.

Они поехали домой, не доезжая до Низины, свернули в центр к частным домам. Фатима ждала в машине, Амат оставил ее на крыльце.

Маи дома не было. Гитара осталась стоять у дверей – дожидаться ее возвращения. «Лучше инструмента за пять тысяч не найти, твоя подружка и через десять лет с ним не расстанется!» – обещал продавец.

Фрак зашел в «Шкуру». Приблизился к бару – взъерошенный, с шапкой в руке. Рамона опиралась на стойку.

– Что скажешь?

Фрак прочистил горло.

– Сколько сейчас спонсоров у «Бьорнстада»?

Рамона закашлялась и сделала вид, что считает на пальцах.

– Думаю, в общей сложности один.

Скулы его напряглись, кожа на щеках подергивалась.

– Хочешь, я составлю тебе компанию?

Рамона окинула его недоверчивым взглядом. Потом отвернулась и ушла обслужить другого посетителя. Вернулась с двумя стаканчиками, один поставила перед Фраком, второй опрокинула сама.

– Ты бизнесмен, сынок. Вложись-ка лучше в «Хед», это принесет прибыль твоему тамошнему магазину.

– «Хед» не мой клуб.

Рамона сморщила нос.

– Не уверена, что у тебя хватит денег спасти твой клуб.

Его губы опустились, он закрыл глаза и так же печально открыл.

– Я собираюсь продать магазин в Хеде. Элизабет жалуется, что я слишком много работаю.

– И ты готов сделать это ради клуба?

– Я готов сделать это ради его возрождения.

Рамона вызывающе хмыкнула:

– Так на что я тебе сдалась? Не знаю, чем я, по-твоему, тут торгую, но уж точно не золотом.

– Я хочу, чтобы ты вошла в правление.

– Да ты пьян, сынок.

– Спасти клуб сейчас может только настоящий мужик. А в Бьорнстаде нет мужика круче, чем ты.

Рамона сипло засмеялась:

– Ты всегда был придурком. Странно, что ты никогда не стоял на воротах.

– Спасибо, – растроганно пробормотал Фрак.

Потому что вратарем был Хольгер. В «Шкуре» это – комплимент. Рамона ушла обслужить очередного посетителя. Вернувшись, поставила перед Фраком пиво, себе налила кофе.

Заметив его удивление, Рамона стала оправдываться:

– Чтобы заседать в правлении, мне, пожалуй, неплохо бы протрезветь. А если учесть, сколько я выпила за последние сорок лет, меньше чем за пару месяцев мне не управиться.

Беньи и басист лежали на полу в каморке. В окружении инструментов, расставленных вдоль стен, оберегаемые смолкшей музыкой. Иногда нет ничего легче, чем научиться играть. Просто надо не играть, а потом начать.

– Скоро мне придется вернуться домой, – сказал басист.

Он имел в виду не квартиру в Хеде. Он имел в виду – домой. Беньи молчал, басисту так хотелось бы, чтобы он хоть что-нибудь сказал.

– Ты мог бы… поехать со мной… – выговорили губы, преодолевая сопротивление сердца.

Он не хотел услышать ответ. Ответа и не последовало. Беньи встал и оделся. Басист сел, зажег сигарету, грустно улыбнулся.

– Ты же можешь уехать. В других местах тоже есть жизнь.

Беньи поцеловал его в волосы.

– Я не такой, как ты.

Когда Беньи ушел, шагнув в последнюю метель этой зимы, и дверь за ним мягко затворилась, басист понял, насколько тот прав. Беньи не похож на него и не похож на местных. Беньи вообще ни на кого не похож. Как можно такого не любить?

Когда в Бьорнстад пришла ночь, Кевин один выбежал на освещенную тропу. Круг за кругом. Пока боль в мышцах не стала больше всего другого, что причиняет боль. Круг, еще один круг, еще круг. Пока адреналин не победит неуверенность, пока злость не одержит верх над унижением. Круг за кругом, круг за кругом.

Сперва он решит, что ему просто показалось. Что это – обманчивая игра теней. На секунду он даже подумает, что от усталости видит галлюцинации. Он замедлит бег, тяжело дыша. Рукавом вытрет пот с лица. И только тогда увидит девочку. Ружье в ее руках. Смерть в ее глазах.

Он слышал рассказы охотников о том, как ведут себя испуганные животные, когда чувствуют, что их жизни угрожает опасность. Но только сейчас он понял, что это значит.

Ана проснулась, посмотрела по сторонам, растерянно и сонно бормоча, потом вскочила, ударившись головой о столик возле кровати. Сдернула одеяло в надежде, что Мая просто спряталась, но наконец поняла, что произошло, и ужас впился в нее, как когти дикого зверя. Она слетела вниз по лестнице, с грохотом спустилась в подвал и кричала с закрытым ртом, будто сосуды один за другим взрывались в ее голове, когда она открыла сейф и увидела, чего там нет.

В сейфе лежала записка. Аккуратным Маиным почерком.

«Счастливой, Ана. Через десять лет я вижу себя счастливой. Тебя тоже».

49

Через десять лет двадцатипятилетняя женщина в большом городе далеко отсюда пройдет по парковке перед торговым центром. Торговый центр находится рядом с ледовым дворцом, но она даже не посмотрит на него, потому что он не имеет никакого отношения к ее жизни. Подойдя к машине, она улыбнется мужу, стоящему с другой стороны. Он поставит пакеты с продуктами в багажник, засмеется, встретившись с ней взглядом. Он тоже не смотрит в сторону ледового дворца, ему это неинтересно. Она на секунду положит подбородок на крышу автомобиля, он сделает то же самое. Они рассмеются, и она подумает, что он – тот, кто ей нужен, тот, о ком она мечтала, он ей идеально подходит. Она беременна. И счастлива. Через десять лет.

На тропе ничто не движется, но там кто-то есть. Кевин видел только контуры, он замедлил бег, но не остановился. Когда Мая вышла на освещенное пространство, он не успел скрыться. Когда он заметил ружье, было слишком поздно. Она остановилась в трех метрах от него, руки спокойны, дыхание ровное и расслабленное. Она ни на секунду не спускала с него глаз, не моргала; когда она велела ему встать на колени, ее голос звучал холодно и безжалостно.

Через десять лет, в большом городе далеко отсюда, над входом в ледовый дворец будет светиться афиша с именем исполнителя. В тот вечер там состоится не хоккейный матч, а концерт. Женщине на парковке не будет до этого никакого дела, она сядет в машину и возьмет мужа за руку. Она не питает никаких иллюзий насчет того, что любовь – это просто, она совершила много ошибок и испытала много боли, ее муж, как она узнает позже, – тоже. Но когда он смотрит на нее, он видит ее сущность, – глубоко внутри, и он, хотя и не идеален, идеально ей подходит.

Кевин стоял на коленях в снегу, кожа немела на морозе, руки дрожали, он опустил голову на снег, но Мая приставила дуло к его лбу и произнесла шепотом:

– Смотри на меня. Я хочу видеть твои глаза, когда буду тебя убивать.

Он заплакал, хотел что-то сказать, но задохнулся, захлебнулся в собственных рыданиях. Губы не слушались. Слюна и сопли капали с

подбородка. Когда холодный металл стволов коснулся кожи, в нос ударил аммиачный запах. На тренировочных брюках расплывалось пятно, скоро уже все бедро стало мокрое. От страха он обмочился.

Мая думала, что будет нервничать. Возможно, даже испугается. Но она ничего не чувствовала. План был прост. Она знала, что сегодня Кевин не сможет уснуть, и полагала, что он пойдет бегать. Она не ошиблась, оставалось только дождаться. В прошлый раз она засекала время и точно знала, за сколько он пробегает круг. Знала, где она спрячется. Когда выйдет из темноты. Ружье рассчитано на два выстрела, но она с самого начала знала, что ей хватит одного. Дуло у его лба. После этой ночи все кончится.

Она думала, что дрогнет. Откажется от своей затеи. Несмотря ни на что, пощадит его. Но нет.

Когда палец нажал спусковой крючок, она ничего не чувствовала. Когда грянул выстрел, его глаза были закрыты, ее открыты.

Через десять лет с парковки будет выезжать мужчина. Сдавая задом, он выглянет в окно и похолодеет. Он увидит, как из другой машины выходит женщина. Плечи расправлены, в руках гитара. Этот инструмент в пятнадцать лет ей подарил друг, и с тех пор она играет только на нем. Она заметит мужчину за рулем, остановится, и на несколько жутких секунд оба вернутся в маленький город в далеком лесу. Десять лет назад. Когда мужчина был мальчиком, стоял на коленях в снегу и умолял пощадить его, а она, стоя над ним, нажала на спуск.

Кевин упал навзничь. Успел понять, что умирает. Мозг медленно отметил взрыв, брызги крови и дробь. Сердце остановилось. Когда оно снова начало биться, удары разрывали грудь, он кричал, заливаясь слезами, охваченный паникой, как младенец, бился в безудержной истерике.

Мая, все еще стоя над ним, опустила ружье. Достала из кармана единственный патрон и бросила перед ним на снег. Села на корточки и заставила его посмотреть ей в глаза:

– Теперь ты тоже будешь бояться темноты, Кевин. Всю свою оставшуюся жизнь.

Через десять лет на парковке будет полно людей. Жена Кевина к тому времени будет беременна. Мая остановится всего в нескольких метрах, и в ее власти лишить его жизни. Она могла бы подойти и разоблачить его, унизить и уничтожить в глазах той, кого он любит больше всего на свете.

В этот миг он окажется в ее руках, но она отпустит его. Она не

простила, не смилостивилась. Просто пощадила. Он никогда этого не забудет.

А она будет знать, что он до сих пор, спустя десять лет, так и спит с зажженной лампой.

Когда он, дрожа, весь в поту, уедет с парковки, жена спросит, что это за женщина. И Кевин расскажет правду. Расскажет все.

Мая тем временем подойдет к стадиону. Охранники попытаются удержать нетерпеливые руки и приглушить голоса, выкрикивающие ее имя, но она остановится и будет терпеливо раздавать автографы и фотографироваться. Под афишей сегодняшнего концерта и мигающим аншлагом: «Билетов нет».

На афише – ее имя.

50

Ана выбежала в ночь сама не зная куда. Взгляд заметался по сторонам, пока не остановился на освещенной тропе. Оттуда послышался крик. Добравшись до края опушки, она их увидела. Кевина и свою лучшую подругу. Он стоял на коленях, в истерике. Мая развернулась и направилась прочь, прошла между деревьями и вдруг резко остановилась, заметив Ану. Девочки посмотрели друг другу в глаза. Потом молча обнялись и ушли домой.

На следующий день рано утром Ана вернется в лес и заберет патрон. Она положит его на место, туда, где отец хранит боеприпасы. Если ее когда-нибудь спросят, где она была той ночью, она скажет: дома. Если ее когда-нибудь спросят, что в ту ночь делала ее подруга, она скажет: «Не знаю, к сожалению, я ничего не видела».

Дверь в ледовый дворец открылась. Внутрь запрыгнул парень на костылях. Петер вышел из раздевалки и повернул было в другую сторону, но удивленно остановился.

– Беньямин…

Он не знал, что сказать дальше. Он всегда терялся в подобных ситуациях. Поэтому спросил только:

– Как нога?

Беньи посмотрел мимо него, на площадку. Как и все, кто обожает последний сантиметр, отделяющий пол ото льда, он уже отсюда слышал взмахи крыльев. Зрачки снова сфокусировались на Петере.

– К первому матчу основной команды заживет. Если Суне решит, что я готов.

Петер нахмурил брови.

– Беньи… – начал он, неловко покашливая, – слушай… мы не сможем платить зарплату основной команде… да господи, осенью у нас и клуба-то, возможно, не будет.

Беньи покачнулся, перенес вес на ногу. На этот раз на здоровую.

– Я просто хочу играть.

Петер рассмеялся:

– Черт возьми, Беньи, с твоим талантом, с твоим сердцем, ты же можешь кем-то СТАТЬ. Я серьезно. Через пару лет ты мог бы играть на элитном уровне. В Хеде соберется потрясающая команда, с хорошей

финансовой поддержкой… Там куда больше возможностей для развития.

Беньи равнодушно пожал плечами. Ответил коротко и бескомпромиссно:

– Я из Бьорнстада.

Когда в тот год откроют детскую хоккейную школу, тренерами назначат четырех подростков. Они встанут в центральном круге, раскрашенном в цвета клуба: зеленый, белый и коричневый, как лес, лед и земля. Это место породило хоккейный клуб, такой же, как оно само: суровый и непрошибаемый, как в любви, так и во всем остальном.

Подростки посмотрят на медведя у себя под ногами. В детстве они боялись его, боятся временами и сейчас. Амат, Закариас, Бубу и Беньямин: двоим только что исполнилось шестнадцать, двоим скоро восемнадцать. Через десять лет двое из них будут профессионалами. У одного родится ребенок. Одного не будет в живых.

У Беньи зазвонил телефон. Он не ответил. Телефон зазвонил снова, он достал его и посмотрел на номер. Глубоко и резко вдохнув, выключил аппарат.

На автобусной остановке стоял басист. Он в последний раз набрал все тот же номер. Потом взял чемодан, сел в автобус и уехал. Он никогда сюда не вернется, но через десять лет он случайно увидит по телевизору лицо Беньямина и сразу все вспомнит. Кончики пальцев, глаза. Стаканы на видавшей виды барной стойке и сигаретный дым в безмолвном лесу. Вспомнит ощущение, которое оставляет на коже мартовский снег, и как мальчик с грустными глазами и безумным сердцем учил его кататься на коньках.

Когда дети высыплют на лед и, переступив через тот самый сантиметр, потеряют равновесие, мальчики в центре расхохочутся и помогут им подняться. Объяснят: для того чтобы затормозить, не обязательно со всей скорости врезаться лицом в борт.

Никто из тренеров не увидит первого шага, который сделает на льду последний ученик. Ей четыре года – маленький тощий птенчик в слишком больших перчатках. Вся в синяках – таких, которые все видят, но о которых никто не спрашивает. Шлем сполз на лицо, но глаза видны.

Адри и Суне пойдут за ней, готовые, если что, подхватить, но вскоре поймут, что это не требуется. В следующем сезоне четверо подростков,

которые сейчас стоят в центре, соберут новую основную команду, но это не будет иметь никакого значения, потому что отнюдь не их имена зазвучат через десять лет в этом городе, заставляя местных жителей гордо расправлять плечи.

Все будут хвастаться, привирая, что были там и видели все своими глазами. Девочку, которая станет самым талантливым игроком за всю историю клуба. Ее первые шаги на льду. Все будут говорить, что с самого начала все знали.

Ведь медведя здесь узнают издалека.

А цветущая вишня всегда пахнет вишней.

Так всегда бывает в хоккейных городах.

Благодарности

Начну с тех, кто помог мне с самыми трудными частями этой истории, но по разным причинам просил не упоминать здесь их имен. Я вам неслыханно обязан.

Специальный признательный поклон адресован всем тем хоккеистам, капитанам и тренерам команд, судьям и родителям, которые разрешили мне посещать матчи и тренировки и задавать разные странные вопросы.

Особые благодарности – моему другу и коллеге **Никласу Натт-о-Дагу**, моему издателю **Софии Браттселиус Тунфорс**, моему редактору **Ванье Винтер** и моему агенту **Туру Юнассону**. Помимо моих родных, вы сыграли важнейшую роль в появлении этой книги. Спасибо за вашу поддержку до самого конца.

Затем я хотел бы выразить глубочайшую признательность следующим лицам, без помощи которых все это так и осталось бы идеей и кучей бумаги: это **Тобиас Старк**, историк хоккея на кафедре спортивных исследований при университете Линнеус; **Исабель Болтенстерн** и **Юнатан Линдквист** – неисчерпаемые источники информации и прикольные ребята, строгие, но справедливые критики, не побоявшиеся уязвить нежное писательское «я»; **Эрика Хольст, Йон Линд, Юхан Форсберг, Андреас Хаара, Ульф Энгман** и **Фредрик Гладер** – хоккейные эксперты, неслыханно щедро уделявшие мне свое время, когда в моей голове были только смутные идеи; **Андерс Далениус** – за поучительные беседы о собаках и ружьях; **София Б. Карлссон** – за пространные разговоры и остроумные ответы о спорте и жизни; **Роберт Петтерссон** – за дли-и-и-ительное и терпеливое общение по имейлу; **Аттила Терек** – за специальные познания в области химии; **Исак** и **Расмус** из ***Monkeysports*** в Сёдертелье, ведь вы позволили мне целый день болтаться в магазине и расспрашивать по хоккейное снаряжение; **Лина «Рысь» Эклунд** и клуб единоборств ***Pancrase Gym*** – за то, что разрешили мне посетить занятия и рассказали о вашем любимом спорте; **Юхан Силлен** – за то, что никогда не заставлял долго ждать твоей оценки. А кроме того, всем экспертам в юриспруденции, что выстроились вдоль моего пути и тыкали пальцем в детали и формулировки, и всем вам, кто так или иначе читал, думал и оценивал куски рукописи, когда я вам их присылал. Вас слишком много, чтобы упомянуть тут списком, но я хочу, чтобы вы помнили: я помню.

Также благодарю **Анну Свенссон** и **Лину Коберг Стене** из ***Kult PR*** за

тяжкий труд и громкий хохот во время безумных автограф-сессий, и **Карин Валлен** за все остальное: приключения, идеи, горячие споры и кружные маршруты по ларькам с хорошими хот-догами. **Нильса Ульсона** – за время и энергию, потраченные на четыре варианта обложки, чтобы книга получила шанс произвести впечатление при первом же взгляде. **Эрик Тунфорс**, ты уловил многое из того, что я хотел сказать о «Бьорнстад-Хоккее», когда сделал для меня медведя. ***Salomonsson Agency*** – за то, что вы мне позволили увидеть мир. **Пелле Сильвебю, Бенгт Карлссон** и **Кристина Тулин** – за то, что следите за порядком с бумагами. **Оскар Уллеруп**, за детский хит-лист (и другие замечательные штуки, которые я, возможно, успел у тебя стащить). **Риад Хаддуче, Юнес Яддид** и **Эрик Эдлунд**, спасибо за все, что вы мне дали, и все, через что мы вместе прошли за почти двадцать лет нашей дружбы.

Наконец, я бы хотел, конечно, поблагодарить всех сотрудников издательства ***Piratförlaget***, поверивших в мой замысел. Прежде всего **Анн-Мари Скарп**, которая послушала меня и согласилась, **Анну Хирви Сигурдссон**, всяко-разно крутившую и вертевшую куски этого текста, и **Маттиаса Бустрёма**, который мне ответил на имейл среди ночи в июле, когда я слетел с катушек.

Ну а самое главное – моих детей. Спасибо, что вы честно ждали, пока я с этим управлюсь. Вот теперь-то мы сыграем в *Minecraft*!

---

notes

Сноски

1

В Швеции действует государственная монополия на алкоголь, его можно приобрести лишь в специальных магазинах. В супермаркетах продается только слабоалкогольное пиво. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

В Швеции есть традиция давать детям сладости только по субботам. Она возникла в 50-е годы прошлого века: тогда ученые решили, что есть сладкое в неограниченных количествах раз в неделю менее вредно, чем понемногу каждый день.

3

По традиции на церковной свадьбе по одну сторону прохода сидят родственники жены, по другую – мужа. Если все родственники сидят вместе, значит, молодожены тоже состоят в родстве.

4

Проблем за пределами площадки (*англ*.).